

2024

Том 15. № 4

2024. Vol. 15. No. 4

DOI: [10.19181/vis.2024.15.4](https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.4)

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik-isras.ru

Тема номера:

**Стратификационные
процессы и социальное
самочувствие**

/Российский средний класс

/Субъективное благополучие россиян

/Региональная миграционная политика

/Отечественный кинематограф

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 4'2024

Рецензируемый сетевой научный журнал
Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2024. Том 15. № 4
DOI: 10.19181/vis.2024.15.4

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Главный редактор: М. К. Горшков
Заместители главного редактора: П. М. Козырева, О. В. Аксенова
Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.
Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 73108:
Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Год регистрации: 2018 г.

© Вестник Института социологии, 2024
© Vestnik instituta sotziologii, 2024

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН,
Научный руководитель ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН, начальник Управления координации Программы развития ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

АКСЕНОВА Ольга Владимировна – доктор социологических наук, руководитель Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доцент социологического факультета ГАУГН (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич – доктор социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: damdin80@mail.ru

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Алексантери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КУЧЕНКОВА Анна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра методологии социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель Отдела исследований социально-политических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальных технологий Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС (Орел, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЦЭЦЭНБИЛЭГ Цэвээний – Ph.D., ассоциативный профессор, главный научный сотрудник Отдела социологии Института философии АН Монголии (Улан-Батор, Монголия)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Сеул, Республика Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Academic Coordinator of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Olga V. AKSENOVA, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center for the Study of Russian Regions of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: illai@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Members of the Editorial Board

Damdin D. BADARAEV, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS (Ulan-Ude, Russia)

E-mail: damdin80@mail.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanitarian and Social Sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, Republic of Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the Department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Markku KIVINEN, Professor of Sociology, Research Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Anna V. KUCHENKOVA, Candidate of Sociological Science, Senior Researcher, Center for Sociological Research Methodology, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

Oleg M. MIKHAILENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration Under the President of the Russian Federation, Altai Branch, Central Russian Institute of Management (Barnaul, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, Professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Tseveen TSETSENBILEG, Ph.D., Associate Professor, Principal Researcher of the Department of Sociology of the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Содержание

EDN: [HQRUNA](https://doi.org/10.26907/2542-0402.2024.4.10-255)

О Выпуске	10
<i>Аксенова О. В.</i> Реальность и конструкт в российском обществе	10
Тема номера:	
Стратификационные процессы и социальное самочувствие	16
<i>Беляева Л. А.</i> Средний класс в современной России: теоретическая конструкция стала реальностью?	16
<i>Белопашенцева П. В., Слободенюк Е. Д., Мареева С. В.</i> Объективная и субъективная бедность в России: что принесли последние 20 лет	34
<i>Сушко П. Е.</i> Специфика субъективного благополучия россиян из разных типов поселений	60
<i>Бараш Р. Э.</i> Представления россиян о ключевых составляющих качества жизни и социальной справедливости: срез общественного мнения в 2024 г.	82
<i>Киселев И. Ю., Загребин В. В., Овчинникова Н. В.</i> Подготовка россиян к выходу на пенсию с точки зрения концепции активного долголетия (на примере Ярославской области)	110
<i>Бальбот Н. А., Крыштановская О. В.</i> Роль «третьего сектора» в политической карьере мужчин и женщин в России	133
Проблемы социальной интеграции	155
<i>Волков Ю. Г.</i> Восприятие гражданами исторической справедливости в современном социокультурном и политическом контекстах	155
<i>Данилова Н. М.</i> Миграционная политика в Нижегородской области: субъекты и управленческие практики	171
Риски социальных метаморфоз	192
<i>Ларина Т. И.</i> О взаимосвязи эмоционального интеллекта и личностных черт с отношением к сенситивной теме (на примере проблемы домашнего насилия)	192
<i>Лебедева О. Н., Подлесная М. А.</i> Об особенностях мотиваций специалистов IT-отрасли в условиях кризиса	213
<i>Позднякова М. Е., Брюно В. В.</i> Развитие информационно-сетевой среды и девиантное поведение: киберпреступность как новая социальная угроза	235
<i>Марин Е. Б.</i> Протестное сознание и протестная культура молодежи российского Дальнего Востока	255

Социология науки	282
<i>Амбарова П. А., Шаброва Н. В., Кеммет Е. В.</i>	
Научный руководитель и научный наставник: обновление старых ролей и смыслов	282
<i>Левченко Н. В., Роговая А. В. Кинематограф как предмет</i>	
социологической рефлексии: анализ научных публикаций	303
Социология религии.....	324
<i>Островская Е. А., Бадмацыренов Т. Б. Российский буддизм,</i>	
традиционные ценности и публичная медиасфера	324
С рабочего стола социолога	345
<i>Наберушкина Э. К., Судоргин О. А., Сидоренко С. В., Радченко Е. А.</i>	
Особенности восприятия общественных пространств маломобильными москвичами (на примере двух городских локаций) .	345

Contents

About the Issue	8
<i>Aksenova O. V.</i> Reality and construct in Russian society	10
Theme of the issue: Stratification processes and social well-being	16
<i>Belyaeva L. A.</i> The middle class in modern Russia: has the theoretical construction become a Reality?	16
<i>Belopashentseva P. V., Slobodenyuk E. D., Mareeva S. V.</i> Objective and subjective poverty in Russia: what the last 20 years have brought	34
<i>Sushko P. E.</i> Specificity of subjective well-being of Russians from different types of settlements.....	60
<i>Barash R. E.</i> Russians' perceptions of key components of the quality of life and social justice: a cross-section of public opinion in 2024	82
<i>Kiselev I. Yu., Zagrebin V. V., Ovchinnikova N. V.</i> Preparing Russians for retirement from the perspective of the active longevity concept (based on the Yaroslavl region).....	110
<i>Balbot N. A., Kryshтанovskaya O. V.</i> The role of the "Third Sector" in the political careers of men and women in Russia.....	133
Problems of social integration	155
<i>Volkov Yu. G.</i> Citizens' perception of historical justice in the modern socio-cultural and political contexts	155
<i>Danilova N. M.</i> Migration policy in the Nizhny Novgorod region: subjects and management practices.....	171
Risks of social metamorphosis.....	192
<i>Larina T. I.</i> On the relationship between emotional intelligence and personality traits with attitudes toward a sensitive topic (using the problem of domestic violence as an example).....	192
<i>Lebedeva O. N., Podlesnaia M. A.</i> Peculiarities of motivations of IT specialists in crisis conditions	213
<i>Pozdnyakova M. E., Bruno V. V.</i> Development of the information and network environment and deviant behaviour: cybercrime as a new social threat	235
<i>Marin E. B.</i> Protest consciousness and protest culture of the young people of the Russian Far East.....	255

Sociology of Science	282
<i>Ambarova P. A., Shabrova N. V., Kemmet E. V.</i> Scientific supervisor and scientific mentor: updating old roles and meanings	282
<i>Levchenko N. V., Rogovaya A. V.</i> Cinema as a subject of sociological reflection: analysis of scientific publications	303
Sociology of Religion.....	324
<i>Ostrovskaya E. A., Badmatsyrenov T. B.</i> Russian Buddhism, traditional values, and the public media sphere	324
From the sociologist's desk.....	345
<i>Naberushkina E. K., Sudorgin O. A., Sidorenko S. V, Radchenko E. A.</i> Peculiarities of public spaces perception by muscovites with limited mobility (based on two urban locations)	345

О ВЫПУСКЕ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.1

EDN: ZGMLOE

Реальность и конструкт в российском обществе

Ссылка для цитирования: Аксенова О. В. Реальность и конструкт в российском обществе // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 10–15. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.1; EDN: ZGMLOE.

For citation: Aksenova O. V. Reality and construct in Russian society. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 10–15. DOI: DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.1; EDN: ZGMLOE.

Дискуссии о том, сконструирован ли социальный мир человеком или он существует на самом деле в социологии практически перманентны, а победы в них временны. В итоге современная социологическая теория содержит все сразу: объективное существование структур и институтов, вымышленную реальность конструктов, зыбкость бессодержательных симулякров, и даже то, чего еще вовсе нет, но оно уже зафиксировано в концепциях постгуманизма. Для интерпретации происходящего можно воспользоваться любым теоретическим инструментом или взять сразу несколько. Проблема, с нашей точки зрения, заключается в отсутствии отрефлексированных связей между ними, тогда как объективное и субъективное (в значении реального и субъективно воспринимаемого и/или сконструированного) взаимосвязаны и взаимообусловлены. Они способны превращаться, например, из конструкта в социальную реальность или наоборот; трансформируют реальность в конструкт, или существуют неразрывно. Эта сложная диалектика отчетливо прослеживается в статьях данного номера.

Его тема [«Стратификационные процессы и социальное самочувствие»](#) посвящена базовым проблемам социологии. В ней представлены результаты исследований разделения российского социума на страты, восприятие своей позиции в нем индивидами и социальными группами. Открывает ее статья [Л. А. Беляевой \(Москва\) «Средний класс в современной России: теоретическая конструкция стала реальностью?»](#). Средний класс был едва ли не самым обсуждаемым социологами предметом в первые десятилетия после распада Советского Союза. В этой статье представлена краткая ретроспектива исследований в постсоветский период и результаты анализа современного российского среднего класса с использованием авторской методики его выделения по трем критериям (уровень материального благосостояния, образование и самоидентификация со средним классом). Автор показывает, как средний класс из научной идеи стал реальностью, причем реальностью, обладающей достаточно специфическими чертами. Средний класс выбрал и для страны, и лично для себя особый, российский путь развития, практически отвергая вариации путей, которым следуют

западные общества, развитые мусульманские страны и Китай. При этом россияне «среднего класса» в большинстве своем считают, что Россия должна использовать все лучшее, что есть в опыте других стран, настаивают на необходимости демократических форм правления, соблюдении прав и свобод человека, прежде всего в экономической и социальной сферах. Иными словами, современный российский средний класс выбирает сочетание традиционных и гуманистических ценностей, при этом возвращаться в традиционно-аграрное общество не стремится.

Статья [П. В. Белопащенко, Е. Д. Слободенюк, С. В. Мареевой](#) (Москва) [«Объективная и субъективная бедность в России: что принесли последние 20 лет»](#) косвенно подтверждает выводы Л. А. Беляевой. Авторы выявляют сокращение численности объективно (по уровню дохода) и субъективно (по самооценке) бедных россиян с 2003 по 2024 гг. Снижение уровня объективной и субъективной бедности сопровождалось их расхождением между собой. Объективно бедные меньше отличаются по оценкам своего положения и возможностей в разных сферах от населения в целом. Бедные по самооценке характеризуются более высоким сравнительно с остальными россиянами уровнем пессимизма и тревожности. Объективно и субъективно бедные, как и остальные россияне, верят в светлое будущее для страны, но при условии ее особого пути. В данной работе весьма наглядна противоречивость единства объективной реальности (дохода) и субъективности ее оценки, причем последняя автономизируется в процессе конструирования и формирует вполне реальную социальную группу.

В статье [П. Е. Сушко](#) (Москва) [«Специфика субъективного благополучия россиян из разных типов поселений»](#) представлен анализ пространственного измерения субъективного благополучия. Автор показывает, что большинство респондентов оценивает удовлетворение их базовых потребностей и их социальный «микромир» (семья, друзья, профессиональная реализация, получение образования, досуг и т. п.) выше, нежели социальное благополучие, связанное со спецификой локального сообщества и условного «макромира» (оценки доступности Интернета и цифровых технологий, возможностей выражения политических взглядов, получения необходимой медицинской помощи и т. п.). При этом у жителей села оценка благополучия, связанного с местным сообществом, выше, чем у горожан. Жители всех населенных пунктов скептически оценивают уровень социальной защищенности в случае потери работы, в региональных столицах не удовлетворены экологической ситуацией, а на селе доступом к медицинской помощи.

В статье [Р. Э. Бараш](#) (Москва) [«Представления россиян о ключевых составляющих качества жизни и социальной справедливости: срез общественного мнения в 2024 г.»](#) показаны результаты исследования влияния кризисных условий на восприятие россиянами своего благосостояния. Автор приходит к выводу, что к сложным социально-экономическим и политическим проблемам российское общество эмоционально адаптировалось. Остро влияют на удовлетворенность граждан своим уровнем жизни структурные социальные неравенства: возрастные, имущественные, а также географические, особенно в вопросе доступа представителей различных социально-демографических групп к качественным медицинским услугам.

Кроме того, значимыми становятся нематериальные факторы, в первую очередь отношения с близкими людьми. Отмечается растущий социальный запрос на активную поддержку государства.

Статья [И. Ю. Киселева, В. В. Загребина, Н. В. Овчинниковой \(Ярославль\) «Подготовка россиян к выходу на пенсию с точки зрения концепции активного долголетия \(на примере Ярославской области\)»](#) посвящена изменениям, происходящим в понимании проблемы старения. Авторы показывают на материале полевого исследования в одном из субъектов РФ, что начался постепенный переход от отношения к пожилым как к объектам заботы в сторону политики активного долголетия, которая предполагает сохранение занятости, поддержание материального благополучия и здоровья на протяжении всей жизни. Но данная программа нацелена скорее на будущие поколения пожилых людей, так как предполагает определенную подготовку к периоду старения, в которую входит, в числе прочего, отказ от вредных привычек, поддержание физической активности, освоение различных экономических стратегий и т. п. Не исчезли барьеры, которые препятствуют изменению модели старения: экономическая нестабильность, отсутствие навыков финансовой грамотности, культуры заботы о здоровье и ряд других.

[Н. А. Бальбот и О. В. Крыштановская \(Москва\)](#) в статье [«Роль «третьего сектора» в карьере мужчин и женщин в России»](#) анализируют роль общественно-политической деятельности как социального капитала, который помогает мужчинам и женщинам кооптироваться в систему управления государством и преодолевать внутренние ограничения. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что третий сектор является кадровым резервом для политической системы страны. Но вертикальная мобильность в этой сфере имеет ряд гендерных различий. Для женщин социальным капиталом, позволяющим осуществить вертикальную мобильность, являются партийная карьера, опыт работы в системе общественных палат, участие в движении Народный фронт, а также в профессиональных и благотворительных НКО. Бизнес-сообщество стремится инкорпорировать своих членов в различные ветви власти, в том числе и через общественные организации, однако этот лифт действует в основном для мужчин.

Рубрика [«Проблемы социальной интеграции»](#) содержит две статьи, связанные с особо актуальной сегодня темой единства российского общества.

Статья [Ю. Г. Волкова \(Ростов-на-Дону\) «Восприятие гражданами исторической справедливости в современном социокультурном и политическом контекстах»](#) посвящена анализу особенностей восприятия российскими гражданами исторической справедливости, которое, по мнению автора, может выступать основанием согласования общественных интересов и создания идеологической системы координат, необходимой обществу в условиях кризиса и ценностных противоречий. Автор приходит к выводу о необходимости государственной политики, направленной на конструирование и усиление гражданской интеграции российского политического общества на основе интегрирующих нарративов. В основу

таких нарративов должна быть положена концепция преемственности отечественной истории, и они должны разворачиваться только на принципах культуры социально-политического и научного диалога.

[Н. М. Данилова](#) (Нижегород) в статье [«Миграционная политика в Нижегородской области: субъекты и управленческие практики»](#) анализирует региональную модель миграционной политики, которая рассматривается как комплекс управленческих практик. Проблема адаптации и интеграции мигрантов является весьма острой, но на сегодня отсутствует четкое определение данных понятий и действий по решению соответствующих задач. Кроме того, задачи адаптации на данный момент не входят в функционал профильных органов власти. Поэтому, как утверждает автор, в управленческие практики следует включать институты гражданского общества, как зарегистрированные объединения, так и неформальные диаспорные сообщества и создать в регионе профильное ведомство, отвечающее за разработку и реализацию мероприятий в рамках региональной миграционной политики.

Рубрика [«Риски социальных метаморфоз»](#) объединяет работы, так или иначе связанные с реакцией российского общества на социальные изменения последних лет и нарастающие угрозы, обусловленные разрушением глобального мира.

В статье [Т. И. Лариной](#) (Москва) [«О взаимосвязи эмоционального интеллекта и личностных черт с отношением к чувствительной теме \(на примере проблемы домашнего насилия\)»](#) представлен обзор результатов проведенного автором поискового эмпирического исследования, целью которого являлась проверка связи субъективных факторов, таких как эмоциональный интеллект, с отношением к чувствительным тематикам в социологических опросах (на примере проблемы домашнего насилия). Проверка подтвердила результативность использования психологической методики в социологических исследованиях. В результате получен весьма значимый вывод, что высокий уровень эмоционального интеллекта связан с неприятием домашнего насилия.

Статья [О. Н. Лебедевой](#) и [М. А. Подлесной](#) (Москва) [«Об особенностях мотиваций специалистов IT-отрасли в условиях кризиса»](#) представляет результаты авторского исследования действий IT-специалистов и технопредпринимателей в «ситуации–испытании», то есть начавшейся СВО и последовавших антироссийских рестрикций. Авторы предприняли попытку выявить связь между реакцией на «ситуацию–испытание» и тем, какое в итоге действие (релокация или отказ от нее) совершалось респондентами. Удалось провести ряд интервью с IT-специалистами, покинувшими страну после начала СВО и находящимися в данный момент за границей, а также с теми, кто отказался покидать Россию. В ходе исследования выяснилось, что действие респондентов регулировалось сложным сочетанием факторов. Отказ от релокации чаще всего был связан со значимостью семьи и иных ценностей, считающихся традиционными (патриархальными). Для успешных в России технопредпринимателей отказ от выезда за рубеж также оказался сопряженным с возможностью действовать в нестандартных условиях.

Проблема новых цифровых угроз рассматривается в статье [М. Е. Поздняковой и В. В. Брюно \(Москва\) «Развитие информационно-сетевой среды и девиантное поведение: киберпреступность как новая социальная угроза»](#). Авторы анализируют основные тенденции развития киберпреступности в России и ее специфику. Показано, что основными факторами роста киберпреступности является ее двойственная природа, проявляющаяся в одновременной организационной сложности и структурированности, с одной стороны, и гибкости и адаптивности – с другой. Выявлена новая этическая дилемма: в стремлении защитить общество от киберугроз расширяется государственный контроль в цифровой среде, что вызывает опасения за права на личную свободу и приватность, а это актуализирует проблему баланса между безопасностью и свободой, что требует политики, обеспечивающей прозрачность цифрового контроля.

Статья [Е. Б. Марина \(Владивосток\) «Протестное сознание и протестная культура молодежи российского Дальнего Востока»](#) посвящена не менее актуальной в условиях турбулентных перемен проблеме. Социальный протест одновременно является причиной конфликтов и сигналом наличия проблем, которые требуют срочного разрешения. Автор выделяет сторонников мирного и радикального протеста и приходит к выводу о том, что наиболее распространенной формой на сегодня является мирный тип, «культура петиций». Это означает, что диалог с властью рассматривается молодыми жителями дальневосточных регионов как вполне возможный.

Рубрика [«Социология науки»](#) представлена двумя статьями. В работе [П. А. Амбаровой, Н. В. Шабровой, Е. В. Кеммет \(Екатеринбург\) «Научный руководитель и научный наставник: обновление старых ролей и смыслов»](#) рассматриваются вопросы развития в российских вузах института научного наставничества, которое, по мнению авторов, должно опираться на научные представления о содержании ролей научного руководителя и научного наставника. Авторы показывают, что один из главных смыслов деятельности научно-педагогических работников – учить и исследовать – в условиях академической свободы входит в противоречие с бюрократической логикой развития современных вузов. Высокий уровень формализации образовательной и научно-исследовательской деятельности снижает возможности научного воспитания. Поэтому востребованной становится профессиональная роль научного наставника, реализуемая в слабо формализованном пространстве академической среды.

Работа [Н. В. Левченко и А. В. Роговой \(Москва\) «Кинематограф как предмет социологической рефлексии: анализ научных публикаций»](#) посвящена нетривиальной социологической субдисциплине – социологии кино. Авторы анализируют статьи о кинематографе в ведущих российских социологических журналах, начиная с 1976 г. по настоящее время. Ретроспектива позволяет выявить социологические интерпретации меняющегося предмета исследований и основные тенденции в развитии социологии кино. Особое внимание уделено исследованиям кино регионального и этнического. По мнению авторов, в современной российской социологии наблюдается нехватка теоретического и методологического анализа социологических исследований о значении кинематографа для российского общества.

В рубрике [«Социология религии»](#) представлена вторая часть работы [Е. А. Островской](#) (Санкт-Петербург) и [Т. Б. Бадмацыренова](#) (Улан-Удэ) «Сетевые технологии как инструмент самопрезентации малых религиозных групп (кейс новых для России направлений буддизма)», опубликованной в предыдущем номере. Эта часть называется [«Российский буддизм, традиционные ценности и публичная медиасфера»](#). Статья посвящена анализу общественного вклада буддийских гражданских инициатив. Авторами выявлены основные направления гражданских инициатив российских буддистов: создание медиа-ниши традиционного буддизма в публичной сфере российского общества; медиация отношений между традиционным буддизмом и политико-правовой, и научно-образовательной подсистемами российского общества.

С этого выпуска было решено ввести новую рубрику [«С рабочего стола социолога»](#). В ней будут размещаться материалы, позволяющие увидеть сам процесс социологической рефлексии, осмысления уже полученных данных, или результатов пилотного исследования, предваряющего большой проект. В данной рубрике представлена статья [Э. К. Наберушкиной, О. А. Судоргина, С. В. Сидоренко и Е. А. Радченко](#) (Москва) [«Особенности восприятия общественных пространств маломобильными москвичами \(на примере двух городских локаций\)»](#). Авторы предлагают рассматривать Москву как сложное пространство, включающее в себя «старые», исторически сложившиеся, и «новые», современные территории, которые не имеют четкой районированности. Доступность «старого» московского пространства рассматривается на примере станции метро «Аэропорт», нового – на примере парка «Зарядье». Проблемы с инклюзивностью обнаруживаются в обоих случаях, несмотря на то что современное проектирование учитывает ее требования. Анализ и размышления над его результатами приводят авторов к выводу о необходимости широкого исследования множества различных групп постоянно и временно мобильных горожан, их интересов, приоритетов, ценностных установок и перспектив согласования этих интересов при проектировании современной городской среды, в особенности в таком сложном пространстве как московское.

В заключение отметим, что статьи данного выпуска наглядно демонстрируют тенденцию к сглаживанию реальных неравенств и некоторому снижению субъективно конструируемых. Пожалуй, наибольшую тревогу вызывает сегодня сфера здравоохранения, проблемы которой отмечены в нескольких работах. Российское общество в целом и его отдельные группы адаптируются к возникающим рискам и вызовам, сохраняется возможность усиления его интегрированности, а протестность большей частью носит мирный характер. Более того, исследователи выявили практически консолидированную ориентированность российских граждан на особый российский путь развития, отличный от условных Запада и Востока, в котором, однако, традиционные ценности не означают возврата к традиционно-аграрному обществу, но сочетаются с ценностями развития и гуманизма.

ТЕМА НОМЕРА

СТРАТИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.2

EDN: YRNUXD

Средний класс в современной России: теоретическая конструкция стала реальностью?¹

Ссылка для цитирования: *Беляева Л. А.* Средний класс в современной России: теоретическая конструкция стала реальностью? // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 16–33. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.2; EDN: YRNUXD.

For citation: Belyaeva L. A. The Middle Class in Modern Russia: Has the Theoretical Construction Become a Reality? *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 16–33. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.2; EDN: YRNUXD.

SPIN-код: 1122-4651

Беляева Людмила Александровна¹

¹Институт философии РАН,
Москва, Россия

bela46@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются три ракурса изучения среднего класса в современной России. Первый ракурс представлен кратким экскурсом в историю развития исследований среднего класса в постсоветский период. Второй ракурс посвящен рассмотрению методологических вопросов изучения среднего класса, критериев его выделения в социальной структуре российского общества и определение на этой основе количественных характеристик среднего класса. Третий ракурс представлен результатами анализа среднего класса в соответствии с авторской методикой его выделения по трем критериям – материальный уровень жизни, образование и самоидентификация со средним слоем. Методика применяется к анализу среднего класса с использованием данных всероссийского мониторинга, проводимого Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН с 1990 г. по настоящее время. Она позволяет проследить динамику среднего класса в постсоветский период, его состав по профессиональным характеристикам, сферам занятости, стратегиям в трудовой деятельности и другим аспектам. Последняя волна мониторинга (лето 2023 г.) была сфокусирована на отношении населения к выбору пути, по которому должна идти страна и на самоидентификации респондента с той или иной моделью развития России. Средний класс в своем большинстве (67%) выбрал и для страны и лично для себя особый, российский путь развития, практически отвергая путь, которым

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 23-28-00539 «Ценности и интересы населения России в условиях цивилизационных вызовов (восьмая волна всероссийского мониторинга)».

следуют западные общества, развитые мусульманские страны и Китай. При этом на втором месте (30%) мнение, что Россия должна использовать все лучшее, что есть в опыте других стран. Одновременно респонденты заявили себя сторонниками демократических форм правления, настаивают на соблюдении прав и свобод человека, прежде всего в экономической и социальной сферах, как наиболее близких повседневным интересам людей. По результатам исследования был сделан вывод, что большинством россиян, и особенно средним классом, самобытный путь для России понимается как путь суверенного государства, основанного на традиционных и гуманитарных ценностях, и отнюдь не означает желания жить в традиционном обществе, которое утратило многие свои черты под воздействием десятилетий модернизации.

Ключевые слова: массовые слои, средний класс, индикаторы, старый, новый средний класс, состав по профессиям, сферы занятости, стратегии в труде, цивилизационные предпочтения

Образ среднего класса очаровал не только исследователей в России, но и население страны, когда наступили рыночные реформы 1990-х гг. и все общество пришло буквально в движение, перемещаясь по ступеням иерархической пирамиды. Для большинства социальный лифт стремительно пошел вниз, небольшая часть общества стала бороться за свое новое место под рыночным солнцем, а «избранные» получили то, что и не ожидали получить, находясь вблизи центров принятия решений. В этих условиях идеологическая конструкция среднего класса, составляющего привилегированное большинство в развитых капиталистических странах, грела сердца миллионеров, мечтающих оказаться в его составе и заодно сразу обрести комфортную жизнь без дефицитов и ограничений свободы перемещений по миру. Можно сказать, что эти надежды постепенно претворялись в жизнь, но не без сложностей и попятных движений. Одновременно исследователи, прежде всего социологи и экономисты, активно разрабатывали тематику среднего класса, выстраивали методики его выявления в составе общества, предлагали перечень его признаков и атрибутивных свойств, которыми он должен обладать. Не остался в стороне и автор этих строк, одним из первых среди социологов сформулировавший проблему формирования среднего класса еще в условиях советского общества и критериев, по которым можно его распознать и выделить в отдельную социальную группу [7; 8; 9]. Для начала постсоветской эпохи характерно, что редакторы в журналах старательно избегали в начале 1990-х гг. применять термин «средний класс», боясь обвинений в марксистской идеологии, и предлагали называть эту категорию населения «средний слой». Тем не менее, все более широко распространялись идеи, что средний класс станет мотором модернизации и стабилизации общества, которое будет развиваться в русле либеральных реформ, прежде всего в силу экономических интересов, профессиональной подготовленности последнего и желания следовать западным жизненным стандартам. В этот период в большинстве публикаций по среднему классу было больше декларативности, чем анализа и прогноза, но в ряде статей актуальный анализ становления среднего класса сочетался с историческим экскурсом и анализом перспектив

его экономического и политического бытия в России. Так, политические аспекты формирования среднего класса в российском обществе и вопросы его становления довольно подробно были рассмотрены в статье В. И. Умова «Российский средний класс: социальная реальность и политический фантом», увидевшей свет в 1993 г. [25]. Автор сделал некоторые интересные заключения о среднем классе, предлагая свой взгляд на будущее среднего класса в России как экономического и политического субъекта. Так, он отмечал, что границы среднего класса – это динамические границы, он в своем развитии как бы «дышит»: то сжимается, то вбирает в себя новые группы и индивидов. «Средний класс – это сложное *единство самостоятельных и наемных категорий* экономически активного населения». В его «постиндустриальной» структуре мелкобуржуазная – традиционная – компонента малосущественна и не определяет его облик и роль в обществе. Наемные работники в составе среднего класса – это квалифицированные профессиональные группы, порожденные массовизацией институтов образования и информации как одной из форм власти в обществе модерна. На счет несформированности среднего класса в России Умов относил неудачи модернизационного развития, политический хаос и социальную напряженность начала 1990-х гг. Эти неудачи, по его мнению, есть продолжение исторического процесса, который характерен для России, вступившей в XIX в. модернизации с минимальным ядром среднего класса, не развившегося в полноценный и многочисленный по причинам политического характера – революций, сталинской политики великого перелома, псевдомодернизированной социальной структуры общества, застывшей в своем развитии на десятилетия. Умов связывал становление централизма в политике с возникновением сильного среднего класса, который способен устранить политическую поляризацию и выполнить функции стабилизирующего и интегрирующего начала в обществе. Наиболее перспективными направлениями становления среднего класса этот автор считал появление лиц свободных профессий, предпринимателей в мелкопромышленном секторе, работников информационной сферы, у которых должны сформироваться своя особая система ценностей, трудовая и профессиональная этика, нормы цивилизованного экономического и политического поведения.

Посмотрим далее, что произошло со средним классом в России за 30 лет, прошедшие после написания указанной статьи. К концу этого периода интерес к проблеме у исследователей постепенно угасал, сохранившись преимущественно у тех, кто продолжал вести сопоставимые эмпирические исследования в этой области, что давало возможность проследить динамику становления среднего класса, выявлять новые грани его мировоззрения и функций. К таким «стойким» сторонникам этого направления относится и автор данной статьи [4; 5].

Анализ среднего класса относится к тем исследовательским задачам, которые могут пролить свет на специфику российской модели социальной стратификации, на уровень ее устойчивости к внешним и внутренним воздействиям. Внимание к среднему классу стимулировало изучение изменений социальной структуры постсоветского общества.

Средний класс – многозначность понятия, многослойность состава

Начиная обсуждать такое понятие, как средний класс, большинство исследователей вспоминают мысль Аристотеля: «В каждом государстве есть три составные части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посередине между теми и другими. Так как, по общепринятому мнению, умеренность и середина – наилучшее, то, очевидно, и средний достаток из всех благ всего лучше. При наличии его легче всего повиноваться доводам разума; напротив, трудно следовать этим доводам человеку сверхпрекрасному, сверхсильному, сверхзнатному, сверхбогатому или, наоборот, человеку сверхбедному, сверхслабому, сверхуниженному по своему общественному положению» [21]. Устойчивость общества и государства Аристотель связывает с преобладанием в нем среднего слоя. Многие авторы считают Аристотеля первым, кто обратил внимание на средние слои в обществе, но есть суждение, что первым все же был драматург Еврипид, сделавший это почти на 100 лет раньше. В своей трагедии «Умоляющие» он вложил в уста Фесея, мифологического идеального царя Афин, следующее рассуждение: «Есть три класса граждан. Одни – богачи, от них нет пользы, и они вечно стремятся к увеличению своего достатка. Другие – неимущие и лишенные необходимых средств к существованию: они опасны своей завистливостью и направляют злое жало против имущих, поддаваясь обманчивым речам дурных вожakov. Из трех классов спасение государства только в среднем классе, который охраняет установленный государственный порядок»¹.

В средние века в Европе зарождается протосредний класс – буржуазия, обладающая некоторой материальной независимостью от государства и формирующая собственную систему ценностей. Внимание исследователей к этой увеличивающейся категории населения возникло в XIX в. и расширилось в XX в., что связано с развитием промышленности, науки, образования и сферы услуг, со становлением капиталистических отношений, разрушающих традиционную сословную структуру. В классовой теории К. Маркса средние классы рассматривались в контексте противостояния рабочего класса и класса капиталистов. По мнению Маркса, их основная функция состоит в том, что они «во все возрастающем объеме кормятся большей частью непосредственно за счет дохода, ложатся тяжким бременем на рабочих, увеличивают социальную устойчивость и силу верхних десяти тысяч». Российский исследователь творчества Маркса пишет: «у Маркса имеется собственное видение экономической специфики «средних классов» и некое предвидение их развития. Далекое от революционистских ожиданий, это понимание наполнено суровым социальным критицизмом. Реализм теоретический сопровождается у Маркса резко негативными оценками наличного бытия «средних классов» и ожидающего их будущего» [3].

¹ Античная литература. Еврипид. URL: <http://antique-lit.niv.ru/antique-lit/tronskiy-i-m/evripid.htm> (дата обращения: 12.05.2024).

С началом XX в., когда исследователи (П. Сорокин [23], М. Вебер [10], Л. Уорнер [26; 27], У. Райт Миллс [31] и другие социологи) обратились к изучению иерархического строя общества, основываясь на комплексе критериев (собственность, власть, статус, престиж, репутация), изучение среднего класса переходит в плоскость поиска признаков, количественных оценок, качественных характеристик, ценностных ориентаций, мировоззрения среднего класса и его роли в развитии общества. Вместе с тем признается, что средний класс не автоматически является состоятельным и независимым от государства и не всегда он – опора демократии, что показала, например, ситуация в Германии и Италии перед Второй мировой войной. У него не существует единых стандартов ментальности и поведения в силу того, что составляют его люди разных занятий и социального положения: управленцы, служащие, специалисты-профессионалы, менеджеры, мелкие предприниматели, лица свободных профессий и др.

Таким образом, этот слой может рассматриваться, с одной стороны, как социальная конструкция, создаваемая исследователями для того, чтобы понять, из каких более-менее однородных элементов состоит общество, чтобы уяснить его иерархическое строение с учетом неоднородности состава и определить место в иерархии слоя, располагаемого между элитой и бедными. С другой стороны, признается, что это – реальная социальная общность сложного состава, динамично развивающаяся по мере модернизации общества, обладающая материальным уровнем жизни, отличающим ее как от элиты, так и от бедных слоев. У представителей этой группы близкое, но не единообразное мировоззрение и система ценностей. Средний класс относится к такой части населения, которая успешно адаптируется в условиях рыночной экономики и в силу ее стремления к укреплению своего благосостояния и благополучия, заинтересована в стабильности общества. По своему материальному положению и образу жизни средний класс – это более престижная и референтная группа по отношению к рабочему классу и другим нижележащим слоям.

В выделении этих двух подходов – конструктивистско-аналитического и практически-аналитического заложен единый смысл – выявить и проанализировать некий коллективный субъект, который был бы заинтересован в стабильности общества и в то же время в его развитии, имеет способности вести диалог с институциональной средой и с элитой, ориентирован на собственные достижительные стратегии в реально существующих общественных условиях.

Анализ среднего класса со структуралистских позиций позволяет выделять в его составе профессиональные компоненты, иерархические слои, слои по адаптационным способностям к конкретной социально-экономической среде, по культурным и социально-психологическим критериям, образу жизни, другим параметрам. В современных российских условиях явно недостаточно внимания уделяется анализу изучения у среднего класса качеств социального актора модернизационных преобразований, в том числе его «вписанности» в актуальную социально-экономическую политику элиты и государства.

Средний класс, как и большинство социальных общностей, неоднороден по целому ряду социальных признаков. Э. Гидденс и другие исследователи выделяют старый средний класс – представителей малого бизнеса, владельцев небольших магазинов, мелких фермеров; высший средний класс – менеджеров и специалистов высокого уровня. Большинство последних имеют высшее образование и среди них довольно высокая доля людей с либеральными взглядами. Третья группа – низший средний класс, еще более неоднородная категория: конторские служащие, продавцы, учителя, медсестры и множество других [11]. Э. Гидденс подчеркивает различия в социально-политическом мировоззрении и поведении этих компонентов среднего класса.

Российские исследователи активно используют веберовский многомерный подход – стратификационную триаду (собственность, престиж, власть), часто варьируя эти и добавляя другие признаки [12; 13; 14; 15; 16; 18; 24]. Кроме признаков, имеющих количественное выражение, используются и подходы с опорой на культурные и социально-психологические критерии [17; 22]. При этом явно слабо исследуются политические и идеологические воззрения среднего класса, его дифференциация по приверженности тем или иным направлениям цивилизационного и политического развития общества. Между тем эти вопросы приобрели особую актуальность в современный период трансформации России.

Критерии выделения и численность среднего класса в России

На рубеже веков все больше российских исследователей стали задаваться вопросом, как выделить средний класс, на каких критериях основать его определение и как изучать его на основе эмпирического материала, а не только теоретических конструкций или самоидентификаций граждан. Выделение среднего класса на основе дохода было широко распространено. За основу брались средний доход, или медианный доход, или методика Всемирного банка, по которой к среднему классу относятся те, у кого доход находился в интервале от 70 до более 150% национального медианного дохода. Внутренняя градация среднего класса проходила по следующим интервалам: низшие средние классы: между 70 и 100% медианного дохода, высшие средние классы: между 100 и 150% национального медианного дохода. Для высших классов (не средних) граница устанавливалась выше 150% национального медианного дохода. Такой подход позволяет сравнивать страны между собой по доле среднего класса, но он не учитывает другие компоненты уровня жизни и источники дохода – трансферты, расходы на жилье, наличное имущество, косвенные налоги и т. д. Оценка среднего класса на национальном уровне также должна учитывать некоторые важные нюансы, а именно, базу для сравнения – или размер медианного дохода, или МРОТ (минимальный размер оплаты труда), или МПЖ (минимальный прожиточный минимум). Эти

показатели часто используются как база для определения численности среднего класса. Насколько низкий уровень этих индикаторов в России, казалось бы, знают все. Но совсем еще недавно прозвучало из уст вице-преьера России удивление, что минимальная зарплата в стране (МРОТ, равный 7 500 руб. в месяц) ниже прожиточного минимума трудоспособного человека (10 678 руб. в месяц в III квартале 2016 г.). Оказалось, что 4,9 млн чел. в стране живут на МРОТ¹. Эти данные к настоящему времени изменились в лучшую сторону. С 1 января 2024 г. величина прожиточного минимума в целом по РФ на душу населения установлена в размере 15 453 руб., для трудоспособного населения – 16 844 руб., пенсионеров – 13 290 руб., детей – 14 989 руб. В начале 2024 г. минимальный размер оплаты труда в России увеличится на 18,5%: с 16 242 до 19 242 руб. в месяц, став выше прожиточного минимума². Вместе с тем остается проблема недостаточного уровня жизни для значительной части населения, связанная с низкими доходами из всех источников. Соответственно база для выделения среднего класса по доходам также невысокая. Поэтому нужно при оценке среднего класса по доходу в размере 70% населения понимать, что наш средний класс – это российский средний класс, который в основной своей массе (кроме верхнего слоя) не сопоставим со средним классом многих других европейских стран и не располагает их ресурсами.

Для социологов характерен более сложный, комплексный подход в выделении среднего класса. Н. Е. Тихонова в неовеберианской традиции использует совмещение нескольких критериев – срединные позиции в иерархиях власти, собственности, текущих экономических возможностей/образа жизни и обусловленного ими престижа. В основу методики выделения представителей среднего класса принимается профессиональный статус человека, совмещенный с наличием диплома о высшем образовании [24].

Одно из последних опубликованных исследований среднего класса на основе эмпирических данных – исследование, которое выполнено в Высшей школе экономики под руководством С. В. Мареевой. Ее многолетние исследования, выполненные по результатам опросов населения, проведены под руководством и совместно с Н. Е. Тихоновой. Они осуществлены по методике «неовеберианского подхода», с использованием принципа многомерной стратификации и учета собственности, профессиональных статусов и образовательного уровня. Принадлежность к среднему классу, по мнению исследователя, необходимо определять по трем критериям: социально-профессиональный статус (руководители, профессионалы, специалисты), уровень образования (высшее) и средний медианный доход. Дополнительно использовался ресурсный анализ, раскрывающий возможности среднего класса и включенных в него слоев развиваться и улучшать свое благосостояние.

¹ Открытие Голодец // Профиль. URL: <https://profile.ru/main/otkrytie-golodets-7214/> (дата обращения: 12.05.2024).

² Прожиточный минимум, пенсии, зарплаты и другие планы государства на 2024 год // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/news/1660854/> (дата обращения: 12.05.2024).

В 2022 г. российский средний класс был оценен в этом исследовании в 32% населения, что является, по данным исследователей, максимальным показателем с 2015 г. Медианный доход, взятый за основу в расчетах, составил больше 125% от медианы на каждого члена семьи. В соответствии с данными Росстата медианный доход исчислен в 35 тыс. руб.

Всем трем критериям соответствовали 9,3% опрошенных, составляющих ядро этой группы¹.

Кратко остановившись на типичных подходах в выделении среднего класса в России, заметим, что, как правило, остается вне внимания исследователей такой важный критерий, как самоидентификация положения индивида на иерархической шкале. Хотя были примеры использования этого критерия, но последовательное его использование в течение длительного времени развития общества не вошло в исследовательскую практику. Между тем этот критерий дает возможность увидеть, как самоидентификация со средним классом позволяет выявить смысл, вкладываемый индивидами в это понятие, насколько существенно для них осознавать себя людьми, занимающими срединное положение в обществе, как соотносится этот критерий с другими при выделении среднего класса.

Средний класс России: 30 лет постсоветского периода

Российский средний класс изучался нами в течение продолжительного времени на материалах Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России», которых проводился с 1990 по 2023 гг. в Центре изучения социокультурных изменений Института философии РАН². Начиная с 1998 г. применялась единая методика выделения среднего класса по трем признакам – самоидентификация со средним слоем, уровень образования не ниже среднего специального и материальное положение, достаточное для жизни (на шкале из 6 позиций были использованы 3 верхних). Применение одной и той же методики в разные годы мониторинга показывает, что изменение его численности коррелирует с трендами развития социальных и материальных слоев и отражает исторические коллизии, подъемы и кризисы экономического развития.

Сделаем замечания относительно оценок материального положения. В самом начале мониторинга было замечено, что респонденты склонны скрывать свои доходы, как правило, занижать их в условиях нестабильного уровня зарплат в 1990-е гг., наличия нелегальных доходов, случайных при-

¹ В ВШЭ оценили размер среднего класса в России в 2022 году // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/12/2023/6585371b9a7947be054dabd4> (дата обращения: 12.05.2024).

² Всероссийский мониторинг «Ценности и интересы населения России» проводится с 1990 г. с периодичностью 4–5 лет. Руководителем мониторинга 1–7-й волн был член-корреспондент РАН Н. И. Лапин, 8-й волны – Л. А. Беляева. Последняя – 8-я волна была осуществлена через 8 лет после предыдущей – летом 2023 г. на базе онлайн-панели ООО «Институт Общественного Мнения «Анкетолог». Выборка по России: 1000 респондентов старше 18 лет, репрезентативна по полу, возрасту, уровню образования, типу поселения. Математическую обработку массива 2023 г. выполнила К. В. Ракова – к.соц.н., сотрудица ЦИСИ.

работков и было решено определять уровень материального благосостояния на основе самооценок индивида по 6-ти уровневой шкале, в которой были даны качественные характеристики материального уровня жизни – от условно «нищих» до «богатых». Для среднего класса самый низкий уровень благосостояния определялся суждением: «В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг», в современных условиях это те, кто может взять кредит в банке на дорогие покупки, эти люди имеют стабильные и достаточные для этого официальные доходы. Эта методика выделения социальных слоев сохраняется в течение всех лет мониторинга. Образование для среднего класса определялось не ниже среднего специального. Профессиональная и общеобразовательная подготовка позволяла этим людям занять определенное материальное положение и место в социальной структуре благодаря тому, что они учились, получали востребованную в обществе специальность. При всех различиях высшего и среднего специального образования в нашей стране было решено оба этих критерия признать достаточными, чтобы считать отвечающих им респондентов профессионалами.

На рис. 1 представлена динамика изменения численности среднего класса за 1998–2023 гг. За 8 лет – с 2015 по 2023 гг. рост составил 11 п.п., или в 1,6 раза, а его численность достигла 31% взрослого населения страны. Такие темпы говорят о росте благосостояния профессиональных групп в обществе, в первую очередь выполняющих управленческие функции. Среди трех критериев выделения среднего класса наибольшее влияние на его рост оказало повышение доходов как всего общества в целом (снизилась численность тех, кто находится внизу имущественной пирамиды), так и доходов «средних» – работников бюджетной сферы и специалистов в частном секторе.

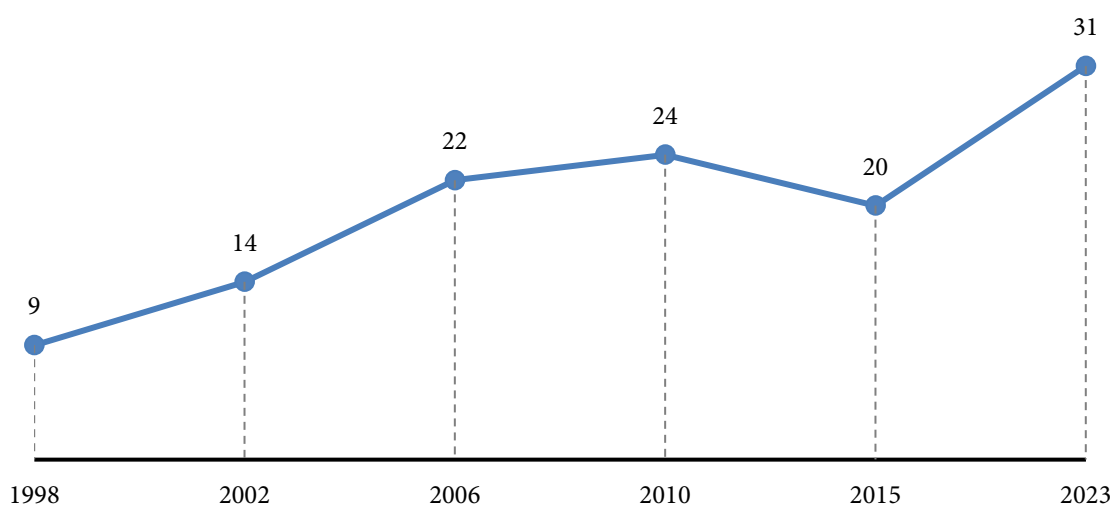

Рис. 1. Численность среднего класса в России. 1998–2023 гг. (% в населении)

Figure 1. The size of the middle class in Russia. 1998–2023 (% in the population)

Обратим внимание, что в России стала довольно устойчивой социальная самоидентификация населения относительно трех верхних слоев, а из двух нижних слоев один не был выделен, а другой сильно уменьшился (табл. 1). Это и следствие политики поддержки слабых групп общества, и психологический эффект развития, когда становится психологически «неудобно», непрестижно относить себя к самому нижнему слою, распикиваться в своей несостоятельности. Средний слой, выделенный на основе самоидентификации, часто называют «субъективным» средним классом [28]. В 1998–2023 гг. доля населения, относящего себя к этому слою, стабилизировалась на уровне 50–60% взрослого населения.

Таблица 1 (Table 1)

Как Вы думаете, к какому слою общества Вы принадлежите? (в %)
In your opinion, to which stratum of society do you belong? (%)

Средний класс	1998	2002	2006	2010	2015	2023
Высший слой	0,2	0,7	0,3	0,5	3	1
Слой выше среднего	4	4	4	7	6	4
Средний слой	49	49	54	62	52	57
Слой ниже среднего	25	32	25	20	22	33
Нижший слой	12	8	10	7	11	5
Не знаю, отказ от ответа	10	6	7	4	7	-

В 2023 г. к среднему слою отнесли себя 57% опрошенных, вырос слой, расположенный ниже среднего слоя – на 13% по сравнению с 2010 г. за счет сокращения низшего слоя. Можно говорить о том, что сформировалась самоидентификация наиболее активной, самостоятельной и рациональной части общества со средним классом. Одновременно сформировалась довольно устойчивая самоидентификация слоев выше среднего – она приближается к 10% занятого населения. Самые богатые слои – крупные предприниматели, высшие управленцы, разумеется, не попадают в массовые опросы населения и не входят в эту группу, их численность оценивается только на основе косвенных показателей. Часть из них принадлежит к верхнему слою среднего класса.

На сегодняшний день в России очень высокая концентрация доходов и богатства. По разным оценкам, 1% населения принадлежит около 20% совокупного дохода и более половины национального богатства страны. Проблема концентрации доходов и богатства продолжает выступать одним из ключевых вызовов для устойчивого социально-экономического развития России. Для группы сверхбогатых россиян характерно ежегодное воспроизводство своего состава более чем на 90%, за десять лет с 2011 по 2021 гг. – более чем на 60%, темпы обновления этой группы низкие [19]. Это может послужить еще одним доводом для утверждения, что социальная структура в России стала более устойчивой, легитимной, социальная мобильность снизилась по сравнению с периодом 1990-х – началом 2000-х гг. и сформированные социальные слои в значительной степени воспроизводятся.

Можно ли классифицировать средний слой общества, выделенный на основе самоидентификации, как средний класс? Только одного самоотнесения к средним, на мой взгляд, недостаточно, как и получение определенного уровня доходов, чтобы считать, что мы имеем дело со средним классом общества. Средний класс, как элемент социальной структуры рыночного общества, должен иметь развитый человеческий капитал, а это обеспечивается образованием, способен самостоятельно решать свои бытовые и социальные проблемы, а это обеспечивается уровнем его доходов, должен идентифицировать себя с людьми, занимающими в обществе срединное положение. Именно эти черты среднего класса и были взяты в качестве индикаторов для изучения динамики его развития в российском обществе с 1998 г. по настоящее время. Выполнять роль стабилизатора общественного порядка средний класс может, если составляет большинство населения, сейчас же в России он составляет менее 1/3 граждан, как следует из проведенного нами исследования 2023 г. Характерно, что это совпадает с данными, полученными С. В. Мареевой при использовании другой методики выделения среднего класса, рассмотренной выше.

Какие же свойства удалось выявить при анализе той группы, которая в нашем исследовании удовлетворяла выдвинутым критериям, и которую мы квалифицировали как средний класс? Рассматривая выделенную группу как средний класс, мы сравнили ее с остальными респондентами, представляющими также массовые слои населения и имеющими свои характеристики, отличающие их от среднего класса. В массиве опрошенных респондентов «остальные» составили 69%.

Состав среднего класса неоднороден. Прежде всего, выделяются различия по обладанию властными, управленческими функциями или наличию бизнеса: 13% среднего класса владеют бизнесом, работают на себя, не по найму или в семейном деле, 37% имеют в своем подчинении работников, что превышает показатели предыдущего измерения 2015 г. Замечу, для большинства опрошенных иметь свой бизнес, работать на себя находится в приоритете среди других мест работы. 72% хотели бы работать на предприятии, находящемся в личной собственности, в большинстве своем так ориентирован и средний класс. Основную массу среднего класса составляют специалисты (30%), руководители составляют 7%, в бюджетных организациях работают 21%, а 29% – на предприятиях государственной, акционерной и смешанной форм собственности. Не подтвердилось высказанное в литературе [29] предположение, что в составе среднего класса основную долю составляют управленцы.

Средний класс чаще выбирает активные стратегии сохранения и улучшения своего материального положения. Но при этом, видимо, интенсивность труда по основному месту работы и достойный заработок не позволяют еще больше напрягать свои силы. «Остальные» респонденты – не средний класс, чаще высказывают желание много зарабатывать, даже если придется очень много и напряженно работать, чем представители среднего класса. Треть всех респондентов поддержала это суждение.

При этом представители среднего класса чаще работают дополнительно, по сравнению с остальными респондентами, стремясь еще больше улучшить свое материальное благополучие. Значительно отличается средний класс от остальной массы респондентов оценкой своей роли в улучшении собственной жизни (табл. 2). Для всех очевидно, что патернализму все меньше места в современном российском обществе, люди считают, что нужно больше надеяться на себя, а среди среднего класса 90% считают, что улучшение их жизни полностью или отчасти зависит от них самих.

Таблица 2 (Table 2)

В какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит от Вас самих?

2023 г., % в группе

To what extent does the improvement of your life today depend on your own?

2023, % in the group

Варианты ответов	Средний класс	«Остальные»
Полностью зависит	52	42
Отчасти зависит	38	33
Не знаю, трудно сказать	8	9
Мало зависит	2	14
Совсем не зависит	0	2
Всего	100	100

По многим параметрам средний класс в современной России близок к массовым слоям населения, формирование специфических черт, создающих «собственное социальное лицо» среднего класса, находится пока в начальной стадии. Он динамично растет, более образован, более обеспечен, более независим, продуктивен, креативен, в своем большинстве это городской социум, он включает в свой состав собственников и самозанятых. Вместе с тем он связан со всем обществом множеством социальных нитей – ценностными ориентациями, видением будущего страны, самоидентификацией со своей страной.

В последнем опросе 2023 г. была поднята актуальная сегодня проблема отношения населения России к выбору пути, по которому должна пойти страна. При всей сложности этого вопроса и дискуссионности его решения даже экспертами и властвующими элитами, мы рискнули спросить респондентов, по какому пути (по их мнению) должна идти Россия в своем развитии, предложив несколько вариантов ответов (табл. 3).

Как и большинство населения, российский средний класс выбирает для своей страны особый путь развития, отвергая тот, которому следуют западные общества, развитые мусульманские страны и Китай. Второе место заняла точка зрения, что Россия должна использовать все лучшее, что есть в опыте других стран. Оценка респондентами пути развития России практически совпадала с выбором, который они сделали для себя лично. Этот выбор означает личностное измерение цивилизационного пути страны, в которой живет респондент. Идентификация с Россией, с ее цивили-

лизационной спецификой безусловно принимается средним классом, как и остальными респондентами, составляющими массовые слои общества. В сознании представителей среднего класса во всей полноте проявляются традиционные и современные, западные и российские ценности. Наше исследование показало, что, выбирая самобытный российский путь для страны как приоритетный, одновременно респонденты заявили себя сторонниками демократических форм правления, желали бы соблюдения прав и свобод человека, прежде всего в экономической и социальной сферах, как наиболее близких повседневным интересам людей. Есть все основания сделать вывод, основанный в том числе и на изучении мнений респондентов – представителей среднего класса молодого и среднего возраста, что самобытный путь для России понимается большинством населения как путь суверенного государства, основанного на традиционных и гуманистических ценностях, и отнюдь не означает желания жить в традиционном аграрном обществе, которое утратило многие свои черты под воздействием десятилетий модернизации [6]. По приверженности к современным демократическим ценностям средний класс опережает другие массовые слои населения в силу присутствия в его составе слоя собственников-предпринимателей и самозанятых, а также высококвалифицированных специалистов, для которых атмосфера свободы, демократии и законности предпочтительнее других условий жизнедеятельности.

Таблица 3 (Table 3)

Оцените, пожалуйста, тот путь, по которому должна идти Россия в своем развитии, одиночный выбор, % опрошенных в группе
Please assess the path Russia should follow in its development, single choice, % of respondents in the group

Варианты ответов	Средний класс	«Остальные»
Россия должна развиваться по своему особому пути	67	58
Россия должна жить по тем же правилам, что современные западные страны	2	4
Россия должна использовать опыт и традиции развитых мусульманских стран	0	1
Россия должна использовать опыт развития китайского общества	1	2
Россия должна использовать все лучшее, что есть в опыте других стран	30	35
Итого	100	100

Проведенное исследование позволило сделать перспективный вывод о необходимости продолжить исследование среднего класса России и при этом актуализировать не только количественные характеристики, но и те качества, которые свидетельствуют об его особом социальном статусе в обществе, о самостоятельности или зависимости от государства в решении бытовых и социальных проблем, о сочетании в его деятельности индивидуализма и коллективизма как неразрывного единства

свойств личности, о динамике его политических ориентаций. С исследованиями в этом направлении мы связываем будущее отечественной стратификационной социологии.

Библиографический список

1. Авраимова Е. М. Средний класс эпохи Путина // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1. С. 28–36. EDN: IPKPNN.
2. Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В. *Этос среднего класса: нормативная модель и отечественные реалии*. Тюмень, 2000. 160 с.
3. Баллаев А. Б. Проблема «средних классов» в творчестве Маркса // *Политико-философский ежегодник*. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 2009. С. 75–95. EDN: WLNQCS.
4. Беляева Л. А. В поисках среднего класса в России // *Социологические исследования*. 1999. № 7. С. 72–77.
5. Беляева Л. А. Критерии выделения российского среднего класса // *Средний класс в современном российском обществе* / Под общ. ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой, А. Ю. Чепуренко. М.: РОССПЭН; РНИСиНП, 1999. С. 11–16.
6. Беляева Л. А. Современная Россия в массовом сознании жителей страны // *Социологическая наука и социальная практика*. 2024. Т. 12. № 2. С. 6–26. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2.1; EDN: VXIKXS.
7. Беляева Л. А. «Средний слой» в советском обществе: перспективы формирования // *Социально-политические науки*. 1991. № 10. С. 3–10.
8. Беляева Л. А. Средний слой российского общества: проблемы обретения социального статуса // *Социологические исследования*. 1993. № 10. С. 1–22.
9. Беляева Л. А. Средний класс: проблемы формирования и развития в России // *Мир России. Социология. Этнология*. 1996. Т. 5. № 2. С. 117–131.
10. Вебер М. Основные понятия стратификации // *Социологические исследования*. 1994. № 5. С. 147–156.
11. Гидденс Э. *Социология* / Науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Иосилевича; пер. В. Малышенко и др. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 703 с.
12. Голенкова З. Т., Игитхян Е. Д. Средние слои в современной России (опыт анализа проблемы) // *Социологические исследования*. 1998. № 7. С. 44–53.
13. Горшков М. К. Средний класс как отражение экономической и социокультурной модели современного развития России // *Социологические исследования*. 2015. № 1. С. 35–44. EDN: TLPTDH.

14. Горшков М. К., Тихонова Н. Е., Чепуренко А. Ю. Средний класс в современном российском обществе. М.: РОССПЭН; РНИСиНП, 1999. 303 с.
15. Дилигенский Г. Г. Люди среднего класса. М.: Ин-т ФОМ, 2002. 285 с.
16. Заславская Т. И., Громова Р. К. К вопросу о «среднем классе» российского общества // Мир России. Социология. Этнология. 1998. № 4. С. 18–25.
17. Ионин Л. Г. Культура и социальная структура // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 3–12; № 3. С. 31–42.
18. Малева Т. М., Овчарова Л. Н. Российские средние классы на различных этапах экономического развития. М.: ИНСОР, 2009. 200 с.
19. Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. Сверхбогатые в России: состав и динамика группы // Мир России. Социология. Этнология. 2024. Т. 33. № 1. С. 30–47. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-1-29-55; EDN: IFMIPG.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 26. Ч. 2. С. 636.
21. Правовая мысль: антология / Авт.-сост. В. П. Малахов. М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 1016 с.
22. Прохоров Д. В. Значение субъективных показателей развития социостратификационных процессов российского общества для государственного управления (на примере исследования среднего класса Самарской области) // Вестник СамГУ. 2013. № 10(111). С. 151–156. EDN: RYCXMB.
23. Сорокин П. А. Социальная мобильность / Пер. с англ. М. В. Соколовой. М.: Academia, 2005. 588 с.
24. Тихонова Н. Е. Средний класс в фокусе экономического и социологического подходов: границы и внутренняя структура (на примере России) // Мир России. Социология. Этнология. 2020. № 4. С. 34–56. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-34-56; EDN: AUKKSL.
25. Умов В. И. Российский средний класс: социальная реальность и политический фантом // ПОЛИС. Политические исследования. 1993. № 4. С. 26–40.
26. Уорнер У. Живые и мертвые. М.; СПб.: Универ. книга, 2000. 665 с.
27. Уорнер У. Л. Социальный класс и социальная структура // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1997. № 10–11.
28. Хахулина Л. А. Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 2(40). С. 24–33.
29. Чепуренко А. Средний класс в России – это миф // Ельцин центр. URL: <https://yeltsin.ru/archive/audio/98555/> (дата обращения: 12.05. 2024).
30. Шкаратан О. И., Инясевский С. А., Любимова Т. С. Новый средний класс и информациональные работники на российском рынке труда // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 5–27. EDN: IPKPND.

31. Mills C. W. White Collar. The American Middle Classes. N. Y., Oxford, 1951. 378 p.

Получено редакцией: 21.06.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляева Людмила Александровна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.2

The Middle Class in Modern Russia: Has the Theoretical Construction Become a Reality?¹

Lyudmila A. Belyaeva

Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russia

bela46@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0538-7331

For citation: Belyaeva L. A. The Middle Class in Modern Russia: Has the Theoretical Construction Become a Reality? *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 16–33. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.2; EDN: YRNUXD.

Abstract. The article examines three perspectives of studying the middle class in modern Russia. The first perspective is presented as a brief excursion into the history of the development of middle class studies in the post-Soviet period. The second perspective is devoted to the consideration of methodological issues of studying the middle class, the criteria for its identification in the social structure of Russian society and the definition on this basis of the quantitative characteristics of the middle class. The third perspective is presented by the results of the analysis of the middle class in accordance with the author's methodology of its identification by three criteria – material standard of living, education and self-identification with the middle class. The methodology is applied to the analysis of the middle class using data from the all-Russian monitoring conducted by the Center for the Study of Sociocultural Changes of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences from 1990 to the present day. It allows us to trace the dynamics of the middle class in the post-Soviet period, its composition by professional characteristics, by areas of employment, by strategies in labour activity and other aspects. The latest wave of monitoring (summer 2023) focused on the population's attitude to the choice of the path the country should take and the respondent's self-identification with a particular model of Russia's development. The middle class in its majority (67%) chose a special Russian path of development for the country and for themselves personally, practically rejecting the path followed by Western societies, developed Muslim countries and China. At the same time, in second place (30%) we find the opinion that Russia should use all the best experience of other countries. At the same time, respondents declared themselves to be supporters of democratic forms of government, insist on the observance of human rights and freedoms, primarily in the economic and social spheres, as the closest to the everyday interests of people. The results of the study concluded that the majority of Russians, and especially the middle class, understand the original path for Russia as the path of a sovereign state based on traditional and humanitarian values, and does not at all mean a desire to live in a traditional society that has lost many of its features under the influence of decades of modernisation.

Keywords: mass strata, middle class, indicators, old, new middle class, composition by professions, sectors of employment, labor strategies, civilization preferences

References

1. Avraamova E. M. Middle class in the epoch of Putin. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, 2008: 1: 28–36 (in Russ.). EDN: IPKPNN.

¹ **Acknowledgements.** The research was carried out under the RSF project no. 23-28-00539 “Values and interests of the Russian population in the context of civilizational challenges (the eighth wave of all-Russian monitoring)”.

2. Bakshtanovskii V. I., Sogomonov Yu. V. Etos srednego klassa: normativnaya model' i otechestvennye realii [The ethos of the middle class: The regulatory model and domestic realities]. Ed. by G. S. Batygin. Tyumen, 2000: 271 (in Russ.).
3. Ballaev A. B. Problema "srednikh klassov" v tvorchestve Marksa [The problem of the "middle classes" in Marx's work]. In Politiko-filosofskiy ezhegodnik [Political and Philosophical Yearbook]. Vol. 2. Moscow, IF RAN, 2009: 75–95 (in Russ.).
4. Belyaeva L. A. V poiskakh srednego klassa v Rossii [In search of the middle class in Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1999: 7: 72–77 (in Russ.).
5. Belyaeva L. A. Kriterii vydeleniya rossiyskogo srednego klassa [Criteria for the allocation of the Russian middle class]. In *Sredniy klass v sovremennom rossiyskom obshchestve* [The middle class in modern Russian society]. Ed by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova, A. Yu. Chepurenko. Moscow, ROSSPEN; RNISiNP, 1999: 11–16 (in Russ.).
6. Belyaeva L. A. Modern Russia in collective consciousness of the country's inhabitants. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 2024: 12 (2): 6–26 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2.1; EDN: BXIKXC.
7. Belyaeva L. A. "Sredniy sloj" v sovetskom obshchestve: perspektivy formirovaniya [The "middle stratum" in Soviet Society: Prospects for formation]. *Sotsialno-politicheskie nauki*, 1991: 10: 3–10 (in Russ.).
8. Belyaeva L. A. Srednii sloj rossiyskogo obshchestva: problemy obreteniya sotsial'nogo statusa [The middle stratum of Russian society: The problems of gaining social status]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1993: 10: 13–22 (in Russ.).
9. Belyaeva L. A. Sredniy klass: problemy formirovaniya i razvitiya v Rossii [The middle class: Problems of formation and development in Russia]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 1996: 5(2): 117–131 (in Russ.).
10. Veber M. Osnovnye ponyatiya stratifikatsii [Basic concepts of stratification]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1994: 5: 147–156 (In Russ.).
11. Giddens A. Sociology. Scientific editor V. A. Yadov; Ed. by L. S. Guryeva, L. N. Iosilevich; transl. from Engl. by V. Malysenko, etc. Moscow, Editorial URSS, 1999: 703 (In Russ.).
12. Golenkova Z. T., Igitkhanyan E. D. Srednie sloi v sovremennoy Rossii (opyt analiza problemy) [The middle strata in modern Russia (the experience of analyzing the problem)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1998: 7: 44–53 (in Russ.).
13. Gorshkov M. K., Tikhonov N. E., Chepurenko A. Yu. Sredniy klass v sovremennom rossiyskom obshchestve [The middle class in modern Russian society]. Moscow, ROSSPEN; RNISiNP, 2000: 303 (in Russ.).
14. Gorshkov M. K. Middle class as reflection of economic and socio-cultural model of contemporary Russia's development. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015: 1: 35–44 (in Russ.). EDN: TLPTDH.
15. Diligenskiy G. G. Lyudi srednego klassa [Middle class people]. Moscow, In-t FOM, 2002: 285 (in Russ.).
16. Zaslavskaya T. I., Gromova R. K. K voprosu o "srednem klasse" rossiyskogo obshchestva [On the question of the "middle class" of the Russian society]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 1998: 4: 18–25 (in Russ.).
17. Ionin L. G. Kul'tura i sotsial'naya struktura [Culture and social structure]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1996: 2: 3–12; 3: 31–42 (in Russ.).
18. Maleva T. M., Ovcharova L. N. Rossiyskie srednie klassy na razlichnykh etapakh ekonomicheskogo razvitiya [Russian middle classes at various stages of economic development]. Moscow, 2009: 200 (in Russ.).
19. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D. The super-rich in Russia: Dynamics and demographics. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2024: 33 (1): 29–55 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-1-29-55; EDN: IFMIPG.
20. Marks K., Engels F. Sobr. soch. [Collected works]. Vol. 26: 2: 636 (in Russ.).
21. Pravovaya mysl': antologiya [Legal thought: anthology]. Ed by V. P. Malakhov. Moscow, Akad. proekt; Ekaterinburg, Delovaya kniga, 2003: 1016 (in Russ.).

22. Prokhorov D. V. The importance of subjective indicators of the development of sociostratification processes of Russian society for public administration (using the example of a study of the middle class of the Samara region). *Vestnik SamGU*, 2013: 10(111): 151–156 (in Russ.). EDN: RYCXMB.
23. Sorokin P. A. Sotsialnaya mobilnost' [Social mobility]. Transl. from the Eng. by M. V. Sokolova. Moscow, Academia, 2008: 588 (in Russ.).
24. Tikhonova N. E. Various theoretical approaches to the Russian middle class: Thresholds and internal structure. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2020: 4: 34–56 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-34-56; EDN: AUKKSL.
25. Umov V. I. Rossiyskiy sredniy klass: sotsial'naya real'nost' i politicheskiy fantom [The Russian middle class: Social reality and political phantom]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya*, 1993: 4: 26–40 (in Russ.).
26. Warner W. The living and the dead. Transl. from Engl. by V. G. Nikolaev. Moscow; St. Petersburg, Univer. kniga, 2000: 671 (in Russ.).
27. Warner W. L. Sotsial'nyy klass i sotsial'naya struktura [Social class and social structure]. *Rubezh: Al'manakh sotsial'nykh issledovaniy*, 1997: 10–11 (In Russ.).
28. Khakhulina L. A. The subjective middle class: Incomes, economic condition, value orientations. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 1999: 2(40): 24–33 (in Russ.). EDN: HTLUHP.
29. Chepurenko A. Sredniy klass v Rossii – eto mif [The middle class in Russia is a myth]. Accessed 12.05.2024. URL: <https://yeltsin.ru/archive/audio/98555/> (in Russ.).
30. Shkaratan O. I., Yniasevskii S. A., Lyubimova T. S. A new middle class and information workers on Russian labor market. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*, 2008: 1: 5–27 (in Russ.). EDN: IPKPND.
31. Mills C. W. White Collar. The American Middle Classes. New York, Oxford, 1951: 378.

The article was submitted on: June 21, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila A. Belyaeva, Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher

ТЕМА НОМЕРА

**СТРАТИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ**

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3

EDN: XQRQOZ

**Объективная и субъективная бедность в России:
что принесли последние 20 лет**

Ссылка для цитирования: Белопашенцева П. В., Слободенюк Е. Д., Мареева С. В. Объективная и субъективная бедность в России: что принесли последние 20 лет // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 34–59. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3; EDN: XQRQOZ.

For citation: Belopashentseva P. V., Slobodenyuk E. D., Mareeva S. V. Objective and Subjective Poverty in Russia: What the Last 20 Years Have Brought. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 34–59. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3; EDN: XQRQOZ.

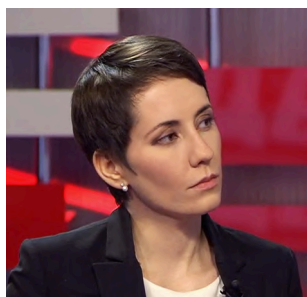

SPIN-код: 7806-1000

**Белопашенцева
Полина Владимировна¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

pbelopashentseva@hse.ru

SPIN-код: 6505-0801

**Слободенюк
Екатерина Дмитриевна¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

eslobodenyuk@hse.ru

SPIN-код: 6931-7215

**Мареева
Светлана Владимировна¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

s.mareeva@gmail.com

Аннотация. Представленная статья посвящена изменениям масштабов и качественных особенностей объективной и субъективной бедности в российском обществе в последние 20 лет. На основании данных общероссийских эмпирических исследований, проведенных ФНИСЦ РАН в 2003, 2013 и 2023 гг., прослежена динамика численности объективно и субъективно бедных россиян, зоны пересечения этих групп, условий их жизни, восприятия ими своего положения и представлений о будущем страны. Полученные результаты свидетельствуют о произошедшем за последние 20 лет заметном сокращении как объективной бедности (по уровню доходов), так и субъективной бедности (по самооценке своего материального положения) среди россиян, которое в основном пришлось на первую половину указанного периода. Сокращение долей объективной и субъективной бедности сопровождалось их расхождением между собой. В итоге, все меньшая доля россиян оказывается в зоне бедности одновременно по двум этим измерениям, а портреты и особенности этих групп различаются все больше. Объективно бедные меньше отличаются по оценкам своего положения и возможностей в разных сферах от населения в целом, что говорит, с одной стороны, об относительно неглубоком характере бедности по доходам, а с другой – о скромном уровне жизни «типичного россиянина». Субъективно бедные характеризуются более заметными отличиями от населения в целом, в частности – негативными оценками многих сфер своей жизни. Схожая ситуация наблюдается с социально-психологическим самочувствием представителей этих групп: хотя за прошедшие 20 лет оно улучшилось как среди бедных по доходам, так и среди бедных по самооценке, положительные изменения в первой группе происходили быстрее. В итоге, бедные по самооценке характеризуются более высоким сравнительно с остальными россиянами уровнем пессимизма и тревожности. В отношении же оценок пути развития России и объективно, и субъективно бедные мало отличаются от остальных россиян, демонстрируя общественный консенсус: население верит в светлое будущее для страны, но при условии ее особого пути, позволяющего обеспечивать социальную стабильность. Наконец, важно отметить несводимость субъективно бедных к пенсионерам: данные подтверждают, что эта группа гетерогенна по своему составу, что определяет отсутствие четкого портрета и невозможность выделить ее как «единого адресата» социально-экономической политики.

Ключевые слова: социология, бедность, субъективная бедность, бедность по доходам, социальный статус, социальное самочувствие, социально-экономическое благополучие

Введение

Задача преодоления бедности в России не теряет своей актуальности, о чем свидетельствует и постоянное присутствие этого вопроса в социально-экономической повестке развития страны. Не стал исключением и последний Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г., согласно которому уровень бедности должен быть снижен до менее 7% к 2030 г. и менее 5% – к 2036 г.¹

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?ysclid=lykmi79svc665998886&index=4> (дата обращения: 13.07.2024).

На 2023 г. граница бедности для населения страны в целом была установлена на уровне 14 375 руб.¹ Согласно предварительным оценкам Росстата, среднедушевые доходы ниже этой границы имели 8,5% населения, что является историческим минимумом данного показателя. Доля бедных показала очень заметную нисходящую динамику за последние 20 лет, снизившись практически в два раза за период 2003–2013 гг. (с 20,3 до 10,8% соответственно), и затем, после этапа роста в 2013–2015 гг., до 8,5 в 2023 г.²

Состав и структура группы бедных все это время оставались в фокусе исследований научного сообщества. Сравнительно меньше внимания, однако, получала субъективная бедность, выступающая как еще одним измерением многомерного феномена бедности, так и показателем социального неблагополучия населения. Оценки соотношения масштабов и качественных особенностей объективной и субъективной бедности важны, поскольку позволяют говорить о том, приводит ли сокращение объективной бедности к соответствующему снижению субъективного неблагополучия, сближаются ли или расходятся жизненные ситуации объективно и субъективно бедных между собой. Поиску ответов на эти вопросы и посвящена данная статья.

Теоретико-методологические основы исследования. Методология и эмпирическая база

Проблеме объективной бедности посвящено достаточно большое количество работ как зарубежных, так и российских авторов. Ключевые направления исследований в данном проблемном поле в современной России – это динамика бедности, изменение состава группы, сравнение результатов применения различных подходов к определению бедности, бедность отдельных социальных групп, а также факторы, приводящие к попаданию в разные формы бедности [2; 3; 6; 8; 9; 11; 14; 15; 16]. Отдельно нужно отметить также комплексное исследование бедности, проведенное около десяти лет назад коллективом Института социологии РАН. В нем затрагивались не только объективные особенности положения группы бедных, но и вопросы восприятия ими своего положения, вектора развития страны, особенности норм, ценностей и установок [1]. Данная статья частично продолжает эту работу с учетом изменений, произошедших в обществе за последнее десятилетие.

Для выделения *объективной бедности* мы отталкиваемся от официального подхода к ее определению, опираясь на соотношение доходов с прожиточным минимумом. К сожалению, возможности инструмента-

¹ Федеральный закон от 05.12.2022 № 466-ФЗ «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212050007> (дата обращения: 13.07.2024).

² ФСГС РФ. Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) по Российской Федерации, в процентах от общей численности населения. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/UROV_51.xlsx (дата обращения: 17.05.2024).

рия не позволяли четко определить структуру домохозяйства, поэтому использовался показатель среднемесячного подушевого дохода в домохозяйстве и оценивалось его соотношение с официально установленным региональным прожиточным минимумом с учетом года и месяца проведения обследования.

Субъективная бедность представляет собой принципиально иную концепцию, вырастающую из проблематики субъективного социального благополучия. Исследования субъективной бедности в России чаще выступают частью анализа общей модели субъективной стратификации и факторов субъективного социального статуса, нежели самостоятельным предметом исследования [5; 7; 13]. При этом в зарубежной литературе эта тема изучается достаточно давно и активно. Рассматриваются как методологические вопросы использования субъективных оценок при измерении бедности [18; 22], так и эмпирические особенности соотношения объективного и субъективного статуса индивидов в различных социально-экономических условиях, в том числе непосредственно среди бедных [19; 20; 24; 26]. Особый интерес для нашей работы представляют исследования, посвященные особенностям соотношения объективного и субъективного измерений бедности [17; 21; 23; 25; 27], которое, судя по результатам, имеет яркую страновую специфику.

Для выделения *субъективной бедности* с учетом возможностей инструментария была использована самооценка респондентами своего материального положения. Оценившие свое материальное положение как плохое были отнесены в группу субъективно бедных. Такой подход отличается от встречающегося в литературе выделения субъективно бедных по вертикальной шкале от 1 до 9 или 10, отражающей самооценку положения в обществе в границах «бедность–богатство». Однако оценка материального положения позволяет выделить тех, кто субъективно ощущает нехватку средств.

Эмпирической базой исследования послужили данные, полученные в ходе общероссийских исследований, проведенных Институтом социологии ФНИСЦ РАН (ранее – Институтом комплексных социальных исследований РАН и Институтом социологии РАН) в 2003, 2013 и 2023 гг. и охвативших, тем самым, двадцатилетний период развития страны. Все исследования проводились по однотипной выборке, хотя и разной численности¹, а их инструментарий содержал большой блок повторяющихся вопросов, что дало возможность корректного сопоставления данных за разные годы.

¹ Исследование «Богатые и бедные в современной России» проводилось в марте 2003 г., n = 2106; исследование «Бедность и бедные в современной России» проводилось в апреле 2013, n = 1600; 14 волна Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контексте» проводилась в июне 2023 г., n = 2000. Модель выборок этих исследований была единой: они репрезентировали население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, образованию и типу поселения.

Численность и состав объективно и субъективно бедных в российском обществе

Если начало этого столетия ознаменовалось сравнительно высокими показателями бедности, то к 2023 г. бедность значительно снизилась как в объективном, так и субъективном выражении, причем основные изменения пришлось на 2003–2013 гг., в то время как в следующие десять лет динамика была менее значительной (рисунок 1).

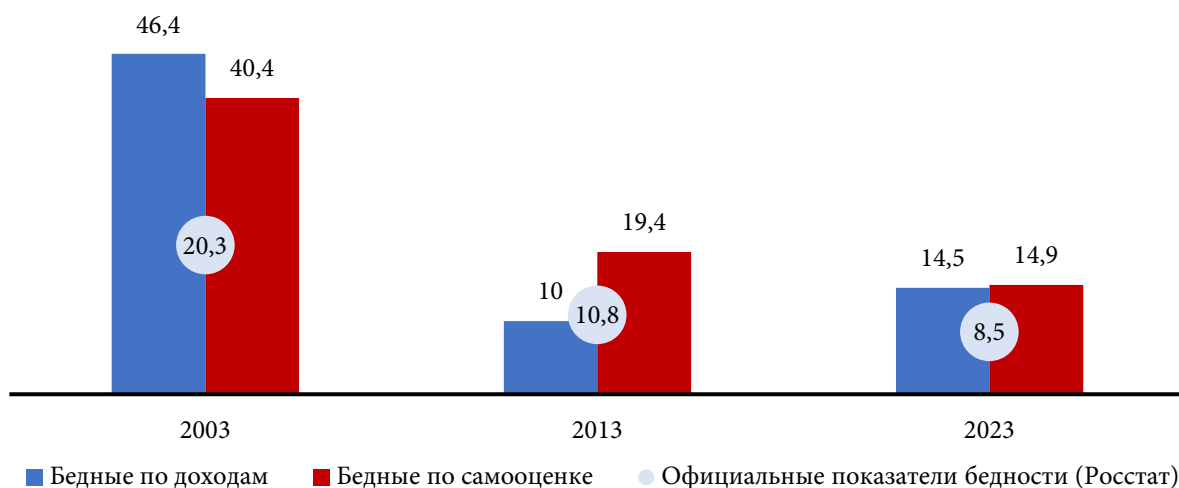

Рис. 1. Динамика численности бедных по доходам, бедных по самооценке и официальные показатели бедности по данным Росстата¹, 2003–2023 гг., %

Figure 1. Dynamics of the number of income poor, self-assessed poor and official poverty indicators according to Rosstat data, 2003–2023, %

Важно отметить расхождение динамики и масштабов объективной бедности по данным выборочных опросов с официальными данными. По данным используемых нами обследований ИКСИ РАН, ИС РАН и ИС ФНИСЦ РАН, снижение бедности по доходам с 46,4% в 2003 г. до 10% в 2013 г. предшествовало ее росту в следующее десятилетие (до 14,5% в 2023 г.), тогда как по официальным данным снижение происходило последовательно и привело к минимальному показателю в 2023 г. Наблюдаемая ситуация расхождения оценок достаточно типична в силу методологических особенностей оценки доходов и структуры выборки [16]. Тем не менее, полученные оценки на основе опросных данных близки к оценкам других исследований². При этом в 2013 г. официальные и опросные оценки бедности по доходам были достаточно близкими, чего нельзя сказать о ситуации в 2003 и 2023 гг.: масштабы бедности по данным опросов в эти годы были выше официальных показателей.

¹ Источник: расчеты авторов на данных общероссийских исследований Института социологии ФНИСЦ РАН 2003, 2013 и 2023 гг., описанных ранее; данные Росстата (Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) в целом по России и по субъектам РФ, в % от общей численности населения. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 24.05.2024 г.).

² Так, в 2003 г. были бедны по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ 48% домохозяйств [6], в 2013 г. – 17% домохозяйств [8].

Масштабы субъективной бедности в этот период тоже сокращались, причем, как и в случае с объективной бедностью, заметнее всего – в 2003–2013 гг., когда доля неудовлетворенных своим материальным положением сократилась более чем вдвое.

По данным исследований ИС ФНИСЦ РАН, к 2023 г. обе группы стали практически равными по численности. Насколько при этом они совпадают друг с другом?

Российские исследователи уже неоднократно приходили к выводу о том, что группы объективно и субъективно бедных значительным образом различаются на микроуровне [4; 6; 10; 12]. Результаты нашего анализа показывают, что со временем эти группы расходятся еще сильнее (рис. 2).

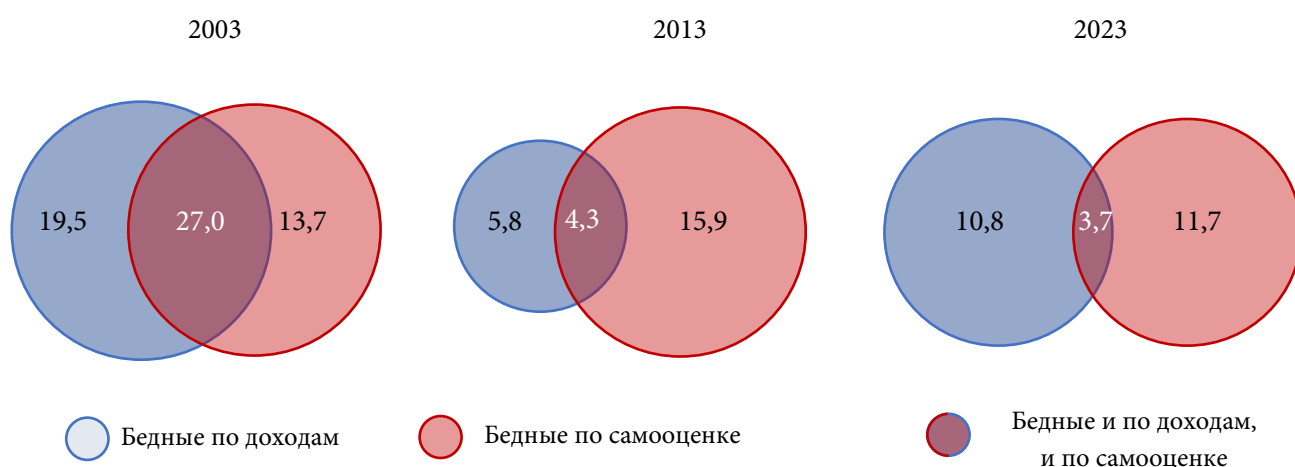

Рис. 2. Соотношение групп бедных по доходам и по самооценке, 2003–2023 гг., %¹
Figure 2. Ratio of poor groups by income and self-perceived poverty, 2003–2023, %

В 2003 г. наибольшая доля бедных приходилась на тех, кто одновременно принадлежал к бедным как по объективному, так и по субъективному критерию. Более того, хотя бы по одному из критериев в категорию бедных попадали более половины россиян (61%), и, таким образом, бедность выступала своего рода «социальной нормой» для общества того времени. За следующие 10 лет ситуация значительным образом изменилась – в 2013 г. стала доминировать группа субъективно бедных, но не испытывающих при этом материальной нужды в официальном понимании. Чуть более половины официально бедных при этом не оценивали собственное материальное положение как плохое. К 2023 г. группа бедных одновременно по двум подходам сохранила свою небольшую численность в 4% населения, и при этом приросла доля тех объективно бедных по доходам граждан, кто не считает свое материальное положение плохим.

Таким образом, за последние 20 лет в России сформировалось специфическое соотношение объективной и субъективной бедности: эти группы все больше расходятся, а в группе объективно бедных возрастает

¹ Источник данных: здесь и далее таблицы и рисунки иллюстрируют расчеты авторов на данных общероссийских исследований Института социологии ФНИСЦ РАН 2003, 2013 и 2023 гг., описанных ранее.

доля тех, кто не считает себя таковыми. Как при этом изменилась социально-демографическая и социально-профессиональная структура групп бедных по объективному и субъективному критериям (табл. 1)?

Таблица 1 (Table 1)

Социально-демографический и социально-профессиональный состав бедных по доходам, бедных по самооценке и населения в целом, 2003–2023 гг., % / лет / чел.
Socio-demographic and socio-professional composition of the income poor, the self-assessed poor and the population as a whole, 2003–2023, % / years / person

Характеристики		Бедные по доходам			Бедные по самооценке			Все население		
		2003	2013	2023	2003	2013	2023	2003	2013	2023
Пол, %	Мужской	40,3	37,3	40,8	39,4	44,1	41,6	44,8	48,1	44,3
	Женский	59,7	62,7	59,2	60,6	55,9	58,4	55,2	51,9	55,7
Средний возраст, лет		46,9	39,2	44,1	46,4	48,8	50,6	43,3	42,5	46,7
Среднее количество человек в д/х, чел.		3,1	3,6	3,3	3	3	2,4	3,1	3,1	2,8
Среднее количество работающих в д/х, чел.		1,4	1,9	1,6	1,5	2	1,6	1,7	2	1,8
Среднее количество детей в д/х, чел.		1,4	1,5		1,3	1,4		1,3	1,3	
Средний доход на члена семьи, руб.		1 421	5 192	11 415	2 029	10 416	22 123	3 041	14 575	27 187
Медианный доход на члена семьи, руб.		1 500	5 000	11 000	1 700	10 000	20 000	2 000	12 000	24 000
Соц.- проф. статус, %	Предприниматель, самозанятый	0,9	2	2,6	1,2	2,3	2,3	4,1	2,5	3,9
	Руководитель (в т.ч. среднего звена)	2,5	2,0	1,5	3,2	1,6	2,7	5,3	3,7	3,5
	Специалист с высшим образованием	6,8	8,6	12,8	10,4	8,0	10,4	11,8	15,4	17,9
	Военнослужащий, сотрудник МВД, прокуратуры	2,8	0,7	-	2,4	1,9	-	4,3	3,6	-
	Служащий из числа технического и обслуживающего персонала	13,2	20,7	24,9	12	17,7	16,4	12,4	19,3	22
	Рабочий	32	27,4	21,1	33,4	28,3	17,8	30,3	28,2	21,9
	Не работают (студент / пенсионер / в отпуске по уходу за ребенком / иные причины)	41,7	38,7	37	37,5	40,2	50,3	31,8	27,3	31

Примечание. Желтым фоном выделены ячейки, оценки в которых отличаются как минимум в 1,5 раза по сравнению со средним по стране; синим – как минимум в 2 раза; зеленым – как минимум в 4 раза.

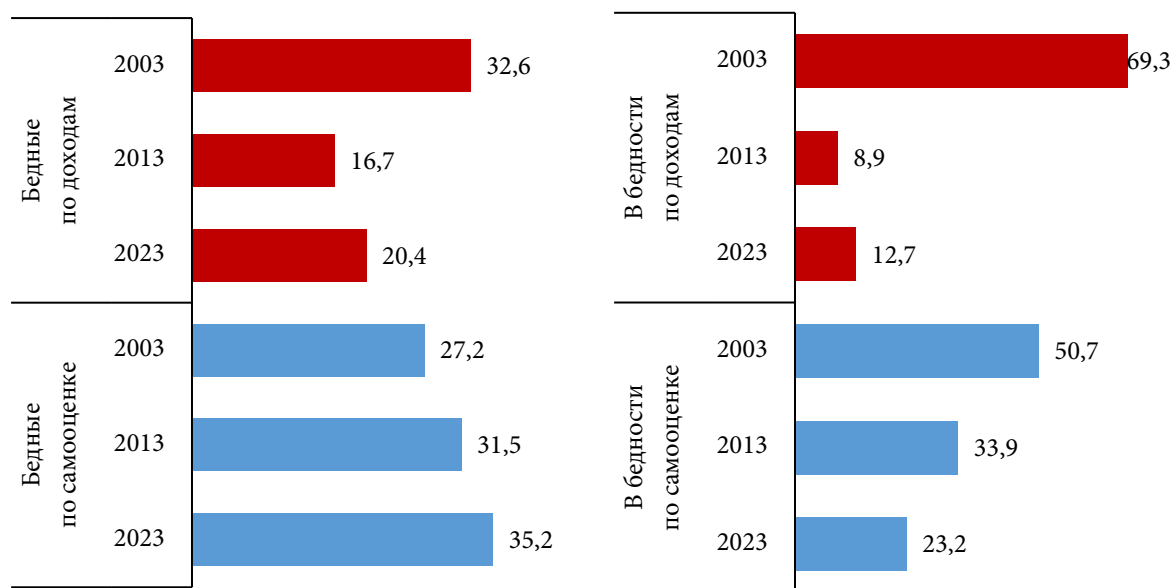
Не заостряя излишнего внимания на специфике социально-демографической структуры бедных (о чем уже многое написано российскими исследователями), затронем лишь основные отличия и изменения за 20 лет. Из предыдущих исследований уже известно, что бедные по доходам характеризуются менее устойчивым положением на рынке труда, сельской локализацией, их домохозяйства имеют повышенную иждивенческую нагрузку – это бедность молодых семей с детьми или неработающими взрослыми. Субъективно бедные, в свою очередь, отличаются более старшим возрастом, проблемами со здоровьем, множественными депривациями. Динамика данных за 20 лет показывает, что характерные черты проявлялись в группах постепенно, по мере их расхождения.

В начале 2000-х годов портрет как объективно, так и субъективно бедного отличался от населения в целом лишь по профессиональному статусу: среди них было (и остается по сей день) меньше специалистов на руководящих должностях, а среди объективно бедных – также меньше специалистов с высшим образованием. Вспоминая данные о доле бедных в стране в тот период времени, можно сказать, что в обществе массового неблагополучия образца 2003 г. отличия бедных граждан от небедных были незначительны.

С 2013 г. объективная бедность начала «молодеть» по сравнению с населением в целом (это происходило, в том числе, за счет доведения пенсий до региональных прожиточных минимумов), а субъективная бедность – наоборот, демонстрировать повышение среднего возраста ее представителей за счет пенсионеров. Сельский характер бедности по доходам к 2023 г. несколько скорректировался, хотя она и сегодня остается характерной, прежде всего, для жителей сел (среди бедных по доходам они составляют 42,6 при 33,2% среди бедных по самооценке и 31% по населению в целом).

Отличия в доходах для объективно бедных по сравнению с населением в целом были минимальны в 2003 г. и максимальны в 2013 г. (средний доход в домохозяйствах бедных по доходам оказывался почти в 3 раза меньше среднероссийского), в то время как к 2023 г. разница снизилась. Разница в доходах субъективно бедных россиян по сравнению с населением в целом при этом снижалась на протяжении всего периода наблюдения: в 2003 г. средний доход по населению в целом был на 50% выше, а в 2023 г. – уже только на 23%.

Отдельно нужно остановиться на вопросе бедности пенсионеров. Именно в отношении этой группы в первую очередь возникает предположение как о формирующей ядро субъективной бедности, но не попадающей при этом в бедность по доходам, поскольку пенсии доведены до прожиточного минимума, но специфика расходов пенсионеров (в частности, неэластичные расходы на медицинские услуги и лекарства) может приводить к низким самооценкам материального положения. Однако это предположение не нашло полного подтверждения на данных (рис. 3).

А) пенсионеры в составе бедных

Б) бедные в составе пенсионеров

Рис 3. Связь незанятости в связи с нетрудоспособностью и бедности по доходам и самооценке, 2003–2023 гг., %

Figure 3. The relationship between disability-related unemployment and income poverty and self-assessed poverty, 2003–2023, %

В «нулевые» годы подавляющее большинство пенсионеров попадали в бедность по доходам в силу низких пенсий. После повышения пенсий до уровня прожиточного минимума пенсионеры стали попадать в бедность по доходам лишь в единичных случаях, когда состав и общий уровень доходов домохозяйства выталкивал его за черту бедности. Достаточно заметно уменьшились за эти два десятилетия для пенсионеров и риски бедности по самооценке. В результате, в 2023 г. о своем плохом материальном положении заявляли менее $\frac{1}{4}$ пенсионеров. Поэтому утверждать, что состояние субъективной бедности – отличительная черта данной группы, некорректно. При этом среди бедных по доходам и бедных по самооценке все возможные категории пенсионеров суммарно составляют меньшинство (в первом случае – $\frac{1}{5}$ группы, во втором – примерно $\frac{1}{3}$). В целом, можно говорить о том, что проблема субъективной бедности – это проблема в том числе и пенсионеров (актуализированная для трети этой группы), но далеко не только их.

Оценки различных аспектов повседневной жизни среди объективно и субъективно бедных россиян

Итак, за последние 20 лет объективно и субъективно бедные не только заметно разошлись между собой, но и приобрели качественную специфику, отличающую их как от населения в целом, так и друг от друга. В продолжение этого сюжета обратимся к особенностям их повседневной жизни, также отражающим положение этих групп в современном российском обществе.

Инструментарий исследования позволял собрать оценки разных аспектов жизни по шкале «хорошо–удовлетворительно–плохо». Рассмотрим, какими из сторон своей жизни россияне не довольны¹ (табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Оценка различных сфер жизни как «плохих» среди бедных по доходам, бедных по самооценке и населения в целом, 2003–2023 гг., %
Evaluation of different areas of life as “bad” among the income poor, the self-perceived poor, and the general population, 2003–2023, %

Жизненные сферы	Бедные по доходам			Бедные по самооценке			Все население		
	2003	2013	2023	2003	2013	2023	2003	2013	2023
Базовые потребности									
Состояние здоровья	32,8	18	15,8	38,1	32,8	37,9	23,3	12,7	11,5
Одежда	40,9	27,3	12,8	55,4	45,7	34,6	27,5	10,9	6,9
Жилищные условия	21,8	23,3	12,1	27,2	29,3	18,1	18,7	11,4	6
Питание	24,3	15,3	10,2	35,3	24,1	24,5	15	5,3	4,3
Не менее 3-х негативных оценок из 4-х вышеперечисленных	16,6	9,3	7,2	23,2	15,4	14,4	9,9	3,4	2,6
Прочие сферы жизни									
Уровень социальной защищенности в случае потери работы			37,7			60,4			32,1
Возможность получать качественную медицинскую помощь, в т.ч., платную			28,3			55,0			22,7
Возможность отдыха в период отпуска	60,4	45,3	40,8	70,8	59,5	59,4	47,5	23,2	22,5
Возможность выражать политические взгляды			22,3			44,3			20,1
Возможности проведения досуга	44,1	37,3	24,9	53,8	49,8	46,3	35,7	18,3	14,7
Возможность влиять на то, как складывается жизнь			18,5			46,3			14,6
Экологическая ситуация в месте проживания			12,1			24,8			12,6
Возможность получения необходимого образования и знаний	49	38,7	20,4	54	40,5	33,9	37,1	17,7	12,3

¹ Анкетный вопрос: «Как Вы оцениваете следующие стороны своей жизни?». В ячейках – доли респондентов, поставивших оценку «плохо» по шкале «хорошо–удовлетворительно–плохо». Сферы социальной защищенности, медицинской помощи, выражения политических взглядов, возможности влияния на жизнь, экологической ситуации и ИКТ были представлены только в опроснике 2023 года. Сортировка – по убыванию оценок всего населения за 2023 год.

Продолжение таблицы 2

Жизненные сферы	Бедные по доходам			Бедные по самооценке			Все население		
	2003	2013	2023	2003	2013	2023	2003	2013	2023
Уровень личной безопасности	31,6	20,0	14	39,5	28,3	22,5	27,6	10,4	10,4
Возможность реализовать себя в профессии*	35,5	35,9	20,5	39	37,1	39,5	28	14,7	10,2
Ситуация на работе*	24,8	28,3	10,8	28,8	29,6	37,2	17,9	9,2	8,9
Возможность общения с друзьями	7,8	10,7	5,7	9,3	13,8	14,4	6,3	5,1	5,1
Доступность Интернета и цифровых технологий в целом			9,8			11,4			4,6
Место, регион проживания	15,9	18,7	6,8	20	19,3	12,1	14,2	9,1	3,8
Отношения в семье	5,4	7,3	6,4	6,7	9,3	9,7	4,4	3,5	3,8
Интегральные оценки жизни									
Положение, статус в обществе	20,3	12,0	11,3	27,1	23,5	21,8	14,9	7,2	6,1
Жизнь в целом складывается	19,9	11,3	9,8	27,0	19,3	26,2	12,8	5,3	5,8
Справочно: материально обеспечены	58	42,7	25,3	100	100	100	40,4	19,4	14,9

Примечание. Желтым фоном выделены ячейки, оценки в которых отличаются как минимум в 1,5 раза по сравнению со средним по стране; синим – отличающиеся как минимум в 2 раза; зеленым – как минимум в 4 раза; в строках, обозначенных звездочкой (*) приведены показатели от работающих.

Данные показывают, что последние двадцать лет принесли положительную динамику в оценках различных аспектов собственной жизни населением: доля оценивающих ситуацию в каждой из жизненных сфер как плохую значительно снизилась к 2023 г. относительно замеров в предыдущие десятилетия. В группах бедных также происходило снижение негативных оценок, однако темпы этой динамики отставали от общероссийских.

Сегодня россияне чаще оценивают как плохую ситуацию в сфере социальной поддержки (снижение социальной защищенности, возможности получения медицинской помощи), и среди остальных сфер она набирает наиболее высокие негативные оценки. Исторически высоки негативные оценки возможностей досуга и отдыха, а также профессиональной реализации. За 20 лет значительным образом улучшилась ситуация граждан по оценкам базовых потребностей (питание, одежда, жилье, здоровье), а доля негативно оценивших одновременно большую часть из них (три или более) снизилась с 10 до 2,6% – что говорит о снижении числа россиян, имеющих множественные депривации в базовых сферах жизни.

В 2003 г. бедные демонстрировали не такие яркие отличия от населения в целом (поскольку, как мы отмечали выше, общество характеризовалось массовым неблагополучием), а наибольшие отличия для объективно бедных наблюдались в питании. Субъективно бедные в то время характеризовались не только более ярко выраженными оценками базовых

сторон жизни как плохих, но и в целом чаще отмечали свое бедственное положение в обществе, что отражалось в их интегральных оценках жизни. За следующие 20 лет оценки постепенно смещались в сторону хороших и удовлетворительных, однако скорость изменений была различной, и они происходили разнонаправленно. Если в 2013 г. обе группы бедных стали демонстрировать яркую картину отклонений от оценок всего населения (в 2 и более раза), то к 2023 г. объективно бедные приблизились к населению в целом, а субъективно бедные, наоборот, стали все чаще отличаться в своих оценках как от объективно бедных, так и – в еще большей степени – от населения в целом: отличия по характеристикам базовых потребностей, ситуации на работе и жизни в целом в 2023 г. доходили до 4 и более раз.

Корреляционный анализ показывает, что плохая оценка своего материального положения (которую в данном случае мы используем для выделения субъективной бедности) имеет более тесную связь с плохими оценками других сфер жизни, чем пребывание в объективной бедности по доходам, связь которого с плохими оценками разных сторон жизни едва ли можно назвать значимой. Фактические условия жизни субъективно бедных при этом чаще характеризуются расширенным набором деприваций, как было показано в более ранних исследованиях [3]. Иными словами, плохие оценки различных сторон жизни действительно связаны с их жизненными реалиями, а не только с эмоциональным восприятием. Субъективная оценка материального положения сильнее всего оказывается связана с оценками возможностей в сферах питания и одежды¹, что является подтверждением депривированности субъективно бедных в первичных потребностях. Показательна и интегральная оценка жизни в целом, собравшая в себе представления о разных сферах, – к 2023 г. только десятая часть бедных по доходам отмечает, что их жизнь складывается плохо, в то время как среди субъективно бедных таких более четверти.

Однако есть основания полагать, что субъективно бедные, помимо испытываемых ими деприваций и реальных жизненных проблем, характеризуются также особым настроением, и их оценки сторон жизни частично свидетельствуют о специфическом отношении к ситуации, а не о реальных отличиях. Это можно проиллюстрировать на примере оценок, которые они дают экологической ситуации в месте проживания: если население в целом и объективно бедные отмечают плохую экологическую ситуацию в месте проживания со схожей частотой (~12%), то субъективно бедные говорят об этом почти в два раза чаще, хотя не имеют при этом значимых отличий в локализации по типу и размеру поселения или по проживанию в «неблагополучных» экологических районах.

В итоге, на сегодняшний день объективно бедные в два раза чаще говорят о плохой ситуации в ряде жизненных сфер, чем россияне в целом, а субъективно бедные отличаются еще более пессимистичным настроением в этом отношении.

¹ Корреляции Пирсона на уровне 0,416 и 0,457 соответственно; оценки значимы на уровне доверительной вероятности 95%.

Посмотрим теперь, как особенности их положения проявляются в тех объективных изменениях, которые происходят в их жизни (таблица 3).

Таблица 3 (Table 3)

Достижения за последние 3 года среди бедных по доходам, бедных по самооценке и населения в целом, 2003–2023 гг., %¹
Achievements over the past 3 years among the income poor, the self-perceived poor and the general population, 2003–2023, %

Удалось за последние три года до опроса	Бедные по доходам			Бедные по самооценке			Все население		
	2003	2013	2023	2003	2013	2023	2003	2013	2023
Повысить уровень своего материального положения	10,5	9,3	15,1	8,7	3,2	3	22,5	18,4	17,2
Улучшить жилищные условия	8,9	12,7	9,4	9,3	5,5	6	13,7	13,1	13,8
Получить повышение на работе или найти новую, более подходящую работу*	9,5	13	13,2	11,6	7,5	7,4	16,1	14,8	13,4
Повысить уровень образования и/или квалификации	10,9	6	8,3	14,4	4,8	7,4	20,5	11,8	11,2
Побывать в другой стране мира	1,4	3,3	8,3	1,4	5,8	5,4	4,6	14,6	9
Сделать дорогостоящие приобретения (квартира, автомобиль, мебель и т. п.)	6,9	8,7	8,7	5,5	10,9	1,7	15,1	18,6	7,7
Открыть собственное дело	1,2	1,3	1,1	1,2	1,3	0	3,8	2,2	1,4
Ничего из вышеперечисленного за последние 3 года добиться не удалось	68,7	68,7	30,2	66,4	74,6	42,6	50,1	50,9	21,5
Ничего из перечисленного реализовать не планировали			29,1			36,9			36,4

Примечание. Желтым фоном выделены ячейки, оценки в которых отличаются как минимум в 1,5 раза по сравнению со средним по стране; синим – отличающиеся как минимум в 2 раза; зеленым – как минимум в 4 раза; в строках, обозначенных звездочкой (*) приведены показатели от работающих.

Если в 2003 г. россияне чаще отмечали различные достижения в своей жизни, что иллюстрировало выход из трудного периода и финансовых кризисов конца XX в., то со временем они стали реже декларировать свои успехи в различных жизненных сферах. Динамика положения объективно бедных при этом заметно отличалась от населения в целом – их положение со временем улучшалось, и к 2023 г. они отмечали жизненные достижения в разных сферах практически в равной степени с населением в целом, заметно сократив те различия, которые наблюдались в 2003 г. Показательно,

¹ Анкетный вопрос: «Удалось ли Вам за последние 3 года?» (в ответах представлен список вариантов достижений); вариант ответа «Ничего из перечисленного реализовать не планировали» представлен только в анкете 2023 г.; сортировка – по убыванию оценок всего населения за 2023 г..

что в 2023 г. они реже остальных говорили о том, что не ставили перед собой никаких целей. Единственное, что бедные по доходам декларируют значимо реже, чем население в целом – это улучшение жилищных условий, что, вероятнее всего, связано с необходимостью значительных материальных вложений. При этом достижений, связанных с иными, менее значительными затратами (дорогостоящие приобретения, путешествия и даже открытие собственного дела), представители этой группы добиваются или столь же часто, или даже чаще, чем россияне в целом. Все это подчеркивает скорее неглубокий характер бедности по доходам.

Субъективно бедные гораздо реже отмечают, что им удалось добиться тех или иных улучшений в своей жизни. Крайне редко представители этой группы отмечают достижения в улучшении материального положения и в возможностях осуществлять дорогостоящие покупки, что сильно отличает бедных по самооценке от населения в целом и даже от объективно бедных. Это вновь показывает связь субъективной бедности, в первую очередь, с неудовлетворенностью материальными аспектами своей жизни, хотя причины этого могут лежать не только в нехватке средств, но и в специфике запросов.

Таким образом, если в 2000-е гг. разница в жизненных достижениях между бедными и небедными была более заметна, но меньше зависела от объективного или субъективного характера бедности, то к 2023 г. объективно бедные практически перестали отличаться по уровню достижений от россиян в целом, в то время как у субъективно бедных ситуация по сравнению со средним по стране скорее ухудшилась. Неудивительно, что оценка реализации общих жизненных планов в этих группах (табл. 4) показывает схожую картину.

Таблица 4 (Table 4)

Оценка реализации жизненных планов среди бедных по доходам, бедных по самооценке и населения в целом, 2023 г., %¹
Estimated realization of life plans among the income poor, the self-perceived poor, and the general population, 2023, %

Оценка реализации жизненных планов	Бедные по доходам	Бедные по самооценке	Все население
Достигли в общем всего, к чему стремились и на что были способны	7,2	5,4	13,8
Многого добились, но, кажется, были способны на нечто большее	21,9	16,1	28,3
Добились значительно меньше того, на что были способны	35,8	47,3	31,8
Считают себя неудачниками, так как почти ничего не добились	9,1	18,1	4,5
Рано подводить итоги, еще добьются того, чего пока не удалось	26	13,1	21,7

Примечание. Желтым фоном выделены ячейки, оценки в которых отличаются как минимум в 1,5 раза по сравнению со средним по стране; синим – как минимум в 2 раза; зеленым – как минимум в 4 раза.

¹ Анкетный вопрос: «Насколько в целом реализовались Ваши жизненные планы?».

Бедные по доходам оказываются ближе по оценкам степени реализации своих жизненных планов к населению в целом, в то время как субъективно бедные отличаются заметно более негативными оценками. Восприятие себя как «неудачника» в большей степени присуще именно бедным россиянам, но при этом среди субъективно бедных таковых почти пятая часть, в то время как среди объективно бедных – чуть меньше десятой части (по населению в целом – 5%).

Среди объективно бедных при этом достаточно много тех, кто верит в реализацию своих жизненных планов в будущем. Это может быть связано как с более оптимистичным настроем, так и с тем, что бедные по доходам сравнительно моложе.

Социально-психологическое благополучие объективно и субъективно бедных

Довольно ярко демонстрирует разницу между бедными также динамика испытываемых ими чувств, свидетельствующая об изменениях социально-психологического состояния. В начале рассматриваемого периода многие россияне находились в схожем неблагоприятном положении. В результате, в 2003 г. наблюдалось сходство в чувствах как бедных, так и населения в целом. Однако к 2023 г. ситуация изменилась: если бедные по доходам оказываются все более похожими по испытываемым ими чувствам на усредненный портрет населения в целом (разница со средним по стране в большинстве случаев не превышает 1,5-кратную), то бедные по самооценке существенно чаще испытывают различные негативные чувства (табл. 5).

Разного рода волнения (страх перед будущим, неспособность повлиять на происходящее и восприятие происходящего как несправедливого) в 2023 г. на регулярной основе испытывали примерно четверть россиян, среди бедных по доходам – менее трети (т. е. и для первых, и для вторых это стало нетипичным явлением), в то время как среди бедных по самооценке – практически половина. Ощущение, что «так дальше жить нельзя», регулярно испытывали 16,8% россиян и 25,5% бедных по доходам, в то время как среди бедных по самооценке – практически 40%. Это позволяет заключить, что и по самоощущению группы бедных все больше отдаляются друг от друга, причем субъективно бедные и в этом отношении находятся в сравнительно худшем положении.

Стоит отдельно отметить, что субъективно бедные существенно реже указывают, что могут положиться на кого-либо в трудной ситуации. Однако при этом они не являются действительно исключенными из системы социальных связей. Лишь 8,1% респондентов не общаются ни с кем, кроме членов семьи и 2% – вообще ни с кем не общаются (среди бедных по доходам аналогичные доли составляют 5,3 и 1,9%, столь же редко распространены такие ситуации и среди населения в целом). Кроме того, нельзя сказать, что бедные по самооценке существенно отличаются по тем возможностям, которые дает им социальный ресурс: по их самооценке, им все же доступны

те или иные виды помощи от ближайшего окружения, даже если среди них реже встречаются более сложные / значимые их виды. Таким образом, чувство, что бедным по самооценке никто не поможет в трудную минуту, свидетельствует об особом социально-психологическом настрое этой категории россиян.

Таблица 5 (Table 5)

Испытываемые чувства среди бедных по доходам,
бедных по самооценке и населения в целом, 2003–2023 гг., %
*Experienced feelings among the income poor,
the self-esteem poor, and general population, 2003–2023, %*

Частота	Бедные по доходам			Бедные по самооценке			Все население		
	2003	2013	2023	2003	2013	2023	2003	2013	2023
Испытывал(а) страх перед будущим¹									
Часто	23,6	22,7	25,4	27,8	24,1	45,6	18,2	12,4	23,1
Никогда	40,9	37,6	13,2	36,4	31,3	9,1	42,5	43,9	19,9
Чувствовал(а) собственную беспомощность повлиять на происходящее вокруг									
Часто	43	29,5	30,7	49,2	44	48,7	34,4	21,6	26,1
Никогда	13,5	18,8	19,3	11,3	11,3	10,7	18,6	30,7	23,3
Чувствовал(а) несправедливость всего происходящего вокруг									
Часто	57,9	48,6	30,7	65,5	57,3	53,2	50,2	29,5	25,8
Никогда	5,1	9,5	17,2	4,7	3,9	12,1	9,5	22,6	21,9
Чувствовал(а), что дальше так жить нельзя									
Часто	42,6	25,7	25,6	49,4	33,7	38,7	33,6	15,5	16,8
Никогда	15	18,9	27,8	13	11,9	20,2	24,5	42,6	41,4
Чувствовал(а) надежную поддержку близких и коллег, знал, что они придут на помощь, если понадобится									
Часто	44,7	30,9	43,8	41,3	29,1	28,3	47	37,8	45,7
Никогда	13,7	19,4	9,3	15,2	19,1	13,5	12,1	17,7	6,7

Примечание. Россияне могли выбрать 1 из 3 вариантов ответов (часто, редко, никогда); в таблице опущены оценки «редко»; желтым выделены ячейки, оценки в которых отличаются как минимум в 1,5 раза по сравнению со средним по стране; синим – отличающиеся как минимум в 2 раза; зеленым – как минимум в 4 раза.

Кроме того, бедные по самооценке демонстрируют повышенную тревожность по сравнению с бедными по доходам в отношении собственного будущего (65,1 против 47,3%), чаще ожидают ухудшения своего материального положения в ближайший год (50,3 против 22,2%) и т. д.

Насколько, согласно оценкам самого населения, они могут влиять на динамику своего положения и свою жизнь в целом, и есть ли различия в соответствующих установках между бедными по доходам и по самооценке? Данные показывают, что такие различия действительно наблюдаются (табл. 6).

¹ В 2003 и 2013 гг. в качестве причины страха указывалась ситуация на работе, в 2023 г. – неопределенность будущего.

Таблица 6 (Table 6)

Установки в отношении возможности управлять своей жизнью среди бедных по доходам, бедных по самооценке и населения в целом, 2013–2023 гг., %
Attitudes toward the ability to manage their lives among the income poor, self-esteem poor, and general population, 2013–2023, %

Альтернативные суждения	Бедные по доходам		Бедные по самооценке		Все население	
	2013	2023	2013	2023	2013	2023
Человек сам кузнец своего счастья, и успех и неудачи – все в его руках	51,3	61,5	38,9	45,6	55,2	61,6
Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями	48,7	38,5	61,1	54,4	44,8	38,4

За последнее десятилетие распространенность среди населения установки на ответственность за свою жизнь росла. Даже несмотря на сложные обстоятельства последних лет, по данным исследований, в 2023 г. среди россиян доминировали те, кто принимал ответственность за свою жизнь на себя – по сравнению с теми, кто считал, что она диктуется внешними обстоятельствами (соотношение составляло 2:1 как среди россиян в целом, так и среди бедных по доходам). При этом бедные по самооценке вновь отличались повышенной долей тех, кто считает, что ключевую роль играют внешние обстоятельства, и это отличие было довольно сильным как в 2013 г., так и в 2023 г., хотя динамика в этом вопросе, схожая с общероссийской, все же наблюдалась и в этой группе. В 2023 г. чуть более половины бедных по самооценке считали, что жизнь человека определяется внешними обстоятельствами. Неудивительно, что для них не было свойственно и планирование своей жизни: если в целом в 2023 г. вообще не планировали и жили «сегодняшним днем» 57,4% россиян, а среди бедных по доходам – 60,8%, то среди бедных по самооценкам эта доля достигала 80,2%. Это еще больше подчеркивает пассивность в отношении собственного будущего бедных по самооценке.

Несмотря на множественные расхождения во взглядах и чувствах объективно и субъективно бедных россиян, есть и то, что их сближает – все они ощущают серьезную зависимость от государства. Из пары суждений «Я смогу сам(а) обеспечить себя и свою семью» и «Без поддержки со стороны государства мне и моей семье не выжить» бедные по доходам и бедные по самооценке в подавляющем большинстве выбирают вторую альтернативу (66,8 и 69,8 – при 48,8% по населению в целом). Безусловно, степень и форма зависимости от государства у них может различаться, но фактом остается то, что большинство представителей этих групп характеризуется острым ощущением уязвимости своего положения без государственной поддержки.

Исходя из данных об основных источниках дохода, можно предположить, что бедные по самооценке зависимы от государства сильнее: среди них почти половина (45%) в качестве основного источника дохода отметили

пенсии, пособия, алименты, помощь от государства и общественных организаций и т. п., тогда как среди бедных по доходам и россиян в целом таковых примерно треть (36,6¹ и 31,7%, соответственно). Однако в целом данные свидетельствуют о том, что ощущение необходимости поддержки от государства и неспособности влиять на свою жизнь и на происходящее вокруг нельзя сводить к материальной зависимости от государства. Так, выше мы уже показывали, что хотя доля пенсионеров в составе субъективно бедных велика, но в двух третях случаев – это не пенсионеры.

Представления объективно и субъективно бедных россиян о будущем страны

Выше мы говорили о тех оценках, которые объективно и субъективно бедные россияне дают своей собственной жизни, а в данном разделе обратимся к их представлениям о будущем страны (см. табл. 7).

Первое, что можно отметить в этой связи – это преобладание запроса на стабильность по сравнению с запросом на перемены как среди населения в целом, так и бедных по доходам и бедных по самооценке. Хотя бедные по самооценке несколько чаще говорят о необходимости существенных перемен в обществе (42,6 при 38,9% среди бедных по доходам и 38,2% среди населения в целом), даже среди них такая позиция не является доминирующей. Эта ситуация достаточно заметно отличается от картины двадцатилетней давности, когда сторонники стабильности и сторонники перемен были сопоставимы по численности, и вторые даже несколько преобладали. В данном отношении динамика представлений среди бедных, выделенных как по объективному, так и по субъективному критерию, повторяла общероссийскую: резкое снижение запроса на перемены в 2003–2013 гг. с некоторым последующим его восстановлением (хотя далеко не полностью компенсирующим спад предыдущего десятилетия) в 2013–2023 гг.

Не отличаются между собой бедные, выделенные по объективному и субъективному критерию, и по представлениям о том, каким путем должна идти Россия. В этом вопросе они репрезентируют все население: подавляющее большинство считает, что наша страна не может жить по правилам западных стран. В 2013 г., по сравнению с 2003 г., наблюдался подъем западнических настроений (хотя доля сторонников такого варианта развития даже на тот момент составляла лишь чуть более трети – как среди населения в целом, так и среди бедных по доходам и бедных по самооценке), но к 2023 г. этот подъем был нивелирован еще большим спадом в числе сторонников «западного пути». Разочарование в западной модели и пони-

¹ Заметно расхождение доли зависящих, по их самооценке, от поддержки со стороны государства, по их самооценкам (66,8%) и непосредственно получающих трансферы (36,6%) среди бедных по доходам. По всей видимости, часть получающих государственные трансферты бедных по доходам зачастую расценивают эти поступления как важный источник своих доходов, но не как основной. Также, говоря о поддержке со стороны государства, бедные россияне могут иметь в виду не только выплаты, но и предоставляемые льготы и немонетарные возможности (бесплатное здравоохранение, образование и пр.).

мание необходимости учета цивилизационной специфики России – часть общественного консенсуса, разделяемая в том числе и менее благополучной частью общества.

Таблица 7 (Table 7)

Установки в отношении будущего вектора развития страны среди бедных по доходам, бедных по самооценке и населения в целом, 2013–2023 гг., %

Attitudes toward the country's future development vector among the income poor, self-perceived poor, and general population, 2013–2023, %

Альтернативные суждения	Бедные по доходам			Бедные по самооценке			Все население		
	2003	2013	2023	2003	2013	2023	2003	2013	2023
Страна нуждается в существенных переменах ¹	52,8	30,9	38,9	53,2	28,2	42,6	53,7	31,6	38,2
Страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены	47,2	69,1	61,1	46,8	71,8	57,4	46,7	68,4	61,8
Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны	22	34	18,9	22,9	30,2	21,5	28	36,5	21,7
Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни	78	66	81,1	77,1	69,8	78,5	72	63,5	78,3
Равенство возможностей для проявления способностей каждого человека важнее, чем равенство доходов и условий жизни	59	56,7	60,4	60,6	61,4	53	66,9	68,4	61,8
Равенство доходов, положения и условий жизни каждого человека важнее, чем равенство возможностей для проявления способностей	41	43,3	39,6	39,4	38,6	47	33,1	31,6	38,2
Путь, по которому идет сейчас Россия, даст в перспективе положительные результаты	-	-	67,2	-	-	58,7	-	-	73,5
Путь, по которому идет сейчас Россия, ведет страну в тупик	-	-	32,1	-	-	41,3	-	-	25,8

Примечание. Желтым фоном выделены ячейки, оценки в которых отличаются как минимум в 1,5 раза по сравнению со средним по стране.

¹ В 2003 г. формулировки альтернативных суждений отличались, респонденты делали выбор между следующими вариантами: «Общество нуждается в существенных переменах» и «Я не рассчитываю на перемены к лучшему и считаю, что главное – не допустить дальнейшего ухудшения ситуации».

Что же касается выбора в дилемме «равенство возможностей – равенство доходов», который демонстрирует общие нормативные представления населения о том, как должен реализовываться принцип справедливости в обществе, то в этом вопросе бедные по самооценке сегодня демонстрируют отличия как от бедных по доходам, так и от населения в целом, предъявляя сравнительно больший запрос на равенство доходов – среди них он достигает 47% респондентов. Это означает, что к росту запроса на равенство доходов по сравнению с равенством возможностей приводят не столько сам низкий уровень дохода, сколько восприятие его таковым. Важно, что при этом запрос на социальную справедливость как ключевой элемент развития страны выражен среди субъективно бедных в большей мере, чем у россиян в целом. Но, по всей видимости, в настоящее время они не наблюдают реализации этого принципа на практике – так, например, говоря о причинах благополучного положения в современном российском обществе, 53,7% из них приписывают его везению и наличию социальных связей (при 37% среди объективно бедных и 34,6% по населению в целом).

Наконец, говоря о перспективах страны, бедные настроены чуть менее оптимистично россиян в целом, и среди бедных по самооценке доля считающих, что страна идет в тупик, даже превышает 40% (при четверти среди населения в целом и трети – среди бедных по доходам). Однако все-таки и среди них большинство все же верит в «светлое будущее» страны, пусть и в грядущей перспективе.

К выводам

Несмотря на расхождение оценок масштабов бедности, полученных по официальным и опросным данным, можно уверенно говорить о том, что последние 20 лет принесли заметное сокращение объективной бедности по доходам; снизилась за это время и субъективная бедность по самооценкам. Основные изменения в численности групп пришлось на первую половину рассматриваемого нами периода (2003–2013 гг.). Если в 2003 г. объективная и субъективная бедность в заметной степени пересекались (более половины каждой из этих групп были бедны и по второму критерию), то сокращение их масштабов сопровождалось их расхождением между собой как с точки зрения их пересечения на микроуровне, так и формирования в них характерных особенностей каждой. В итоге, к 2023 г. объективно бедные в большей степени отличаются от населения в целом по своему социально-демографическому портрету, но в меньшей степени – по оценкам различных сфер жизни. В отношении субъективно бедных сложилась иная ситуация – хотя они не проявляют ярких отличий от населения в целом в своем портрете, но отличаются явным пессимизмом в оценках своей жизни и ее динамики. В итоге, субъективно бедные значительно чаще оценивают разные аспекты своей жизни как плохие, и отличия в негативных оценках по сравнению с россиянами в среднем достигают до 2–4-кратных. При этом субъективная оценка своего материального положения, которая лежала в основе выделения

этой группы, показывает наибольшую корреляцию с оценкой базовых сторон жизни – качеством питания и одежды. Что касается бедных по доходам, то в 2023 г. они практически не отличаются от россиян в целом по уровню качественных изменений в своей жизни (правда, стоит отметить, что эта ситуация поменялась за последние двадцать лет, и в том числе за счет того, что достижения среди россиян в целом сократились); близки они к остальному населению и по оценке реализации поставленных жизненных планов.

Что касается особенностей социально-психологического самочувствия этих групп, то в начале «нулевых» годов бедные по доходам и бедные по самооценке были достаточно схожи в том, как они воспринимали окружающую действительность и как оценивали свои возможности повлиять на собственное положение. За 20 лет в обеих группах проявились положительные тренды: степень недовольства окружающей действительностью и ощущение беспомощности среди них сократились. Однако разная скорость этих изменений привела к тому, что в 2023 г. бедные по доходам стали близки к средней картине по населению в этом отношении, в то время как бедные по самооценке все еще отличаются повышенным пессимизмом и в отношении возможностей своего влияния на собственное положение, и в оценках будущего. С другой стороны, в отношении оценок будущего страны и пути развития, которым должна следовать Россия, бедные и по объективному, и по субъективному критерию мало отличаются от россиян в целом: большинство считает, что путь, которым идет Россия в 2023 г., даст в перспективе положительный результат. Сближает эти группы и уверенность в том, что путь развития страны должен быть «особым», соответствующим цивилизационной специфике, а не выстроенным по моделям других стран. При этом и объективно, и субъективно бедные предъявляют первоочередной запрос на стабильность, а не на перемены.

Гипотеза, что бедность по самооценке является следствием высокой материальной зависимости от государства (в случае различного рода пенсионеров), не подтвердилась. Отсутствие четкого «портрета» субъективно бедного может говорить о том, что эта группа гетерогенна. Она объединяет представителей разных групп, чье недовольство своим материальным положением вызвано качественно различными причинами – невозможностью справиться с объективными жизненными проблемами, особой спецификой расходов даже при доходах выше прожиточного минимума, спецификой представлений о «должном» и «полагающемся по справедливости», соответствующими запросами и невозможностью их реализации в текущих условиях, неопределенностью будущего и ощущением отсутствия контроля над своей жизнью и пр. В этом отношении говорить о субъективной бедности в рамках задачи по определению адресатов социальной политики или при реализации мер социальной помощи населению нет возможности. Однако мониторинг этого показателя дает очень ценную информацию о социальном самочувствии российских граждан и общественных настроениях, а также о том, насколько отражаются на них меры по снижению объективной бедности, реализация которых будет продолжаться для достижения национальных целей развития в соответствии с Указом Президента РФ.

Библиографический список

1. Бедность и бедные в современной России / Под общ. ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир. 2014. 304 с. EDN: SXPYHR.
2. Белопашенцева П. В. Официальная и субъективная бедность в России: влияние событий 2020–2021 гг. // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 78–90. DOI: 10.31857/S013216250028306-9; EDN: OQNXMT.
3. Белопашенцева П. В. Что говорит о российской бедности депривационный подход? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4(170). С. 110–129. DOI: 10.14515/monitoring.2022.4.2224; EDN: WUOLWD.
4. Жаромский В. С. Построение комплексной оценки бедности по трем профилям бедности // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 1. С. 92–105. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00007; EDN: ICOEVN.
5. Зудина А. А. Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России // Экономическая социология. 2013. № 3(14). С. 27–63. EDN: RYIHNP.
6. Карабчук Т. С., Пашинова Т. Р., Соболева Н. Э. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. Социология. Этнология. 2013. Т. 22. № 1. С. 155–175. EDN: PVKGDТ.
7. Косова Л. Б. Основания успеха: результаты сравнительного анализа оценок субъективного статуса // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2014. № 3–4. С. 118–127.
8. Малева Т. М., Гришина Е. Е., Бурдяк А. Я. Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту? // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 24–40. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-12-24-40; EDN: ALZPDV.
9. Овчарова Л. Н. Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16. С. 15–38.
10. Овчарова Л. Н., Прокофьева Л. М., Токсанбаева М. С. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. М.: МЦ Карнеги, 1998. 281 с.
11. Пишняк А. И., Халина Н. В. и др. Уровень и профиль хронической бедности в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 2. С. 56–73. DOI: 10.31737/2221-2264-2021-50-2-3; EDN: UZLIDK.
12. Слободенюк Е. Д. Факторы абсолютной и субъективной бедности в современной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. № 3-4(123). С. 82–92. DOI: 10.24411/2070-5107-2016-00017; EDN: YKKCTZ.
13. Тихонова Н. Е. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. № 3-4(126). С. 17–29. DOI: 10.24411/2070-5107-2018-00001; EDN: MFFBON.

14. Тихонова Н. Е., Слободенюк Е. Д. Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Т. 31. № 1. С. 113–137. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-113-137; EDN: SXNSOS.
15. Тихонова Н. Е., Слободенюк Е. Д. Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 36–49. EDN: RZUCOB.
16. Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней / Под ред. Л. Н. Овчаровой. М.: ВШЭ, 2014. 35 с.
17. Buttler F. What determines subjective poverty? An Evaluation of the Link between Relative Income Poverty Measures and Subjective Economic Stress within the EU. Preprint of the DFG Research Unit «Horizontal Europeanization». Oldenburg, 2013.
18. Goedhart T., Halberstadt V. et al. The poverty line: concept and measurement // Journal of human resources. 1978. No. 12(4). P. 503–520. DOI: 10.2307/145372.
19. Jackman M. R., Jackman R. W. An interpretation of the relation between objective and subjective social status // American sociological review. 1973. No. 5(38). P. 569–582. DOI: 10.2307/2094408.
20. Mahmood T., Yu X., Klasen S. Do the poor really feel poor? Comparing objective poverty with subjective poverty in Pakistan // Social Indicators Research. 2019. Vol. 142. P. 543–580. DOI: 10.1007/s11205-018-1921-4.
21. Posel D., Rogan M. Measured as poor versus feeling poor: Comparing money-metric and subjective poverty rates in South Africa // Journal of human development and capabilities. 2016. Vol. 17. No. 1. P. 55–73. DOI: 10.1080/19452829.2014.985198.
22. Ravallion M. Poor, or just feeling poor? On using subjective data in measuring poverty // Happiness and economic growth. 2014. November. P. 140–178. DOI: 10.1596/1813-9450-5968.
23. Rojas M. Experienced poverty and income poverty in Mexico: A subjective well-being approach // World Development. 2008. Vol. 36. No. 6. P. 1078–1093. DOI: 10.1016/j.worlddev.2007.10.005.
24. Siposné N. E. Subjective poverty and its relation to objective poverty concepts in Hungary // Social Indicators Research. 2011. Vol. 102. P. 537–556. DOI: 10.1007/s11205-010-9743-z.
25. Vos K., Garner T. I. An evaluation of subjective poverty definitions: Comparing results from the US and the Netherlands // Review of Income and Wealth. 1991. Vol. 37. No. 3. P. 267–285. DOI: 10.1111/j.1475-4991.1991.tb00371.x.
26. Wang H. et al. Poverty and subjective poverty in rural China // Social Indicators Research. 2020. Vol. 150. P. 219–242. DOI: 10.1007/s11205-020-02303-0.

27. Želinský T., Mysíková M., Garner T. I. Trends in subjective income poverty rates in the European Union // *The European Journal of Development Research*. 2022. Vol. 34. No. 5. P. 2493–2516. DOI: 10.1057/s41287-021-00457-2.

Получено редакцией: 27.05.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белопашенцева Полина Владимировна, младший научный сотрудник

Слободенюк Екатерина Дмитриевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник

Мареева Светлана Владимировна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3

Objective and Subjective Poverty in Russia: What the Last 20 Years Have Brought

Polina V. Belopashentseva

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

pbelopashentseva@hse.ru

ORCID: 0000-0003-3812-3957

Ekaterina D. Slobodenyuk

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

eslobodenyuk@hse.ru

ORCID: 0000-0002-4255-5050

Svetlana V. Mareeva

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

s.mareeva@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2057-8518

For citation: Belopashentseva P. V., Slobodenyuk E. D., Mareeva S. V. Objective and Subjective Poverty in Russia: What the Last 20 Years Have Brought. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 34–59. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3; EDN: XQRQOZ.

Abstract. The presented article is devoted to changes in the scale and qualitative characteristics of objective and subjective poverty in Russian society over the past 20 years. Based on the data of all-Russian empirical studies conducted by the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences in 2003, 2013 and 2023, the dynamics of the number of objectively and subjectively poor Russians, the areas of intersection of these groups, their living conditions, their perception of their situation and ideas about the future of the country are traced. The obtained results indicate a noticeable reduction in both objective poverty (by income level) and subjective poverty (by self-assessment of their financial situation) among Russians over the past 20 years, which mainly occurred in the first half of this period. The reduction in the shares of objective and subjective poverty was accompanied by their divergence. As a result, an ever smaller share of Russians find themselves in the poverty zone simultaneously in both of these dimensions, and the portraits and characteristics of these groups differ increasingly. The objectively poor differ less in their assessments of their situation and opportunities in various spheres from the population as a whole, which indicates, on the one hand, the relatively shallow nature of income poverty, and on the other, the modest standard of living of the “typical Russian”. The subjectively poor are characterised by more noticeable differences from the population as a whole, in particular, negative assessments of many spheres of their lives. A similar situation is observed with the socio-psychological well-being of representatives of these groups: although over the past 20 years it has improved both among the poor by income and among the poor by self-assessment, positive changes in the first group occurred faster. As a result, the poor by self-assessment are characterised by a higher level of pessimism and

anxiety compared to other Russians. In terms of assessments of Russia's development path, both objectively and subjectively the poor differ little from other Russians, demonstrating a public consensus: the population believes in a bright future for the country, but on the condition that it follows a special path that allows for social stability. Finally, it is important to note that the subjectively poor cannot be reduced to pensioners: the data confirm that this group is heterogeneous in its composition, which determines the absence of a clear portrait and the impossibility of identifying it as a "single addressee" of socio-economic policy.

Keywords: sociology, poverty, subjective poverty, income poverty, social status, social well-being, socio-economic well-being

References

1. Poverty and poor in modern Russia. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' Mir, 2014: 304 (in Russ.). EDN: SXPYHR.
2. Belopashentseva P. V. Official and subjective poverty in Russia: the impact of 2020–2021 events. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2023: 10: 78–90 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250028306-9; EDN: OQNXMT.
3. Belopashentseva P. V. What does the deprivation approach say about Russian poverty? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2022: 4: 110–129 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2022.4.2224; EDN: WUOLWD.
4. Zharomsky V. S. Building an integrated poverty measure by three poverty profiles. *Narodonaselenie*, 2019: 22(1): 92–105 (in Russ.). DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00007; EDN: ICOEVN.
5. Zudina A. A. Informal employment and subjective social status: the case of Russia. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2013: 14(3): 27–63 (in Russ.). EDN: RYIHPN.
6. Karabchuk T. S., Pashinova T. R., Soboleva N. E. Bednost domohozyajstv v Rossii: chto govoryat dannye RMEZ VSHE [Household poverty in Russia: what does the RLMS HSE data say]. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*, 2013: 1: 155–175 (in Russ.). EDN: PVKGDT.
7. Kosova L. B. The grounds for success: the results of a comparative analysis of subjective status assessments. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*, 2014: 3–4(118): 118–127 (in Russ.).
8. Maleva T. M., Grishina E. E., Burdyak A. Y. Chronic poverty: what affects its level and severity? *Voprosy ekonomiki*, 2020: 12: 24–40 (in Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2020-12-24-40; EDN: ALZPDV.
9. Ovcharova L. N. Teoretiko-metodologicheskie voprosy opredeleniya i izmereniya bednosti [Theoretical and methodological issues of definition and measurement of poverty]. *SPERO. Socialnaya politika: ekspertiza, rekomendacii, obzory*, 2012: 16: 15–38 (in Russ.).
10. Ovcharova L. N., Prokof'eva L. M., Toksanbaeva M. S. Bednost': al'ternativnye podhody k opredeleniyu i izmereniyu [Poverty: alternative approaches to definition and measurement]. Moscow, MC Karnegi, 1998: 281 (in Russ.).
11. Pishnyak A. I., Khalina N. V. et al. The level and the profile of persistent poverty in Russia. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi associacii*, 2021: 2: 65–73 (in Russ.). DOI: 10.31737/2221-2264-2021-50-2-3; EDN: UZLIDK.
12. Slobodenyuk E. D. Factors of absolute and subjective poverty in modern Russia. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*, 2016: 3-4(123): 82–92 (in Russ.). DOI: 10.24411/2070-5107-2016-00017; EDN: YKKCTZ.
13. Tikhonova N. E. Subjective stratification of Russian society model and its dynamic. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*, 2018: 3-4(126): 17–29 (in Russ.). DOI: 10.24411/2070-5107-2018-00001; EDN: MFFBOH.
14. Tikhonova N. E., Slobodenyuk E. D. Poverty of Russian professionals: scale, causes, trends. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*, 2022: 31(1): 113–137 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-1-113-137; EDN: SXNSOS.
15. Tikhonova N. E., Slobodenyuk E. D. The heterogeneity of poverty in Russia through the prism of deprivation and absolute approaches. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2014: 1: 36–49 (in Russ.). EDN: RZUCOB.

16. Uroven i profil bednosti v Rossii: ot 1990-h godov do nashikh dney [The level and profile of poverty in Russia: from the 1990s to the present day]. Ed. by L. N. Ovcharova. Moscow, VSHE, 2014: 35 (in Russ.).
17. Buttler F. What Determines Subjective Poverty? An Evaluation of the Link between Relative Income Poverty Measures and Subjective Economic Stress within the EU. Preprint of the DFG Research Unit «Horizontal Europeanization». Oldenburg, 2013.
18. Goedhart T., Halberstadt V. et al. The poverty line: concept and measurement. *Journal of human resources*, 1978: 12(4): 503–520. DOI: 10.2307/145372.
19. Jackman M. R., Jackman R. W. An interpretation of the relation between objective and subjective social status. *American sociological review*, 1973: 5(38): 569–582. DOI: 10.2307/2094408.
20. Mahmood T., Yu X., Klasen S. Do the poor really feel poor? Comparing objective poverty with subjective poverty in Pakistan. *Social Indicators Research*, 2019: 142: 543–580. DOI: 10.1007/s11205-018-1921-4.
21. Posel D., Rogan M. Measured as poor versus feeling poor: Comparing money-metric and subjective poverty rates in South Africa. *Journal of human development and capabilities*, 2016: 17(1): 55–73. DOI: 10.1080/19452829.2014.985198.
22. Ravallion M. Poor, or just feeling poor? On using subjective data in measuring poverty. *Happiness and economic growth*, 2014: November: 140–178. DOI: 10.1596/1813-9450-5968.
23. Rojas M. Experienced poverty and income poverty in Mexico: A subjective well-being approach. *World Development*, 2008: 36(6): 1078–1093. DOI: 10.1016/j.worlddev.2007.10.005.
24. Sipošné N. E. Subjective poverty and its relation to objective poverty concepts in Hungary. *Social Indicators Research*, 2011: 102: 537–556. DOI: 10.1007/s11205-010-9743-z.
25. Vos K., Garner T. I. An evaluation of subjective poverty definitions: Comparing results from the US and the Netherlands. *Review of Income and Wealth*, 1991: 37(3): 267–285. DOI: 10.1111/j.1475-4991.1991.tb00371.x.
26. Wang H. et al. Poverty and subjective poverty in rural China. *Social Indicators Research*, 2020: 150: 219–242. DOI: 10.1007/s11205-020-02303-0.
27. Želinský T., Mysíková M., Garner T. I. Trends in subjective income poverty rates in the European Union. *The European Journal of Development Research*, 2022: 34(5): 2493–2516. DOI: 10.1057/s41287-021-00457-2.

The article was submitted on: May 27, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Polina V. Belopashentseva, Junior Researcher

Ekaterina D. Slobodenyuk, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher

Svetlana V. Mareeva, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher

ТЕМА НОМЕРА

СТРАТИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.4

EDN: UQWQVD

Специфика субъективного благополучия россиян из разных типов поселений

Ссылка для цитирования: Сушко П. Е. Специфика субъективного благополучия россиян из разных типов поселений // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 60–81. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.4; EDN: UQWQVD.

For citation: Sushko P. E. Specificity of Subjective Well-Being of Russians from Different Types of Settlements. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 60–81. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.4; EDN: UQWQVD.

Сушко Павел Евгеньевич¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

sushkope@mail.ru

SPIN-код: 5574-6340

Аннотация. В данной статье анализируется специфика субъективного социального благополучия в контексте поселенческих неравенств. Эмпирической основой анализа являются данные общероссийских репрезентативных исследований, проведенных Институтом социологии ФНИСЦ РАН. Показано, что за последние два десятилетия в массовом сознании россиян в части восприятия различных показателей социального благополучия происходили значимые сдвиги. Это привело к формированию устойчивой и в целом гармоничной картины субъективного социального благополучия у жителей всех типов поселений. При этом зафиксировано, что показатели, связанные с базовыми потребностями (оценки питания, одежды, жилищных условий, материальной обеспеченности и состояния здоровья) и социальным микромиром (оценки отношений в семье, возможностей в части общения с друзьями, реализации в профессии, получения необходимого образования, организации отдыха в период отпуска, проведения досуга, а также ситуации на работе) у большинства респондентов отличаются более позитивным их восприятием, нежели компоненты социального благополучия, характеризующие специфику локального сообщества (оценки места проживания, занимаемого в обществе положения, уровня личной безопасности и экологической ситуации) и условного «макромира» (оценки доступности Интернета и цифровых технологий, уровня социальной защищенности в случае потери работы, а также возможностей в части выражения политических взглядов, получения необходимой медицинской помощи и влияния на собственную жизнь). В статье показано, что субъективное социальное благополучие селян в сравнении с горожанами пока еще отличается в худшую сторону, за исключением вос-

приятия блока характеристик социального благополучия, связанного со спецификой локального сообщества, т. е. места проживания. В этом отношении сельчане по итогам исследования 2023 г. впервые опередили горожан. Выявлена в целом заметная тенденция сглаживания поселенческих различий в восприятии различных аспектов социального благополучия прежде всего за счет более высоких темпов улучшений субъективных оценок у сельчан. Отмечено также, что проблемный фон в восприятии социального благополучия формируется за счет относительной неудовлетворенности россиян отдельными аспектами жизни. Они связаны прежде всего со скептически оцениваемыми жителями всех населенных пунктов уровнем социальной защищенности индивида в случае потери им работы, неудовлетворенностью населением центров субъектов РФ сложившейся там экологической ситуацией, а также сохраняющимися проблемами с доступом к необходимой медицинской помощи на селе.

Ключевые слова: социальное благополучие, субъективное благополучие, территориальное неравенство, поселенческая дифференциация, российское общество

Введение

Проблема изучения социального благополучия в силу его комплексности и многоаспектности по-прежнему является довольно дискуссионной в социологической науке¹. Среди исследователей отмечается различная концептуализация данного понятия, фиксируется заметная дифференциация подходов и методов к его изучению, отсутствует единство взглядов на то, из каких именно составляющих должно складываться социальное благополучие индивида, через какие эмпирические индикаторы оно может быть измерено [8; 27; 35; 38]. Принципиальной остается методологическая рефлексия и обоснованность в использовании тех или иных методов анализа социального благополучия [11; 29]. По-прежнему открыт вопрос о сопоставимости объективных и субъективных показателей благополучия и потенциальных перспективах разработки универсальной исследовательской «линейки», позволяющей с равным успехом измерять благополучие всех групп и слоев общества [1; 13; 23].

Однако в последние годы в социальных науках все больше внимания отводится проблемам субъективного измерения различных аспектов жизни и социального благополучия, в частности. При этом отмечается, что именно сквозь призму самооценок гражданами собственного положения, сложившейся жизненной ситуации, восприятия более глобальных общественных процессов, могут быть раскрыты реальные зоны удовлетворенности и неудовлетворенности, благополучия и неблагополучия граждан. Так, далеко не всегда какие-либо объективные улучшения будут также позитивно отражаться на субъективных оценках населения и наоборот. Одним из первых ученых, обративших внимание на подобные расхождения, стал Р. Истерлин, работы которого положили начало тренду на исследование субъективных

¹ О масштабах этой дискуссии, к примеру, можно судить по коллективной монографии «Социологические подходы к изучению социального благополучия», демонстрирующей не только палитру трактовок социального благополучия и смежных с ним понятий, но и методологическое разнообразие существующих моделей анализа благополучия и его ключевых составляющих [24].

показателей благополучия [36]. В целом же по этой теме опубликован ряд концептуальных работ как в России [13; 14; 26; 30; 33], так и за рубежом [34; 37; 39], которые при этом значительно расходятся не только в методологии и методике анализа, но и в целом отличаются с точки зрения трактовки самого понятия благополучия и его ключевых детерминант.

В своих же исследованиях мы в первую очередь исходим из характера воздействия тех или иных детерминант социального благополучия на общее положение и статус индивида в обществе, а в трактовке М. Вебера – на его место в системе производственных отношений, в значительной степени определяющее модель потребления различных жизненных благ и, соответственно, тесно связанное с ощущением «внутренней удовлетворенности» теми или иными аспектами собственной жизни [40]. Подобный подход позволяет, с одной стороны, конкретизировать исследовательский фокус и отбирать для анализа только те индикаторы, которые могут значимым образом сказываться на социальной позиции и жизни индивида в целом, а с другой, – ставить вопрос о разных «точках отсчета» при трактовке благополучия, принимая тем самым тот факт, что для разных социальных групп оно не может быть одинаковым.

Это означает, что социальное благополучие с учетом отмеченной многоаспектности данного понятия не может анализироваться вне контекста социальных неравенств, острота и глубина которых продолжает нарастать во всем мире. Для российского общества в этом отношении одним из наиболее значимых с точки зрения восприятия собственного благополучия остается аспект территориального неравенства и усиливающий его фактор пространственной неоднородности прежде всего по экономическим и социальным возможностям для населения [6; 19].

По этим же причинам существуют сложности с организацией репрезентативных региональных социологических исследований, ограничиваемых во многом значительной стоимостью и существенными временными затратами на их проведение. Тем не менее в данном контексте все же исследуются отдельные факторы и составляющие социального благополучия, хотя и преимущественно на основе различных показателей региональной статистики. В этом отношении широко известны работы представителей экономической науки, рассматривающих различные макро- и микроэкономические показатели российских регионов [4] или дифференциацию уровня жизни с учетом территориальных различий [25].

В социологической науке роль территориального контекста в восприятии населением собственного социального благополучия пока изучена недостаточно и требует дополнительного внимания ученых. В имеющихся работах, соотносящихся с этой темой, центральное место отводится, как правило, объективным характеристикам социального благополучия, рассматриваемым прежде всего с точки зрения инфраструктурной доступности социальных институтов и услуг для населения [26], а также показателей устойчивости российских регионов к значимым шокам [32]. Субъективное же благополучие в территориальном ключе исследуется довольно редко [14; 16; 17].

Целью данного исследования с учетом обозначенных выше предпосылок стало выявление специфики взаимосвязей между оценками ключевых составляющих субъективного социального благополучия и типом

поселения, в котором проживает респондент. При поиске ответа на данный вопрос мы исходим скорее не из жестких формулировок и детальных классификаций, а из той идеи, что важно зафиксировать в первую очередь ключевые компоненты социального благополучия (а не все возможные), которые сами россияне считают для себя значимыми и посредством которых они формируют представления о себе и своем месте в обществе. При этом отобранные составляющие социального благополучия были сгруппированы в четыре блока компонентов по аналогии с тем, как мы ранее исследовали их в динамике [26, с. 65]. Подобный подход позволил рассмотреть интересующие нас взаимосвязи оценок социального благополучия с существующим в России поселенческим неравенством, но уже в контексте упорядоченной и содержательно обоснованной факторной структуры¹.

В качестве эмпирической базы исследования выступили данные опроса Института социологии ФНИСЦ РАН, проведенного в мае 2023 г. по общероссийской выборке ($n = 2000$), репрезентирующей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения. Для анализа динамических рядов использовались данные опросов этого же мониторинга за разные годы, а также других исследований с аналогичной моделью выборки².

Субъективное социальное благополучие: базовые компоненты и основа микромира россиян

Анализируя поселенческую специфику субъективного социального благополучия россиян, в первую очередь рассмотрим ситуацию с наиболее важными и зачастую наиболее болезненными для населения аспектами жизни, составляющими в совокупности основу их повседневного существования. В факторной структуре социального благополучия, методика выявления которой подробно представлена в наших предыдущих исследованиях, эти аспекты были сгруппированы в фактор, условно обозначенный нами как «*Базовые потребности*». Он объединил такие стороны жизни как общая

¹ Факторный анализ реализовывался в программе IBM SPSS Statistics (версия 28) по вопросу «Как Вы оцениваете следующие стороны своей жизни», заданный в табличной форме и предполагающий оценочные суждения респондентов по ранговой шкале. Использовался метод Варимакс с двойным вращением, процент объясненной дисперсии – 57%. Представленный перечень наиболее важных для россиян сторон жизни в ходе проведенного анализа был сгруппирован в четыре фактора, условно названных следующими интегральными понятиями: «Базовые потребности», «Микромир», «Локальное сообщество», «Взаимоотношения с государством». Компоненты включались в указанные факторы с коэффициентами не менее 0,4 [см. подробнее: 26, с. 71].

² Мониторинговые исследования ИС ФНИСЦ РАН проводятся с 2014 г. по настоящее время. С более подробной информацией о методических особенностях этих опросов можно ознакомиться в серии монографий, подготовленных по результатам этих опросов «Российское общество и вызовы времени», последняя из которых опубликована в 2024 г. Представленные в рамках данной статьи динамические ряды включали сведения и более ранних исследований РНИСиНП, ИКСИ РАН и ИС РАН [21, с. 339–343]. Сопоставимость используемых данных обеспечивается сохраняющейся моделью выборки, ее репрезентативностью по одним и тем же параметрам, постоянным подрядчиком, методом сбора данных и сохранением формулировок и закрытий анализируемых вопросов.

материальная обеспеченность, качество и характер питания, наличие возможностей по приобретению необходимой одежды и обуви, удовлетворенность текущими жилищными условиями и состоянием здоровья (табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Динамика восприятия городскими и сельскими жителями отдельных сторон жизни, составляющих фактор «Базовые потребности», 2003–2023 гг., п.п.¹ (указана разница положительных и отрицательных ответов)
Dynamics of urban and rural residents' perception of certain aspects of life, constituting the "Basic Needs" factor, 2003–2023, percentage points (the difference between positive and negative answers is given)

Аспекты жизни	2003	2008	2013	2018	2023
Городские жители					
Одежда	-11,7	18,3	21,9	19	24,9
Питание	9,6	27,4	36,5	28,8	34,5
Материальная обеспеченность	-29,5	0,1	2,7	-5,7	4,5
Жилищные условия	6,6	21,4	22,8	25,9	39,3
Состояние здоровья	1,1	12,9	22,2	14,3	13,9
Сельские жители					
Одежда	-24,4	11,3	13,5	15,5	26,3
Питание	2,2	23,1	33,2	31,3	37,7
Материальная обеспеченность	-42,1	-9,8	-2,3	-4,7	6,3
Жилищные условия	4	14,8	23,9	27,6	40,1
Состояние здоровья	-14,3	6,9	19,1	13,9	16

Динамика ключевых составляющих «базы» за последние два десятилетия свидетельствует, что в российском обществе были достигнуты заметные успехи и летом 2023 г.² фактически около 50–60% россиян выражали условную удовлетворенность по каждому из указанных критериев. Однако

¹ Здесь и далее в таблицах 3, 5, 7 для более наглядной демонстрации ключевых тенденций в оценках россиянами отдельных сторон жизни использовалась разница положительных и отрицательных ответов. Зеленым фоном выделены показатели, которые продемонстрировали значимый (более чем на 10 п.п.) рост позитивных оценок над негативными по отношению к предыдущему году. Красным фоном отмечены показатели, означающие значимое доминирование (более чем на 10 п.п.) негативных оценок над позитивными в каждом указанном году. Жирным шрифтом выделен максимальный показатель по столбцу. Приведенные в таблицах аспекты жизни представлены в порядке убывания коэффициентов их факторной нагрузки.

² Результаты репрезентативных социологических исследований, проводившихся различными исследовательскими структурами в летний период 2023 г., в динамическом отношении продемонстрировали общее улучшение социального самочувствия россиян и весьма заметный всплеск оптимистических оценок по целому ряду социально-значимых вопросов. Так, выросла уверенность в правильности выбранного страной курса, усилилась вера не только в устойчивость, но и в скорейшее улучшение социально-экономической обстановки, укрепились надежды граждан на достижимость благополучного будущего как для себя лично, так и государства в целом. Во многом подобные настроения были обусловлены реализуемыми Правительством РФ мерами поддержки различных социальных слоев и групп населения, позволившими сохранить приемлемый для граждан уровень жизни, избежать массового обеднения населения и инфляции, не допустить роста уровня безработицы и в целом повысить социальную защищенность работающих граждан и др.

по итогам опроса были зафиксированы и группы тех граждан, кто оценивал ситуацию в отношении некоторых базовых потребностей в негативном ключе. Так, самооценки материальной обеспеченности остаются для 14,9% жителей РФ неудовлетворительными, причем среди горожан (прежде всего из областных и республиканских центров) эта доля была выше общероссийских значений (16,7%) и сопоставима с сельской местностью (16,0%). Более низкие оценки материальной составляющей своего благополучия жителями центров субъектов РФ во многом обусловлены спецификой локального рынка труда, а также сложившимся там типом социально-профессиональной структуры, не позволяющих без значимых для индивида рисков менять избранную жизненную стратегию.

В отношении других базовых компонентов социального благополучия ситуация также выглядит весьма позитивно. Так, на момент проведения исследования большинство россиян вне зависимости от места проживания фактически перестал тревожить вопрос о характере питания и доступности желаемой одежды (недовольство по этому поводу в целом по РФ¹ выражает не более 4,3 и 6,9% граждан соответственно). Схожая ситуация наблюдается и при оценивании респондентами их текущих жилищных условий – в совокупности лишь около 6% россиян оценивает их как «плохие».

Вместе с тем анализируемые поселенческие различия в оценках «базовых потребностей» в недавнем прошлом имели другую картину [30]. Мониторинговые исследования ФНИСЦ РАН показывают, что коренной «перелом» в восприятии населением базовых составляющих социального благополучия произошел уже к 2008 г. Впоследствии, как среди горожан, так и среди селян нарастало доминирование положительных оценок над отрицательными по всем отмеченным базовым потребностям, хотя в начале наблюдаемого периода жизнь «на селе» оценивалась заметно хуже, чем в городе.

Анализ динамических рядов позволил выявить еще один важный тренд, связанный со сменой *лидирующей позиции*, наиболее позитивно оцениваемой компоненты социального благополучия в блоке «базовых потребностей». И среди горожан, и среди селян по итогам опроса 2023 г. это место занимают жилищные условия, что во многом объясняется развернувшимися масштабами строительства нового жилья и расширением доступности льготных ипотечных программ для различных категорий граждан вплоть до последнего времени².

Позитивные сдвиги наблюдались и при оценивании собственного здоровья, ситуация с которым улучшалась и до кризиса 2008 г., и даже в последующие пять лет. Однако уже к 2018 г. оценки этого аспекта благополучия вернулись на уровень десятилетней давности, да и после

¹ Особенности используемой выборки представлены как в данном тексте, так и в работах, в которых используются данные этого же мониторингового опроса. Его целевой аудиторией выступают представители массовых слоев населения России. Это дает нам возможность на основании полученных данных говорить обо всей генсовкупности.

² Обзор рынка ипотечного жилищного кредитования // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/Indicator_mortgage/1223/ (дата обращения: 10.06.2024).

пандемии COVID-19 значимых изменений в этом вопросе не произошло. Отчасти это может быть связано с рассогласованностью ожиданий граждан по поводу перспектив функционирования системы здравоохранения на фоне пандемии коронавируса и сложившимися к настоящему времени реальными возможностями пользоваться теми или иными медицинскими услугами. Так, в 2021 г. в отношении здравоохранения у россиян были наиболее позитивные ожидания в части влияния последствий пандемии на разные сферы жизни общества [9]. Однако уже в следующем году они стали менее оптимистичными, а среди россиян стало укрепляться мнение о доминирующем негативном влиянии пандемии на все сферы общественной жизни [22].

При анализе ситуации с «базовыми потребностями» в разрезе различных типов поселений можно обратить внимание на то, что в тройку наиболее оптимистично оцениваемых компонентов социального благополучия входят именно питание, одежда и жилищные условия (см. табл. 2). Во всех типах поселений по этим составляющим социального благополучия среди населения фиксируется меньше всего негативных оценок. Это в целом согласуется с выводами отечественных исследователей о том, что для российского общества не характерна проблема с массовой бедностью, даже в субъективном отношении, а скорее это общество массовых средних слоев [15; 20].

Таблица 2 (Table 2)

Поселенческая специфика восприятия россиянами отдельных сторон жизни, составляющих фактор «Базовые потребности», 2023 г.,

n.p. (указана разница положительных и отрицательных ответов)¹

Settlement specifics of Russians' perception of certain aspects of life, constituting the factor "Basic Needs", 2023,

percentage points (the difference between positive and negative answers is given)

Аспекты жизни	Москва и Санкт-Петербург	Областные, краевые, республиканские центры	Прочие города	Сельская местность	Россияне в целом
Одежда	33,8	21,1	24,6	29,6	26,3
Питание	41,6	33,8	32	44,9	37,7
Материальная обеспеченность	8,8	2,8	4,5	6,3	5,2
Жилищные условия	43,8	37,5	39,3	41,9	40,1
Состояние здоровья	8,3	13,5	16,8	20,5	16

¹ Здесь и далее в таблицах 4, 6, 8 для более наглядной демонстрации ключевых тенденций в оценках россиянами отдельных сторон жизни использовалась разница положительных и отрицательных ответов. Зеленым фоном выделены показатели, которые демонстрируют значимое доминирование позитивных оценок над негативными в сравнении с общероссийскими показателями, жирным шрифтом – три максимальных показателя по столбцу.

При этом ключевые проблемы с условной «базой» в большей мере выражены в городской России за исключением Москвы и Санкт-Петербурга, разительно отличающихся с точки зрения инфраструктурных и социально-экономических возможностей от ситуации по стране в целом [5]. Необходимо подчеркнуть, что традиционно более высокие оценки жителями сельской местности имеющейся «базы», особенно в части питания, одежды и здоровья, объясняются качественно иной точкой отсчета в представлениях о социальном благополучии на селе и традиционно более низким уровнем социальных притязаний в сравнении с городскими жителями.

В частности, некоторые российские исследователи отмечают, что субъективные представления о собственном благополучии и своем месте в системе социально-статусных позиций во многом определяются спецификой человеческого капитала и имеющимся жизненным опытом, опираясь на которые индивиды проводят для себя условные границы приемлемого и неприемлемого уровня жизни [18]. При этом подобные оценки в значительной степени обусловлены существующими межпоселенческими неравенствами, которые во многом и способствуют нивелированию негативных эффектов социальных притязаний при самооценках собственного благополучия [16].

В целом же в субъективном восприятии сельских жителей, как показывают приведенные выше данные, ситуация с базовыми составляющими социального благополучия выглядит даже несколько лучше. Если среди городского населения практически по всем основным показателям «базы» мы видим постепенное истощение ресурса, то на селе ситуация значительно улучшилась за последние пять лет.

Наряду с оценками базовых потребностей примечательны в контексте поселенческих различий и некоторые тенденции в части динамики показателей по следующему фактору социального благополучия, условно обозначенного нами как «Микромир» (табл. 3). И для горожан, и для селян устойчивую основу микромира формируют в первую очередь близкие социальные связи (семья и друзья), хотя в отношении сельских жителей динамика по этому аспекту благополучия отличается весьма скачкообразным характером, не меняя при этом общей позитивной направленности.

В отношении субъективного восприятия остальных показателей этого блока важно отметить, что после 2008 г. динамика оценок горожан стала более плавной, а среди селян относительно чаще стали проявляться значимые скачки по восприятию отдельных аспектов благополучия. Причем в 2003 г. оценки горожан и селян в этом отношении значительно расходились. Фактически по всем аспектам жизни горожане ощущали большую удовлетворенность, в то время как сельские жители чаще испытывали заметные проблемы в возможностях проведения досуга, организации отдыха в период отпуска, получения образовательных услуг и т. п.

Однако к 2023 г. эти отличия практически сгладились, хотя сельское восприятие социального микромира¹ и остается в целом менее позитивным, нежели городское. Отмеченное сглаживание субъективных оценок

¹ Данное понятие обобщает блок аспектов, связанных с взаимодействием индивида на повседневном и локальном уровне. См., например: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/773489573.pdf> (С. 270 и далее).

поселенческих различий может быть во многом отражением и объективного сглаживания, о котором, к примеру, свидетельствуют результаты исследований особенностей российской профессиональной структуры [10]. Это дает основания говорить о формировании двух разнонаправленных тенденций в российских типах поселений – относительного улучшения жизни «на селе» и сокращения возможностей для благополучной жизни в городской среде, вероятно, за исключением двух столиц.

Таблица 3 (Table 3)

Динамика восприятия городскими и сельскими жителями отдельных сторон жизни, составляющих фактор «Микромир», 2003–2023 гг.,

n. p. (указана разница положительных и отрицательных ответов)

Dynamics of Urban and Rural Residents' Perception of Certain Aspects of Life

Comprising the "Microcosm" Factor, 2003–2023,

percentage points (the difference between positive and negative answers is given)

Аспекты жизни	2003	2008	2013	2018	2023
Городские жители					
Возможность общения с друзьями	46,3	48,9	48,6	49,9	51,1
Возможность реализовать себя в профессии	0,8	23	16,8	11,3	23,7
Ситуация на работе	9	27	22,3	13	18,3
Возможность получения необходимого образования и знаний	-12	14,7	13,9	17,6	19,3
Возможности проведения досуга	-16,4	17,5	15,5	11,8	20,4
Возможность отдыха в период отпуска	-27,3	3	6,8	-3,3	1,6
Отношения в семье	56,3	51,9	55,3	55	57,5
Сельские жители					
Возможность общения с друзьями	39,9	40,5	42,6	38	47,1
Возможность реализовать себя в профессии	-8,8	-8	7,5	0,4	16,4
Ситуация на работе	4,9	9,2	13,4	8,3	16,5
Возможность получения необходимого образования и знаний	-37,1	-25,3	-1,7	-4,7	11,2
Возможности проведения досуга	-30,6	-8,1	3,2	-1,7	16,2
Возможность отдыха в период отпуска	-51,8	-23,9	-12,1	-19,9	-6,6
Отношения в семье	46,6	49,8	58,9	49	61,3

Отчасти это подтверждается данными, приведенными в таблице 4, которые свидетельствуют о значительном перевесе среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга положительных оценок по большинству рассматриваемых компонентов социального благополучия. В остальных типах поселений, даже включая сельскую местность, восприятие анализируемых показателей социального благополучия оказывается более схожим, хотя и среди горожан оценки отдельных компонентов могут приближаться к столичным.

Таблица 4 (Table 4)

Поселенческая специфика восприятия россиянами отдельных сторон жизни, составляющих фактор «Микромир», 2023 г.,
n.p. (указана разница положительных и отрицательных ответов)
Settlement specifics of Russians' perception of certain aspects of life that make up the "Microcosm" factor, 2023,
percentage points (the difference between positive and negative answers is indicated)

Аспекты жизни	Москва и Санкт-Петербург	Областные, краевые, республиканские центры	Прочие города	Сельская местность	Россияне в целом
Возможность общения с друзьями	52,8	47,3	53,8	47,1	49,8
Возможность реализовать себя в профессии	26,2	25	21,5	16,4	21,4
Ситуация на работе	34,2	12,8	17,5	16,5	17,7
Возможность получения необходимого образования и знаний	18,2	19,5	19,6	11,2	16,8
Возможности проведения досуга	9,6	18,4	26,9	16,2	19,1
Возможность отдыха в период отпуска	7,3	-2,4	2,9	-6,6	-0,9
Отношения в семье	58,3	58,5	56,2	61,3	58,6

Подобный тренд заметен и по трем наиболее позитивно оцениваемым компонентам социального благополучия в разрезе отдельных типов поселений. Так, наряду с общей для всех базовой составляющей микромира в виде близких социальных связей (семьи и друзей), для жителей столиц третьим, дополняющим эту основу аспектом, становится ситуация на работе, для жителей центров субъектов РФ – возможности профессиональной самореализации, для жителей прочих городов – возможности в реализации досуга. При этом особенно парадоксальной выглядит именно ситуация с досугом. Так, несмотря на инфраструктурную развитость и разнообразие досуговых возможностей в российских мегаполисах, их жители выражают наименьшую удовлетворенность по данному аспекту в силу фактического отсутствия времени на реализацию досуга в желаемой форме. Это может указывать на определяющую роль при восприятии данного аспекта жизни сбалансированности инфраструктурных возможностей в том или ином типе поселения и имеющихся временных ресурсов населения.

Таким образом, разброс в оценках упомянутых составляющих в поселенческом аспекте оказывается достаточно велик. Для селян этот разрыв становится еще более ощутим, что позволяет говорить об их большей сфокусированности на семье и близком окружении. При этом весьма проблемными для всех типов поселений выглядят ограниченные возможности для

организации собственного отдыха, что корреспондируется с данными исследований о распространенности переработок в российской экономике [7]. В среднем недоволен возможностями для организации собственного отдыха практически каждый четвертый россиянин (24,1%).

Специфика восприятия локальных аспектов жизни и «макромира»

Основа следующего блока показателей социального благополучия, условно обозначенного нами как «*Локальное сообщество*», формируется для представителей всех типов поселений в первую очередь из оценок места проживания индивида (табл. 5), ситуацию с которым свыше половины россиян воспринимают весьма позитивно (50,3%). При этом общую направленность динамики по другим компонентам данного блока также можно охарактеризовать как положительную, в особенности учитывая показатели 2023 г., хотя и в периоды 2013 и 2018 гг. отмечались отдельные незначительные скачки в оценках.

Таблица 5 (Table 5)

Динамика восприятия городскими и сельскими жителями отдельных сторон жизни, составляющих фактор «Локальное сообщество», 2003–2023 гг.,
n. n. (указана разница положительных и отрицательных ответов)
Dynamics of urban and rural residents' perception of certain aspects of life that constitute the "Local community" factor, 2003–2023, percentage points (the difference between positive and negative answers is given)

Аспекты жизни	2003	2008	2013	2018	2023
Городские жители					
Место, в котором Вы живете	21	38,5	27,9	23,6	44,3
Экологическая ситуация в том месте, где Вы живете	–	–	–	-8,4	13,7
Уровень личной безопасности	-14,3	7,4	14,5	18,6	16,9
Ваше положение, статус в обществе	3,8	24,9	20,7	19,1	26
Сельские жители					
Место, в котором Вы живете	10,7	36,3	19,6	20,4	51,3
Экологическая ситуация в том месте, где Вы живете	–	–	–	13,1	37,2
Уровень личной безопасности	-10,9	1,7	9	22,2	31,4
Ваше положение, статус в обществе	2,9	14,4	20,4	14,8	35,7

Наиболее интересно в этой связи то, что результаты последнего исследования продемонстрировали смену вектора субъективного восприятия россиянами их «локального сообщества». До последнего замера в отношении всех доступных к анализу компонентов данного блока относительно чаще давали положительные оценки жители городов. Исследование 2023 г., напротив, продемонстрировало значительный перевес в позитивном восприятии данных аспектов благополучия среди селян. Во многом это может быть связано с текущей повышенной общей социальной напряженностью в мире, высоким

уровнем социальной неопределенности и социально-экономической нестабильности, которые гораздо острее ощущаются в городах (особенно крупных), как местах концентрации капитала, человеческого ресурса и т. п. [12].

Еще ярче эта тенденция проявляется в контексте развернутой классификации типов населенных пунктов (табл. 6). Так, если обратить внимание на тройку наиболее позитивно оцениваемых показателей в блоке «Локальное сообщество», то видно, что для жителей Москвы и Санкт-Петербурга, а также селян в нее не входит оценка уровня личной безопасности. Однако если для жителей столиц это может быть обусловлено множественными рисками для жизни и здоровья, то для села эта проблема актуальна в меньшей степени, поскольку даже на всероссийском фоне только 6,6% жителей сел оценивают ее в негативном ключе, тогда как среди горожан таковых 12,2%.

Таблица 6 (Table 6)

Поселенческая специфика восприятия россиянами отдельных сторон жизни, составляющих фактор «Локальное сообщество», 2023 г.,
n.p. (указана разница положительных и отрицательных ответов)
Settlement specifics of Russians' perception of certain aspects of life that constitute the "Local community" factor, 2023, percentage points (the difference between positive and negative answers is indicated)

Аспекты жизни	Москва и Санкт-Петербург	Областные, краевые, республиканские центры	Прочие города	Сельская местность	Россияне в целом
Место, в котором Вы живете	61,3	40	41	51,3	46,5
Экологическая ситуация в том месте, где Вы живете	29,1	0,2	20	37,2	21
Уровень личной безопасности	15,4	12,7	21,5	31,4	21,4
Ваше положение, статус в обществе	27,6	25,2	25,9	35,7	29

В то же время для жителей остальных типов поселений проблемный фон в контексте данного блока показателей оказался связан с экологической ситуацией. При этом особое беспокойство состояние экологии вызывает у жителей центров субъектов, 24,2% представителей которых негативно оценили этот аспект благополучия. Нужно сказать, что в сравнении с жителями других типов поселений и россиянами в целом экологическая ситуация там, действительно, выглядит значительно хуже. Отчасти это связано с дисбалансами в развитии столиц, региональных центров и сельской местности, что характерно и для ряда других стран с масштабной территорией и численностью населения, например Китая [3].

В этом смысле выходит, что центры субъектов РФ с точки зрения экологической ситуации в них находятся в наименее выгодном положении, поскольку по размеру и численности населения некоторые из них уже являются мега-

полисами или приближаются к ним, что уже само по себе создает высокую экологическую нагрузку. С другой стороны, в этих городах нет такой концентрации различного рода ресурсов и возможностей как в столицах, в том числе для поддержания в хорошем состоянии всей городской инфраструктуры. Преимуществом прочих городов перед центрами субъектов является их относительно небольшие размеры и наличие более широких возможностей проживать в частном секторе, имея при этом доступ к городской инфраструктуре.

Наиболее же проблемными с точки зрения субъективных оценок выступают составляющие социального благополучия, объединенные в еще один блок под условным названием «*Взаимоотношения с государством*». По стране в целом эти компоненты благополучия оцениваются хуже, чем базовые характеристики жизни, составляющие микромира и локального сообщества [28; 21]. Немаловажно при этом, что динамика последних четырех лет демонстрирует значительные позитивные сдвиги (как среди горожан, так и жителей сельской местности) в отношении оценок, составляющих основу социального благополучия по данному блоку (табл. 7). Проблемный фон в этой связи, как правило, связан с социальной защищенностью на работе и доступностью необходимой медицинской помощи вне зависимости от типа населенного пункта, хотя селянами эти вопросы воспринимаются все же более болезненно.

Таблица 7 (Table 7)

Динамика восприятия городскими и сельскими жителями отдельных сторон жизни, составляющих фактор «Взаимоотношения с государством», 2020–2023 гг., п.п.¹ (указана разница положительных и отрицательных ответов)
Dynamics of urban and rural residents' perception of certain aspects of life, constituting the factor "Relations with the state", 2020–2023, percentage points (the difference between positive and negative answers is given)

Аспекты жизни	2020	2021	2022	2023
Городские жители				
Уровень социальной защищенности в случае потери работы	-41,8	-40,4	-37,5	-19,8
Возможность получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную	-19,5	-17,5	-19	2
Возможность выражать свои политические взгляды	-3,9	-12,9	-1,7	-1,6
Доступность Интернета и цифровых технологий в целом	–	44,7	37,1	48,4
Возможность влиять на то, как складывается Ваша жизнь	7,6	–	–	8,2
Сельские жители				
Уровень социальной защищенности в случае потери работы	-46,3	-37,9	-41,8	-22,5
Возможность получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную	-36,1	-26,6	-26,7	-7,5
Возможность выражать свои политические взгляды	-8,8	-8,3	-8	1,1
Доступность Интернета и цифровых технологий в целом	–	33,2	31,9	35,5
Возможность влиять на то, как складывается Ваша жизнь	-7,6	–	–	12,3

¹ По данному блоку аспектов социального благополучия динамика по большей части рассматриваемых показателей доступна с 2020 г.

Здесь важно подчеркнуть, что в отношении возможностей получать качественную медицинскую помощь позиции россиян весьма конъюнктурны. Так, динамика удовлетворенности по данному аспекту жизни с 2017 по 2023 гг. демонстрирует как всплески негативных оценок в 2018 г. (42%) и пандемийном 2020 (38,3%), так и резкий рост позитивных оценок в 2023 г. (до 21,7%). Это свидетельствует, с одной стороны, об особой чувствительности жителей РФ к вопросам здравоохранения [21], а с другой, – о достаточно нестабильной ситуации в медицинской сфере, характер развития которой пока остается не ясным большинству россиян. По этим причинам улучшение восприятия ситуации по данному аспекту отражает скорее сформированные ожидания граждан страны, нежели фиксируют реальное расширение возможностей населения получать качественную медицинскую помощь.

Данные, представленные в таблице 8, свидетельствуют, что на первый план для жителей всех типов поселений, даже с учетом относительно позитивной динамики, выходит ситуация с социальной защищенностью в случае потери работы. Это отражает не столько проблемы с безработицей, которые, впрочем, практически не характерны для российского общества в современных условиях кадрового дефицита, сколько с качеством существующих рабочих мест и объемом неформального сектора занятости [2; 10; 31]. Отдельно важно обратить внимание на особую актуальность вопросов с возможностью выразить свои политические взгляды для жителей центров субъектов РФ и доступностью медицинской помощи для селян. В первом случае это может быть обусловлено фактором локальной информационной повестки, а во втором – с особенностями сельской инфраструктуры и нарастающим кадровым дефицитом [26].

Таблица 8 (Table 8)

Поселенческая специфика восприятия россиянами отдельных сторон жизни, составляющих фактор «Взаимоотношения с государством», 2023 г., п.п. (указана разница положительных и отрицательных ответов)
Settlement specifics of Russians' perception of certain aspects of life, constituting the factor "Relations with the State", 2023, percentage points (the difference between positive and negative answers is given)

Аспекты жизни	Москва и Санкт-Петербург	Областные, краевые, республиканские центры	Прочие города	Сельская местность	Россияне в целом
Уровень социальной защищенности в случае потери работы	-18,7	-19,6	-20,5	-22,5	-20,7
Возможность получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную	4	1,3	1,7	-7,5	-1
Возможность выразить свои политические взгляды	-0,4	-7,1	3,1	1,1	-0,8
Доступность Интернета и цифровых технологий в целом	56,9	48,3	44,8	35,5	44,3
Возможность влиять на то, как складывается Ваша жизнь	-3,6	8,6	13	12,3	9,5

Выводы

По мере движения от субъективных оценок, связанных с индивидом, его базовыми потребностями и микромиром, к более широкому восприятию локальных сообществ и взаимоотношений с государством заметна тенденция ухудшения оценок соответствующих аспектов социального благополучия. Отчасти это может быть связано с тем, что ситуация на индивидуальном и локальном уровнях в большей степени поддается контролю, на более высоких, или даже правильнее обозначить – широких уровнях социальной системы, отдельному индивиду сложно ощутить собственную субъектность. Тем не менее и в блоках показателей, связанных с локальным сообществом и «макромиром» присутствуют позитивные доминанты, в некоторой степени сглаживающие общее восприятие входящих в эти блоки показателей.

В целом же важно обратить внимание на то, что если 20 лет назад российское общество в субъективном восприятии его членов скорее нельзя было назвать благополучным, то теперь это можно сделать с большей уверенностью. Несмотря на отдельные проблемы и разное видение компонентов микро- и макромиров, за последние 20 лет в общественном сознании произошли значимые сдвиги в сторону более позитивного восприятия всех рассматриваемых аспектов жизни вне зависимости от места проживания индивида. Это позволяет говорить о сформированности более или менее устойчивой и гармоничной картины социального благополучия в субъективных оценках россиян, с учетом территориальных неравенств, влекущих за собой качественно отличающиеся социальные притязания жителей из разных типов поселений.

Тем не менее важно подчеркнуть и то, что на общем фоне наиболее скептически россияне в отношении тех показателей социального благополучия, которые связаны с их взаимоотношениями с государством. Ключевой проблемой в этой связи для жителей всех типов поселений выступает уровень социальной защищенности индивида в случае потери им рабочего места, а у селян это дополняется не менее актуальной проблемой доступности необходимой медицинской помощи.

В целом же с 2003 г. практически по всем блокам и отдельным показателям субъективное восприятие разных аспектов жизни горожанами и селянами стало более консистентным, а в ситуации с оценками локального сообщества жители сел демонстрируют даже более позитивные оценки. В этом смысле, можно говорить о частичном отражении в субъективном восприятии тенденции сглаживания объективных поселенческих различий, но отнюдь не полном их исчезновении.

Уровень субъективного благополучия россиян с учетом позитивных тенденций последних двух десятилетий можно охарактеризовать скорее как высокий, нежели низкий. Причем в контексте различных типов поселений отмечается сближение характера восприятия различных аспектов жизни. Это составляет на сегодня в обществе определенный резерв социально-политической и экономической устойчивости. Однако этот резерв, с одной стороны, довольно динамичен и в высокой степени зависит от социально-экономической ситуации, а во-вторых, он имеет некоторые пределы.

Они связаны как с территориальными различиями, которые все же не исчерпываются полностью, несмотря на отмеченные тенденции сглаживания, так и с восприятием отдельных блоков и конкретных показателей субъективного социального благополучия. В этом отношении важно учитывать, что субъективное восприятие селянами практически всех блоков показателей социального благополучия отличается в худшую сторону за исключением оценок компонентов, определяющих жизнь «локального сообщества». То есть сельская местность как место для жизни воспринимается ее жителями позитивно, но обеспечить сопоставимый с городом уровень даже субъективного благополучия по другим его компонентам чаще всего не удастся.

Кроме того, настораживает ситуация с оценками жителями центров субъектов РФ экологической ситуации в месте их проживания. Ведь, если в условной «малой России» она априори лучше по причине размеров населенных пунктов, численности населения и отсутствия крупных производственных мощностей, а в Москве и Санкт-Петербурге даже не лучшее состояние экологии отчасти компенсируется другими возможностями и благами, то центры субъектов РФ в этом смысле находятся в невыгодном положении.

Настораживает также сохраняющийся скептицизм в отношении восприятия доступности медицинской помощи и уровня социальной защищенности в случае потери работы. Эти факторы не просто хуже оцениваются россиянами, а формируют почву для масштабирования существующих социальных неравенств, в особенности в территориальном контексте.

Библиографический список

1. Воронин Г. Л. Объективные и субъективные показатели общественного благополучия // Социологический журнал. 2009. № 3. С. 41–54. EDN: PBDQWH.
2. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. Эволюция структуры рабочих мест в России: поляризация, улучшение, застой? // Вопросы экономики. 2023. № 1. С. 59–85. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-1-59-85; EDN: GMPYW.
3. Городские миры России и Китая: модернизация и ее влияние / Отв. ред. М. К. Горшков и др. М.: Новый Хронограф, 2023. 720 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-415-4.2023; EDN: UWCMGA.
4. Зубаревич Н. В. Регионы России в конце 2023 г.: удалось ли преодолеть кризисный спад? // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 1. С. 34–47. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_34_47; EDN: FLKGYM.
5. Зубаревич Н. В. Социальная дифференциация регионов и городов России // Pro et Contra. 2012. Т. 16. № 4–5. С. 135–152. EDN: VPJRCF.
6. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Региональное неравенство в крупных постсоветских странах // Известия РАН. Сер. географическая. 2011. № 1. С. 17–30. EDN: NSYFZJ.
7. Каравай А. В. Нестандартная занятость в современной России: виды, масштабы, динамика // Социально-трудовые исследования. 2022. Т. 48. № 3. С. 81–93. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-48-3-81-93; EDN: IVZMLT.

8. Кислицына О. А. Подходы к измерению прогресса и качества жизни (благополучия) // Экономический анализ: теория и практика. 2016. № 10(457). С. 28–38. EDN: WWYJUH.

9. Коленникова Н. Д. Воздействие пандемии на социально-психологическое самочувствие и поведение россиян // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2. С. 18–32. EDN: HAILWM.

10. Коленникова Н. Д. Профессиональные структуры «большой» и «малой» России: динамика общих контуров и специфика позиций // Terra Economicus. 2023. Т. 21. № 3. С. 88–101. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-3-88-101; EDN: YFLGZK.

11. Красильникова М. Д. Интегральные показатели социального самочувствия // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. № 1(107). С. 109–117.

12. Лаппо Г. М. Разнообразие городов как фактор успешного пространственного развития России // Известия РАН. Сер. географическая. 2019. № 4. С. 3–23. DOI: 10.31857/S2587-5566201943-23; EDN: GDYQJX.

13. Леонтьев Д. А. Качество жизни и благополучие: объективные, субъективные и субъектные аспекты // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 6. С. 86–95. DOI: 10.31857/S020595920012592-7; EDN: MCILBM.

14. Мареева С. В. Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 695–707. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707; EDN: YNAKER.

15. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н. Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с. DOI: 10.317544469-1419-7; EDN: YSPCNF.

16. Настина Е. А., Алмакаева А. М. Роль уровня притязаний и социальных сравнений в детерминации удовлетворенности жизнью // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1(155). С. 206–224. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.09; EDN: WWIFEV.

17. Немировская А. В., Соболева Н. Э. Детерминанты субъективного благополучия в России: региональная перспектива // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 2. С. 54–81. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.641; EDN: LIHOJU.

18. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Под ред. Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2022. 424 с. DOI: 10.55604/9785777708731; EDN: XJGBFE.

19. Овчарова Л. Н., Попова Д. О., Рудберг А. М. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. Т. 31. № 3. С. 170–185.

20. Пишняк А., Халина Н., Рогачева А. Адаптация среднего класса к изменяющимся социально-экономическим условиям в период кризиса // Журнал исследований социальной политики. 2023. Т. 21. № 1. С. 121–136. DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-1-121-136; EDN: IAKKCW.
21. Российское общество и вызовы времени. Кн. 7 / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2024. 352 с. EDN: OYVDFP.
22. Российское общество и вызовы времени. Кн. 6 / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2022. 284 с. DOI: 10.55604/9785777708984; EDN: GJITZD.
23. Сальникова Д. В. Источники несогласованности результатов исследований взаимосвязи объективного и субъективного благополучия // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 4. С. 157–174. DOI: 10.17323/1726-3247-2017-4-157-174; EDN: YPBZLW.
24. Социологические подходы к изучению социального благополучия / Отв. ред. М. Ф. Черныш, Ю. Б. Епихина. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 431 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021; EDN: LHJSQX.
25. Суринов А. Е., Луппов А. Б. Дифференциация доходов населения и стоимость жизни на субрегиональном уровне. Оценки для России // Экономический журнал ВШЭ. 2022. Т. 26. № 4. С. 552–578. DOI: 10.17323/1813-8691-2022-26-4-552-578; EDN: ZCWPSJ.
26. Сушко П. Е. Динамика показателей субъективного социального благополучия россиян (2003–2023) // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 59–71. DOI: 10.31857/S013216250029337-3; EDN: CHZYGR.
27. Сушко П. Е. Социальное благополучие населения России в контексте доступности социальных благ // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования. 2020. № 1. С. 39–53. DOI: 10.19181/INAB.2020.1.3; EDN: VDUVXM.
28. Сушко П. Е. Счастье и социальное благополучие в оценках россиян: проблема разграничения понятий // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 1. С. 48–62. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7094; EDN: YBPQUP.
29. Татарова Г. Г., Кученкова А. В. Показатели субъективного благополучия как типобразующие признаки // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 21–32. EDN: NSAODB.
30. Тихонова Н. Е. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. № 1-2 (126). С. 17–29. DOI: 10.24411/2070-5107-2018-00001; EDN: MFFBON.
31. Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы / Отв. ред. Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 488 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023; EDN: XFSFHH.

32. Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований / Под науч. ред. Л. Н. Овчаровой, В. А. Аникина, П. С. Сорокина. М.: ВЦИОМ, 2023. 462 с. EDN: ZHHTSU.
33. Широканова А. А. Тренды субъективного благополучия в России: 1998–2018 // Вестник СПбГУ. Социология. 2020. № 1(13). С. 4–24. DOI: 10.21638/spbu12.2020.101; EDN: JXMNDE.
34. Binder M. Subjective Well-Being Capabilities: Bridging the Gap Between the Capability Approach and Subjective Well-Being Research // Journal of Happiness Studies. 2014. No. 5(15). P. 1197–1217. DOI: 10.1007/s10902-013-9471-6.
35. Diener E., Suh E. Measuring Quality of Life: Economic, Social, and Subjective Indicators // Social Indicators Research. 1997. No. 1(40). P. 189–216. DOI: 10.1023/A:1006859511756.
36. Easterlin R. A. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence // Nations and households in economic growth: Essays in honor of Moses Abramovitz / Ed. by P. A. David, M. W. Reder. N. Y.: Academic Press, 1974. P. 89–125.
37. Graham C., Pettinato S. Frustrated Achievers: Winners, Losers and Subjective Well-Being in New Market Economies // Journal of Development Studies. 2002. No. 4(38). P. 100–140. DOI: 10.2139/ssrn.285811.
38. Kahn R. L., Juster F. T. Well-Being: Concepts and Measures // Journal of Social Issues. 2002. No. 4(58). P. 627–644. DOI: 10.1111/1540-4560.00281.
39. Kwarcіński T., Ulman P., Wdowin J. Measuring Subjective Well-being Capability: A Multi-Country Empirical Analysis in Europe // Applied Research Quality Life. 2024. No. 3–4(19). P. 2555–2593. DOI: 10.1007/s11482-024-10334-9.
40. Weber M. Economy and society / Ed. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley: University of California Press, 1978. 1469 p.

Получено редакцией: 04.07.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сушко Павел Евгеньевич, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.4

Specifics of Subjective Well-Being of Russians from Different Types of Settlements

Pavel E. Sushko

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

sushkope@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0245-7015

For citation: Sushko P. E. Specificity of Subjective Well-Being of Russians from Different Types of Settlements. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol.15. No.4. P. 60–81. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.4; EDN: UQWQVD.

Abstract. This article analyses the specificity of subjective social well-being in the context of settlement inequalities. The empirical basis of the analysis is the data of all-Russian representative studies conducted by the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. It is shown that over the past two decades, significant shifts have occurred in the mass consciousness of Russians in terms of perception of various indicators of social well-being. This has led to the formation of a stable and generally harmonious picture of subjective social well-being among residents of all types of settlements. It was also recorded that the indicators related to basic needs (assessments of food, clothing, housing conditions, material security and health) and the social microworld (assessments of family relationships, opportunities for communicating with friends, professional fulfilment, obtaining the necessary education, organising recreation during vacations, leisure time, as well as the situation at work) were perceived more positively by the majority of respondents than the components of social well-being characterising the specifics of the local community (assessments of the place of residence, the position occupied in society, the level of personal safety and the environmental situation) and the conditional “macroworld” (assessments of the availability of the Internet and digital technologies, the level of social security in the event of job loss, as well as opportunities for expressing political views, receiving the necessary medical care and influencing one’s own life). The article shows that the subjective social well-being of villagers in comparison with city dwellers still differs for the worse, with the exception of the perception of the block of characteristics of social well-being associated with the specifics of the local community, i.e. place of residence. In this regard, according to the results of the 2023 study, rural residents outperformed city dwellers for the first time. In general, a noticeable trend was revealed towards smoothing out settlement differences in the perception of various aspects of social well-being, primarily due to higher rates of improvement in subjective assessments among rural residents. It was also noted that the problematic background in the perception of social well-being is formed due to the relative dissatisfaction of Russians with certain aspects of life. They are primarily associated with the skeptical assessment by residents of all populated areas of the level of social security of an individual in the event of job loss, dissatisfaction among the population of the centres of the constituent entities of the Russian Federation with the environmental situation there, as well as persistent problems with access to the necessary medical care in rural areas.

Keywords: social well-being, subjective well-being, territorial inequality, settlement differentiation, Russian society

References

1. Voronin G. L. Ob’ektivnye i sub’ektivnye pokazateli obschestvennogo blagopoluchiya [Objective and subjective indicators of social well-being]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2009: 3: 41–54 (in Russ.). EDN: PBDQWH.
2. Gimpelson V. E., Kapeliushnikov R. I. Job structure evolution in Russia: Polarization, upgrading, stalemate? *Voprosy ekonomiki*, 2023: 1: 59–85 (in Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2023-1-59-85; EDN: GMPYW.
3. Urban Development in Russia and China: Patterns of Modernization. Ed. by M. K. Gorshkov et al. Moscow, Novyy Chronograph, 2023: 720 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-415-4.2023; EDN: UWCMGA.
4. Zubarevich N. V. Social differentiation of regions and cities. *Pro et Contra*, 2012: 16(4–5): 135–152 (in Russ.). EDN: VPJRCF.
5. Zubarevich N. V. Regions of Russia at the end of 2023: have they managed to overcome the crisis recession? *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. 2024: 1: 34–47 (in Russ.). DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_34_47; EDN: FLKGYM.
6. Zubarevich N. V., Safronov S. G. Regional’noye neravenstvo v krupnykh postsovetских stranakh [Regional inequality in large post-Soviet countries]. *Izvestiya RAN. Ser. Geograficheskaya*, 2011: 1: 17–30 (in Russ.). EDN: NSYFZJ.
7. Karavay A. V. Non-standard employment in modern Russia: Types, scales, dynamics. *Sotsialno-trudovye issledovaniya*, 2022: 48(3): 81–93 (in Russ.). DOI: 10.34022/2658-3712-2022-48-3-81-93; EDN: IVZMLT.
8. Kislitsina O. A. Approaches to measure the progress and quality of life (well-being). *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 2016: 10(457): 28–38 (in Russ.). EDN: WWYJUH.
9. Kolennikova N. D. The impact of the pandemic on the socio-psychological well-being and behavior of Russians. *Informacionno-analiticheskij byulleten*, 2021: 2: 18–32 (in Russ.). DOI: 10.19181/INAB.2021.2.2; EDN: HAILWM.
10. Kolennikova N. D. Occupational structure in Great Russia and Little Russia: Outline, dynamics, and peculiarities. *Terra Economicus*, 2023: 21(3): 88–101 (in Russ.). DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-3-88-101; EDN: YFLGZK.

11. Krasil'nikova M. D. Integral'nye pokazateli social'nogo samochuvstviya [Integral indicators of the social well-being]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, 2011: 1: 109–117 (in Russ.).
12. Lappo G. M. Diversity of Cities as a Factor of Russia's Successful Spatial Development. *Izvestiya RAN. Ser. Geograficheskaya*, 2019: 4: 3–23 (in Russ.). DOI: 10.31857/S2587-5566201943-23; EDN: GDYQJX.
13. Leontiev D. A. Quality of life and well-being: objective, subjective and agentic aspects. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2020: 6(41): 86–95 (in Russ.). DOI: 10.31857/S020595920012592-7; EDN: MCILBM.
14. Mareeva S. V. Subjective well-being and ill-being zones in the Russian society. *Vestnik RUDN. Ser. Sociologiya*. 2018: 4(18): 695–707 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707; EDN: YNAKEP.
15. Model of income stratification of Russian society: Dynamics, factors, cross-country comparisons. Ed. by N. E. Tikhonova. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2018: 368 (in Russ.). DOI: 10.317544469-1419-7; EDN: YSPCNF.
16. Nastina E. A., Almakaeva A. M. Aspiration Level and Social Comparison as Factors in Determining Life Satisfaction. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2020: 1(155): 206–224 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.09; EDN: WWIFEV.
17. Nemirovskaya A. V., Soboleva N. E. Subjective well-being determinants in Russia: a regional perspective. *Vestnik instituta sotziologii*, 2020: 2(11): 54–81 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.641; EDN: LIHOJU.
18. Society of unequal opportunities: the social structure of modern Russia. Ed. by N. E. Tikhonova. Moscow, Ves' Mir, 2022: 424 (in Russ.). DOI: 10.55604/9785777708731; EDN: XJGBFE.
19. Ovcharova L.N., Popova D.O., Rudberg A. M. Decomposition of Income Inequality in Contemporary Russia. *Zhurnal Novoj ekonomicheskoy associacii*, 2016: 3(31): 170–185 (in Russ.).
20. Pishnyak A., Khalina N., Rogacheva N. Adaptation of the Middle Class to Changing Socio-economic conditions in Crisis. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki*, 2023: 1(21): 121–136 (in Russ.). DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-1-121-136; EDN: IAKKCW.
21. Russian society and challenges of the time. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Book 7. Moscow, Ves' Mir, 2024: 352 (in Russ.). EDN: OYVDFP.
22. Russian society and challenges of the time. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Book 6. Moscow, Ves' Mir, 2022: 284 (in Russ.). DOI: 10.55604/9785777708984; EDN: GJITZD.
23. Salnikova D. V. The Reasons for Conflicting Results on the Relationship between Objective and Subjective Well-Being. *Ekonomicheskaya sociologiya*, 2017: 4(18): 157–174 (in Russ.). DOI: 10.17323/1726-3247-2017-4-157-174; EDN: YPBZLW.
24. Sociological approaches to the study of social well-being. Ed. by M. F. Chernysh, Y. B. Epikhina. Moscow, FNISC RAN, 2021: 431 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021; EDN: LHJSQX.
25. Surinov A. E, Luppov A. B. Income Inequality and the Cost of Living at the Sub-Regional Level. Estimates for Russia. *Ekonomicheskii zhurnal VSHE*, 2022: 4(26): 552–578 (in Russ.). DOI: 10.17323/1813-8691-2022-26-4-552-578; EDN: ZCWPSJ.
26. Sushko P. E. Social well-being of the Russian population in the context of the availability of social benefits. *Informacionno-analiticheskij byulleten*, 2020: 1: 39–53 (in Russ.). DOI: 10.19181/INAB.2020.1.3; EDN: VDUVXM.
27. Sushko P. E. Happiness and Social Well-being in the Russians' Assessments: the Problem of Differentiation of Concepts. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 2020: 1(8): 48–62 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7094; EDN: YBPQUP.
28. Sushko P. E. Dynamics of Indicators of Subjective Social Well-being of Russians (2003–2023). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2023: 12: 59–71 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250029337-3; EDN: CHZYGR.
29. Tatarova G. G., Kuchenkova A. V. Indicators of subjective well-being as characteristics for typology building. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016: 10: 21–32 (in Russ.). EDN: NSAODB.
30. Tikhonova N. E. Subjective stratification of Russian society model and its dynamic. *Vestnik obschestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Discussii*, 2018: 1–2(126): 17–29 (in Russ.). DOI: 10.24411/2070-5107-2018-00001; EDN: MFFBOH.

31. The human capital of Russian professionals: State, dynamics, factors. Ed. by N. E. Tikhonova, Yu. V. Latov. Moscow, FNISC RAN, 2023: 488 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-420-8.2023; EDN: XFSFHH.
32. Human potential: current interpretations and research results. Ed. by L. N. Ovcharova, V. A. Anikin, P. S. Sorokin. Moscow, VCIOM, 2023: 462 (in Russ.). EDN: ZHHTSU.
33. Shirokanova A. A. Trends of subjective well-being in Russia: 1998–2018. *Vestnik SPbGU. Sociologiya*, 2020: 1(13): 4–24 (in Russ.). DOI: 10.21638/spbu12.2020.101 (in Russ.). EDN: JXMNDE.
34. Binder M. Subjective Well-Being Capabilities: Bridging the Gap Between the Capability Approach and Subjective Well-Being Research. *Journal of Happiness Studies*, 2014: 5(15): 1197–1217. DOI: 10.1007/s10902-013-9471-6.
35. Diener E., Suh E. Measuring Quality of Life: Economic, Social, and Subjective Indicators. *Social Indicators Research*, 1997: 1(40): 189–216. DOI: 10.1023/A:1006859511756.
36. Easterlin R. A. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. In *Nations and households in economic growth: Essays in honor of Moses Abramovitz*. Ed. by P. A. David, M. W. Reder. New York, Academic Press, 1974: 89–125.
37. Graham C., Pettinato S. Frustrated Achievers: Winners, Losers and Subjective Well-Being in New Market Economies. *Journal of Development Studies*, 2002: 4(38): 100–140. DOI: 10.2139/ssrn.285811.
38. Kahn R. L., Juster F. T. Well-Being: Concepts and Measures. *Journal of Social Issues*, 2002: 4(58): 627–644. DOI: 10.1111/1540-4560.00281.
39. Kwarciński T., Ulman P., Wdowin J. Measuring Subjective Well-being Capability: A Multi-Country Empirical Analysis in Europe. *Applied Research Quality Life*, 2024: 3–4(19): 2555–2593. DOI: 10.1007/s11482-024-10334-9.
40. Weber M. *Economy and society*. Ed. by G. Roth & C. Wittich. Berkeley, University of California Press, 1978: 1469.

The article was submitted on: July 4, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel E. Sushko, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher

ТЕМА НОМЕРА

СТРАТИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.7

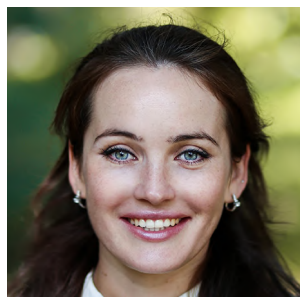
EDN: UBPFV

Представления россиян о ключевых составляющих качества жизни и социальной справедливости: срез общественного мнения в 2024 г.¹

Ссылка для цитирования: Бараш Р. Э. Представления россиян о ключевых составляющих качества жизни и социальной справедливости: срез общественного мнения в 2024 г. // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 82–109. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.7; EDN: UBPFV.

For citation: Barash R. E. Russians' perceptions of key components of the quality of life and social justice: a cross-section of public opinion in 2024. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 82–109. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.7; EDN: UBPFV.

**Бараш
Раиса Эдуардовна¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Россия

raisabarash@gmail.com

SPIN-код: 1009-5800

Аннотация. В статье на основе данных новейших социологических исследований рассматривается, каким образом текущие кризисные условия влияют на восприятие россиянами своего благосостояния, их удовлетворенность различными аспектами повседневной жизни и их представления о справедливом государстве. Автор отмечает, что, несмотря на сложные социально-экономические условия, многие россияне эмоционально адаптировались к кризисной ситуации, чему в большой степени способствовала возрастающая значимость нематериальных факторов благосостояния, прежде всего гармоничных семейных отношений и дружеских связей. На основании изученных данных, автор замечает, что многие россияне воспринимают межличностные отношения с ближайшим кругом как ключевой элемент своего благополучия, что свидетельствует не только о важности нематериальных ценностей коммуникации и эмоционального комфорта, но и о массовом запросе на стабильные социальные связи.

Несмотря на растущее влияние на самооценку гражданами качества своей жизни нематериальных факторов, на их субъективное благополучие в значительной степени влияют исторически сложившиеся в обществе структурные социальные неравенства:

¹ Исследование выполнено за счет средств Фонда ЭИСИ «FMUS-2024-0015 Преодоление избыточных неравенств как условие построения в России справедливого социального государства» в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре РАН.

возрастные, имущественные и географические. Молодежь и жители крупных городов чаще оценивают свою жизнь положительно, тогда как представители старших поколений и жители сельской местности, как правило, выражают более негативное мнение о своем благосостоянии. Эта разница в восприятии также наблюдается в оценках доступности качественных медицинских услуг, где жители городов, особенно мегаполисов, имеют явные преимущества.

В представлениях современных россиян важной составляющей личного благополучия является также и жизнь в справедливо устроенном обществе, а идея социальной справедливости остается актуальной для большинства граждан. Социальную справедливость россияне понимают прежде всего как равные возможности всех граждан для самореализации и достижения успеха. Но, хотя на протяжении постсоветского периода идея равенства доходов проигрывала запросу на создание благоприятных предпосылок для самореализации, сегодня более трети россиян предпочитают равенству «стартовых условий» равный доступ к жизненным благам.

Автор приходит к выводу, что сегодня в общественном мнении сформирован запрос на активное участие государства в обеспечении социальной справедливости, который укрепляется под влиянием кризисных тенденций.

Ключевые слова: социология, качество жизни, благополучие, общественное мнение, социальная справедливость, социальные неравенства, массовое сознание, социальные трансформации

Изучение представлений россиян об основных составляющих личного благополучия и социальной справедливости имеет важное значение для понимания социально-политической ситуации в стране, выявления наиболее острых общественных противоречий и требований, которые граждане предъявляют к государству. Представления граждан о том, что такое «достойная жизнь» и чертах справедливого государства формируются под влиянием множества факторов, отражающих общий курс исторического и социокультурного развития страны, но резкие внутри- и внешнеполитические изменения могут послужить поводом для их пересмотра. Сегодня российское общество переживает крайне сложный период, связанный с затянувшимся внешнеполитическим конфликтом, перенесением боевых действий на российскую территорию, отбытием множества российских граждан на СВО, а также каскадом экономических проблем, вызванным санкционным давлением: растущей инфляцией¹, падением курса национальной валюты² и ростом цен³. Вследствие этого многие россияне вынуж-

¹ По данным ФСГС, инфляция в годовом выражении по состоянию на 25 ноября достигла 8,78% // [Rbc.ru](https://www.rbc.ru/economics/27/11/2024/674724ef9a79475aa4905128). 2024. 27 ноября. URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/11/2024/674724ef9a79475aa4905128> (дата обращения: 30.11.2024).

² Курс доллара на Форекс вырос за день на 8,5% и превысил ₽114 // [Rbc.ru](https://www.rbc.ru/quote/news/article/67470c3f9a7947336ba64294). 2024. 27 ноября. URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/67470c3f9a7947336ba64294> (дата обращения: 30.11.2024).

³ Динамика потребительских цен // Банк России. Информационно-аналитический комментарий. 2024. № 10(106). URL: https://www.cbr.ru/analytics/dkp/dinamic/CPD_2024-10/ (дата обращения: 30.11.2024).

дены пересматривать привычный образ жизни и собственные представления о жизненном благополучии, своих возможностях и ожиданиях, предъявляемых к государству.

Перечисленное делает актуальным изучения того, как в текущих кризисных обстоятельствах россияне оценивают свое благополучие, какие социальные проблемы и неравенства вызывают у них наибольшее беспокойство, каким они представляют справедливое общество, и насколько ситуация в стране соответствует их представлениям о справедливости.

Теоретико-методологические основания исследования

Исследование качества жизни является важной задачей для социальных наук, позволяя понять, какие факторы оказывают влияние на благосостояние людей. Если в начале века «материалистический подход» был ориентирован на изучение материальных аспектов благосостояния, то с конца 1960-х гг. в экономически процветающих и индустриально развитых странах Центральной Европы и Северной Америки, наряду с уменьшением актуальности вопросов выживания и безопасности, сформировалось понимание важности для комфортной жизни также и нематериальных факторов: психологического климата в обществе и в ближайшем окружении, жизненного успеха и самореализации, обладания гражданскими правами и свободами. В социальных исследованиях того времени для обозначения совокупности материальных и нематериальных благ, соответствующих индивидуальным и общественным потребностям, была предложена концепция «качества жизни», заменившая сосредоточенный исключительно на финансовых аспектах термин «уровень жизни» [8].

Интерес к нематериальным аспектам качества жизни людей привел Р. Инглхарта к гипотезе о растущем влиянии на общественное мнение современных обществ и коллективные действия их граждан [9] социальных установок и ценностей. Полагая, что по мере роста благосостояния по всему миру будет возрастать значимость постматериальных ценностей: саморазвития, прав человека, социальной справедливости, Р. Инглхарт инициировал в 1980-е гг. Всемирное исследование ценностей, в котором до 2022 г. участие принимала и Россия. Регулярно обновляемые данные исследования подтверждают замещение в мировоззренческих установках граждан западных стран ценностей выживания (материальных благ, ценностей безопасности и интересов национальных групп) ценностями самовыражения (приоритет прав человека, равноправия и демократического развития).

С принятием в 2011 г. Резолюции Генассамблеи ООН «Счастье: целостный подход к развитию», неотъемлемым индикатором измерения качества жизни стали показатели субъективной удовлетворенности ею. Изменилась и методология изучения социального благополучия: теперь интегративная стратегия изучения национального благосостояния учитывала и монетарные, и немонетарные его составляющие, в том числе и оценку

гражданами качества своей жизни, уровня тревожности в обществе и отношений с окружающими, достижимости тех или иных жизненных целей, а также удовлетворенности утвердившейся в обществе статусной системой и своим положением в ней.

Методология российских исследований социального благополучия, реализуемых в том числе в рамках долгосрочного социологического мониторинга Институтом социологии ФНИСЦ РАН [25], ВЦИОМ и Левада-Центром*, также основана на учете немонетарных факторов качества жизни: общественного мнения о социальной справедливости [12] и сложившейся в России системе неравенств [4], а также оценок россиянами своего социального статуса, собственных возможностей доступа как к экономическим [5], так и к неэкономическим видам ресурсов и общественных благ [22]. Удовлетворенность материальными параметрами повседневности граждан учитывается вместе с их представлениями о персональных возможностях профессиональной и карьерной самореализации, гражданской активности и политического участия [2], доступности ресурсов образования [10] и здравоохранения.¹

Исследовательский консенсус о необходимости комплексной оценки монетарных и немонетарных факторов социального благополучия обусловлен их комплексным влиянием на общественное мнение. Однако оценка социального благополучия в сочетании объективных и субъективных индикаторов [3] определяет методологическую сложность его изучения, когда показателями качества жизни выступают одновременно и формальные параметры положения дел в обществе [14], и критерии удовлетворенности граждан своим социальным положением и возможностями [5]. Субъективные представления о качестве жизни выступают одновременно и нормативной категорией, воплощающей личные представления людей об общественно одобряемых стратегиях общественного развития [7] и персональной самореализации [6]. Поэтому субъективная удовлетворенность граждан своим статусом, обусловленная главным образом уровнем их притязаний и представлениями о приемлемом образе жизни [26, с. 21], не всегда адекватно отражает социально-экономические взаимоотношения в обществе. Поэтому объективные показатели общественного развития могут расходиться с оценками ситуации самими гражданами [29], особенно в странах с транзитной экономикой, где не сложилось четкой социально-экономической структуры. В частности, в России менее чем за четверть века, прошедших с начала перехода к рыночной экономике, не успели окончательно сформироваться характерные жизненные уклады разных социальных групп [26], и сложившаяся система неравенств часто воспринимается общественным сознанием как откровенно несправедливая [17, с. 113].

* Включен Минюстом России в реестр иностранных агентов.

Эмпирический базис исследования

В отсутствие универсально признанной методики оценки качества жизни, «комплексный» подход граждан к оценке своего социального благополучия, складывающийся из их удовлетворенности различными аспектами их повседневной жизни и социального положения, изучение субъективных представлений о благополучии позволяет выявить не только наиболее острые проблемы, но доминирующие общественные ценности.

Такое исследование представлено в настоящей статье. Эмпирическим базисом представленного исследования являются данные, собранные в ходе работ по проекту «Преодоление избыточных неравенств как условие построения в России справедливого социального государства»¹.

Социологический опрос в рамках проекта проведен в октябре 2024 г. в 22 субъектах Российской Федерации по репрезентативной общероссийской районированной квотной выборке. Объем выборочной совокупности – 2000 респондентов, репрезентирующих взрослое (18 лет и старше) население страны по параметрам пола, возраста, социально-профессионального статуса, уровня образования и типа населенного пункта проживания.

Российская повседневность и личное благополучие в восприятии граждан

В 2024 г. ключевым фактором повседневной жизни россиян оставалась Специальная военная операция (СВО). Объявление в феврале 2022 г. СВО и последовавшую мобилизацию общество встретило не только национальной консолидацией, но и ростом чувства неопределенности [11] и тревоги вследствие резкого изменения привычного образа жизни [23]. Однако к 2024 г. начали проявляться признаки психологической адаптации общества к сложившимся обстоятельствам. Так, в 2022 г. по данным ИС ФНИСЦ РАН большинство россиян (86%) давали негативные оценки ситуации в стране: в том числе 70% считали ее кризисной, еще 16% – катастрофической, и 14% оценивали положение дел как нормальное. А в 2023 г. доля тех, кто считал ситуацию катастрофической, сократилась вдвое – с 16 до 8%, а в 2024 г. «кризисные» оценки обстановки уменьшилось с 73 до 67%, доля пессимистов почти не изменилась (рост с 8 до 10%), а доля респондентов, полагающих ситуацию нормальной и спокойной, возросла (с 19 до 23%) (см. рис. 1).

¹ Проект выполнен за счет средств Фонда Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) «FMUS-2024-0015» в Федеральном научно-исследовательском социологическом центре Российской академии наук.

Рис. 1. Динамика оценок россиянами ситуации в стране, 2011–2024 гг., %

Figure 1. Dynamics of Russians' perceptions of the situation in the state, 2011–2024, %

Эмоциональная нормализация общественных настроений отразилась и на общем восприятии россиянами качества своей жизни. В 2024 г. большинство россиян были в целом удовлетворены (61%), а треть (34%) довольны тем, как складывается их жизнь. Недовольны положением дел были 5%. Удовлетворены тем, как складывается их жизнь, прежде всего, молодые (18–30 лет) и хорошо образованные россияне (40%), жители столиц и областных центров (37%). Но более всех – те, кто ощущают себя материально обеспеченными (80%). Тогда как пятая часть (20%) плохо обеспеченных респондентов откровенно оценивают свою жизнь как плохую, еще три четверти (75%) находят ее удовлетворительной, а довольны своей жизнью 5% малообеспеченных. Неблагоприятной свою повседневность также оценивают россияне старших возрастов, жители села и плохо образованные респонденты (по 7%) (см. рис. 2).

Восприятие людьми качества своей жизни «в целом» носит «надстроенный» характер по отношению к их удовлетворенности «основными» аспектами повседневности: общее восприятие качества жизни формируется на основе субъективного мнения о доступности ресурсов в здравоохранении, системе образования, обеспечения жильем и материального благосостояния и других подобных факторов [28, с. 20] и пр. Оценка россиянами уровня своего достатка играет важную роль, однако не является главным фактором их субъективной удовлетворенности своим благополучием в целом [30].

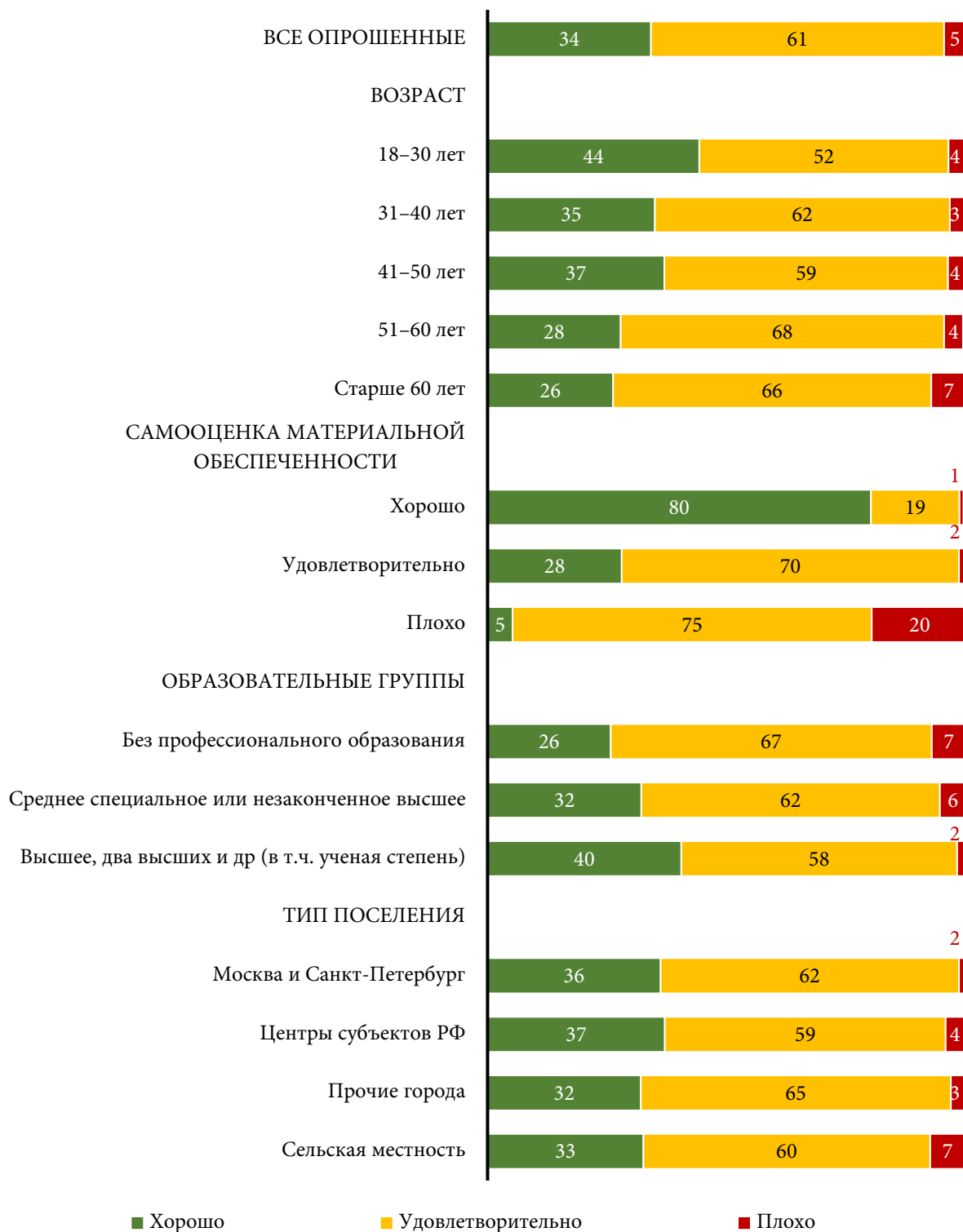

Рис. 2. Оценка удовлетворенности жизнью представителями различных социо-демографических групп, 2024г., %

Figure 2. Assessment of life satisfaction among representatives of various socio-demographic groups, 2024, %

На протяжении последнего года россияне не сталкивались с серьезными трудностями в ключевых сферах своей жизни, и сдержанно-положительно оценивали ситуацию в большинстве из них. В частности, свое состояние здоровья респонденты воспринимали как хорошее в 32% случаев и удовлетворительное в 57%. Жилищные условия оценивались соот-

ветственно в 38% случаев как хорошие и в 54% как удовлетворительные. Возможности получения необходимого образования и знаний были охарактеризованы как хорошие у 35% респондентов и удовлетворительные у 54%. Что касается проведения досуга, 38% оценили свои возможности как хорошие, а 50% – как удовлетворительные. Наконец, ситуацию в месте проживания респонденты оценивали в 45% случаев как хорошую и в 49% – как удовлетворительную (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Оценка россиянами ситуации в различных сферах своей жизни, 2024 г., %*
Russians' assessment of various aspects of their lives, 2024, %

Стороны жизни	Оценка россиянами различных сторон своей жизни			Разница оценок «хорошо» и «плохо»
	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо	
Отношения в семье	59	38	3	56
Возможность общения с друзьями	55	40	5	50
Место, в котором Вы живете (город, поселок, село)	45	49	6	39
Жилищные условия	38	54	8	30
Жизнь в целом складывается	34	61	5	29
Возможности проведения досуга	38	50	12	26
Возможность получения необходимого образования и знаний	35	54	11	24
Состояние здоровья	32	57	11	21
Возможность отдыха в период отпуска	28	51	21	7
Возможность выражать свои политические взгляды	25	55	20	5
Материально обеспечены	19	64	17	2
Возможность получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную	22	56	22	0

Примечание. *Сведения об оценке россиянами различных сфер жизни отсортированы по значению столбца «Разница оценок «хорошо» и «плохо».

Но однозначно позитивно россияне оценивали положение дел только в двух сферах повседневной жизни: в отношениях в своей семье, которыми были довольны 59% респондентов, и в возможностях общения с друзьями, которые хорошими назвали 55% опрошенных. Доля негативных оценок здесь была минимальна и составляла всего 3% и 5% соответственно.

А вот возможностями получения качественной медицинской помощи, в том числе платной (22%), отдыха в период отпуска (20%) и выражения своих политических взглядов (20%) в 2024 г. была недовольна пятая часть россиян. Причем, доля негативных оценок россиянами доступных им сегодня ресурсов здоровьесбережения соответствовали доле позитивных (по 22%). Позитивные оценки возможностей отдыха и политического

самовыражения превосходили негативные, но незначительно, на 5–7%. Уровень своей материальной обеспеченности в 2024 г. большинство россиян оценивали как удовлетворительный, средний (64%), пятая часть опрошенных назвала свое финансовое положение хорошим (19%), еще примерно столько же – плохим (17%).

Оценка представителями различных социально-демографических групп своих возможностей в ключевых сферах жизни отражает сложившиеся в российском обществе структурные неравенства. Например, жители мегаполисов заметно превосходят оптимизмом жителей сельской местности. И особенно остро неравенство их жизненных возможностей проявляется в субъективных оценках собственного доступа к качественной медицинской помощи: как хорошие свои возможности здесь москвичи и петербуржцы оценивают в два раза чаще (30%), чем жители села (16%) (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Оценка положения дел в местах своего проживания, а также собственных возможностей получать качественную медицинскую помощь и организовывать свой отдых жителями различных типов поселений, 2024 г., %

Assessment of the situation in the places of residence, of their opportunities to access high-quality healthcare and to organize free time by the residents of different types of settlements, 2024, %

Оценка россиянами различных сторон своей жизни	Место проживания				
	Проживают в Москве и Санкт-Петербурге	Проживают в областных, краевых, республиканских центрах	Проживают в районных центрах, городах не являющихся районными	Проживают в ПГТ и селе	Пропорция оценок «хорошо», данных собственным возможностям жителями мегаполисов и сел (приведено в пропорции)
Возможность получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную					
Хорошо	30	28	17	16	1,9
Удовлетворительно	55	51	60	57	1,0
Плохо	15	21	23	27	0,6
Возможность отдыха в период отпуска					
Хорошо	36	31	25	23	1,6
Удовлетворительно	51	50	52	53	1
Плохо	13	19	23	24	0,5
Место, в котором Вы живете (город, поселок, село)					
Хорошо	57	50	41	40	1,4
Удовлетворительно	42	44	54	53	0,8
Плохо	1	6	5	7	0,1

У жителей различных типов поселений существует качественный разрыв в восприятии своих возможностей для отдыха во время отпуска: доля столичных жителей, оценивающих эти возможности как хорошие, в 1,6 раза выше по сравнению с показателем для сельской местности (36 против 23%). Наконец, ярким индикатором неравенства качества жизни жителей различных типов поселений является оценка ими ситуации в месте своего жительства: хорошим свой город считают более половины (57%) жителей столиц, среди селян – довольны местом проживания 40%.

Неравнозначность жизненных шансов жителей столичных мегаполисов и села тесно сопряжена с неравенством их доходов. А монетарное неравенство в современной России является одной из ключевых детерминант неравнозначности жизненных шансов. По данным многолетних наблюдений, различие в уровне доходов и проживание в различных типах поселений серьезно влияет на доступ россиян к ресурсам в социальных сетях и таким образом на их положение в сложившейся в обществе системе социальных неравенств [11, с. 82].

Сегодня представители верхней социальной страты с высоким (от 2 медиан и выше) индивидуальным ежемесячным доходом почти в 9 раз чаще россиян с индивидуальным доходом ниже 0,75 медиан говорят о хорошем уровне своей материальной обеспеченности (59 против 7%). Высокодоходные россияне в три раза чаще заявляют о своих хороших возможностях получать качественную медицинскую помощь (47 против 14%), и, вероятно, как следствие, они также втрое чаще оценивают свое здоровье как хорошее (56 против 17%) (см. табл. 3).

Еще одним основанием неравенства жизненных возможностей в современной России является возраст: если молодежь оценивала ситуацию практически во всех сферах своей повседневности как хорошую, то оценки респондентов пенсионного возраста, напротив, чаще были негативными. Помимо по сути объективного неравенства по состоянию здоровья (которое как хорошее молодежь в возрасте до 30 лет оценивает в 8 раз чаще (57%) россиян старше 60 лет (7%)), молодежь заметно позитивнее оценивает все сферы своей жизни. Особенно – уровень материальной обеспеченности (в 3,3 раза чаще), возможности получать качественную медицинскую помощь (в 2,8 раз), возможности получать образование (в 2,3 раза) и возможность организовывать отдых в период отпуска (2,4 раза).

Образовательный уровень граждан России также является фактором, создающим неравенство их жизненных условий: высокий уровень квалификации открывает больше возможностей, и чем он выше, тем положительнее воспринимается жизнь в целом и ее отдельные сферы. Среди респондентов с высшим образованием доля тех, кто полагает, что их жизнь складывается в целом хорошо (40%), в 1,6 раза превышает аналогичные оценки среди респондентов без профессионального образования (26%). С увеличением уровня образования особенно усиливается положительное восприятие возможностей получения необходимых знаний: доля позитивных оценок, данных респондентами с высшим образованием (48%) в 3,5 раза превышает аналогичный показатель для плохо образо-

ванных (14%). Это может вести к увеличению разрыва между людьми с разными уровнями образования, поскольку возможность повышения образовательного уровня доступнее для тех, кто уже имеет высшее образование. Неравномерный доступ к образовательным ресурсам усугубляет другие основания социальных неравенств: с ростом уровня образования растет самооценка материальной обеспеченности, возможностей отдыха и проведения досуга.

Таблица 3 (Table 3)

Оценка своего материального положения, состояния здоровья и собственных возможностей получать качественную медицинскую помощь представителями различных доходных групп, 2024 г., %

Assessment of their financial situation, health status, and their own opportunities to receive high-quality medical care, by representatives of different income groups, 2024, %

Оценка россиянами различных сторон своей жизни	Индивидуальный среднемесячный доход (зарплата, пенсия, приработки и т. п.) относительно поселенческой медианы				Пропорция оценок «хорошо», данных собственным возможностям представителями высоко- и низкодоходных групп
	до 0,75 медиан	0,76–1,25 медиан	1,26–2 медиан	От 2,1 медиан и выше	
Материально обеспечены					
Хорошо	7	13	27	59	8,6
Удовлетворительно	59	72	66	39	0,7
Плохо	34	15	7	2	0,0
Состояние здоровья					
Хорошо	17	27	44	56	3,4
Удовлетворительно	59	64	51	42	0,7
Плохо	24	9	5	2	0,1
Возможность получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную					
Хорошо	14	18	26	47	3,3
Удовлетворительно	57	60	51	48	0,8
Плохо	29	22	23	5	0,2

Сегодня хорошее образование россияне (74%) относят к одному из ключевых условий достижения жизненного благополучия наравне с упорным трудом (76%) и протекцией (77%), считая потенциал личной квалификации более значимым ресурсом достижения персонального жизненного успеха, чем происхождение из состоятельной семьи (51%).

Наконец, восприятие россиянами качества жизни серьезно влияет на их ценностные ориентиры. Люди, придерживающиеся активной жизненной позиции и уверенные в том, что они сами строят свое счастье, а успехи и неудачи зависят исключительно от их собственных усилий, гораздо чаще, чем те, кто считает, что их жизнь в большей степени определяется внешними факторами, оценивают все сферы своей жизни как благополучные. Почти половина тех, кто согласен, что «человек – сам кузнец

своего счастья, и успех и неудачи – все в его руках» (47%), считают, что их жизнь складывается в целом хорошо. Среди сторонников противоположной, «инертной установки», что «жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями» довольна своим настоящим лишь пятая часть (21%).

Динамика представлений россиян о собственном благополучии в условиях кризиса

Многолетний социологический мониторинг динамики оценок россиянами своих возможностей в различных сферах через сопоставление данных ими позитивных и негативных оценок позволяет определить наиболее значимые сферы. Положительные и отрицательные оценки различных аспектов жизни взаимно компенсируют друг друга, формируя у россиян целостное восприятие текущей ситуации в стране и обществе, а также своего места в нем. Чем более распространены эти настроения, как позитивные, так и негативные, тем сильнее их воздействие на общую оценку гражданами текущего состояния дел и собственного благополучия, что отражается в социологических опросах. Резкие колебания в течение ограниченного периода наблюдений коэффициента разницы оценок «хорошо» и «плохо» указывают на особенную чувствительность общества к изменениям в какой-то из сфер повседневности, сохранение же коэффициента разницы оценок ситуации в какой-либо сфере говорит о стабилизации положения дел. Однако важно отметить, что эта стабилизация может иметь как позитивный, так и негативный характер.

В течение 2023–2024 гг. стабильным оставался баланс позитивных и негативных оценок россиянами только свои возможности общения с друзьями: как и год назад, в 2024 г. доля положительных оценок превосходила негативные на 50 п.п., а по сравнению с 2020 г. этот показатель даже вырос на 8 п.п. Практически неизменной осталась доминантна положительных оценок россиянами отношений в своей семье над негативными (на 56 п.п.), годовое снижение было номинальным, 4 п.п. (см. табл. 4).

Напротив, негативная стабилизация свидетельствует о смирении граждан с негативной ситуацией в какой-то из сфер, неверием в возможность что-то изменить здесь. Так, за прошедший год стабилизировалось недовольство россиян своими возможностями получать качественную медицинскую помощь. При том, что в сравнении с другими параметрами качества жизни возможности получения медицинской помощи россияне с 2020 г. оценивали как худшие, а доля негативных оценок превосходила положительные на 25 п.п., в 2024 г. доли плохих и хороших оценок сравнялись на фоне укрепления средних оценок.

Наиболее резко в 2024 г. изменилось соотношение хороших и плохих оценок россиянами жилищных условий (с 40 п.п. в 2023 г. до 30 п.п. в 2024 г.), а также ситуации в месте своего проживания (с 46 п.п. в 2023 г. до 39 п.п. в 2024 г.). Падение в 2024 г. удовлетворенности жилищными условиями

было обусловлено прежде всего завершением с 1 июля льготной ипотеки, действовавшей с 2020 г. в качестве антикризисной меры в период пандемии COVID-19. Отмена льготной программы не только сократила шансы многих россиян купить собственное жилье, но и вызвала серьезное удорожание аренды квартир.

Таблица 4 (Table 4)

*Динамика разницы оценок «хорошо» и «плохо»,
данных россиянами различным аспектам собственной жизни, 2020–2024 гг., п.п.*
The dynamics of the difference between “good” and “bad”
ratings given by Russians for various aspects of their lives, 2020–2024, p.p.*

Аспекты жизни	2020	2021	2022	2023	2024	Разница индексов 2023–2024 гг. **
Отношения в семье	50	55	56	59	56	4
Возможность общения с друзьями	42	38	42	50	50	=
Место проживания (город, поселок, село)	32	28	37	46	39	7
Жилищные условия	27	35	38	40	30	10
Возможности проведения досуга	5	4	9	19	26	7
Возможность получения необходимого образования и знаний	6	4	6	16	24	8
Состояние здоровья	11	17	16	16	21	5
Возможность отдыха в период отпуска	-18	-18	-13	-1	7	8
Возможность выражать свои политические взгляды	-5	-11	-4	-1	5	6
Материальная обеспеченность	-17	-5	-9	5	2	3
Возможность получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную	-25	-20	-21	-1	0	1
Жизнь в целом	13	19	19	28	29	1

Примечания. *Данные отранжированы по разнице положительных и отрицательных оценок 2024 г. **Фоном выделены те аспекты повседневности, разница в оценках «хорошо» и «плохо» которых в период 2023–2024 гг. изменилась наиболее резко, не менее, чем на 7 п.п. Жирным кеглем обозначены самые высокие значения показателя для каждого из аспектов жизни за весь период наблюдений.

Значительное же ухудшение оценок россиянами ситуации в местах проживания является результатом «кумулятивно-эмоционального» эффекта: напряжение, которое копилось в обществе с пандемийных времен, усилилось под влиянием неопределенности, связанной с СВО. Кроме того, в 2024 г. продолжился негативный тренд ухудшения экономического положения граждан, начавшийся в пандемию с резкого роста цен и резко усилившийся в 2022 г.

В 2024 г. продолжилось последовательное ослабление российской национальной валюты, а Банк России дважды за год повышал прогноз по годовой инфляции, сначала до 6,5–7%, а затем до 8–8,5% по итогам

года. Накопившиеся проблемы становятся особенно заметны на локальном уровне, где люди прямо сталкиваются с ухудшением благосостояния и нарастающим недовольством окружающих.

Влияние неблагоприятных внешних факторов побуждает россиян сосредоточиться на частной жизни, найти удовлетворение в собственном психологическом равновесии. Вследствие чего для граждан растет значимость субъективных ощущений благополучия, нематериальных его факторов, необходимых для саморазвития: качества полученных знаний и организации свободного времени.

Так, с 2021 г. за счет роста доли положительных оценок и сокращения негативных последовательно увеличивался показатель разницы хороших и плохих оценок возможностей получения необходимого образования и знаний (6 п.п. в 2022 г. и 24 п.п. в 2024 г.¹). Разница позитивных и негативных оценок россиянами своих возможностей организации свободного времени. Как в короткой годовой, так и в относительно длительной четырехлетней перспективе выросла удовлетворенность россиян возможностями проведения досуга, с 5 п.п. в 2020 г., 19 п.п. в 2023 г. до 26 п.п. в 2024 г.²

Навык «адаптации» к сложившейся ситуации россияне используют и для организации своего отдыха. Несмотря на то, что пятая часть респондентов оценила в 2024 г. свои возможности проводить отпуск как плохие, разница между оценками «хорошо» и «плохо» выросла с отрицательного показателя –18 п.п., обусловленного пандемийным падением доходов и последующим «закрытием» границ в 2020 – 2022 гг., до +7 п.п. в 2024 г. В том числе на 8 п.п. вырос с 2023 г. индикатор разницы «хороших» и «плохих» оценок возможностей отдыха: сегодня многие россияне уже освоили внутренний туризм и научились организовывать свой отдых при крайне ограниченных возможностях. К слову, ряд исследователей отмечает в качестве мировой тенденции переосмысление людьми своих ценностей в пользу сознательного сокращения трудовой активности даже ценою сокращения доходов с целью «замедления» ритма жизни, достижения гармонии между трудом и отдыхом [20, с. 17–18].

На фоне в целом умеренных, средних оценок россиянами состояния своего здоровья и возможностей выражать политические взгляды, за прошедший год несколько улучшилось восприятия этих сфер, и разница между позитивными и негативными оценками в этих сферах по сравнению с 2023 годом увеличилась на 5 п.п. и 6 п.п. соответственно. При том,

¹ В 2022 г. большинство опрошенных россиян оценивали свои возможности получения необходимого образования и знаний как удовлетворительные (56%). Четверть респондентов (25%) считали их хорошими, а 19% – плохими. Таким образом, разница между положительными и отрицательными оценками в 2022 г. составляла 6 п.п. В 2024 году доля респондентов, считающих образовательные возможности хорошими, увеличилась до 35%, а доля тех, кто считал их плохими, снизилась до 11%, так что в 2024 г. разница между полярными оценками достигла 24 п.п.

² В 2020 г. собственные возможности проведения досуга хорошими считали 26% опрошенных, плохими – 21%, таким образом разница этих оценок составила 5 п.п. В 2023 г. доля хороших оценок выросла до 34%, плохих – сократилась до 15%, а разница между ними составила 19 п.п. В 2024 г. хорошими досуговые возможности считали 38%, плохими – 12%, т. е. на 26 п.п. меньше.

что свое материальное положение большинство россиян оценивают скорее как «среднее» (64%), в течение прошедших четырех лет разница между оценками «хорошо» и «плохо», выросла на 18 п.п. (с -17 п.п. в 2020 г. до +2 п.п. в 2024 г.). За тот же период разница между оценками россиянами того, как складывается их жизнь в целом, также выросла более, чем вдвое, с 13 п.п. в 2020 г. до 29 п.п. в 2024 г. Однако высоким уровень своей жизни сегодня считает только треть респондентов (34%), а негативные отзывы встречаются в семь раз реже (5%). И это совсем не согласуется с оценками гражданами уровня своего материального благополучия, где поровну представлены положительные (19%) и отрицательные (17%) оценки.

Таким образом, хотя самооценка материального положения, уровня доходов и финансового благополучия серьезно влияет на удовлетворенность граждан своей жизнью, велико значение и нематериальных факторов [21]. Особенно в ситуации нестабильности в 2020–2022 гг., когда в поисках ресурса психологической «нормализации», многие россияне сфокусировались на своей частной жизни, став особенно чувствительными к возможностям организации своей повседневности.

Это отражается и в статистической значимости взаимосвязи показателей удовлетворенности жизнью и оценок россиянами различных сторон собственной повседневности. Коэффициент Спирмена для удовлетворенности материальным положением и жизнью в целом составляет 0,521, в то время как для удовлетворенности возможностями проведения досуга этот коэффициент значительно выше и достигает 0,593 (см. табл. 5). Следующим по важности после фактора материального обеспечения показателем является возможность отдыха в период отпуска, для которого коэффициент Спирмена составляет 0,500, что незначительно отстает от значений для самооценки обеспеченности.

На общую оценку россиянами качества своей жизни в наименьшей степени влияет их удовлетворенность возможностями выразить свои политические взгляды (0,403), общаться с друзьями (0,446), а также оценка отношений в семье (0,446). Возможности выразить свои политические взгляды, негативные оценки которых на протяжении последних четырех преобладали над позитивными, сегодня в принципе не воспринимаются многими гражданами как значимый атрибут российской повседневности и не влияют на общую оценку жизненного благополучия. А вот отношениям с ближним кругом, родными и близкими, россияне, напротив, уделяют большое внимание. Однозначно положительно оценивая только эти сферы своей повседневности, россияне «выносят» их за общий контур нестабильной конъюнктуры. Вероятно, взаимоотношения с семьей и друзьями, которые не зависят от внешних обстоятельств, а выстраиваются людьми самостоятельно, по умолчанию являются базовым элементом удовлетворенности жизнью. И поскольку большинство россиян сегодня считают отношения со своими близкими хорошими, с общим восприятием качества жизни в большей степени резонируют представления о «проблемных зонах» повседневности.

Таблица 5 (Table 5)

Корреляционная связь позитивных и негативных оценок различных сторон собственной жизни и удовлетворенности жизнью в целом (коэффициент Спирмена)*

The correlation between positive and negative assessments of various aspects of the respondents' life and their overall life satisfaction (Spearman's correlation coefficient)

Удовлетворенность различными сторонами жизни	Удовлетворенность жизнью в целом
Возможности проведения досуга	0,593
Материально обеспечены	0,521
Возможность отдыха в период отпуска	0,500
Возможность получения необходимого образования и знаний	0,488
Возможность получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную	0,478
Жилищные условия	0,462
Место, в котором Вы живете (город, поселок, село)	0,448
Состояние здоровья	0,446
Возможность общения с друзьями	0,446
Отношения в семье	0,445
Возможность выражать свои политические взгляды	0,403

Примечание. *Данные отранжированы по величине показателя корреляционной связи.

Поскольку восприятие россиянами качества своей жизни формируется комплексно, под воздействием как материальных, так и нематериальных факторов, это отражается и на их представлениях о составляющих жизненного успеха. Согласно нормативным представлениям большинства россиян, успешная жизнь включает в себя не только удовлетворение материальных потребностей, но и следование ценностям и идеалам. Тем не менее, сегодня ключевыми критериями жизненного успеха современных россиян остаются формальные аспекты, позволяющие сопоставить достижения человека с успехами других и расположить его в социальной иерархии: более половины граждан России считают основой жизненного успеха финансовое благополучие (59% опрошенных), создание семьи и воспитание детей (53%) и профессиональную самореализацию (52%). В десятку топовых атрибутов жизненного успеха россияне также включают хорошее здоровье (42%), получение качественного образования (26%) и наличие отдельной жилплощади (25%), что подтверждает доминирование в российском обществе понимания успеха, связанного со стремлением к модели жизни «как у всех», с обязательным наличием ключевых для этого элементов: финансового благополучия, семьи, работы и жилья [18].

Тем не менее, сегодня, под влиянием растущей значимости постматериальных ценностей и немонетарных факторов благополучия, критериями жизненного успеха многих россиян становится следование идеалам и жизнь согласно ценностям «высшего» порядка. Сегодня для трети опрошенных важнейшей составляющей жизненного успеха является самореализация (35%). Еще 16% не мыслят себе успешного человека без дру-

зей, 14% – без признания и уважения со стороны окружающих. А пятая часть современных россиян (20%) считает, что успешный человек должен жить в справедливом и разумно устроенном обществе.

Представления россиян о социальной справедливости

Нормативные представления о том, что жизнь в справедливо устроенном обществе – критерий персонального благополучия, россияне проецируют и на желаемые стратегии развития страны. В 2024 г. среди приоритетных концепций национального развития идея социальной справедливости была самой популярной, получив поддержку 50% населения и опередив лозунги восстановления Россией статуса великой державы (39%) и возрождении национальных традиций (36%).

В. Л. Римский отмечал, что идея справедливости традиционно является одной из ключевых составляющих российской социокультурной модели, но справедливость устройства того или иного общества граждане оценивают субъективно, через призму собственных представлений и интересов [22]. Поэтому такая абстрактная философская категория, как «справедливость», в общих чертах предписывающая соответствие реального должному, порождает многообразие сценариев устройства справедливого общества. Действительно, сегодня почти две трети россиян (63%) затрудняются точно определить, что является справедливым, а что нет. Причина кроется не в утрате концепцией социальной справедливости своей актуальности в современном мире (8% считают, что социальной справедливости в обществе ни было, ни будет), а в стремлении россиян предложить наиболее подходящую форму общественной организации, при которой будут реализованы принципы справедливости.

Существующий в российском общественном мнении спектр представлений о том, в чем именно состоит социальная справедливость можно свести к двум альтернативным трактовкам: уравнительной, которая предполагает равномерное распределение ресурсов между гражданами, и распределительной, ориентированной на обеспечение всеобщего равенства возможностей. Сегодня среди признаков справедливо устроенного общества россияне чаще называют те, что гарантируют гражданам равенство возможностей самореализации: равенство перед законом (61%), равные условия для честной конкуренции и достижения успеха (41%) и равноправие при социальной мобильности (30%).

О необходимости справедливого правоприменения чаще других говорят обеспеченные россияне с индивидуальным доходом от 2,1 поселенческих медиан (73%), о справедливых условиях для честной конкуренции – средневозрастные (43% среди 31–40-летних) и среднедоходные респонденты (44% среди тех, чей доход составляет 1,26 – 2 поселенческих медиан). Запрос на открытые возможности для вертикальной мобильности – самые молодые (38%).

А вот идея социальной справедливости как равного доступа граждан к базовым материальным ресурсам менее популярна. Но и здесь половина опрошенных (51%) связывает справедливое общественное устройство с равной обеспеченностью граждан необходимой медицинской помощью и качественным образованием, треть – с равенством уровня жизни (32%), пятая часть (21%) – с равными возможностями граждан получить доступ к хорошим рабочим местам «без блата». С равным доступом граждан к ресурсам здравоохранения и образования социальную справедливость связывают самые пожилые и наименее обеспеченные граждане. С неограниченным доступом к хорошим рабочим местам – самые молодые (см. табл. 6).

Таблица 6 (Table 6)

*Мнение о составляющих социальной справедливости представителей различных возрастных и имущественных групп, 2024 г., %**
Opinion on the components of social justice among representatives of various age and property groups, 2024, %

Социальная справедливость состоит...	Все опрошенные**	Возрастные группы, лет					Индивидуальный среднемесячный доход относительно поселенческой медианы			
		18–30	31–40	41–50	51–60	Старше 60	до 0,75 медиан	0,76–1,25 медиан	1,26–2 медиан	От 2,1 медиан и выше
...в равенстве возможностей										
...в равенстве всех перед законом, чтобы нельзя было уходить от ответственности за разного рода преступления только потому, что ты «начальство», богат или знаменит	61	54	63	61	60	63	56	61	63	73
...в том, чтобы каждый мог достичь всего, на что он способен, а дети из разных по благосостоянию семей имели равные возможности для успеха в жизни	41	42	43	42	35	40	39	40	44	42
...в том, чтобы положение каждого члена общества зависело от его труда – его эффективности, тяжести, требующейся для него квалификацией и т. д.	30	38	30	27	27	30	31	26	33	37

Продолжение таблицы 6

Социальная справедливость состоит...	Все опрошенные**	Возрастные группы, лет					Индивидуальный среднемесячный доход относительно поселенческой медианы			
		18–30	31–40	41–50	51–60	Старше 60	до 0,75 медиан	0,76–1,25 медиан	1,26–2 медиан	От 2,1 медиан и выше
...в равном доступе к ресурсам										
...в равенстве доступа к необходимой медицинской помощи и качественному образованию, где бы ты ни жил, и сколько бы денег у тебя ни было	51	47	50	52	50	53	50	54	51	42
...в том, чтобы уровень жизни всех был примерно одинаковым, не было ни очень богатых, ни очень бедных	32	30	28	33	33	37	36	32	32	21
...в равенстве доступа к хорошим рабочим местам, прекращении трудоустройства «по блату»	21	23	22	18	22	20	20	22	21	21
Никакой социальной справедливости в обществе не было и не будет	8	7	8	7	12	7	9	8	4	10

Примечания. *Красным фоном выделены самые высокие показатели по строке. **Для данной позиции допускалось до трех вариантов ответов, поэтому общая сумма ответов больше 100%.

Таким образом россияне трактуют социальную справедливость в духе Дж. Ролза, как принцип общественного устройства, основанный на «честном равенстве возможностей» и пропорциональном доступе граждан к общественным ресурсам, величина которого зависит от их вклада в общее благо [24]. В таком обществе – в теории – эффективно функционируют механизмы социальной мобильности, которые дают гражданам возможность реализовать свой человеческий капитал [19], не только позволяя людям повысить свое индивидуальное благосостояние, но и обеспечивая устойчивое развитие страны на макроуровне [13].

Закономерно, что, отвечая на вопрос о том, в каком обществе хотели бы жить они сами, россияне выбирают общество равных возможностей (59%), а не равных доходов и условий жизни (41%). На протяжении последних 12 лет, с 2012 г., эта пропорция неизменна, но по сравнению с 1995 г., когда в общественных настроениях царила мечта о строительстве общества справедливой самореализации, популярность идеи равных доходов выросла почти вдвое, с 25 до 41% (см. рис. 3). Некоторые авторы

трактуют рост интереса граждан к равенству доходов как следствие их разочарования и в актуальных «правилах игры» [16], не способствующих созданию справедливых неравенств, и в реализуемости стратегии национального развития, основанной на человеческом капитале.

Рис. 3. Динамика выбора в дилемме «равенство возможностей – равенство доходов», 1995–2024 гг., %

Figure 3. The dynamics of choice between equality of opportunity and equality of income, 1995–2024, %

Такие заявления могут показаться излишне тревожными, но они не безосновательны. Несмотря на стабилизацию в начале 2010-х гг. приоритетного общественного запроса на создание справедливых условий для равной реализации гражданами своих возможностей, сохраняющаяся популярность идей равенства условий жизни указывает на сохраняющийся запрос общества на активное участие государства в обеспечении необходимых жизненных условий для граждан. Сегодня в российском обществе социальная справедливость воспринимается не только как желаемый принцип организации социальных взаимоотношений, но и как базовый общественный запрос к государству. После того, как в 1990-е гг. попытка применить рыночную модель к справедливому распределению благ и возможностей лишь усугубила существовавшие формы неравенства, в 2000-х гг. общество отчасти вернулось к советской парадигме государства как гаранта соблюдения принципов справедливости [27, с. 75]. Речь не шла о возврате к патерналистской модели, скорее предполагался своеобразный социальный контракт с государством, которое бы обеспечивало гражданам базовые условия жизни, оставляя возможности для личной инициативы и ответственности. Однако сегодня при доминировании в общественном мнении идеи минимального участия государства в социальной сфере, как гаранта обеспе-

чения гражданам базового минимума ресурсов и прав (45%), более трети россиян (37%) поддерживают идею полного обеспечения государством равенства всех граждан (имущественного, правового, политического)¹.

И в нынешний кризисный период, когда экономическая нестабильность повышает для населения риски безработицы и ухудшения качества жизни, идея активного патронажа со стороны государства становится все более актуальной. В частности, особенно остро стоит вопрос доступности медицинского обслуживания, особенно для жителей приграничных областей, а также для участников специальной военной операции и их семей.

В нынешней кризисной обстановке меняются взгляды россиян и на справедливое общественное устройство, и на первоочередные меры справедливой помощи гражданам своей страны в сложившихся условиях. Сегодня наиболее важными принципами справедливого общественного устройства россияне считают равные возможности граждан получить медицинское обслуживание (54%) и их равный доступ к хорошим рабочим местам (41%). Наименее важным – сокращение разрыва между уровнем жизни в городах и на селе (18%), а также снижение в обществе доли богатых (11%) (см. табл. 7).

Среди барьеров, препятствующих утверждению в России принципов справедливости, граждане чаще всего называют: чрезмерный разрыв в доходах (33%) и уровне жизни (29%) населения, а также неравенство доступа к медицинским услугам (30%). Менее всего россиян волнует несоблюдение принципа равной оплаты труда (18%), а также значительное число богатых и сверхбогатых (15%).

На основании сопоставления ответов россиян на вопросы о том, какие принципы должны соблюдаться в справедливо устроенном обществе, и какие из этих принципов в наименьшей степени соблюдаются в России, нами был вычислен индекс неудовлетворенности положением дел в различных сферах повседневности. Разница оценок позволила определить области как явного, так и скрытого беспокойства граждан. Сильнее всего с идеалистическими представлениям россиян о справедливом общественном устройстве расходятся их реальные возможности получить доступ к медицинскому обслуживанию (24 п.п.), образованию (19 п.п.), хорошей работе (15 п.п.) и честному правоприменению (14 п.п.). Кроме того, в общественном мнении сформировалось серьезное недовольство территориальным неравенством, различием условий жизни в городе и на селе (10 п.п.). В сложившихся обстоятельствах граждане не рассматривают эту проблему как острую, но недовольство положением дел здесь копится.

¹ Еще 16% опрошенных полагают, что государственная помощь должна предоставляться только слабым, а 3% вовсе против государственной социальной поддержки.

Таблица 7 (Table 7)

Мнения россиян о том, какие принципы должны соблюдаться в обществе, чтобы его можно было считать справедливым, а какие из них в наименьшей степени соблюдаются сегодня в России, 2024 г., %*
The opinions of Russians on which principles should be upheld in society in order to make it fair, and which are least respected in Russia today, 2024, %

Принципы	Должны соблюдаться в первую очередь**	В наименьшей степени соблюдаются сегодня**	Разница между должным и актуальным соблюдением принципов***
Все имеют равный доступ к медицинскому обслуживанию	54	30	24
Все имеют равные возможности получить желаемое образование	40	21	19
Все имеют равный доступ к хорошим рабочим местам	41	26	15
Равенство всех перед законом	49	35	14
Все имеют реальную возможность решить жилищный вопрос	37	28	9
В обществе мало бедных	32	24	8
Равная оплата за равную квалификацию и образование	23	18	5
Богатые выплачивают в виде налога большую долю своего дохода, чем бедные	23	23	0
Различия в уровне жизни между людьми невелики	29	29	0
В обществе мало богатых	11	15	-4
Различия в доходах между людьми невелики	29	33	-4
Различия между жизнью в городе и селе невелики	18	28	-10

Примечания. *Данные отранжированы по величине показателя разницы оценок должного и актуального соблюдения принципов общественного устройства. **Для данных позиций допускалось до пяти вариантов ответов, поэтому общая сумма ответов больше 100%. ***Красным фоном выделены показатели, где разница между должным и актуальным соблюдением принципов превышает 10 п.п.

Выводы

Сегодня в оценках динамики социальной справедливости и остроты существующих неравенств россияне умеренно сдержанны. Большинство опрошенных полагают, что и ситуация с установлением в российском обществе принципов социальной справедливости (60%), и тенденция сокращения несправедливых неравенств (69%) за последние пять-семь лет не изменилась. Однако среди россиян, дающих конкретную оценку ситуации, преобладает пессимизм в отношении обоих направлений: доля тех, кто фикс-

сирует улучшение ситуации с реализацией в российском обществе принципов социальной справедливости составляет 14%. Доля тех, кто видит ухудшение – почти вдвое больше, 26%. Еще острее россияне переживают процесс минимизации избыточных неравенств в стране: около четверти (23%) полагают, что за последние 5–7 лет здесь произошли негативные подвижки, доля оптимистов втрое меньше (8%). И хотя за два последних года доля негативных оценок тенденций в обеих сферах несколько сократилась, общий негативный тренд сохраняется.

На сегодняшний день государство в целом справляется с ожиданиями граждан по обеспечению справедливого доступа к правам и ресурсам. Кроме того, многие россияне успешно преодолевают многие негативные тенденции кризисной реальности благодаря переориентации на нематериальные аспекты личного благополучия. Оптимизм в оценках возможностей преодоления существующих неравенств также сегодня поддерживается «туннельным эффектом», при котором возможности социальной мобильности повышают толерантность населения к неравенству [15]. Однако в условиях нарастающих ограничений социальной мобильности, «туннельный эффект», характерный для российского общества 2010-х гг., теряет свою компенсаторную роль в поддержке социального оптимизма.

Исходя из представленных данных о том, как россияне в 2024 г. воспринимают качество жизни, социальную справедливость и неравенства, можно сформулировать ряд выводов. Несмотря на существующую в настоящее время экономическую и социальную неопределенность, россияне эмоционально адаптировались к обстоятельствам, они находят радость в нематериальных аспектах повседневной жизни, прежде всего в общении с семьей и близкими.

На восприятие россиянами качества своей жизни влияют сложившиеся в обществе структурные неравенства: молодежь и жители мегаполисов чаще характеризуют свою жизнь как хорошую, тогда как оценки представителей старших поколений и жителей села чаще негативны. Особенно ярко существующие социальные неравенства проявляются в оценках представителями различных доходных групп доступности качественной медицинской помощи. Однако вопреки сложившимся неравенствам, идея социальной справедливости кажется россиянам актуальной и важной. Справедливость россияне понимают прежде всего как равные возможности для самореализации и справедливые условия для достижения успеха. Основными признаками справедливого общества опрошенные называют равенство перед законом и равные шансы для социального роста, тогда как равенство доходов имеет меньшую значимость. В условиях актуальной кризисной ситуации граждане ожидают от государства активной роли в обеспечении справедливого доступа к правам и ресурсам.

Проведенное исследование продолжает перспективный аналитический тренд диагностики немонетарных факторов качества жизни россиян. Особенно это важно в связи с открывающимися благодаря социальным медиа неограниченным возможностям дистанционной коммуникации с ближайшим кругом, выступающим для многих россиян не только основ-

ным ресурсом помощи, но и эмоциональной поддержки. Важным здесь кажется изучение того, как онлайн-общение способствует формированию субъективного ощущения социальной востребованности, включенности индивидов в социальную коммуникацию, повышая тем самым их удовлетворенность качеством жизни. Важно также исследовать и влияние модернизации семейных и брачных стратегий на субъективное восприятие благополучия, чтобы понять, как расширение возможностей онлайн-коммуникации и изменение социальных норм меняют потребность людей в близких отношениях, придавая им большую значимость.

Библиографический список

1. Бараш Р. Э. Российское общество 2020-х гг.: попытка идейного самоопределения // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 2. С. 87–101. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.818; EDN: DVMJBE.
2. Бызов Л. Г. Динамика идейно-политических предпочтений за 25 лет. Три этапа трансформации общественного сознания // Россия XXI. 2019. № 1. С. 6–29. EDN: YXHJNR.
3. Возьмитель А. А. Качество жизни в доперестроечной и пореформенной России // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 25–32. EDN: PWUQMT.
4. Воронина Н. С. Восприятие социальной справедливости россиянами на основе данных европейского исследования // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. № 1. С. 39–51. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-4.
5. Горшков М. К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 3–17. DOI: 10.31857/S013216250007445-2; EDN: NLCYDR.
6. Гоффе Н. В., Монусова Г. А. Социальное благополучие: восприятие реалий // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. № 3. С. 21–36. DOI: 10.31429/26190567-19-3-21-36; EDN: KHUEKS.
7. Градосельская Г. В. Субъективные и объективные оценки благосостояния // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 86–98. EDN: PZQNZP.
8. Гэлбрейт Дж. К. Общество изобилия. М.: Олимп-Бизнес, 2018. 404 с.
9. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // ПОЛИС. Политические исследования. 1997. № 4. С. 6–32.
10. Епихина Ю. Б. Социальная справедливость в российском образовании // Проблемы социального равенства и справедливости в России и Китае / Отв. ред. М. К. Горшков, П. М. Козырева и др. М.: Новый Хронограф, 2021. С. 59–81.

11. Каравай А. В. Факторы доступа к ресурсам социальных сетей в современной России // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 74–84. DOI: 10.31857/S013216250014291-3; EDN: WCITZC.

12. Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. Равенство и справедливость в сферах жилья и социального обеспечения в современной России // Проблемы социального равенства и справедливости в России и Китае / Ред. М. К. Горшков и др. М.: Новый Хронограф, 2021. С. 337–367.

13. Кузьминов Я. И., Фрумин И. Д. Двенадцать решений для нового образования. Доклад Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 106 с.

14. Лысухо А. С. Обзор российских исследований по теме «социальное благополучие»: основные исследования и результаты // ИНАБ. 2020. № 1. С. 7–17. DOI: 10.19181/INAB.2020.1.1; EDN: YAGTMJ.

15. Мареева С. В., Тихонова Н. Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России. Социология, Этнология. 2016. Т. 25. № 2. С. 37–67. EDN: WDEMBH.

16. Мареева С. В. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 3. С. 101–120. DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.527; EDN: YWAGXR.

17. Мареева С. В. Справедливое общество в представлениях россиян // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 16–26. EDN: RDRCBT.

18. Мареева С. В. Неравенство жизненных шансов россиян в сфере баланса жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 324–344. DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.18; EDN: PLZFUЕ.

19. Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. Неравенство инвестиций в человеческий капитал российских детей // Terra Economicus. 2022. Т. 20. № 3. С. 98–115. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-203-98-115; EDN: QKFCNV.

20. Медведева Е. И., Ярашева А. В., Макар С. В. Счастье и благополучие: основные детерминанты в современном мире // Дискуссия. 2023. № 2(117). С. 14–26. DOI: 10.46320/2077-7639-2023-2-117-14-26; EDN: VESMLV.

21. Назарова И. Б. Детерминанты субъективной неудовлетворенности жизнью: анализ российских данных за 1994–2021 годы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6. С. 3–16. DOI: 10.14515/monitoring.2023.6.2433; EDN: YQRIAB.

22. Римский В. Л. Справедливость в современной России: мечты и использование в социальных практиках // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 27–36. EDN: RDRCDD.

23. Российское общество в условиях новых вызовов и угроз (контекст социологической диагностики): информ.-аналитич. доклад. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 240 с.

24. Ролз Дж. Теория справедливости. URSS, 2017. 536 с.

25. Социальное неравенство в социологическом измерении: Аналитич. доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Горбачев-Фондом и Национальным Инвестиционным Советом. М., 2006. 135 с.

26. Тихонова Н. Е. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // *Общественные науки и современность*. 2015. № 3. С. 19–33.

27. Черныш М. Ф. Проблема справедливости в русской общественной мысли // *Проблемы социального равенства и справедливости в России и Китае* / Отв. ред. М. К. Горшков, П. М. Козырева и др. М.: Новый Хронограф, 2021. С. 59–81.

28. Шилова В. А. Субъективное благополучие в понимании россиян: оценки уровня, связь с другими показателями, субъективные характеристики и модели // *ИНАБ*. 2020. № 1. С. 18–38. DOI: 10.19181/INAB.2020.1.2; EDN: UVGLTN.

29. Graham C., Pettinato S. Frustrated Achievers: Winners, Losers and Subjective Well-Being in New Market Economies // *The Journal of Development Studies*. 2002. Т. 38. С. 100–140. DOI: 10.2139/ssrn.285811.

30. Saris W. E., Andreenkova A. Study of the effect of individual income changes on satisfaction in Russia // *A Comparative Study of satisfaction with life in Europe* / Ed. by W. Saris, R. Veenhoven et al. Budapest: Eotvos Univ. Press, 1996. P. 271–282.

Получено редакцией: 11.12.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бараш Раиса Эдуардовна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.7

Russians' Perceptions of Key Components of the Quality of Life and Social Justice: A Cross-Section of Public Opinion in 2024¹

Raisa E. Barash

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

raisabarash@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5899-973X

For citation: Barash R. E. Russians' perceptions of key components of the quality of life and social justice: a cross-section of public opinion in 2024. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 82–109. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.7; EDN: UBPIJV.

Abstract. This article, based on the latest sociological research data, examines how the current crisis conditions affect Russians' perception of their well-being, their satisfaction with various aspects of everyday life and their ideas about a just state. The author notes that, despite the difficult socio-economic conditions, many Russians have emotionally adapted to the crisis situation, which was greatly facilitated by the growing importance of intangible factors of well-

¹ **Acknowledgements.** The research was carried out at the expense of the EISR Fund "FMUS-2024-0015 Overcoming excessive inequalities as a condition for building a just social state in Russia" at FCTAS RAS.

being, primarily harmonious family relations and friendship ties. Based on the studied data, the author notes that many Russians perceive interpersonal relations with their closest circle as a key element of their well-being, which indicates not only the importance of intangible values of communication and emotional comfort, but also the mass demand for stable social ties.

Despite the growing influence of non-material factors on citizens' self-assessment of their quality of life, their subjective well-being is largely influenced by the structural social inequalities historically established in society: age, property and geographical inequalities. Young people and residents of large cities more often assess their lives positively, while representatives of older generations and residents of rural areas tend to express a more negative view of their well-being. This difference in perception is also observed in assessments of the availability of quality medical services, where residents of cities, especially megacities, have clear advantages.

In the perception of modern Russians, an important component of personal well-being is also life in a justly organized society, and the idea of social justice remains relevant for the majority of citizens. Russians understand social justice primarily as equal opportunities for self-realization and success for all citizens. But, although during the post-Soviet period the idea of income equality lost to the demand for the creation of favorable preconditions for self-realization, today more than a third of Russians prefer equal access to life benefits to equality of "starting conditions".

The author concludes that today public opinion has formed a demand for the active participation of the state in ensuring social justice, which is strengthened under the influence of crisis trends.

Keywords: quality of life, well-being, public opinion, social justice, social inequalities, mass consciousness, social transformations

References

1. Barash R. E. Russian Society in the 2020s: An Attempt at Ideological Self-Identification. *Vestnik instituta sotziologii*, 2022: 13: 2: 87–101 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.818; EDN: DVMJBE.
2. Byzov L. G. The Dynamics of Ideological and Political Preferences over 25 Years: Three Stages of Transformation of Public Consciousness. *Rossiya XXI*, 2019: 1: 6–29 (in Russ.). EDN: YXHJNR.
3. Vozmitel A. A. Quality of Life in Pre-Reform and Post-Reform Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2013: 2: 25–32 (in Russ.). DOI: 10.5922/2074-9848-2016-2-7; EDN: PWUQMT.
4. Voronina N. S. Perception of Social Justice by Russians Based on Data from European Research. *Nauchnyy rezultat. Sotsiologiya i upravlenie*, 2019: 5(1): 39–51 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-1-0-4.
5. Gorshkov M. K. On the Social Results of Post-Soviet Transformations. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019: 11: 3–17 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250007445-2; EDN: NLCYDR.
6. Goffe N. V., Monusova G. A. Social Well-Being: Perception of Realities. *Yuzhno-Rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk*, 2018: 3: 21–36 (in Russ.). DOI: 10.31429/26190567-19-3-21-36; EDN: KHUEKS.
7. Gradoselskaya G. V. Subjective and Objective Assessments of Welfare. *Sotsiologicheskiy zhurnal*, 2003: 3: 86–98 (in Russ.). EDN: PZQNZP.
8. Galbraith J. K. The Affluent Society. Moscow, Olimp-Business, 2018: 404 (in Russ.).
9. Inglehart R. Postmodern: menyayushhiesya cennosti i izmenyayushhiesya obshhestva [Postmodernity: Changing Values and Changing Societies]. *POLIS. Politicheskie issledovaniya*, 1997: 4: 6–32 (in Russ.).
10. Epikhina Y. B. Social Justice in Russian Education. Problems of Social Equality and Justice in Russia and China. Ed. by Gorshkov M. K., Kozyreva P. M. et al. Moscow, Novy Khronograf, 2021: 59–81 (in Russ.).
11. Karavay A. V. Factors in Accessing Social Network Resources in Contemporary Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022: 10: 74–84 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250014291-3; EDN: WCITZC.
12. Kozyreva P. M., Nizamova A. E., Smirnov A. I. Equality and Justice in Housing and Social Welfare in Contemporary Russia. Problems of Social Equality and Justice in Russia and China. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Novy Khronograf, 2021: 337–367 (in Russ.).
13. Kuzminov Y. I., Frumin I. D. Twelve Solutions for New Education. Report of the Center for Strategic Development and the Higher School of Economics. Moscow, VSHE, 2018: 106 (in Russ.).

14. Lysyukho A. S. Review of Russian Studies on «Social Well-Being»: Key Researches and Results. *INAB*, 2020: 1: 7–17 (in Russ.). DOI: 10.19181/INAB.2020.1.1; EDN: YAGTMJ.
15. Mareeva S. V., Tikhonova N. E. Poverty and Social Inequalities in Russia in Public Consciousness. *Mir Rossii. Sotsiologiya, Etnologiya*, 2016: 25(2): 37–67 (in Russ.). EDN: WDEMBH.
16. Mareeva S. V. Social Inequalities and Social Structure of Contemporary Russia in Population Perception. *Vestnik instituta sotziologii*, 2018: 9(3): 101–120 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.527; EDN: YWAGXR.
17. Mareeva S. V. Spravedlivoe obshchestvo v predstavleniyax rossiyan [A Just Society in the Perceptions of Russians]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2013: 5: 16–26 (in Russ.). EDN: RDRCBT.
18. Mareeva S. V. Inequality of Life Chances of Russians in the Balance of Life and Work Sphere. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeni*, 2019: 3: 324–344 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2019.3.18; EDN: PLZFUE.
19. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D. Inequality of Investments in Human Capital of Russian Children. *Terra Economicus*, 2022: 20(3): 98–115 (in Russ.). DOI: 10.18522/2073-6606-2022-203-98-115; EDN: QKFCNV.
20. Medvedeva E. I., Yarasheva A. V., Makar S. V. Happiness and Well-Being: Key Determinants in the Modern World. *Diskussiya*, 2023: 2(117): 14–26 (in Russ.). DOI: 10.46320/2077-7639-2023-2-117-14-26; EDN: VESMLV.
21. Nazarova I. B. Determinants of Subjective Life Dissatisfaction: Analysis of Russian Data from 1994 to 2021. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeni*, 2023: 6: 3–16 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2023.6.2433; EDN: YQRIAB.
22. Rimsky V. L. Justice in Contemporary Russia: Dreams and Applications in Social Practices. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2013: 5: 27–36 (in Russ.). EDN: RDRCCD.
23. Russian Society under New Challenges and Threats (Context of Sociological Diagnostics): Information and Analytical Report. Moscow, FNISC RAN. 2022: 240 (in Russ.).
24. Rawls J. Theory of Justice. URSS, 2017: 536 (in Russ.).
25. Social Inequality in Sociological Measurement: Analytical Report. Prepared in collaboration with the Gorbachev Foundation and National Investment Council. Ed by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, 2006: 135 (in Russ.).
26. Tikhonova N. E. Life Satisfaction of Russians: Dynamics and Factors. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2015: 3: 19–33 (in Russ.).
27. Chernysh M. F. The Problem of Justice in Russian Public Thought. Problems of Social Equality and Justice in Russia and China. Coll. Monograph; ed. by Gorshkov M. K., Kozyreva P. M., Peilin Li, Chernysh M. F.; FNISC RAN. Moscow, Novy Khronograf, 2021: 59–81 (in Russ.).
28. Shilova V. A. Subjective Well-Being in the Understanding of Russians: Assessment Levels, Association with Other Indicators, Subjective Characteristics, and Models. *INAB*, 2020: 1: 18–38 (in Russ.). DOI: 10.19181/INAB.2020.1.2; EDN: UVGLTN.
29. Graham C., Pettinato S. Frustrated Achievers: Winners, Losers, and Subjective Well-Being in New Market Economies. *The Journal of Development Studies*, 2002: 38: 100–140. DOI: 10.2139/ssrn.285811.
30. Saris W. E., Andreenkova A. Study of the Effect of Individual Income Changes on Satisfaction in Russia. A Comparative Study of Satisfaction with Life in Europe. Ed. by W. Saris, R. Veenhoven et al. Budapest, Eotvos Univ. Press, 1996: 271–282.

The article was submitted on: December 11, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Raisa E. Barash, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher of the Center for Integrated Social Research

ТЕМА НОМЕРА

СТРАТИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

DOI: DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.5

EDN: VXORZC

Подготовка россиян к выходу на пенсию с точки зрения концепции активного долголетия (на примере Ярославской области)¹

Ссылка для цитирования: Киселев И. Ю., Загребин В. В., Овчинникова Н. В. Подготовка россиян к выходу на пенсию с точки зрения концепции активного долголетия (на примере Ярославской области) // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 110–132. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.5; EDN: VXORZC.

For citation: Kiselev I. Yu., Zagrebin V. V., Ovchinnikova N. V. Preparing Russians for Retirement from the Perspective of the Active Longevity Concept (Based on the Yaroslavl Region). *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 110–132. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.5; EDN: VXORZC.

SPIN-код: 7461-8121

Киселев Игорь Юрьевич¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия

igkisselev@mail.ru

SPIN-код: 2848-4959

Загребин Владимир Владимирович¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия

vladimir_zagrebin@mail.ru

SPIN-код: 7145-7205

Овчинникова Наталья Владимировна¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия

nv.lyusina@yandex.ru

¹ Исследование выполнено в рамках инициативной научно-исследовательской работы ЯрГУ VIP-020 «Трудовые, финансовые, здоровьесберегающие стратегии представителей разных возрастных групп в условиях реформирования пенсионной системы в России».

Аннотация. В статье на основе результатов авторского социологического исследования, проведенного методом личного интервью ($n = 650$), описаны установки относительно выбора трудовых, финансовых и здоровьесберегающих траекторий россиян в ходе подготовки к выходу на пенсию. Показано, что в условиях демографического старения в России наблюдается постепенный уход от понимания старения как взаимного отчуждения пожилого человека и общества, а пожилых – исключительно как объектов заботы, в направлении рассмотрения пожилых как активных участников общественной жизни, в отношении которых реализуется политика активного долголетия. Она предполагает систему мер содействия занятости пожилых, поддержания материального благополучия, улучшения здоровья и качества жизни, обучения на протяжении всей жизни. Однако индекс активного долголетия в России остается низким.

Обосновывается утверждение, что система мер в русле концепции политики активного долголетия имеет проактивный характер, то есть нацелена на будущее, нежели нынешние поколения пожилых людей, и предполагает подготовку к периоду старения, отмеченному выходом на пенсию. На основе данных проведенного социологического исследования показано, что трудовые, финансовые и здоровьесберегающие траектории респондентов, которые не достигли пенсионного возраста, в русле подготовки к выходу на пенсию в чем-то соответствуют принципам активного долголетия, в чем-то противоречат им. При этом основные различия наблюдаются между респондентами моложе 46 лет и предпенсионерами.

Ориентация респондентов на продолжительную занятость, готовность к профессиональному обучению на протяжении всей жизни, освоение нетрадиционных форм занятости (например, готовность работать на интернет-платформах), осознание ответственности за обеспечение своего экономического благополучия в пожилом возрасте и использование для этого разнообразных стратегий (профессионально-трудовая, сберегательная, инвестиционная), установка на отказ от вредных привычек и поддержание физической активности (спорт, физическая культура) создают основания для проживания старения будущими пенсионерами в соответствии с принципами активного долголетия.

Существуют и барьеры, которые препятствуют трансформации модели старения в направлении следования принципам активного долголетия: влияние объективных факторов экономической нестабильности, низкий уровень финансовой грамотности населения, отсутствие специальных навыков финансового планирования при подготовке к выходу на пенсию, отсутствие культуры заботы о здоровье.

Ключевые слова: активное долголетие, подготовка к выходу на пенсию, трудовые траектории, финансовые траектории, забота о здоровье

Введение

Сейчас в России наблюдается процесс демографического старения, который находит проявление в росте численности пожилых людей, увеличении удельного веса данной возрастной группы в структуре населения. По этим критериям Россия относится к числу демографически «старых» стран [6, с. 889].

В условиях демографического старения приобрела высокую актуальность задача реализации ресурсного потенциала старшего поколения в экономической, политической, социокультурной сферах жизни общества.

В связи с этим востребована социальная политика, которая позволит пожилым гражданам реализовать имеющийся ресурс как в их собственных, так и общественных интересах.

Осознание необходимости задействовать ресурсный потенциал пожилых людей в условиях старения населения приводит к изменению представлений о старении. Вводятся новые возрастные границы для обозначения пожилого возраста и собственно старости, например, за счет повышения пенсионного возраста [3, с. 51]. Сам возраст старости наделяется новыми смыслами [13, с. 542–543]. Эксперты все чаще подчеркивают важность поддержания пожилыми людьми высокого уровня социальной вовлеченности и активности [4; 5; 14].

Теория активности сложилась в середине XX в. и получила дальнейшее развитие в направлении уточнения характеристик новой модели старения. Е. В. Васильева выделяет следующие основные «вехи» в социологической концептуализации модели старения в русле этой теории. В теории непрерывности предполагается, что пожилые люди ведут тот же образ жизни, что и в среднем возрасте. Теория успешного старения ориентирует пожилых людей на заботу о здоровье и сохранение когнитивных функций, а также поддержание участия в общественной жизни. В теории продуктивного старения подчеркивается значимость осуществления пожилыми людьми деятельности для благополучия как их самих, так и общества в целом. Концепция здорового старения, разработанная Всемирной организацией здравоохранения, уделяет внимание развитию и поддержанию функциональных способностей пожилых людей [4, с. 21].

Перечисленные трактовки старения схожи в том, чтобы как можно дольше задержать пожилого человека в продуктивном периоде и отложить время взаимного разобщения с обществом. Этому должно способствовать хорошее здоровье и поддержание когнитивных способностей, включенность пожилого человека в трудовую или любую другую продуктивную деятельность, поддержание широких социальных связей.

Отмеченные аспекты отражены в концепции активного долголетия, которая призвана сформулировать новые основания для разработки социальной политики в отношении пожилых граждан в разных странах мира [11, с. 97]. Как подчеркивают А. Заиди и К. Хаус, задача новой социальной политики состояла в обеспечении устойчивости систем пенсионного обеспечения и здравоохранения посредством поддержания вклада пожилых людей в жизнь общества так долго, как это возможно, и насколько возможно отложить наступление проблем со здоровьем, вызванных старением [14]. Подобная политика предполагает систему мер содействия занятости пожилых, поддержания материального благополучия, улучшения здоровья и качества жизни, обучения на протяжении всей жизни.

Концепция политики активного долголетия как ответ на вызовы демографического старения в России

В России разработана Концепция политики активного долголетия¹. Документ разрабатывался по решению правительства силами секции «Старшее поколение» Совета при правительстве РФ по вопросам попечительства в социальной сфере с привлечением экспертов НИУ ВШЭ².

Активное долголетие понимается там как «состояние социального, экономического, физического и психологического благополучия, обеспечивающее гражданам старшего возраста возможность удовлетворения потребностей и включение в различные сферы жизни общества, достигаемое при активном участии самих граждан»³.

В России реализация принципов активного долголетия проводится в рамках федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография»⁴. Как отметила Заместитель Председателя Правительства Т. Голикова, активное долголетие – абсолютный приоритет государственной политики⁵.

Концепция политики активного долголетия в России основывается на системе принципов⁶, среди которых важно выделить два.

Принцип личной ответственности пожилого человека за свою жизнь предполагает, что представители старшего поколения предстают не только как объекты заботы, а как активные субъекты, которые должны принимать решения, касающиеся своей жизни, и нести за них ответственность. Пожилые вовлечены во все сферы жизни наряду с представителями других поколений и рассматриваются как ресурс общественного развития [5, с. 151]. За счет подобного участия они смогут поддерживать экономическое благополучие, влиять на принятие политических решений, удовлетворять культурные и образовательные потребности, заботиться о здоровье.

¹ Концепция политики активного долголетия: научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / Под ред. Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской. М.: ВШЭ, 2020. 40 с. URL: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/360906541.pdf> (дата обращения: 26.11.2024).

² Секреты активного долголетия: как нацпроект «Демография» помогает пожилым людям // Национальные проекты России. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/sekrety-aktivnogo-dolgoletiya-kak-natsproekt-demografiya-pomogaet-pozhilym-lyudyam/> (дата обращения: 26.11.2024).

³ Старшее поколение – ресурс будущего. Комплексный подход к активному долголетию: экспертный доклад. М., 2023. С. 3. URL: https://национальныепроекты.рф/upload/starsheepokolenie/doklad_starsheepokolenie_new-3.pdf (дата обращения: 03.01.2024).

⁴ Секреты активного долголетия: как нацпроект «Демография» помогает пожилым людям // Национальные проекты России. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/sekrety-aktivnogo-dolgoletiya-kak-natsproekt-demografiya-pomogaet-pozhilym-lyudyam/> (дата обращения: 26.11.2024).

⁵ Татьяна Голикова приняла участие в награждении победителей всероссийского отбора лучших практик «Активное долголетие – 2023». URL: <http://government.ru/news/50954/> (дата обращения 25.11.2024).

⁶ Старшее поколение – ресурс будущего. Комплексный подход к активному долголетию: экспертный доклад. Москва, 2023. С. 4. URL: https://национальныепроекты.рф/upload/starsheepokolenie/doklad_starsheepokolenie_new-3.pdf (дата обращения: 03.01.2024).

Принцип многофункциональности означает, что меры, предусмотренные для представителей старшего поколения, применимы и для других возрастов. Иначе говоря, забота о здоровье, продолжение образования на протяжении всей жизни, актуализация профессиональных компетенций, обеспечение экономического благополучия, поддержание социальной активности невозможно начать только в 55 лет¹. Для того чтобы к этому возрасту быть обеспеченным, здоровым, востребованным на рынке труда, социально активным, важно заботиться о здоровье, конструировать образовательную и трудовую траекторию, осуществлять финансовое планирование, начиная с молодых лет. Как справедливо подчеркивает Е. В. Васильева, «активное долголетие представлено как превентивная концепция, направленная на вовлечение всех возрастных групп в процесс старения на протяжении всей жизни» [4, с. 23].

Вместе с тем, принципы активного долголетия пока не получили широкого распространения в российском обществе. Величина Индекса активного долголетия² в 2022 г. составила 36,9 из 100; в 2020 г. – 34,1³.

Концепция политики активного долголетия становится объектом критики. Подчеркивается, что ориентация на продолжение трудовой деятельности после выхода на пенсию – это вынужденная мера на фоне резкого снижения доходов, нежели установка на сохранение социальной активности [7]. Трудности с трудоустройством объясняются плохим здоровьем и устареванием профессиональных компетенций пожилых [10, с. 167–183]. Вызывает вопросы и предложенный в концепции политики активного долголетия перечень предписанных видов социальной активности для пожилых [9].

Признавая справедливость критических замечаний, нельзя не отметить и то, что социальная политика, основанная на принципах концепции активного долголетия, рассчитана не столько на нынешние поколения пожилых, сколько – на будущие, которым еще только предстоит вступить в период старения. В настоящее время методика расчета индекса активного долголетия предполагает оценки показателей применительно к старшему возрасту (55 лет и старше). При этом, как справедливо подчеркивают О. В. Синявская и А. А. Червякова, подобный подход «оставляет за рамками влияние проводимой политики на более молодые группы и тем самым повышение потенциала активного долголетия в последующих поколениях» [11, с. 110].

В связи с этим актуальная задача социологического исследования состоит в том, чтобы выявить установки россиян относительно подготовки к периоду старения, отмеченному выходом на пенсию, и дать их интер-

¹ Именно этот возраст определен в концепции политики активного долголетия в качестве критерия отнесения человека к представителям старшего поколения.

² Методика расчета индекса активного долголетия // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Methodika%20rascheta%20IAD.pdf> (дата обращения: 05.01.2024).

³ Индекс активного долголетия // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_7-10.xlsx (дата обращения: 04.01.2024).

претацию с точки зрения целей политики активного долголетия. В исследовании используется следующее определение установки относительно подготовки к выходу на пенсию: «предрасположенность субъектов к деятельности в профессионально-трудовой, финансовой, здоровьесберегающей и других сферах жизни, направленной на создание условий для жизни на пенсии, при конструировании будущего образа жизни на данном этапе жизненного пути» [8, с. 27].

Методика социологического исследования

Для достижения указанной цели сотрудниками кафедры социологии ЯрГУ им. П. Г. Демидова в период с 1 апреля по 1 июня 2023 г. в Ярославской области было проведено полевое исследование методом личного формализованного интервью посредством структурированного опросника. Объект исследования – установки россиян, не достигших пенсионного возраста, относительно подготовки к выходу на пенсию в профессионально-трудовой, финансовой и здоровьесберегающих сферах. Предмет исследования – соответствие отмеченных установок принципам активного долголетия. В ходе исследования проверялась гипотеза, согласно которой установки россиян, не достигших пенсионного возраста, относительно подготовки к выходу на пенсию в профессионально-трудовой, финансовой и здоровьесберегающих сферах, не позволят им по достижении пенсионного возраста следовать принципам добровольного активного долголетия.

Объем выборки составил 650 человек. Выборка – целевая, формируемая в соответствии с принципом равной представленности групп респондентов: мужчин (323 человека) и женщин (327 человек). Распределение по возрасту среди респондентов-женщин следующее: 18–25 лет – 20,2%; 26–35 лет – 19,6%; 36–45 лет – 20,9%; 46–51 лет – 20,2%; 52–57 лет – 19%. Распределение по возрасту среди респондентов-мужчин: 18–25 лет – 20,2%; 26–35 лет – 20,5%; 36–45 лет – 20,2%; 46–56 лет – 20,8%; 57–62 лет – 18,3%.

Для сбора первичных эмпирических данных применялась разработанная авторами анкета.

Математико-статистическая обработка данных опроса проведена с помощью программы IBM SPSS Statistics 26 посредством составления частотных распределений и таблиц сопряженности с применением описательной статистики, критерия непараметрической статистики χ^2 Пирсона.

Трудовые траектории при подготовке к выходу на пенсию

В структуре Индекса активного долголетия одна из областей измерения, имеющая высокий весовой коэффициент (35%), связана с занятостью пожилых людей¹. По этой причине важно выявить готовность респонден-

¹ Индекс активного долголетия // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_7-10.xlsx (дата обращения: 04.01.2024).

тов разных возрастов продолжить трудовую деятельность после выхода на пенсию и описать те действия, которые они готовы предпринять для обеспечения занятости в пожилом возрасте.

Согласно данным проведенного исследования, большинство респондентов намерены работать после выхода на пенсию – 61,4%; не планируют работать – 19,4%; не определились с планами относительно работы 19,1%¹. Чаще других не намерены работать молодые респонденты 18–25 лет (19,7% женщин и 26,2% мужчин) и предпенсионеры (32,3% женщин 52–57 лет и 27,1% мужчин 57–62 лет). Не планирует работать после выхода на пенсию каждый пятый мужчина в возрасте 36–45 лет (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Планируете Вы работать после выхода на пенсию?» в зависимости от пола и возраста респондентов, %

Distribution of respondents' answers to the question "Do you plan to work after retirement?" depending on gender and age of respondents, %

Пол	Мужчины					Женщины					Всего
	18–25	26–35	36–45	46–56	57–62	18–25	26–35	36–45	46–51	52–57	
Да, планирую работать на нынешней работе в нынешней должности	18,5	30,3	27,7	47,8	49,2	12,1	28,1	52,9	39,4	41,9	34,7
Да, планирую работать на нынешней работе, но в другой должности	6,2	16,7	9,2	4,5	6,8	10,6	12,5	2,9	10,6	4,8	8,5
Да, планирую работать, но в другой сфере	21,5	27,3	23,1	7,5	8,5	21,2	21,9	19,1	15,2	11,3	17,7
Не планирую продолжать работать	26,2	9,1	21,5	19,4	27,1	19,7	15,6	11,8	13,6	32,3	19,4
Затрудняюсь ответить	27,7	15,2	18,5	20,9	6,8	36,4	21,9	13,2	19,7	9,7	19,1
Да, планирую, не знаю где	0	1,5	0	0	1,7	0	0	0	1,5	0	0,5

Большинство респондентов независимо от возраста после выхода на пенсию планируют следовать своей профессиональной траектории, то есть работать на том же месте работы в нынешней должности. Чаще других такую траекторию намерены реализовать респонденты старше 46 лет. Иначе говоря, они ориентированы на реализацию линейной трудовой траектории, предполагающей плавный карьерный рост, длительный стаж работы на одном предприятии.

¹ Различия статистически значимые: Критерий $\chi^2(df = 45) = 104,245; p < 0,001$.

Молодые респонденты моложе 46 лет предполагают, что после выхода на пенсию они будут работать в другой сфере и другой должности, то есть следовать «калейдоскопной трудовой траектории», позволяющей учитывать «индивидуальные особенности личности и адаптировать профессиональный маршрут человека к происходящим в его жизни изменениям» [12, с. 86].

Причины продолжения трудовой деятельности мало отличаются у разных возрастных групп и имеют экономическую природу.

Намерение работать объясняется маленьким размером предполагаемой пенсии (51,8%) и желанием увеличить размеры пенсии за счет дополнительных лет стажа (23,3%). Респонденты также отмечают нежелание замыкаться «в четырех стенах» и все время проводить дома (25,2%). Намерение работать объясняется наличием жизненных сил после выхода на пенсию (25,9%).

Перечисленные причины продолжения трудовой деятельности в целом соответствуют принципам концепции активного долголетия. Будущие пенсионеры связывают возможность работать с обеспечением экономического благополучия, сохранением включенности в общественную жизнь, а также – с переосмыслением пожилого возраста, который не обязательно связан с утратой возможности полноценно трудиться.

Вместе с тем, отметим и факторы, которые не позволяют рассматривать продолжение трудовой деятельности в качестве показателя проживания пенсионерами периода старения в соответствии с принципами активного долголетия.

Во-первых, о потере профессионального статуса в связи с выходом на пенсию беспокоятся 14,9% опрошенных. У будущих пенсионеров нет безусловного намерения продолжить работать. Если у них появится источник дохода, который позволит удовлетворять потребности, они откажутся от продолжения трудовой деятельности. Согласно исследованию, проведенному Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 35% респондентов находят труд интересным, но «не позволят ему мешать остальной жизни». Чаще других подобное убеждение разделяют респонденты 35–44 и 45–59 лет (по 38%). Баланс работы и личной жизни стремятся поддерживать и молодые респонденты (18–24 года – 30%; 25–34 лет – 34%)¹.

Во-вторых, работающие респонденты признают существование риска лишиться работы и не найти новую до выхода на пенсию. Среди работающих респондентов потерю работы «весьма вероятным» событием считают 14,1%, «вполне возможным» – 37,6%.

В-третьих, в качестве фактора, снижающего готовность продолжать трудовую деятельность после выхода на пенсию, выступает прекаризация занятости. Согласно данным исследования «Прекариат-2022», среди работников, занятых на производстве, 21,9% обладают всеми признаками прекариата; 41,3% – отдельными признаками [2, с. 72]. Прекаризация занятости снижает трудовой потенциал работников.

¹ Труд-2021: запрос на баланс жизнь/работа // ВЦИОМ. 2021. 24 февраля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trud-2021-zapros-na-balans-zhizn-rabota> (дата обращения: 01.08.2024).

Нестабильная, негарантированная занятость, сопровождающаяся меняющимся содержанием труда, приводит к получению «рваного опыта», который не способствует наработке профессиональных компетенций и переводит работника в категорию «не годного», снижает шансы соискателей на рынке труда, в первую очередь, молодых специалистов¹. Полное или частичное отсутствие у прекариев социальных гарантий, в том числе, обязательного и дополнительного медицинского страхования, социального страхования, ненормированный рабочий день могут стать причиной проблем со здоровьем и как следствие, основанием для раннего ухода с рынка труда. Снижение трудового потенциала прекариев создает неблагоприятные условия для продолжения трудовой деятельности после выхода на пенсию.

Вместе с тем, нельзя не отметить и другой объективный фактор, который способен изменить ситуацию с точки зрения создания условий для продолжительной занятости: рекордно низкий уровень безработицы в России. По данным Федеральной службы государственной статистики, уровень безработицы в России снижался, начиная с 2022 г.: с 4,2% в январе-марте 2022 г. до 2,6% в марте-мае 2024 г. и 2,4% – в июле-сентябре 2024 г.² Низкая безработица обусловлена, по мнению экспертов, снижением количества граждан, впервые вступающих в трудовую деятельность, ростом отечественного промышленного производства, прежде всего, в сфере ВПК, «сокращением предложения рабочей силы за счет мобилизации и привлечения добровольцев-контрактников, релокации квалифицированных кадров»³. В результате в России наблюдается дефицит кадров. По данным компании HeadHunter, в июне 2023 г. уровень дефицита кадров достиг максимальных значений за всю историю наблюдений: hh-индекс составил 3,1 пункта и означает дефицит соискателей вакансий⁴.

Эксперты не ожидают в ближайшие годы роста безработицы⁵. В подобных условиях более высокие шансы на трудоустройство получают соискатели, которые обычно не рассматриваются в качестве наиболее

¹ Рынок труда: время соискателя? // ВЦИОМ-Консалтинг. 2023. 05 октября. URL: <https://consult.wciom.ru/materialy-ekspertov/materialy/rynok-truda-vremja-soiskatelja> (дата обращения: 02.08.2024).

² Уровень безработицы населения в возрасте 15–72 лет по субъектам Российской Федерации, в с Рынок труда в середине 2023 года: никто не виноват, но что делать? Анализ данных, тренды и прогнозы от hh.ru реднем за три месяца // Федеральная служба государственной статистики. 2024. 17 июля. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FTrud_3_15-72.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 02.08.2024).

³ Алексеев Д. Кадры в руки: почему в России безработица на историческом минимуме // Известия. 2023. 08 сентября. URL: <https://iz.ru/1570000/dmitrii-alekseev/kadry-v-ruki-pochemu-v-rossii-bezrabotitca-na-istoricheskom-minimуме> (дата обращения: 03.08.2024).

⁴ Рынок труда в середине 2023 года: никто не виноват, но что делать? Анализ данных, тренды и прогнозы от hh.ru // HH. 2023. 17 июля. URL: <https://yaroslavl.hh.ru/article/31716?ysclid=lna0njcv2u623470466> (дата обращения: 03.08.2024).

⁵ Алексеев Д. Кадры в руки: почему в России безработица на историческом минимуме // Известия. 2023. 08 сентября. URL: <https://iz.ru/1570000/dmitrii-alekseev/kadry-v-ruki-pochemu-v-rossii-bezrabotitca-na-istoricheskom-minimуме> (дата обращения: 02.08.2024).

подходящих кандидатов: соискатели старше 45 лет, женщины, граждане с ограниченными возможностями здоровья, соискатели моложе 18 лет¹ и без профильного образования.

Вместе с тем, уровень безработицы отличается по федеральным округам и областям внутри одного округа². Потребность в кадрах отличается и по отраслям экономики. Например, эксперты НИУ ВШЭ делают вывод об усилении кадровой уязвимости организаций в целом ряде базовых отраслей экономики³. «Кадровый голод» наблюдается в промышленности, ВПК, машиностроении и металлообработке⁴. Для того, чтобы воспользоваться благоприятной для трудоустройства ситуацией на рынке труда, россияне должны быть готовы к трудовой мобильности, в том числе, межрегиональной и межотраслевой.

Таким образом, дефицит кадров в большинстве отраслей экономики может способствовать продолжительной занятости разных групп населения. Вместе с тем, продолжительная занятость, в том числе и в старшем возрасте, возможна только при условии готовности осуществить переход из наименее востребованных отраслей экономики – к наиболее востребованным, а также – к переезду для работы в другие регионы страны.

Рассмотрим установки респондентов относительно переобучения и внутренней миграции с целью трудоустройства в качестве условия обеспечения продолжительной занятости после выхода на пенсию.

Респондентам задан вопрос о том, какие программы профессионального обучения и дополнительного профессионального образования они хотели бы пройти⁵. Если респонденты демонстрируют готовность пройти обучение, то чаще всего выбирают программы, которые позволяют приобрести навыки работы на компьютере (30,9%), по психологии (24,2%), управлению персоналом (20,9%). Перечисленные программы востребованы мужчинами и женщинами до 46 лет.

Треть участников исследования (31%) не хотели бы проходить какие бы то ни было программы. Чаще других такой ответ дают респонденты старших возрастных групп: женщины 46–51 года – 33,3%, 52–57 лет – 39%; мужчины 46–56 лет – 60%, 57–62 лет – 64,9%.

¹ Рынок труда в середине 2023 года: никто не виноват, но что делать? Анализ данных, тренды и прогнозы от hh.ru // НН. 2023. 17 июля. URL: <https://yaroslavl.hh.ru/article/31716?ysclid=lna0njcv2u623470466> (дата обращения: 03.08.2024).

² Уровень безработицы населения в возрасте 15–72 лет по субъектам Российской Федерации, в среднем за три месяца // Федеральная служба государственной статистики. 2024. 17 июля. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FTrud_3_15-72.xls&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 02.08.2024).

³ Рынок труда отдельных отраслей экономики России: текущая ситуация и ожидаемый фокус перемен. III квартал 2023 г. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. С. 26. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/882792479.pdf> (дата обращения: 02.08.2024).

⁴ Алексеев Д. Кадры в руки: почему в России безработица на историческом минимуме // Известия. 2023. 08 сентября. URL: <https://iz.ru/1570000/dmitrii-alekseev/kadry-v-ruki-pochemu-v-rossii-bezrobotitca-na-istoricheskom-minimуме> (дата обращения: 02.08.2024).

⁵ Респонденты могли выбрать не более трех вариантов ответа. Проведен анализ множественных ответов. Указан процент наблюдений.

Неготовность представителей старших возрастных групп проходить переобучение соответствует линейным трудовым траекториям.

В свою очередь калейдоскопные трудовые траектории, которым следуют молодые поколения, предполагают возможность осваивать новые профессиональные компетенции в разных форматах: повышения квалификации, профессиональной переподготовки, получения второго образования, тренингов. Согласно результатам опроса Фонда Общественное мнение (ФОМ), респонденты 18–30 лет чаще, чем другие возрастные группы готовы взять перерыв в работе для получения новой специальности, чтобы найти или сменить работу (21%). В группе 31–45 лет таких – 15%; среди 46–60 летних – 8%¹.

Территориальная мобильность с целью трудоустройства не рассматривается респондентами в числе приоритетных мер на случай потери работы (см. табл. 2). Такую возможность рассматривают преимущественно молодые мужчины. Среди женщин и представителей старших возрастных групп территориальная трудовая мобильность менее предпочтительна. Схожие тенденции фиксируются и в общероссийских опросах. По данным ВЦИОМ, 38% россиян допускают переезд в другой регион страны ради работы. Самый высокий уровень готовности – у респондентов 18–24 лет (64%), и с возрастом он снижается².

Обобщая результаты, можно сделать вывод, что в условиях сложившегося на российском рынке труда дефицита квалифицированных кадров, создаются благоприятные условия как для продолжительной занятости представителей старших возрастных групп, так и более быстрого начала трудовой деятельности у молодежи.

Вместе с тем, рынок труда в России остается «жестким» по причине слабой установки россиян на профессиональную и территориальную трудовую мобильность. В результате преимущества текущей ситуации на рынке труда могут быть не реализованы в полной мере.

У респондентов до 46 лет установки относительно построения профессионально-трудовых траекторий в большей степени соответствуют принципам политики активного долголетия. Они ориентированы на продолжительную занятость; демонстрируют готовность гибче адаптироваться к изменениям рынка труда, готовы к участию в трудовой мобильности. Кроме того, молодые респонденты склонны осваивать новые формы занятости. В совокупности эти особенности установок относительно построения профессионально-трудовых траекторий позволят обеспечить занятость в зрелом возрасте.

¹ Трудовая мобильность. Готовы ли россияне менять работу? И на каких условиях // Фонд Общественное мнение. 2021. 03 декабря. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14656> (дата обращения: 03.08.2024).

² Трудовая мобильность: за «длинным рублем» – или «за туманом»? // ВЦИОМ-Консалтинг. 2023. 20 сентября. URL: <https://consult.wciom.ru/materialy-ekspertov/materialy/trudovaja-mobilnost-za-dlinnym-rubleem-ili-za-tumanom> (дата обращения: 03.08.2024).

Таблица 2 (Table 2)

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что Вы будете делать, чтобы подстраховаться на случай потери работы?» в зависимости от пола и возраста респондентов, % наблюдений¹
Distribution of respondents' answers to the question "What will you do to insure yourself in case of job loss?" depending on gender and age of respondents, % of observations

Пол	Мужчины					Женщины					Всего
	18–25	26–35	36–45	46–56	57–62	18–25	26–35	36–45	46–51	52–57	
Развиваю свое домашнее хозяйство	3,6	0	1,7	12,3	16,3	4	5,9	2,9	10,3	15,7	7,3
Планирую открыть свое дело	42,9	28,3	18,6	5,3	4,7	16	15,7	11,8	10,3	11,8	15,2
Буду проходить профессиональную переподготовку	14,3	15,1	16,9	8,8	7	32	17,6	26,5	20,7	17,6	17,4
Буду подрабатывать по совмещению должностей	17,9	30,2	15,3	31,6	32,6	20	29,4	42,6	34,5	27,5	29,4
Буду искать работу в другом городе	28,6	20,8	18,6	8,8	9,3	8	13,7	8,8	15,5	7,8	13,6
Буду подрабатывать в интернете	21,4	18,9	11,9	7	4,7	20	25,5	17,6	13,8	3,9	14
Ничего не буду делать	7,1	7,5	28,8	17,5	25,6	16	17,6	20,6	10,3	21,6	17,8
Затрудняюсь ответить	7,1	11,3	11,9	26,3	9,3	4	5,9	7,4	13,8	15,7	12

Вместе с тем, разделяемые этой группой респондентов установки сопряжены с рисками, которые накопятся к возрасту выхода на пенсию.

Во-первых, по данным опроса ФОМ, примерно у трети респондентов разных возрастных групп, включая молодежь 18–30 лет (30%), за жизнь было 3–4 места работы, как и у 60-летних респондентов (36%). Но если последние меняли работу каждые 10–13 лет, то молодежь – каждые 3–4 года. При этом у 15% респондентов 18–30 лет было 5–9 мест работы. Среди респондентов 31–45 лет 3–4 места работы за жизнь поменяли 39%; 5–9 мест – 22%². Подобный «рваный» опыт снижает привлекательность соискателей в глазах работодателей.

Во-вторых, установки на соблюдение баланса работы и личной жизни могут привести к завершению трудовой деятельности после выхода на пенсию, поскольку данный период жизни воспринимается как время для себя, а не для трудовой деятельности.

¹ Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

² Трудовая мобильность. Готовы ли россияне менять работу? И на каких условиях // Фонд Общественное мнение. 2021. 03 декабря. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14656> (дата обращения: 03.08.2024).

В-третьих, перерывы в работе и наличие неподтвержденных доходов, возникающих в результате precarious занятости, приводят к риску не заработать необходимый стаж для получения пенсии, ставит по угрозу финансовую безопасность будущих пенсионеров.

Установки респондентов 46 лет и старше на следование линейной карьерной траектории связаны с рисками завершения трудовой деятельности после выхода на пенсию по причине неготовности проходить переобучение, включаться в трудовую мобильность.

Финансовое планирование при подготовке к выходу на пенсию

При расчете индекса активного долголетия анализируются показатели относительного уровня дохода пожилых людей, отсутствия риска бедности, тяжелых материальных лишений у людей в возрасте старше 65 лет¹.

Согласно результатам проведенного социологического исследования, страх, связанный с выходом на пенсию, упоминаемый респондентами чаще других – снижение доходов (65,8%). Как следствие, 71,6% опрошенных задумываются о том, что необходимо делать сбережения. При этом 58,6% намерены откладывать средства, чтобы иметь дополнительный доход к государственной пенсии (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Лично Вы, будете или не будете откладывать средства, чтобы иметь прибавку, дополнительный доход к государственной пенсии?»
в зависимости от пола и возраста респондентов, %
Distribution of respondents' answers to the question
“Personally, will you or will you not save money to have an increase, additional income to the state pension?” depending on gender and age of respondents, %

Пол	Мужчины					Женщины					Всего
	18-25	26-35	36-45	46-56	57-62	18-25	26-35	36-45	46-51	52-57	
Буду	69,2	62,1	53,8	58,2	49,2	72,7	59,4	47,1	60,6	53,2	58,6
Не буду	30,8	37,9	46,2	41,8	50,8	27,3	40,6	52,9	39,4	46,8	41,4

Готовность делать сбережения снижается с возрастом. Подобное намерение чаще других декларируют респонденты 18–25 лет; реже других – предпенсионеры. Высока частота упоминания подобного намерения у мужчин 46–56 лет и женщин 46–51 года. Возможно, это связано с суще-

¹ Индекс активного долголетия // Федеральная служба государственной статистики.
 URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_7-10.xlsx (дата обращения 04.01.2024).

ствованием специализированных программ пенсионных накоплений, ориентированных именно на эту группу населения¹. Вместе с тем, различия между группами не достигают уровня статистической значимости².

Более весомым фактором выступает материальное положение респондентов. Чаще других намерение сделать сбережение «на старость» высказывают участники исследования, у которых есть возможность откладывать средства (70,6%). В свою очередь, отказ от сберегательной стратегии демонстрируют респонденты, у которых нет возможности делать сбережения (52,1%). Указанные различия – статистически значимые³.

Чаще всего участники опроса планируют делать сбережения в форме депозита в банке (25%), откладывать деньги в наличной форме (15%). Фактически, финансовое поведение при подготовке к выходу на пенсию соответствует активно-традиционному паттерну [1, с. 108].

Отметим, что отказ от сберегательной стратегии свойственен и респондентам, у которых есть возможность откладывать средства (29,4%). В связи с этим можем предположить, что они планируют обеспечить жизнь на пенсии с использованием других инструментов.

В качестве прибавки к пенсии рассматривается доход от трудовой деятельности. Респонденты ориентированы и на инвестиции: планируют вкладывать средства в покупку недвижимости (14%).

Анализ распределения ответов на вопрос, что респонденты постараются сделать в рамках подготовки к выходу на пенсию, позволяет описать еще ряд инструментов обеспечения экономического благополучия на пенсии (см. табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что вы постараетесь реализовать для себя лично, чтобы подготовиться к пенсии?», % наблюдений⁴

Distribution of respondents' answers to the question "What will you try to realize for yourself personally to prepare for retirement?", % of observations

Варианты ответов	%
Делать сбережения	57,4
Приобрести источник пассивного дохода	50,1
Закрыть кредиты	38,7
Провести полное медицинское обследование, пройти плановое лечение	36,7
Провести ремонт квартиры/дачи	28,8
Обновить дорогостоящие вещи в квартире – мебель и бытовую технику	16,7
Приобрести новую машину	15,4
Впрок закупить дорогостоящую одежду и обувь	4,3

¹ В России с 1 января 2024 года запустят программу долгосрочных сбережений граждан // Известия. 2023. 10 июля. URL: <https://iz.ru/1542228/2023-07-10/v-rossii-s-1-ianvaria-2024-goda-zapustiat-programmu-dolgosrochnykh-sberezhenii-grazhdan> (дата обращения: 05.08.2023).

² Критерий $\chi^2(df = 9) = 16,176; p=0,063$.

³ Критерий χ^2 с поправкой на непрерывность ($df = 1$) = 33,156; $p<0,001$.

⁴ Респонденты могли отметить все подходящие ответы.

Ответы респондентов можно разделить на две группы, которые соответствуют двум разным стратегиям финансового планирования при подготовке к выходу на пенсию. Первая стратегия предполагает создание условий для получения дополнительных доходов. Ей соответствует намерение респондентов сделать сбережения и приобрести источник пассивного дохода, например, посредством сдачи в аренду квартиры. Вторая стратегия – максимально сократить расходы после выхода на пенсию. Для этого респонденты до выхода на пенсию предполагают закрыть кредиты и произвести крупные траты, которые позже не смогут себе позволить.

Первую стратегию чаще других намерены реализовывать мужчины и женщины 18–25 лет (69,2 и 74,2% соответственно), а также женщины среднего возраста (36–45 лет – 60,3%; 46–51 год – 51,5%). Реже других ориентацию на сбережения демонстрируют респонденты предпенсионного возраста – женщины 52–57 лет (38,7%) и мужчины 57–62 лет (47,5%). Различия статистически значимые¹.

Частота ответа «приобрести источник пассивного дохода» снижается у мужчин и женщин по мере увеличения возраста респондентов: с 68,2% у женщин 18–25 лет до 32,2% – 52–57 лет. У мужчин: с 69,2 до 25,4%. Различия статистически значимые².

В свою очередь, предпенсионеры ориентированы на реализацию второй стратегии. Однако различия между группами не достигают статистической значимости.

Обобщая полученные результаты, можно сделать вывод, что подготовка к выходу на пенсию в финансовой сфере у респондентов, которые не достигли пенсионного возраста, частично соответствует целям политики активного долголетия. Респонденты осознают ответственность за свое финансовое благополучие после наступления пенсионного возраста. При этом они намерены использовать разнообразные стратегии финансового обеспечения жизни на пенсии. Вместе с тем, активность респондентов в сфере финансового обеспечения жизни на пенсии остается низкой.

Возможные причины низкой активности следующие.

Во-первых, у граждан независимо от возраста, сохраняется установка на патернализм в сфере пенсионного обеспечения. Согласно результатам опроса ВЦИОМ, 64,8% опрошенных полагают, что о будущих пенсиях работников должно в первую очередь заботиться государство и 19,5% – убеждены, что заботиться о них должны заботиться сами граждане. На ответственность граждан чаще всего указывают респонденты 25–34 лет (23,3%) и 35–44 лет (22,8%)³.

¹ Критерий χ^2 (df = 9) = 28,779; p=0,001.

² Критерий χ^2 (df = 9) = 60,206; p < 0,001.

³ Расчеты проведены на основе массива данных, представленных в материале Ненакопительный эффект, или россияне о пенсионных сбережениях // ВЦИОМ. 2022. 16 августа. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nenakopitelnyi-ehffekt-ili-rossijane-o-pensionnykh-sberezhenijakh> (дата обращения: 04.08.2024).

Во-вторых, несмотря на рост реальных располагаемых доходов¹, россияне не слишком оптимистично оценивают свое материальное положение. По данным ФОМ, в 2022 г. чуть более 50% опрошенных оценивает свое материальное положение как среднее. В июне 2024 г. соотношение оценок материального положения следующее: среднее – 56%; плохое – 17%; хорошее – 24%. Обращает на себя внимание то, как респонденты понимают «среднее» материальное положение. Так, 70% опрошенных соотносят его с описанием «на одежду хватает, на крупную бытовую технику – нет»². Иначе говоря, респонденты в основном могут удовлетворить только базовые потребности. Средств, которые можно было бы отложить или инвестировать, вероятней всего, просто нет.

В-третьих, нестабильность пенсионной системы, частое изменение правил формирования накопительной части пенсии в сочетании с негативным опытом утраты сбережений создают у россиян страхи относительно долгосрочных сберегательных и инвестиционных проектов. По данным ВЦИОМ, во второй половине 2023 – начале 2024 г., индекс доверия банковским вкладам остается высоким³. Однако при этом данный показатель волатилен. У россиян сохраняется короткий горизонт финансового планирования. Согласно результатам исследования ФОМ, 51% респондентов могут предвидеть свои доходы на период меньше, чем полгода. Дольше, чем на полгода, прогнозируют доходы, примерно четверть россиян (26%)⁴. Финансовое обеспечение жизни на пенсии предполагает планирование на отдаленную перспективу. В результате, в конце 2022 г. сбережения «на старость» делали 16% опрошенных; хотели бы сделать такие сбережения, если бы могли – 19%⁵.

Как следствие, профессионально-трудовая траектория для большинства будущих пенсионеров остается ведущей в финансовом обеспечении жизни на пенсии.

¹ Почему в России резко выросли доходы населения // РБК. 2024. 02 августа. URL: <https://www.rbc.ru/economics/02/08/2024/66ab42759a7947deb35469a4> (дата обращения: 04.08.2024).

² Динамика материального положения. Материальное положение россиян: динамика и прогноз // ФОМ, 2024. 07 июня. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/15028> (дата обращения: 04.08.2024).

³ Покупки, кредиты, сбережения: мониторинг // ВЦИОМ, 2024. 19 февраля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pokupki-kredity-sberezhenija-monitoring-1> (дата обращения: 04.08.2024).

⁴ Горизонты финансового планирования россиян. Как россияне планируют финансовое будущее и ведут бюджет // ФОМ. 2023. 17 ноября. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14946> (дата обращения: 04.08.2024).

⁵ Сбережения россиян: мониторинг // ВЦИОМ. 2022. 17 октября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sberezhenija-rossijan-monitoring-20221017> (дата обращения: 04.08.2024).

Здоровьесберегающие траектории в контексте подготовки к выходу на пенсию

Несмотря на то, что продолжение трудовой деятельности после выхода на пенсию рассматривается респондентами разных возрастов как источник дополнительных доходов в этот период жизни, на практике пенсионеры вынуждены уходить с работы по причине ухудшения здоровья. Влияние данного фактора особенно заметно у мужчин: в ситуации субъективно оцениваемого ухудшения состояния здоровья «интенсивность риска выхода в неактивность увеличивается на 71%» [10, с. 316].

Рассмотрим установки респондентов относительно заботы о здоровье как направления подготовки к выходу на пенсию.

Согласно результатам проведенного исследования, поддержка здоровья является важным направлением подготовки к выходу на пенсию, но приоритетным считать его нельзя (см. табл. 4). Лишь 34,8% респондентов перед выходом на пенсию постараются пройти полное медицинское обследование, плановое лечение. Подобное намерение чаще выражают женщины (37,9%), чем мужчины (30,8%). Однако различия не достигают статистической значимости¹.

Молодые респонденты в возрасте 18–25 лет – как женщины (54,5%), так и мужчины (58,5%) – чаще представителей других возрастных групп отмечают намерение пройти медицинское обследование и плановое лечение перед выходом на пенсию. Значимость данного направления подготовки с возрастом снижается. У предпенсионеров частота упоминания данного направления подготовки к выходу на пенсию снова возрастает и достигает у женщин 52–57 лет – 36,7%, а у мужчин 57–62 лет – 37,5%. Однако и у предпенсионеров значимость этого направления подготовки ниже, чем у молодых респондентов. Вместе с тем, различия не достигают уровня статистической значимости².

Еще один важный элемент подготовки к выходу на пенсию – ежегодная диспансеризацию и осмотры узких специалистов. Треть респондентов не проходит диспансеризацию (33,5%). Еще треть – проходят лишь по требованию работодателя (33,4%). По собственной инициативе диспансеризацию и осмотры узких специалистов проходит каждый пятый опрошенный (22,5%).

Установки на прохождение диспансеризации и осмотры узких специалистов отличаются у респондентов разного возраста. Не проходят диспансеризацию и осмотры узких специалистов главным образом молодые респонденты 18–25 лет (40,9% женщин и 50,8% мужчин). Женщины среднего возраста (36–45 лет, 46–51 год) проходят диспансеризацию по собственной инициативе (35,3 и 36,4% соответственно). Женщины предпенсионного возраста проходят диспансеризацию по требованию работодателей (38,7%). У мужчин разных возрастов доминирует один общий паттерн – прохождение диспансеризации по требованию работодателя. Различия статистически значимы³.

¹ Критерий χ^2 с поправкой на непрерывность ($df = 1$) = 3,296; $p = 0,069$.

² Критерий χ^2 ($df = 9$) = 12,792; $p = 0,172$.

³ Критерий χ^2 ($df = 27$) = 73,986; $p < 0,001$.

Респонденты отмечают и другие практики заботы о здоровье. Наиболее часто упоминаются: отказ от курения (49,5%), пребывание на свежем воздухе (43,1%), регулярное и полноценное питание (41,7%), прием витаминов (35,2%), профилактические прививки (25,5%), занятия спортом (25,3%), регулярное посещение врачей в профилактических целях (20,4%).

Обобщая полученные результаты, можно сделать следующие выводы.

Несмотря на то, что один из основных страхов выхода на пенсию связан с ухудшением здоровья (46,3%), готовность совершать конкретные действия в сфере заботы о здоровье готова предпринимать меньшая доля респондентов.

В сфере заботы о здоровье как направления подготовки к выходу на пенсию наблюдается две тенденции. Установки предпенсионеров позволяют ожидать в краткосрочной перспективе сохранение проблемы низкого ресурсного потенциала пенсионеров по показателю здоровья. В свою очередь, установки молодых респондентов указывают на возможность появления поколения будущих пенсионеров, которые постараются максимально сохранить ресурс здоровья и отодвинуть на более позднее время видимые признаки старения. Среди них наблюдается выраженная ориентация на отказ от курения в числе перечня мер заботы о здоровье. Так установка молодых мужчин (18–25 лет – 41,5%) на отказ от курения выше, чем у мужчин старшего возраста (57–62 года – 35,6%). Регулярные занятия спортом и другие формы физической активности (плавание, йога, скандинавская ходьба) в качестве меры заботы о здоровье чаще называют молодые мужчины и женщины до 35 лет.

Схожие результаты получены в ходе всероссийских опросов. Согласно данным опроса ВЦИОМ, 71% респондентов 18–24 лет либо никогда не курили (58%), либо бросили (13%); среди опрошенных 25–34 лет никогда не курили 46%, бросили – 17%. Для сравнения: в группе 35–44 лет соотношение составляет 38 и 19%; 45–59 лет – 44 и 17%¹. У молодых респондентов складывается и отличающийся от остальных возрастных групп паттерн обращения за медицинской помощью. Опрошенные 18–24 лет почти в два раза чаще других склонны обращаться за медицинской помощью сразу при обострении заболеваний (35%). Остальные опрошенные склонны обращаться к врачам в случае крайней необходимости². Молодые россияне чаще других возрастных групп регулярно или время от времени занимаются физкультурой и спортом: 18–24 года – 71%; 25–34 года – 69%. При этом мотивация связана не только с заботой о здоровье, но и стремлением избежать внешних проявлений старения (сохранить фигуру, осанку)³.

¹ Курение в России: мониторинг // ВЦИОМ, 2022. 12 июля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kurenije-v-rossii-monitoring-2022> (дата обращения: 04.08.2024).

² Здоровый образ жизни и как его придерживаться // ВЦИОМ. 2022. 24 мая. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-i-kak-ego-priderzhivatsja> (дата обращения: 04.08.2024).

³ Спортивная Россия // ВЦИОМ. 2021. 05 апреля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sportivnaja-rossija> (дата обращения: 04.08.2024).

В связи с этим можем ожидать изменения здоровьесберегающего поведения в направлении более выраженного соответствия принципам активного долголетия.

Выводы

Анализ установок респондентов в профессионально-трудовой, финансовой и здоровьесберегающей сферах как векторов подготовки к выходу на пенсию позволяет сделать следующие выводы относительно готовности россиян следовать принципам активного долголетия.

Установки респондентов – жителей Ярославщины имеют противоречивый характер – таков главный вывод проведенного исследования.

С одной стороны, респонденты – до 46 лет, для которых выход на пенсию представляется пока отдаленной перспективой, ориентированы на продолжительную трудовую деятельность, освоение нетрадиционных форм занятости, совершенствование трудовых и универсальных компетенций. Они знакомы с более широким набором финансовых инструментов, стремятся вести здоровый образ жизни. Став пенсионерами, они с большей вероятностью смогут вести жизнь на пенсии в соответствии с принципами активного долголетия.

С другой стороны, нынешние предпенсионеры ориентированы преимущественно на модель старения, которая не исключает прекращение трудовой деятельности, но подразумевает изменение паттернов экономического поведения в пользу ориентации на сокращение расходов, опору на ресурсы домашнего подсобного хозяйства.

Таким образом, со временем можно ожидать трансформации модели старения в направлении следования принципам активного долголетия. Однако для этого необходимо преодолеть ряд барьеров. Так, финансовому планированию при подготовке к выходу на пенсию препятствует невысокий уровень материального положения и факторы экономической нестабильности.

Низким остается уровень финансовой грамотности населения. В связи с этим требуется планомерная работа с будущими пенсионерами по обучению их финансовому планированию выхода на пенсию с привлечением широкого круга акторов – учебных заведений, которые реализуют образовательные программы для взрослых, финансовых организаций, промышленных предприятий, которые помогут россиянам приобрести специализированные финансовые навыки для подготовки к выходу на пенсию.

Принимая во внимание высокую значимость профессионально-трудовой стратегии в обеспечении финансового благополучия жизни на пенсии, важную роль в развитии принципов политики активного долголетия способны сыграть программы поддержки занятости, в том числе, посредством стимулирования трудовой мобильности. Сейчас в ней участвуют 14 регионов нашей страны¹.

¹ Программа повышения трудовой мобильности // Работа России. URL: <https://trudvsem.ru/information-pages/mobility-program> (дата обращения 04.08.2024)

Признавая, что политика активного долголетия ориентирована не только на людей пенсионного и предпенсионного возраста, но и на молодые поколения, может быть задействован ресурс будущего национального проекта «Молодежь России», в который будут включены программы по поддержке молодежного спорта и здорового образа жизни, профессионального развития молодых специалистов и трудоустройства молодежи, в том числе, посредством межрегиональной трудовой мобильности. Для уточнения полученных результатов представляется перспективным проведение исследования по опробованной нами методике на выборке, охватывающей большее число субъектов РФ, желательно, представляющих все Федеральные округа.

Библиографический список

1. Алиева И. А. Финансовое поведение населения: теоретический аспект // Вестник КРСУ. 2016. Т. 16. № 2. С. 107–109. EDN: VSNUJN.
2. Анисимова Р. И. Динамика труда и трудовых отношений работников производства: состояние, тенденции, проблемы // Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2024. С. 64–93.
3. Барсуков В. Н., Калачикова О. Н. Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 34–55. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.2; EDN: GDIMRG.
4. Васильева Е. В. Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России / Под ред. Ю. Г. Лавриковой. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2022. 190 с.
5. Григорьева И. А., Бершадская А. В., Дмитриева А. В. На пути к нормативной модели отношений общества с пожилыми людьми // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 3. С. 151–167. EDN: SWEWWV.
6. Доброхлеб В. Г. Когда общество становится старше // Вестник РАН. 2021. Т. 91. № 9. С. 889–895. DOI: 10.31857/S0869587321090036; EDN: CJKINK.
7. Ермилова А. В., Исакова И. А. Концепция активного долголетия или концепция выживания пожилых? // Старшее поколение современной России. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2022. С. 111–130. EDN: ILPPFL.
8. Киселев И. Ю., Михайлова Е. В., Смирнова А. Г. Установки россиян на подготовку к выходу на пенсию: содержание и факторы формирования // Социологические исследования. 2024. № 2. С. 24–35. DOI: 10.31857/S0132162524010031; EDN: AWOBXA.
9. Парфенова О. А., Галкин К. А. Социальная активность и участие пожилых россиян в контексте активного долголетия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 1. С. 200–223. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.8; EDN: MIXCWZ.

10. Российский рынок труда через призму демографии / Под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшников. М.: ВШЭ, 2020. 440 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2167-0; EDN: VJMQUE.
11. Синявская О. В., Червякова А. А. Активное долголетие в России в условиях экономической стагнации: что показывает динамика индекса активного долголетия? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 94–121. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2043; EDN: GNFMLV.
12. Ядова М. А. Жизненные траектории молодежи в XXI веке: риски и возможности // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 83–93. DOI: 10.31857/S013216250011067-6; EDN: VDHCRCW.
13. Dennis H., Fike K. T. Retirement Planning: New Context, Process, Language, and Players // The Oxford Handbook of Work and Aging / Ed. by J. W. Hedge, W. C. Borman. N. Y., NY: Oxford University Press, 2012. P. 538–548. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780195385052.013.0159.
14. Zaidi A., Howse K. The Policy Discourses of Active Ageing: Some Reflections // Population Aging. 2017. No. 10. P. 1–10. DOI: 10.1007/s12062-017-9174-6.

Получено редакцией: 20.02.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Киселев Игорь Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии

Загребин Владимир Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии

Овчинникова Наталья Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.5

Preparing Russians for Retirement from the Perspective of the Active Longevity Concept (Based on the Yaroslavl Region)¹

Igor Yu. Kiselev

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

igkisselev@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1152-4558

Vladimir V. Zagrebin

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

vladimir_zagrebin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1317-067X

¹ **Acknowledgements.** The study was carried out within the framework of the initiative research work of Yaroslavl State University VIP-020 “Labor, financial, health-saving strategies of representatives of different age groups in the conditions of reforming the pension system in Russia”.

Natalia V. Ovchinnikova**P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia**

nv.lyusina@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7771-2397

For citation: Kiselev I. Yu., Zagrebin V. V., Ovchinnikova N. V. Preparing Russians for Retirement from the Perspective of the Active Longevity Concept (Based on the Yaroslavl Region). *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 110–132. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.5; EDN: VXORZC.

Abstract. The article describes attitudes towards the choice of labour, financial, and health-preserving trajectories of Russians in preparation for retirement based on the results of the author's sociological study conducted using the method of personal interviews (n = 650). It is shown that in the context of demographic aging in Russia, there is a gradual shift away from understanding aging as a mutual alienation of an elderly person and society, and the elderly – exclusively as objects of care, towards considering the elderly as active participants in public life, in relation to whom the policy of active longevity is implemented. It involves a system of measures to promote employment of the elderly, maintain material well-being, improve health and quality of life, and learning throughout life. However, the index of active longevity in Russia remains low.

The assertion is substantiated that the system of measures in line with the concept of active longevity policy has a proactive nature, that is, it is aimed at future generations of elderly people, rather than the current ones, and involves preparation for the period of aging, marked by retirement. Based on the data of the conducted sociological study, it is shown that the labour, financial and health-preserving trajectories of respondents who have not reached retirement age, regarding the preparation for the retirement in some ways are in line with the principles of active longevity, and in some ways, contradict them. At the same time, the main differences are observed between respondents under 46 years of age and pre-retirees.

The respondents' orientation towards long-term employment, readiness for lifelong professional training, mastering non-traditional forms of employment (for example, readiness to work on Internet platforms), awareness of responsibility for ensuring their economic well-being in old age and the use of various strategies for this (professional-labour, savings, investment), the attitude towards giving up bad habits and maintaining physical activity (sports, physical education) create the basis for living out their aging by future pensioners in accordance with the principles of active longevity.

There are also barriers that hinder the transformation of the aging model in the direction of following the principles of active longevity: the influence of objective factors of economic instability, a low level of financial literacy of the population, the lack of special financial planning skills in preparation for retirement, the lack of a culture of health care.

Keywords: active longevity, preparation for retirement, labor trajectories, financial trajectories, health care

References

1. Alieva I. A. Financial behavior of the population: theoretical aspect. *Vestnik KRSU*, 2016: 16(2): 107–109 (in Russ.). EDN: VSNUJN.
2. Anisimov R. I. Dynamics of labor and labor relations of production workers: status, trends, problems. In *The life world of workers: sustainability versus precarity*. Ed. by Zh. T. Toshchenko. Moscow, Ves' Mir, 2024: 64–93 (in Russ.).
3. Barsukov V. N., Kalachikova O. N. The evolution of demographic and social construction of the age of “old age”. *Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 2020: 13(1): 34–55 (in Russ.). DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.2; EDN: GDIMRG.
4. Vasilyeva E. V. The concept of active longevity: possibilities and limitations of implementation in Russia. Ed. by Yu. G. Lavrikova. Ekaterinburg, IE UrO RAN, 2022: 190 (in Russ.).
5. Grigoryeva I., Bershanskaya L., Dmitrieva A. Na puti k normativnoj modeli otnoshenij obshchestva s pozhilymi lyud'mi [On the way to a normative model of society's relations with older people]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 2014: 17(3): 151–167 (in Russ.). EDN: SWEWWV.
6. Dobrobleb V. G. When society gets older. *Vestnik RAN*, 2021: 91(9): 889–895 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0869587321090036; EDN: CJKIHK.
7. Ermilova A. V., Isakova I. A. The concept of active longevity or the concept of survival of the elderly? In *The older generation of modern Russia*. Nizhny Novgorod, NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2022: 111–130 (in Russ.). EDN: ILPPFL.

8. Kiselev I. Yu., Mikhailova E. V., Smirnova A. G. Russians' attitudes regarding preparation for retirement: its content and formation. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2024: 2: 24–35 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0132162524010031; EDN: AWOBXA.
9. Parfenova O., Galkin K. Social activity and participation of older Russians in the context of active ageing. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 2023: 26(1): 200–223 (in Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.8; EDN: MIXCWZ.
10. The Russian Labour Market Through the Prizm of Demography. Ed. by V. Gimpelson, R. Kapeliushnikov. Moscow, VSHE, 2020: 440 (in Russ.). DOI: 10.17323/978-5-7598-2167-0; EDN: VJMQUE.
11. Sinyavskaya O. V., Cherviakova A. A. Active aging in Russia during economic stagnation: what can we learn from the dynamics of the active ageing index? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2022: 5: 171: 94–121 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2043; EDN: GNFMLV.
12. Yadova M. Life trajectories of the youth in the XXI century: risks and opportunities. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022: 2: 83–93 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250011067-6; EDN: VDHCRW.
13. Dennis H., Fike K. T. Retirement Planning: New Context, Process, Language, and Players. In *The Oxford Handbook of Work and Aging*. Ed. by J. W. Hedge, W. C. Borman. New York, NY, Oxford University Press, 2012: 538–548. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780195385052.013.0159.
14. Zaidi A., Howse K. The Policy Discourses of Active Ageing: Some Reflections. *Population Aging*, 2017: 10: 1–10. DOI: 10.1007/s12062-017-9174-6.

The article was submitted on: February 20, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor Yu. Kiselev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Chair of Sociology
Vladimir V. Zagrebin, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Chair of Sociology

Natalia V. Ovchinnikova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Chair of Sociology

ТЕМА НОМЕРА

СТРАТИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.6

EDN: TOBZTK

Роль «третьего сектора» в политической карьере мужчин и женщин в России

Ссылка для цитирования: Бальбот Н. А., Крыштановская О. В. Роль «третьего сектора» в политической карьере мужчин и женщин в России // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 133–154. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.6; EDN: TOBZTK.

For citation: Balbot N. A., Kryshchanovskaya O. V. The Role of the “Third Sector” in the Political Careers of Men and Women in Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 133–154. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.6; EDN: TOBZTK.

SPIN-код: 4454-4845

Бальбот Надежда Александровна¹

¹Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

4454508@gmail.com

SPIN-код: 5881-9789

Крыштановская Ольга Викторовна¹

¹Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

olgakrysht@ya.ru

Аннотация. Гендерная асимметрия в распределении внутри российской политики предполагает наличие «стеклянного потолка», который не позволяет женщинам в полной мере реализовывать свой потенциал. Данная статья посвящена оценке общественно-политической деятельности как социального капитала, который помогает женщинам кооптироваться в систему управления государством и преодолевать внутренние ограничения. В мировой практике общественные негосударственные некоммерческие организации стали рассматриваться как особый сегмент экономики – «третий сектор», он играет все более заметную роль в развитии гражданского общества и оказывает влияние на политическую сферу в России. Целью исследования стала оценка третьего сектора как канала рекрутации во власть. Методом ретроспективного биографического анализа восьмисот успешных действующих политиков и управленцев обоих полов был проведен анализ их инкорпора-

ции в государственную систему, выявлены гендерные различия между политическими траекториями. Наиболее эффективными по структуре оказались всероссийские общественные организации, имеющие разветвленную сеть отделений по всей стране, которая позволяет им накапливать социальный и административный ресурсы и успешно инкорпорировать своих представителей в органы управления государством. Партийный лифт успешно функционирует для обоих полов. Анализ позволяет сделать вывод о том, что третий сектор является каналом рекрутации в политическую систему страны, вертикальная мобильность имеет ряд гендерных различий. Для женщин социальным капиталом, позволяющим совершить вертикальную мобильность, является партийная карьера, опыт работы в системе общественных палат, участие в движении Народный фронт «За Россию», а также в профессиональных и благотворительных НКО. Активность в общественном поле для них является эффективным способом построения политической траектории на любой уровень властной пирамиды. Бизнес-сообщество посредством некоммерческих объединений старается не только быть полезным государству, но и довольно успешно использует их для инкорпорации своих членов в различные ветви власти, однако этот лифт действует в основном для мужчин.

Ключевые слова: третий сектор, некоммерческие организации, политика, гендер, социальные лифты, вертикальная мобильность, канал рекрутации, биографический анализ

Введение

Вопросам гендерной асимметрии в российском политическом поле посвящено немало научных работ, в большинстве из которых сделаны общие выводы о недостаточном представительстве женщин в политических структурах и наличии так называемого «стеклянного потолка», не позволяющего им в полной мере реализовывать свой потенциал [12; 14; 24]. В качестве источников социального капитала, который помогает женщинам кооптироваться в систему государственного управления и преодолевать внутренние ограничения, рассматриваются различные ресурсы. Как правило, это наличие качественного образования, профессиональные достижения, принадлежность к крупному бизнесу или партийным элитам. Данная статья посвящена общественной деятельности и тем возможностям, которые она открывает для женщин, ищущим свой путь в политику.

Наши предыдущие исследования показали, что система рекрутации кадров в истеблишмент пока еще далека от меритократии, когда наверх поднимаются самые талантливые и образованные члены общества. Проблемой является то, что молодежь не видит легитимных путей развития политической карьеры, заменяя это мифами о том, что все решается на основании клиентеллистских и непотических связей, а самому честно добиться успеха в политическом поле невозможно. Здесь мы предпринимаем попытку показать, что бурное развитие «третьего сектора» – общественных некоммерческих организаций разного типа – создает новые социальные лифты и новые возможности для продвижения. Изучение параметров их формирования и функционирования представляется перспективным направлением политической социологии.

Вторая половина прошлого века характеризуется быстрым развитием общественных организаций, которые отличаются особым типом хозяйствования – некоммерческим. Во многих странах негосударственные некоммерческие организации стали рассматриваться как особый сектор экономики. Само понятие «третий сектор» появилось не так давно.

Впервые в научный оборот его ввел в 1973 г. американский экономист Теодор Левитт в своей монографии «Третий сектор: новая тактика общественного взаимодействия» [30]. Согласно его концепции, под первым сектором экономики понимается государственный механизм управления, под вторым – частный бизнес, третий же состоит из негосударственных некоммерческих организаций – НКО, которые создаются внутри гражданского общества. Эти организации могут выполнять множество функций, иметь различные источники финансирования, вести свою деятельность во многих сферах: заниматься благотворительностью, политической активностью, добровольческими инициативами и проч. [31, с. 1151].

Учитывая, что количество людей, охваченных проектами некоммерческого сегмента, неуклонно растет, можно предположить, что этой части социума будет принадлежать все большая роль в развитии российского общества [4].

В целом в мировой практике третий сектор представляет собой сегмент общества с высоким уровнем самоорганизации, объем которого в 2021 г. в мире составил 10 млн организаций, в то время как в 2000 г. их было всего 1,35 млн [28]. Столь быстрый рост вынуждает научное сообщество фокусировать свое внимание на этих процессах, повышает актуальность изучения этого относительно нового явления.

Развитие и эффективное функционирование гражданского общества обусловлено наличием независимых от государства политических и общественных организаций, которые обладают возможностью эффективного сотрудничества со всеми ветвями власти [29, с. 225]. Для гражданского общества ценны те общественные институты, которые формируются «снизу», самими гражданами или их сообществами. Открытость и проницаемость границ между политической системой и гражданским обществом позитивно влияет на обе стороны взаимодействия.

Т. Е. Ворожейкина отмечает, что в условиях, когда экономическое развитие порождает все новые разрывы и углубляет социальную поляризацию, отсутствие эффективных каналов политического представительства способствует распространению антисоциальных, и даже криминальных стратегий индивидуального выживания [2, с. 22]. В связи с этим изучение общественных каналов социальной мобильности в политическую сферу представляется нам весьма актуальным.

Степень изученности проблемы

В научной литературе понятие «третий сектор» зачастую употребляется как синоним некоммерческого сектора, либо в него включается гораздо более широкий круг организаций. Это связано с разнообразием

теоретических концепций, используемых при определении данного понятия. Теория «предложения» (*supply side theory*) связывает возникновение организаций третьего сектора с необходимостью производить специфические блага и услуги, в которых нуждается социум, в то время как государственные институты имеют ограниченные возможности для производства подобных благ. Некоммерческие организации возникают с целью удовлетворить этот спрос [32]. Основной упор этого подхода сосредоточен на организациях благотворительного профиля и не учитывает ряд некоммерческих организаций, которые отличаются по формам собственности и управления. Теория социального происхождения (*social origin theory*) рассматривает некоммерческий сектор как часть социальной системы государства, отводя ей роль в решении социально значимых проблем в зависимости от той или иной модели государства благосостояния. Государство берет на себя большую часть расходов на социальное обеспечение своих граждан. Увеличение таких расходов, связанное с повышением уровня экономического развития, индустриализацией и расширением социальных прав стимулирует развитие рынка социальных услуг. Результатом таких трансформаций оказывается задействование некоммерческих организаций в системе социального обеспечения, третий сектор становится производным государственной системы [33]. Некоммерческие организации более эффективны в организации волонтерской деятельности, они способны более оперативно справляться с определенными проблемами и потому становятся востребованными. Однако, множество организаций образуют сложную конкурентную рыночную среду, состоящую из коммерческих, общественных и государственных производителей услуг, часть из которых имеет гибридную структуру, то есть обладают характеристиками нескольких секторов. Проанализировав широкий круг подходов к изучению понятия, А. Пряжникова пришла к выводу, что более адекватными представляются подходы к поиску определения данного сектора, в которых используется более широкий спектр дополнительных характеристик и критериев [17].

В исследованиях российских ученых наиболее развернутое определение третьего сектора в своей работе приводят Л. И. Якобсон и С. В. Санович, по их мнению, это «совокупность ячеек сотрудничества людей», характеризующихся регулярностью и организованностью работы. Кроме того, организация может быть отнесена к третьему сектору если она отвечает ряду критериев:

- Определенные и стабильные цели функционирования, относительно стабильный состав участников.
- Альтруистические цели создания организации.
- Отсутствие нацеленности на получение прибыли или применение политической власти.
- Обособленность от бизнеса и государства.
- Добровольный характер открытия или прекращения работы [26].

Г. Г. Дилигенский разделил российские общественные организации и движения на две группы. Проблемно-ориентированные содействуют решению конкретных общественных проблем, к ним относятся правозащитные, экологические, потребительские, действующие в рамках определенных секторов экономической и социальной жизни общества, отстаивающие права индивидов или определенных категорий населения. Структурно-гражданские обеспечивают демократический характер политических отношений, диалог между властью и обществом, образуют основу политической и социальной демократии. К ним относятся политические партии, профсоюзы, предпринимательские организации и т. п. Их функции реализуются наиболее полно, когда они проявляют способность мобилизовать во имя определенных масштабных целей общественную и политическую активность широких масс граждан и могут добиваться значимых политических и социальных перемен [5, с. 18].

Важным представляется то, что часть таких организаций создается исключительно обществом, часть при участии государства для поддержки общественных инициатив. Так, Е. Я. Грегора выделяет в структуре общественного сектора по принципу финансирования три подсектора: государственный (финансирование из государственного бюджета), добровольно-общественный (финансирование за счет добровольных взносов и благотворительной помощи) и смешанный [4].

Изучению третьего сектора и механизмов его взаимодействия с государством в научной литературе посвящены работы таких ученых, как Ф. М. Бородкин [1], К. В. Петренко [16], Н. А. Скобелина [18], но большинство из них направлено на изучение правовых форм, различных сфер деятельности, проблем финансирования и эффективности работы негосударственных и некоммерческих организаций.

Существует ряд исследований, посвященных особенностям инкорпорации в государственную систему из второго сектора экономики – бизнеса. Этой теме посвящены работы Д. Б. Тева [22], В. А. Смирнова [19], А. В. Дуки [6].

Отдельные виды общественных организаций как социальные лифты для молодежи в политику рассматривались в работах К. А. Черкесса [23], А. А. Зеленина [9], М. А. Юшина [25], И. Ю. Калмыковой [10] и др., в частности хорошо изучена роль таких институтов, как молодежные парламенты. К примеру, Ю. М. Головкин приходит к выводу, что имеет место встраивание в политическую систему молодежных общественных и политических организаций, а наиболее активным способом рекрутирования молодежи в элитно-управленческие структуры являются выборы в местные органы представительной власти [3].

В целом третий сектор экономики как отдельный институт практически не исследовался российскими учеными в качестве канала рекрутации кадров в политическую систему страны. Довольно мало работ посвящено гендерным особенностям функционирования данного института как канала вертикальной мобильности в органы управления государством. Общественные движения и гражданские инициативы также не рассматри-

ваются большей частью населения в качестве эффективного способа влияния на власть и не выступают в качестве «социального лифта», так как общественно-политическая активность не несет в представлении граждан никаких материальных выгод [15, с. 63]. Совокупность этих факторов повышает актуальность исследования роли «третьего сектора» в формировании системы управления государством. Для понимания масштабов и институциональных основ, рассмотрим основные признаки данной совокупности.

НКО в России и их типы

В России на законодательном уровне началом государственного регулирования этой сферы можно считать принятие в 1995 г. Федерального закона № 82–ФЗ «Об общественных объединениях» и в 1996 г. – Федерального закона № 7–ФЗ «О некоммерческих организациях»¹, а также рядом других нормативно-правовых актов² (НПА).

Следующим этапом консолидации гражданского общества стало создание государством в 2005 г. Общественной палаты РФ в качестве партнерского механизма, предоставляющего организациям функцию общественного контроля и согласования интересов общества и государства³. Основная идея ее создания была в том, чтобы приблизить граждан к процессу принятия властных решений через особый институт функционального представительства интересов различных социальных групп. За относительно короткое время Общественная палата РФ заняла свое место в социально-политической системе страны [8]. Стоит отметить, что по всей стране действуют и развиваются как общественные институты влияния граждан на власть региональные общественные палаты. Начиная с 2013 г. в состав Общественной палаты России входят представители общественных палат субъектов Российской Федерации.

Действующее российское законодательство подразделяет некоммерческие неправительственные организации в зависимости от их организационно-правовой формы на: общественные и религиозные организации (объединения), общины коренных малочисленных народов Российской Федерации, казачьи общества, фонды, государственную корпорацию, госу-

¹ Закон РФ «Об общественных объединениях» (1995 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/?ysclid=lpuzq94ka965423339 (дата обращения: 04.12.2024); Закон РФ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8212> (дата обращения: 04.12.2024).

² Закон РФ «О некоммерческих организациях» (1995 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8742> (дата обращения: 04.12.2024); Закон РФ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» (1995 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8019> (дата обращения: 04.12.2024); ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8739> (дата обращения: 04.12.2024).

³ Федеральный закон от 04.04.2005 N 32-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об Общественной палате Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52651/f172539c9dd0ac1e82d7e2e08686fbf31f6cff18/ (дата обращения: 04.12.2024).

дарственную компанию, некоммерческие партнерства, частные учреждения, автономные некоммерческие организации, объединения юридических лиц (ассоциации и союзы).¹

В свою очередь, организации, относящиеся к общественным объединениям, согласно ст. 7 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», подразделяются на общественные организации, общественные движения, общественные фонды, общественные учреждения, органы общественной самодеятельности и политические партии².

Таким образом, в России «третий сектор» объединяет в себе множество организаций с принципиально разными целями и задачами, которые можно структурировать, исходя из общих признаков и функций. При всей широте подходов к определению понятия «третьего сектора», в научной литературе оно часто употребляется как аналог некоммерческого сектора, куда относятся все некоммерческие организации (НКО), неправительственные организации (НПО), негосударственные организации (НГО). Российское законодательство относит к данному сектору общественные организации, подходящие под определение, данное в № 7-ФЗ от 12.01.1996 «О некоммерческих организациях»: «организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками». Таким образом, сюда попадают политические партии и государственные организации, при условии, что их основная деятельность не подразумевает получение прибыли.

В последнее десятилетие наблюдается рост числа как законодательных инициатив и государственного регулирования деятельности таких организаций, так и объема самого третьего сектора. Основным направлением деятельности большей части некоммерческих организаций является **социальная сфера**. Данная сфера относится к ведению государства, которое стало активно привлекать в качестве партнеров для осуществления некоторых функций негосударственные некоммерческие организации.

Гражданское общество начало все более заметно проявлять инициативу в сфере реализации и защиты прав слабо защищенных слоев населения, в экологической, культурной, политической и других областях. Наблюдается тенденция, когда органы государственной власти делегируют представителям третьего сектора часть работы самого государства, взамен на финансовую и другие виды поддержки, вырабатывается механизм взаимодействия государства и институтов гражданского общества. Происходит кооперация между первым и третьим секторами экономики.

Для того чтобы в рамках НКО выделить те организации, которые создаются для реализации именно некоммерческих проектов, с 2010 г. государством в законодательство была введена новая категория – социально ориентированные НКО (СОНКО), доля которых неуклонно росла.

¹ О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 г. №7-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/?ysclid=m4ju7vd0v7708200618 (дата обращения: 04.12.2024).

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. Ст. 1930. С. 3727–3751.

По данным Росстата, количество некоммерческих организаций с социальной ориентацией возросло с 2011 по 2018 г. на 41 тыс. и к 2019 г. составило 140 тыс. СОНКО¹.

В свою очередь, вопросы финансовой обеспеченности и устойчивости НКО также являются предметом научного исследования и анализа. Как отмечает А. В. Тарасенко, тесная взаимосвязь общественных организаций с органами власти привела к необходимости обозначить такие организации новым понятием «ГОНГО» (GONGO – *government organized nongovernmental organizations*), введенным Дж. Костон в 1998 г. [27]. Научная дискуссия относительно оценки влияния политики государства в отношении некоммерческих организаций свидетельствует о многогранности феномена третьего сектора, а российская специфика показывает, что эмпирические наблюдения не всегда вписываются в концепции, разработанные на материале западных стран [21, с. 20].

В данной работе под «третьим сектором» будет пониматься вся совокупность некоммерческих общественных организаций, включая ГОНГО и политические партии. Это позволяет рассмотреть систему общественных организаций и взаимосвязей в более широком поле, а также соответствует российской законодательной модели. Именно такой подход позволит в полной мере оценить ресурс общественного сектора как канала рекрутации кадров в политическую систему.

Активное государственное регулирование, а также финансирование сферы третьего сектора не могло не отразиться на динамике его развития. С одной стороны, стали создаваться и расти крупные сетевые общественные структуры. Рассмотрим их на конкретных примерах.

Общероссийское общественное движение «Народный фронт “За Россию”» (ОНФ) было создано по инициативе президента РФ в 2011 г., но в соответствии с Уставом, является массовым общественным объединением, созданным по инициативе граждан и является некоммерческой организацией, данные об учредителях отсутствуют в открытом доступе. Среди основных целей заявлены: вовлечение граждан, организаций и институтов гражданского общества в постоянную совместную работу по определению приоритетов развития России, содействие расширению возможностей народовластия, реальному участию всех активных и неравнодушных граждан в выработке решений органов государственной власти и органов местного самоуправления. Движение может создавать свои филиалы и открывать региональные и местные представительства². Организация не декларирует политических целей, в Уставе заявлен общественный характер формирования, однако учитывая инициативу создания, исходящую от главы государства, можно предполагать государственную поддержку общественного движения.

Среди волонтерских движений одним из крупнейших является созданная в 2013 г. активисткой Яной Лантратовой всероссийская общественная организация «Союз добровольцев России», являющаяся общественным

¹ Российский статистический ежегодник – 2018. М.: Росстат, 2019. 694 с.

² См.: <https://onf.ru/about/document> (дата обращения: 04.12.2024).

объединением граждан и организаций с целью защиты прав и свобод граждан и взаимопомощи. Организация представлена в 84 регионах страны¹. Всероссийское общественное движение «Матери России», созданное в феврале 2012 г. сенатором Валентиной Петренко, на сегодняшний день объединяет более 700 общественных организаций, работающих в сфере семьи, материнства и детства, его региональные отделения открыты во всех субъектах России². «Деловая Россия» – общероссийская общественная организация, объединившая более 7 тысяч предпринимателей со всей страны³. Эти примеры можно было бы продолжать, но везде мы видим, что НКО становятся ступенью политической карьеры для многих женщин, и со временем это становится устойчивым трендом.

С другой стороны, сложности с поиском финансирования, изменения в законодательстве и другие факторы, создающие конкуренцию в сегменте третьего сектора, приводили к банкротству и ликвидации ряда общественных организаций. Общие тенденции развития общественного сектора хорошо видны на данных по динамике зарегистрированных и ликвидированных НКО за период 2002 – 2021 гг.⁴

В последние годы наметилась тенденция к небольшому уменьшению объема третьего сектора, что, в частности, отражено в Докладе Общественной Палаты РФ за 2018 г.⁵

Таким образом, на сегодняшний день мы видим широкий спектр общественных организаций, составляющих основной пул представителей третьего сектора России, а также ряд тенденций и факторов, отражающих сложность и многогранность научных подходов к изучению данного сегмента.

Методология исследования

Так возможна ли вертикальная социальная мобильность представителей третьего сектора в систему государственного управления? И существуют ли гендерные различия между политическими карьерами мужчин и женщин?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, мы изучили биографии успешных политиков разных уровней и ветвей власти и составили рейтинг общественных организаций, которые в последние годы стали основными поставщиками кадров в истеблишмент.

Такой ретроспективный анализ биографий людей, которые занимают высокие государственные должности, дает возможность социологам увидеть реальные каналы вертикальной мобильности. В соответствии с тео-

¹ См.: <https://souzdobro.ru/documents/> (дата обращения: 04.12.2024).

² См.: <https://materirossii.ru/about/> (дата обращения: 04.12.2024).

³ См.: <https://deloros.ru/o-nas/> (дата обращения: 04.12.2024).

⁴ См.: <https://atlas-nko.ru/analytics?ysclid=lpeg6jtsfu115699663> (дата обращения: 04.12.2024).

⁵ См.: <https://report2018.oprf.ru/ru/3.php> (дата обращения: 04.12.2024).

рией социальной стратификации П. Сорокина с помощью таких каналов государство отбирает претендентов, обладающих способностями и знаниями, необходимыми для выполнения стоящих перед государством актуальных функций и задач [20, с. 194]. *Особенностью этого канала рекрутирования является то, что индивиды должны проходить отбор не на основании обладания специфическими профессиональными, образовательными навыками или достижениями, а благодаря участию в различных общественно-политических объединениях.* Это обуславливает необходимость учитывать при анализе карьерных траекторий политиков их непосредственное участие в добровольной общественной активности, которая в данном случае рассматривается как отдельный фактор, оказывающий влияние на формирование политической элиты.

В ходе авторского исследования мы использовали ретроспективный биографический анализ. Было отобрано 800 представителей политического истеблишмента. В выборку федерального уровня вошли 300 политиков, 145 из которых – это представители исполнительной власти, а 155 – законодательной (депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ седьмого созыва). На региональном уровне были проанализированы 400 биографий представителей восьми федеральных округов РФ, из которых 173 политика – первые лица и их заместители в правительствах, администрациях и министерствах регионов, 227 политиков – депутаты в региональных законодательных собраниях. Муниципальный уровень представлен главами городов и муниципальных образований (100 чел.). Выборка сформирована по состоянию на 1 января 2023 г., вся биографическая информация была собрана из открытых официальных источников, таких как официальные сайты соответствующих федеральных органов государственной власти, а также региональных министерств, ведомств, легислатур и др.

На последующих этапах полученные данные были формализованы, закодированы и введены в специально созданную базу данных. Биографии были кодифицированы таким образом, что представляли собой цепочки событий (секвенций), которые затем были подвергнуты секвенционному анализу.

Последовательности событий в биографиях политиков имели несколько слоев: географические перемещения, хронологические цепочки, последовательности переходов из одних статусов в другие. Этот метод позволил нам на статистически значимых объемах выборки проследить корреляции между последующей карьерой и бэкграундом человека, его связи с организациями, людьми (в патронатную сеть которых мог входить человек) или видами деятельности, которые оказали влияние на последующее развитие человека и его достижение элитного статуса.

Реперными точками для секвенционного анализа в данном случае являлись: 1) вход в систему политической власти (далее «вход в Систему») и 2) вход в политическую элиту (что, согласно позиционному подходу, соответствовало занятию высших государственных должностей, которые обычно описываются понятием «истеблишмент»).

Мы обнаружили, что некоторые фрагменты биографических кластеров имели флуктуации, встречаясь значительно чаще других, что позволило нам сделать вывод о том, что они являлись катализаторами процесса карьерного роста. Например, самым значимым фактором такого рода было членство в партии «Единая Россия». Работа в некоторых государственных ведомствах или госкорпорациях (например, МВД или «Газпром») также играли роль драйверов. Проведя статистический анализ биографий 800 чел. мы составили рейтинг таких кластеров, которые мы назвали «социальными лифтами».

Такой подход позволил выявить роль каждого фактора в формировании потоков вертикальной мобильности индивидов и их продвижении внутри государственной системы управления.

Место «третьего сектора» в рейтинге социальных лифтов для обоих полов

По итогам исследования были определены наиболее активно работающие социальные лифты, которые привели действующих политиков на высокие политические должности: образовательные, профессиональные, партийные и общественные (табл. 1). Самым эффективным для обоих полов оказался партийный канал мобильности, когда активное участие в партийной работе помогало в продвижении (58% политиков обнаружили в своих биографиях этот фрагмент); образовательный – образование в престижных вузах и специализированное управленческое образование в РАНХиГС (45,3%), профессиональный – обладание профессиями, которые востребованы в политике и имеют свои профорганизации (39%). Общественный канал социальной мобильности занимает пока лишь четвертое место (22,6%), но имеет тенденцию к быстрому развитию за последнее десятилетие. В данной статье мы попробовали детально проследить роль «третьего сектора» в процессе формирования политической элиты РФ, в том числе в гендерном разрезе. Мы увидели, что особую роль успех на общественном поприще играет в карьере женщин, которые стали политиками.

Таблица 1 (Table 1)

Эффективные лифты для политической карьеры, %*
Effective elevators for political career, %

Основные лифты	Всего
Всего (n = 800 чел.)	100
Партийный (n = 464)	58
Образовательный (n = 362)	45,3
Профессиональный (n = 312)	39
Общественный (n = 181)	22,6
Другие лифты (n = 159)	19,9

Примечание. *Суммарная доля по всем колонкам больше 100%, так как некоторые политики использовали несколько социальных лифтов.

Источник: разработано и составлено авторами по материалам исследования.

Общественно-политическая деятельность

Наиболее эффективным из лифтов оказался **партийный канал** социальной мобильности. Это означает, что более половины изученных представителей истеблишмента имели членство в какой-либо политической партии. Всего в выборке таких оказалось 464 действующих политика (см. табл. 2). В большей степени этот канал касается представителей электократии (избираемой части политического класса), ведь для победы на выборах любого уровня поддержка партии является важным подспорьем для проведения предвыборной кампании и существенным аргументом для избирателей. Чиновникам, напротив, для работы в органах исполнительной власти не обязательно вступать в политическую партию. Однако, как оказалось, при помощи партийного лифта 24,2% политиков поднялись в органы исполнительной власти.

Таблица 2 (Table 2)

Наиболее эффективные политические каналы в политику для разных полов, %*
The most effective political channels into politics for different genders, %

Политические партии	Мужчины (n=401 чел.)	Женщины (n= 63 чел.)
Поднялись по партийным лифтам (n = 464 чел.)	100	100
<i>В том числе в партиях:</i>		
Единая Россия (n = 338)	72,3	76,2
ЛДПР (n = 80)	17,5	15,9
КПРФ (n = 33)	7,2	6,3
Справедливая Россия (n = 24)	5,7	3,1

Примечание. *Суммарная доля по всем колонкам больше 100%, так как некоторые политики состояли в нескольких политических партиях

Источник: разработано и составлено авторами по материалам исследования.

Основным поставщиком кадров в истеблишмент является партия «Единая Россия». Для женщин членство в «партии власти» является более эффективным лифтом в политике, чем для мужчин. Для женщин, инкорпорировавшихся в бюрократию, членство в ЕР является самым мощным драйвером дальнейшего продвижения: 92% женщин-чиновниц, пришедших на работу в органы исполнительной власти, до этого уже были членами правящей партии. В депутатском корпусе девять из десяти женщин, избранных в Федеральное Собрание, имели партийный билет «Единой России». А вот на региональном уровне большинство женщин, напротив, состоят в других политических партиях, что позволяет утверждать: есть «стеклянный потолок» для ЛДПР, КПРФ, СР, НЛ, чьих ресурсов недостаточно для прохождения на федеральный уровень.

Вторым по значимости партийным лифтом оказалась партия ЛДПР. Для успешной инкорпорации в политическую систему страны членство в партии дает дополнительный шанс политикам обоих полов, увеличивающий возможность карьерного роста. Партия, как правило, приводила женщин в региональные парламенты, но не так эффективно, как мужчин.

Остальные парламентские и непарламентские партийные объединения либо серьезно уступают в эффективности первым двум партиям, либо не функционировали как эффективные каналы социальной мобильности на момент проведения анализа.

Роль НКО в политической карьере

Из 800 изученных нами политиков 181 из них (22,6%) использовали общественный канал восходящей мобильности, то есть имели опыт работы в общественных палатах, организациях, фондах, ассоциациях или профсоюзах. Из них большая часть оказалась на федеральном уровне власти, в два раза чаще этим каналом пользуются представители законодательной ветви власти. Таким образом, эффективность общественных лифтов выше всего на верхнем уровне законодательной ветви власти. Участие в общественных объединениях помогает депутатам повышать электоральный потенциал, наращивать социальный капитал и, как следствие, избираться в парламенты.

Таблица 3 (Table 3)

Общественные организации-лифты в гендерном разрезе, %*
Public organizations-lifts in gender breakdown, %

Организации лифты	Всего (n = 181)	Мужчины (n = 155)	Женщины (n = 26)
Поднялись по общественным лифтам (n = 181 чел.)	100	100	100
<i>В том числе в организациях:</i>			
Общероссийский народный фронт	12,7	11,0	23,1
Общественные палаты	7,2	7,1	11,5
Молодежные парламенты	4,9	5,5	3,8
«Молодая гвардия» ЕР	4,4	4,5	3,8

Примечание. *Суммарная доля по всем колонкам не равна 100%, так как рассматриваются только общественные организации с наибольшими показателями.

Источник: разработано и составлено авторами по материалам исследования.

Рассмотрим подробнее (табл. 3) общественные организации, которые лидируют по количеству политиков, успешно инкорпорированных во власть. Наиболее эффективным общественным лифтом по нашим данным стало общероссийское движение народный фронт «За Россию» (ОНФ) – 12,7%, причем для женщин он действует в два раза эффективнее, чем для мужчин. Этот канал ведет, в основном, на федеральный уровень законодательной ветви власти.

Общественные палаты различных уровней являются источником рекрутации кадров в систему управления страной: 7,2% изученных политиков были членами палат региональных субъектов либо Общественной палаты РФ. В гендерном плане для женщин этот канал более эффективен, чем для мужчин, однако ведет на более низкие уровни власти, чем предыду-

щий. Кроме того, в рейтинг попали два крупных общественных института, созданных для молодежи и имеющих отделения в регионах страны. Это молодежные парламенты при представительных органах государственной власти, а также Всероссийская общественная организация «Молодая гвардия “Единой России”» – некоммерческая организация, созданная для вовлечения молодежи в процессы построения демократического, социально справедливого общества и защиты ее интересов¹. В целом, около 10% политиков имели опыт работы в этих общественных институтах, в гендерном разрезе для мужчин они немного более эффективны в качестве каналов вертикальной мобильности. Таким образом, подтверждается вывод Ю. М. Головки о том, что имеет место встраивание в политическую систему молодежных общественных организаций, которые функционируют как общественные лифты для активной молодежи.

Кроме того, нами выявлены крупные организации, объединяющие бизнес-сообщества, которые помогают строить политическую карьеру своим членам. Общероссийская общественная организация малого и среднего предпринимательства «Опора России» декларирует такие задачи, как правовая защита, привлечение финансирования, получение государственной поддержки, налаживание деловых контактов внутри предпринимательского сообщества². В общей выборке изученных политиков, которые использовали общественный канал мобильности для продвижения во властные структуры доля членов данной организации составила 2,6%. Сравнима с ней по эффективности инкорпорации рассмотренная выше общероссийская общественная организация «Деловая Россия». Однако, обе структуры лоббировали в политику лишь мужчин.

С меньшей долей присутствия были выявлены победители конкурса «Лидеры России», организатором выступает АНО «Россия – страна возможностей»³. Действительно, как уже было выявлено в исследованиях, конкурс расширяет социальные источники, кооптируемые в органы власти, путем инкорпорации в политическую систему людей, имеющих обширный профессиональный опыт в частном бизнесе, общественных организациях, научных и образовательных учреждениях [13, с. 305].

Наиболее эффективными общественными каналами оказались организации различных видов, однако, лидируют среди них те, которые созданы государством (система общественных палат, в т. ч. молодежных) либо имеют государственную поддержку (ОНФ). Также отличительной особенностью всех институтов в представленном рейтинге является «сетевой» характер структуры – все они имеют разветвленную сеть отделений в большинстве регионов страны. Это позволяет им накапливать социальный капитал и создавать каналы мобильности внутри организации, играющие роль социальных сит.

¹ См.: <https://mger.ru/gvardiya/> (дата обращения: 04.12.2024).

² См.: <http://opora.ru/about/> (дата обращения: 04.12.2024).

³ О создании автономной некоммерческой организации «Россия – страна возможностей» [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 22.05.2018 № 251. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71848106/> (дата обращения: 25.02.2023).

Типы общественных лифтов

Для того, чтобы понять, какие организации являются эффективными лифтами, мы сгруппировали их по различным типам: профессиональные, молодежные, спортивные, благотворительные, предпринимательские и т. д. (табл. 4)

Таблица 4 (Table 4)

Эффективность общественных лифтов по типам, %
Efficiency of public elevators by type, %

Типы организации	Всего (n = 181)	Мужчины (n = 155)	Женщины (n = 26)
Поднялись по общественным лифтам (n = 181 чел.)	100	100	100
<i>В том числе в типах организаций:</i>			
Профессиональные	20,4	19,3	26,9
Спортивные	17,1	18,1	11,5
Молодежные	11,6	12,9	3,8
Бизнес	7,2	8,4	0
Социальные	5	3,2	15,4

Примечание. *Суммарная доля по всем колонкам больше 100%, так как в этой таблице рассматриваются лишь некоторые виды общественных организаций-поставщиков кадров в элиту. Некоторые политики числились сразу в нескольких общественных организациях-лифтах политической карьеры.

Источник: разработано и составлено авторами по материалам исследования.

Профессиональные ассоциации

Профессиональные НКО, в которые вошли профсоюзы и организации, представляющие интересы обладателей определенных профессий, оказались наиболее эффективным типом каналов социальной мобильности. Они помогли совершить вертикальный рывок в сферу политики 20,4% своих участников, среди которых наиболее заметными являются организации, представляющие юридическое сообщество, действующие в основном на региональном уровне. Именно посредством такого типа организации продвигается больше женщин (26,9%), в основном в законодательную ветвь власти. Исключение составили сообщества юридического профиля, которые явились лифтом на региональный уровень исполнительной власти. Нашли отражение в этой таблице и молодежные организации, самые эффективные из которых мы рассмотрели выше. Этим каналом пользуются больше активисты мужского пола. Заметную роль играют некоммерческие объединения спортивного профиля, которые помогли продвинуться 17,1% спортсменов во все ветви власти и на все ее уровни. Среди них преобладают мужчины (18,1%), тем не менее 11,5% женщин из выборки, связанных со спортом, также смогли построить карьеру в политике.

Общественные организации социальной направленности, работающие в сфере образования, помогающие инвалидам, занимающиеся поддержкой семей, развитием благотворительности, стали общественным лифтом для 5% действующих политиков. Наиболее успешно продвигаются посредством этого типа каналов женщины (15,3%), именно для них социальные лифты стали вторыми по эффективности продвижения.

Таким образом, активная общественная работа в профессиональных сообществах, а также в некоммерческих организациях, занимающихся социально направленной и благотворительной деятельностью, помогает женщинам успешно кооптироваться в систему государственного управления.

Заключение

«Третий сектор» играет все более заметную роль в развитии российского общества, возрастает его влияние на политическую сферу в России. Этому способствует комплексная институциональная, правовая и бюджетная поддержка со стороны государства.

Наиболее эффективными источниками кадров для политической системы являются всероссийские организации, имеющие разветвленную сеть отделений по всей стране, которая позволяет им накапливать социальный и административный капиталы и успешно инкорпорировать своих представителей в органы управления.

Мощными каналами вертикальной мобильности является политическая партия «Единая Россия», которые в соответствии с теорией М. Дюверже о так называемых «кадровых партиях», объединяет влиятельных персон, имеющих большой административный ресурс [7]. В отличие от других представителей «третьего сектора», политические партии наращивают свое влияние в политике, стремятся к достижению парламентского большинства.

Предпринимательские круги, посредством своих НКО и бизнес-ассоциаций, довольно успешно используют их для делегирования своих членов в различные структуры власти, но эта сфера остается преимущественно мужской. То же можно сказать и о профессиональных лифтах, наиболее эффективно работающих для мужчин.

Наше исследование показало, что именно карьера в «третьем секторе» стала для женщин новым импульсом для прихода в политику. Такие крупные общественные институты как общественные палаты и ОНФ «За Россию» эффективно продвигают женщин на верхние этажи власти. Помогают им продвигаться и сообщества, занимающиеся благотворительностью и социальной работой – традиционными сферами женской активности. Изучая депутатский корпус Центрального федерального округа РФ, Н. Н. Козлова также отмечала, что для избрания в региональный парламент женщины-депутаты опирались на партийную карьеру и общественный активизм в организациях патриотического и социально-благотворитель-

ного характера. А вот специфически женские организации как политический ресурс практически не используются [11]. В нашем исследовании партийный лифт оказался для женщин даже более эффективным способом попасть в политику, чем для мужчин, женщины увереннее используют этот канал для своего продвижения, причем на все уровни и ветви власти.

Безусловно, сложно делать однозначные выводы на основании данных о политиках, успешно занявших высокие позиции в политических институтах, не обладая данными о количестве претендентов, изначально стремившихся попасть в систему управления. Для этого необходимо провести дополнительные исследования (и мы надеемся продолжить эту работу в перспективе). Тем не менее, на основании проведенного исследования мы можем заключить, что «третий сектор» дает женщинам дополнительный шанс занять важные государственные посты. Он стал новым источником успешной карьеры для представительниц «слабого пола». Для женщин активность в общественном («гражданском») поле является новым треком, который, возможно, в скором будущем уменьшит гендерную асимметрию, сложившуюся в нашем обществе.

Библиографический список

1. Бородкин Ф. М. Третий сектор в государстве благоденствия // Мир России. Социология. Этнология. 1997. Т. 6. № 2. С. 67–116.
2. Ворожейкина Т. Е. Государство и общество в России и Латинской Америке // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 5–26.
3. Головки Ю. М. Социальные лифты и кадровые особенности формирования молодежной элиты в России // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 8(86). С. 130–134. EDN: VLDJDR.
4. Грегора Е. Я. Роль третьего сектора в современной экономике // Управленческое консультирование. 2008. № 1. С. 127–135. EDN: JXXBZX.
5. Дилигенский Г. Г. Существует ли в России гражданское общество? // Поговорим о гражданском обществе. М.: Ин-т ФОМ, 2001. 18 с.
6. Дука А. В. Социальная дифференциация и рекрутирование элит // Политический класс в современном обществе / Под ред. Гаман-Голутвина О. В. М.: РОССПЭН, 2012. С. 78–107.
7. Дюверже М. Политические партии / Пер. с фр. Л. А. Зиминной. Изд. 4. М.: Академ. Проект, 2007. 540 с.
8. Евстифеев Р. В. Общественные палаты субъектов Российской Федерации в системе управления региона: основные проблемы функционирования и оценки эффективности работы // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 4. С. 87–100. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-8; EDN: YWXKQP.
9. Зеленин А. А. Региональный молодежный парламент как механизм социального лифта в современной российской политике // Вестник Кемеровского госуниверситета. 2012. № 2(50). С. 85–90. EDN: OYQVGN.

10. Калмыкова И. Ю. Формирование социальных лифтов профессионального становления молодежи и роль общественных организаций в достижении эффективного решения проблемы // Ученые записки. 2018. № 2(26). С. 12–16. EDN: XRBBPF.
11. Козлова Н. Н. Депутатский корпус Центрального федерального округа: гендерное измерение // Женщина в российском обществе. 2016. № 4. С. 58–71. DOI: 10.21064/WinRS.2016.4.5; EDN: XDEEIH.
12. Кочкина Е. Политическая система преимуществ для граждан мужского пола в России, 1917–2002 гг. // Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. Н. Степанова, Е. Кочкина. СПб.: Алетейя, 2004. С. 477–523.
13. Лавров И. А., Крыштановская О. В. Социальная мобильность и конкурс «Лидеры России» // Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15. № 2. С. 305. DOI: 10.17072/2218-9173-2023-2-292-310; EDN: EFZRVJ.
14. Лапина Н. Ю., Чирикова А. Е. Женщина во власти в России: карьерный рост и мотивация // Россия и современный мир. 2010. № 1. С. 53–70. EDN: LKABHF.
15. Пантин В. И. Трансформация национально-цивилизационной идентичности современного российского общества: проблемы и перспективы // Поиск национально-цивилизационной идентичности и концепт «особого пути» в российском массовом сознании в контексте модернизации. М.: ИМЭМО РАН, 2004. С. 24–40. EDN: TEVXVL.
16. Петренко К. В. Общественные организации в России // Поле мнений. Дайджест результатов исследований. М., 2001. Вып. 10.
17. Пряжникова О. Н. Третий сектор, социальная экономика, солидарная экономика: подходы к определениям и концептуализации понятий // Экономические и социальные проблемы России. 2022. № 3(51). С. 15–26. DOI: 10.31249/espr/2022.03.01; EDN: PSMLED.
18. Скобелина Н. А. Механизм взаимодействия государства и гражданского общества: Региональный аспект. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Skobelina_RAPN.pdf (дата обращения: 25.11.2023).
19. Смирнов В. А. Бизнес-сообщество как бассейн рекрутирования политической элиты постсоветской Литвы // Сравнительная политика. 2013. Т. 4. № 3. С. 119–127. EDN: RTZSMX.
20. Сорокин П. А. Социальная мобильность М.: Academia, 2005. 194 с.
21. Тарасенко А. В. Концепты третьего сектора и гражданского общества в контексте теорий демократии, управления и экономического развития: Препринт М-36/14. СПб.: ЕУ в СПб., 2014. 32 с.
22. Тев Д. Б. Бизнес как источник рекрутирования федеральной административной и политической элиты России // Власть и элиты / Гл. ред. А. В. Дука. Т. 5. СПб.: Интерсоцис, 2018. С. 54–86. DOI: 10.31119/re.2018.5.3; EDN: VRGOYT.

23. Черкесс К. А. Роль молодежных НКО в формировании и развитии социальных лифтов в современной России // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2020. № 11. С. 45–50. DOI: 10.24158/spp.2020.11.8; EDN: NLMQEN.

24. Шепелева Ю. Л. Политическое лидерство в современном российском обществе: гендерное измерение // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2016. № 3. С. 240–245. EDN: WTPUQR.

25. Юшин М. Молодежный парламентаризм и формирование гражданской идентичности // *Обозреватель*. 2007. №. 7. С. 26–35. EDN: KZPXTR.

26. Якобсон Л. И., Санович С. В. Смена моделей российского третьего сектора: фаза импортозамещения // *Общественные науки и современность*. 2009. № 4. С. 21–34. EDN: KNHDZL.

27. Coston J. A Model and Typology of Government-NGO Relations // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 1998. Vol. 27. No. 3. P. 358–382.

28. Caysey J. Comparing Nonprofit Sectors Around the World. What Do We Know and How Do We Know It? // *Journal of Nonprofit Education and Leadership*. 2016. Vol. 6. No. 3. P. 187–223. DOI: 10.18666/JNEL-2016-V6-I3-7583.

29. Conditions of Liberty: Civil Society and its Rivals, Gellner Ernest. London; Toronto: Hamish Hamilton/Penguin, 1994. 225 p. DOI: 10.1017/S0829320100004774.

30. Levitt T. The third sector: New tactics for a responsive society. N. Y.: AMACOM, 1973.

31. Gidron B. Third Sector // *International Encyclopedia of Civil Society* / Ed. by H. K. Anheier, S. Toepler. 1st ed. N. Y.: Springer, 2010. P. 1151.

32. Salamon L. M., Anheier H. K. Social Origins of Civil Society: Explaining the Non-profit Sector Cross-nationally // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 1998. Vol. 9. No. 3. P. 213–248. DOI: 10.1023/A:1022058200985.

33. Salamon L. M., Sokolowski S. W., Haddock M. A. Explaining civil society development: A social origins approach, 2017. P. 1–321. EDN: XOILJO.

Статья поступила 18.04.2024

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бальбот Надежда Александровна, аналитик Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр»

Крыштановская Ольга Викторовна, доктор социологических наук, профессор, директор Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр»

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.6

The role of the “Third Sector” in the Political Careers of Men and Women in Russia

Nadezhda A. Balbot

RSUH, Moscow, Russia

4454508@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4157-1921

Olga V. Kryshtanovskaya

RSUH, Moscow, Russia

olgakrysht@ya.ru

ORCID: 0000-0001-5278-0940

For citation: Balbot N. A., Kryshtanovskaya O. V. The Role of the “Third Sector” in the Political Careers of Men and Women in Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 133–154. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.6; EDN: TOBZTK.

Abstract. Gender asymmetry in the distribution within Russian politics suggests the presence of a “glass ceiling” that does not allow women to fully realise their potential. The article is devoted to the assessment of socio-political activity as social capital that helps women to co-opt into the state governance system and overcome internal restrictions. In world practice, public non-governmental non-profit organisations have come to be viewed as a special segment of the economy – the “third sector”. It plays an increasingly significant role in the development of civil society and influences the political sphere in Russia. The purpose of the study was to assess the third sector as a pool of recruitment to power. Using the method of retrospective biographical analysis of eight hundred successful acting politicians and managers of both sexes, an analysis of their incorporation into the state system was carried out, gender differences between political trajectories were identified. The most effective in structure were all-Russian public organisations with an extensive network of branches throughout the country, which allows them to accumulate social and administrative resources and successfully incorporate their representatives into government bodies. The party lift functions successfully for both sexes. The analysis allows us to conclude that the third sector is a pool of recruitment into the country’s political system; vertical mobility has a number of gender differences. For women, the social capital that allows for vertical mobility is a party career, experience in the system of public chambers, participation in the People’s Front “For Russia” movement, as well as in professional and charitable NGOs. For them, activity in the public field is an effective way to build a political trajectory to any level of the power pyramid. The business community, through non-profit associations, tries not only to be useful to the state, but also quite successfully uses them to incorporate its members into various branches of government, but this lift operates mainly for men.

Keywords: third sector, non-profit organizations, politics, gender, social elevators, vertical mobility, recruitment pool, biographical analysis

References

1. Borodkin F. M. Tretij sektor v gosudarstve blagodenstvija [The third sector in the welfare State]. *Mir Rossii. Sociologiya, Etnologiya*, 1997: 6(2): 67–116 (in Russ.).
2. Vorozhejkina T. E. Gosudarstvo i obshhestvo v Rossii i Latinskoj Amerike [State and society in Russia and Latin America]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 2001: 6: 22 (in Russ.).
3. Golovko Ju. M. Social elevators and personnel features of the formation of the youth elite in Russia. *Etnosocium i mezhnacional'naja kul'tura*, 2015: 8(86): 130–134 (in Russ.). EDN: VLDJDR.
4. Gregova E. Ja. Rol' tret'ego sektora v sovremennoj jekonomike [The role of the third sector in the modern economy]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2008: 1: 127–135 (in Russ.). EDN: JXXBZX.
5. Diligenskij G. G. Sushhestvuet li v Rossii grazhdanskoe obshhestvo? [Is there a civil society in Russia?]. In *Pogovorim o grazhdanskom obshhestve* [Let's talk about civil society]. Moscow, In-t FOM, 2001: 18 (in Russ.).
6. Duka A. V. Social'naja differenciacija i rekrutirovanie jelit [Social differentiation and elite recruitment]. *Politicheskij klass v sovremenom obshhestve* [The political class in modern society]. Ed. by Gaman-Golutvina O. V. Moscow, ROSSPAN, 2012: 78–107 (in Russ.).

7. Duverger M. Politicheskie partii [Political parties]. Transl. from Fr. by L. A. Zimina. Moscow, Academ. Proekt, 2007: 540 (in Russ.).
8. Evstifeev R. V. Public Chambers of the Subjects of the Russian Federation in the Regional System of Government: The Main Problems of Functioning and Evaluation of the Efficiency of Work. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologija i upravlenie*, 2018: 4: 4: 87–100 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-8; EDN: YWXXQP.
9. Zelenin A. A. Regional'nyj molodezhnyj parlament kak mehanizm social'nogo lifta v sovremennoj rossijskoj politike [Local youth parliament as means of social mobility in modern russian politics]. *Vestnik Kemerovskogo gosun-ta*, 2012: 2(50): 85–90 (in Russ.). EDN: OYQVGN.
10. Kalmykova I. Ju. The formation of social elevators for the professional development of youth and the role of public organizations in achieving an effective solution to the problem. *Uchenye zapiski*, 2018: 2(26): 12–16 (in Russ.). EDN: XRBBPF.
11. Kozlova N. N. Deputy corps of the Central Federal District: gender dimension. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*, 2016: 4: 58–71 (in Russ.). DOI: 10.21064/WinRS.2016.4.5; EDN: XDEEIH.
12. Kochkina E. The political system of advantages for male citizens in Russia, 1917-2002. In Gender reconstruction of political systems. Ed. by N. Stepanova, E. Kochkina. St. Petersburg, Aleteya, 2004: 477–523 (in Russ.).
13. Lavrov I. A., Kryshstanovskaya O. V. Social mobility and the “Leaders of Russia” competition. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravlenija)*, 2023: 15(2): 292–310 (in Russ.). DOI: 10.17072/2218-9173-2023-2-292-310; EDN: EFZRVJ.
14. Lapina N. Ju., Chirikova A. E. Zhenshhina vo vlasti v Rossii: kar'ernyj rost i motivacija [A woman in power in Russia: career growth and motivation]. *Rossiya i sovremennyy mir*, 2010: 1: 53–70 (in Russ.). EDN: LKABHF.
15. Pantin V. I. Transformacija nacional'no-civilizacionnoj identichnosti so-vremennogo rossijskogo obshhestva: problemy i perspektivy [Transformation of the national and civilizational identity of modern Russian society: problems and prospects]. In Poisk nacio-nal'no-civilizacionnoj identichnosti i koncept “osobogo puti” v rossijskom massovom soznanii v kontekste modernizacii [Search for national-civilizational identity and the concept of “special way” in the Russian mass consciousness in the context of modernization]. Moscow, IMEMO RAN, 2004: 24–40 (in Russ.). EDN: TEVXVL.
16. Petrenko K. V. Obshhestvennye organizacii v Rossii [Public organizations in Russia]. In Pole mnenij. Dajdzhest rezul'tatov issledovanij [Field of Opinion. Digest of research results]. Moscow, 2001: 10 (in Russ.).
17. Prjazhnikova O. N. Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences. *Ekonomicheskie i social'nye problemy Rossii*, 2022: 3(51): 15–36 (in Russ.). DOI: 10.31249/espr/2022.03.01; EDN: PSMLED.
18. Skobelina N. A. Mehanizm vzaimodejstvija gosudarstva i grazhdanskogo obshhestva: Regional'nyj aspekt [Mechanism of interaction between the state and civil society: Regional aspect]. Accessed 10.11.2023. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Skobelina_RAPN.pdf (in Russ.).
19. Smirnov V. A. Biznes-soobshhestvo kak bassejn rekrutirovanija politicheskoj elity postsovetskoj Litvy [Business community as a recruitment pool for the political elite of post-Soviet Lithuania]. *Sravnitel'naja politika*, 2013: 3(13): 119–127 (in Russ.). EDN: RTZSMX.
20. Sorokin P. A. Social'naja mobil'nost' [Social mobility]. Moscow, Academia, 2005: 194 (in Russ.).
21. Tarasenko A. V. Concepts of the third sector and civil society in the context of theories of democracy, governance and economic development: Preprint M-36/14. St. Peterburg, EU v SPb., 2014: 32 (in Russ.).
22. Tev D. B. Business as a source of recruitment of the federal administrative and political elite of Russia. In Power and elites. Vol. 5. Ed. by A. V. Duka. St. Petersburg, Intersocis, 2018: 54–86 (in Russ.). DOI: 10.31119/pe.2018.5.3; EDN: VRGOYT.
23. Cherkess K. A. The role of youth non-profit organizations in the formation and development of social elevators in modern Russia. *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika*, 2020: 11: 45–50 (in Russ.). DOI: 10.24158/spp.2020.11.8; EDN: NLMQEN.
24. Shepeleva Ju. L. Political leadership in the modern Russian society: the gender dimension. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*, 2016: 3: 240–245 (in Russ.). EDN: WTPUQR.

25. Jushin M. Molodezhnyj parlamentarizm i formirovanie grazhdanskoj identich-nosti [Youth parliamentarism and the formation of civic identity]. *Obozrevatel'*, 2007: 7: 26–35 (in Russ.). EDN: KZPXTR.
26. Jakobson L. I., Sanovich S. V. Smena modelej rossijskogo tret'ego sektora: faza importozameshhenija [Changing models of the Russian third sector: the phase of import substitution]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 2009: 4: 21–34 (in Russ.). EDN: KNHDZL.
27. Coston J. A Model and Typology of Government-NGO Relations. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 1998: 27: 3: 358–382.
28. Caysey J. Comparing Nonprofit Sectors Around the World. What Do We Know and How Do We Know It? *Journal of Nonprofit Education and Leadership*, 2016: 6: 3: 187–223. DOI: 10.18666/JNEL-2016-V6-I3-7583.
29. Conditions of Liberty: Civil Society and its Rivals, Gellner Ernest, London; Toronto: Hamish Hamilton/Penguin, 1994: 225. DOI: 10.1017/S0829320100004774.
30. Levitt T. The third sector: New tactics for a responsive society. New York: AMACOM, 1973.
31. Gidron B. Third Sector. In International Encyclopedia of Civil Society. Ed. by H. K. Anheier, S. Toepler. 1st ed. New York: Springer, 2010: 1151.
32. Salamon L. M., Anheier H. K. Social Origins of Civil Society: Explaining the Non-profit Sector Cross-nationally. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 1998: 9: 3. DOI: 10.1023/A:1022058200985.
33. Salamon L. M., Sokolowski S. W., Haddock M. A. Explaining civil society development: A social origins approach, 2017: 1–321. EDN: XOILJO.

The article was submitted on: April 18, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda A. Balbot, Analyst of the Scientific Center for Digital Sociology “Yadov Center”
Olga V. Kryshtanovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Scientific Center for Digital Sociology “Yadov Center”

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.8

EDN: RYCUUI

Восприятие гражданами исторической справедливости в современном социокультурном и политическом контекстах¹

Ссылка для цитирования: Волков Ю. Г. Восприятие гражданами исторической справедливости в современном социокультурном и политическом контекстах // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 155–170. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.8; EDN: RYCUUI.

For citation: Volkov Yu. G. Citizens' Perception of Historical Justice in the Modern Socio-Cultural and Political Contexts. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 155–170. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.8; EDN: RYCUUI.

Волков Юрий Григорьевич¹

¹Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

ugvolkov@sfedu.ru

SPIN-код: 2964-1867

Аннотация. Российское общество сталкивается сегодня с необходимостью переосмысления реальности, в которой оно оказалось, в том числе в связи с воссоединением с новыми территориями на юге страны, трансформацией всей системы национальной и международной безопасности, конструированием новых смыслов и интерпретаций социальных и политических процессов. Изменения в сфере социально-политических, международных и экономических отношений происходят на фоне процессов формирования мобилизационного типа государственного развития, требующего разработки новых ценностных образцов и адаптационных стратегий поведения населения. В таких условиях историческая справедливость, определяя логику интерпретации происходящих в российском обществе событий и процессов, выступает «демаркационной» линией в массовом сознании и поведении населения страны. Определение специфики восприятия гражданами исторической справедливости может выступать основанием согласования общественных интересов и создания идеологической системы координат, необходимой обществу в условиях кризиса и ценностных противоречий.

¹ Статья написана по Программе фундаментальных и прикладных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», госзадание Минобрнауки РФ «Государственно-гражданская интеграция российского поликультурного общества и адаптационные практики населения в условиях новой территориальности и национальной политики восстановления исторической справедливости» FENW-2023-0061 (внутренний номер ГЗ0110/23-14-РГ).

Цель исследования – рассмотреть историческую справедливость как фактор гражданской интеграции российского постсоветского поликультурного общества в условиях социокультурных вызовов. Методологическая база исследования выстроена на основе теорий естественной и исторической справедливости. Также в рамках данного исследования были применены следующие подходы: конструктивистский и рискологический.

В рамках данной публикации, в качестве основополагающих блоков, рассмотрено: историческая справедливость как направление социальной политики государства; этнокультурное взаимодействие в поликультурном пространстве российского постсоветского общества; роль исторической справедливости в интеграции российского постсоветского поликультурного общества в условиях социокультурных вызовов.

В результате анализа представленных блоков автор приходит к выводу о необходимости реализации в современном российском обществе особой государственной политики, направленной на конструирование и усиление гражданской интеграции российского поликультурного общества на основе интегрирующих нарративов. В основе таких нарративов должна быть положена концепция преемственности отечественной истории, и они должны разворачиваться только на принципах культуры социально-политического и научного диалога.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим исследованием существующих факторов гражданской интеграции российского общества, обращенных к культивированию ценностей гуманистического мировосприятия российского постсоветского поликультурного общества в условиях новых социокультурных вызовов.

Ключевые слова: российское общество, историческая память, историческая справедливость, гражданская интеграция, поликультурность, поликультурное общество, постсоветское общество, риск, социокультурные вызовы

Введение

Социально-политические изменения, происходившие в жизни российского социума начиная с конца XX в., кризис в международных отношениях, проведение специальной военной операции, санкционный режим в отношении российского общества и государства, оказывают существенное влияние на формирование общественного сознания населения России.

Сегодня российское общество продолжает существовать в поле различных глобальных рисков, в том числе, связанных с угрозами национальному суверенитету, формированием собственной модели развития, решением внутренних проблем, связанных с воспроизводством элит и эффективных управленческих практик. Масштабные «изменения – от реформирования и модернизации до системных трансформаций», наносят обществу ущерб в виде различного рода потерь, а также сопровождаются для людей всевозможными ограничительными мерами и неудобствами [16, с. 61].

Имеющаяся рискогенная среда и международные угрозы нарушают внутреннюю целостность социума, дестабилизируют общественные процессы, что порождает у населения постсоветской России различные страхи, а также обостряет социальную тревожность среди граждан

страны [4; 5]. Существующие угрозы вызывают надлом единого социокультурного пространства, что для такой поликультурной страны, как Россия, весьма небезопасно [12].

Происходящие социально-политические процессы ставят на общественную повестку дня такие вопросы, как поиск точек опоры для стабилизации общественных процессов и дальнейшего развития общества при сохранении единства социокультурного пространства страны.

Для того чтобы осуществить поиск точек опоры, способствующих стабилизации социальных отношений и поддержания целостности общества, государственные органы и научные коллективы прибегают к рассмотрению различных консолидирующих факторов, куда можно отнести доверие, историческую память и историческую справедливость. Обозначенные факторы консолидации позволяют российскому обществу солидаризироваться и показывают степень удовлетворенности населения тем, что происходит в современном обществе [25].

Современный российский постсоветский поликультурный социум выдвигает приоритетную проблему возрождения исторической памяти, а также отстаивания исторической справедливости как фактора гражданской интеграции в обществе, полном современных рисков, социокультурных вызовов и угроз в различных сферах социальной жизнедеятельности.

Теоретико-методологические основания исследования

Говоря о разработке теоретико-методологических ориентиров исследования исторической справедливости в современном российском обществе, невозможно не упомянуть классика отечественной социологии – А. Г. Здравомыслова: «...свершившееся социальное действие становится необратимым историческим фактом, который должен быть принят сознанием именно в таком качестве, как факт и факт необратимый. Это признание предполагает анализ всей цепи целей и средств их достижения, успехов и неудач, побед и поражений не с целью повернуть историю вспять, а имея в виду задачу выработки адекватной оценки ситуации, сложившейся в настоящий момент, и оценки перспектив будущих социальных действий»¹.

Сегодня очень актуальными являются научно-исследовательские проекты, посвященные изучению рискогенной среды. Исследовательские коллективы изучают особенности глобальных рисков как социально-психологического феномена [19], а также проводят анализ отношения российского населения к данному феномену [20]. Сотрудники сектора риска и катастроф Института социологии ФНИСЦ РАН² на основе динамического подхода изучают феномен риска, анализируют факторы, ока-

¹ Здравомыслов А. Г. Поле социологии в современном мире. М.: Логос, 2010. С. 331. EDN: RAZQYH.

² Центр исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=653&dep=91/ (дата обращения: 04.12.2024).

зывающие существенное влияние на отношение социальных субъектов к допустимости той или иной угрозы. А. В. Мозговая в рамках своих исследовательских работ осуществляет изучение факторов, детерминирующих распознавание угроз, а также определяет то, как можно к этим угрозам адаптироваться [16].

Социальная турбулентность российского общества побуждает научно-исследовательские коллективы к исследованию тем, связанных с консолидацией российского общества [4; 5], исторической [28] и коллективной [1] памятью.

Мир существенно меняется – общество также трансформируется, приспособливается к тому, что происходит в социальной среде. Например, активное применение информационных технологий и цифровизация общества влияет на восприятие прошлого среди граждан [1, с. 114].

Для нашего исследования также представляют интерес и те труды, которые обращены к поликультурному пространству постсоветского российского общества с применением принципа поликультурности, включающего этническую составляющую, этнокультурное взаимодействие, культурную самобытность, гражданскую интеграцию и адаптацию к условиям жизнедеятельности в поликультурном обществе. Осуществляя поиск ресурсов консолидации российского общества, исследователи обращаются к изучению поликультурной среды государства: межгрупповое доверие русских в поликультурных регионах России [8], гармонизация межэтнических отношений на Юге России [6]; социальная справедливость в области межэтнических отношений [3]; индикаторы адаптации и гражданской интеграции мигрантов [17].

Методологическая характеристика гражданской интеграции по своей сути носит дуалистический характер и имеет две стороны: объективную и субъективную. Объективная сторона связана с принципом функционально-нормативной целостности: здесь активно продвигается идея усиления интеграционного единства, что позволяет гражданам российского постсоветского поликультурного социума объединяться. Субъективная сторона базируется на этнокультурном взаимодействии субъектов, куда можно отнести сосуществование, взаимность, сближение, сплочение, солидарность. Консолидация поликультурного общества возможна при «совпадении ее объективной и субъективной составляющей» [18].

Как мы видим, проблемы, связанные с адаптацией российского общества к современным социокультурным вызовам и угрозам на постсоветском пространстве, являются весьма актуальными вопросами как для самого российского общества, которое стремится поддержать единство социокультурного пространства, так и для научного сообщества, пытающегося найти в этой ситуации точки опоры.

Детальный анализ современных угроз позволяет провести анализ различных сторон данной проблемы, а также выявить механизмы, позволяющие сплачивать, консолидировать общество, гармонизировать межлич-

ностные отношения. В качестве таких механизмов может стать воссоздание материальной и духовно-нравственной культуры советской эпохи России, т. е. восстановление исторической справедливости.

По мнению С. И. Посохова, категорию «историческая справедливость» относят «к числу тех, которые фигурируют в рамках социально ориентированной истории, которые обслуживают массовое историческое сознание» [22].

При рассмотрении данного вопроса стоит опираться на теорию естественной и исторической справедливости [7], теорию конструктивизма, которая позволяет проанализировать представления населения о ценностных основаниях исторической справедливости.

Посредством языка и культурных систем люди разделяют и связывают, комбинируют и структурируют для себя определенным образом объекты мира и собственные переживания. Конструируя современный мир, человек сталкивается с современными угрозами, поэтому целесообразно при анализе опираться на рискологическую теорию, позволяющую распознать, анализировать имеющуюся угрозу, а также найти стратегии ее преодоления.

Историческая справедливость как направление социальной политики государства

Вопросы консолидации граждан обладают высокой социальной значимостью для благополучного развития общества, в связи с чем государство постоянно ведет поиск ресурсов, помогающих объединить население страны.

К одним из таких ресурсов, на наш взгляд, относится историческая память, которая является важным инструментом конструирования в сознании населения позитивной гражданской идентичности, а также государственного строительства в целом [14].

Историческая память соизмеряется и связывается с исторической справедливостью, которая представляет собой определенным образом сконцентрированное, направленное сознание и ретроспективный взор в сторону волнующих и значимых исторических событий о прошлом в близкой взаимосвязи с наличествующим настоящим и будущим на перспективу в соотношении с принятием данных событий. Согласно социологическим исследованиям, проведенным в 2022 г. группой ученых ФНИСЦ РАН, большая часть населения России считает, что то, как люди будут трактовать прошлое, повлияет и на их будущее, что естественным образом отражается на геополитических процессах [13, с. 78].

Как было сказано выше, историческая память и историческая справедливость соотносятся между собой, так как сохраненная, вплоть до увековечивания, память о прошлом выражается в понимании и переживании чувства исторической справедливости и стремлении ее восстановить.

Устремление восстановить и зафиксировать историческую справедливость, в свою очередь, выражается в отношении российского поликультурного общества к пересмотру истории и исторических фактов, событий.

В обществе идея справедливости может проявляться как: общий нравственный принцип, определяющий социально одобряемый характер поведения; правовая норма, которая закреплена в законах; практика реализации этих принципов и норм в общественной жизни. Справедливость как нравственный принцип и правовая норма является основой социально ожидаемого поведения и выступает способом формирования социального пространства.

В условиях поликультурного общества реализация принципа справедливости означает обеспечение и признание равенства гражданских прав этнических общностей как представителей многонационального русского народа. Этот вектор национальной политики предполагает, во-первых, конструирование российской нации, то есть усиления среди населения именно гражданской идентичности, во-вторых, минимизацию этнических конфликтов и, в-третьих, обеспечение межэтнического согласия.

Выступая основой социально ожидаемого поведения и взаимного доверия, справедливость обосновывает неравенство, в том числе в воспроизводстве исторической памяти этнических групп.

При обращении к понятию «историческая справедливость», чаще всего данное понятие связывают с частными случаями социальной справедливости, где носитель такого вида справедливости коллективен. Например, по мнению А. А. Шевченко, историческая справедливость представляет собой осуществление поиска мер, которые бы могли отрегулировать то или иное событие, произошедшее в прошлом нарушение норм справедливости, например, применение со стороны государственных деятелей «права сильного» относительно индивида или группы людей [30]. Несомненно, историческая справедливость связана, в том числе, и с сильными эмоциональными переживаниями тех, чьи права непосредственно были нарушены, или их потомков. Но она также основана и на установленных и подтвержденных фактах такого нарушения, что позволяет рассматривать ее в качестве объективной социологической категории.

Осенью 2023 г. членами научного коллектива в рамках реализации проекта «Государственно-гражданская интеграция российского поликультурного общества и адаптационные практики населения в условиях новой территориальности и национальной политики восстановления исторической справедливости» в Республике Крым было проведено фокус-групповое исследование, в рамках которого поднимались вопросы, связанные с формированием государственно-гражданской идентичности, исторической справедливости, острыми социальными проблемами современной российской действительности и проблемами адаптации к ней жителей страны, в том числе только недавно получивших статус гражданина РФ. Так, например, ключевыми вопросами стали вопросы, в ходе которых уточнялось мнение жителей Крыма в отношении решения российского государства о присо-

единении новых территорий – было ли оно исторически справедливым? Ответы респондентов, вне зависимости от места проживания, позволили «констатировать, что это событие расценивается как справедливое» [9; 2].

Тематика восстановления исторической справедливости поднимается и региональных средствах массовой информации, в том числе в СМИ Ростовской области и Республики Крым.

Тема восстановления исторической справедливости поднималась в региональных СМИ Ростовской области (3,9%) и федеральных СМИ (0,6%). Апелляция к теме исторической памяти зафиксирована в СМИ федерального уровня и региональных СМИ (6,8%), Ростовской области (1,6%) и Республики Крым (0,9%). Выявленная авторами упоминаемость темы исторической справедливости отражена в таблице 1.

Таблица 1 (Table 1)

Апелляция к исторической памяти в отобранных сообщениях,
в зависимости от региональной принадлежности, %
*Appeal to historical memory in the selected messages,
depending on regional affiliation, %*

Апелляция к исторической памяти	Уровневая принадлежность СМИ				
	Федеральный	1 год в составе РФ (ЛДНР)	10 лет в составе РФ (РК)	Старый регион (РО)	Всего
Наличивается	6,8	0	0,9	1,6	3,7
Отсутствует	93,2	100	99,1	98,4	96,3
Всего	100	100	100	100	100

В качестве общих интересов, декларируемых в публичном дискурсе руководителей федерального и регионального уровня с позиции интеграции российского общества, являются «единство разделенного народа» (50%), «обеспечение безопасности и достижение мира» (31,6%), адаптация новых регионов (24,6%), а также восстановление исторической справедливости (15,8%).

В отношении восстановления исторической справедливости Президент РФ сказал: «... нет ничего сильнее решимости миллионов людей, которые по своей культуре, вере, традициям, языку считают себя частью России, чьи предки на протяжении веков жили в едином государстве. Нет ничего сильнее решимости этих людей вернуться в свое подлинное, историческое Отечество»¹. Уместным представляется привести высказывания в СМИ главы ДНР Д. В. Пушилина и главы ЛНР Л. И. Пасечника по вопросу восстановления исторической справедливости. Так, в частности, Д. В. Пушилиным было сказано: «...про то, что нас объединяет с нашей исторической составляющей – наше стахановское движение, общее для Донбасса. Это про трудовой подвиг, который также нужен нашей стране и который также даст Донбасс

¹ Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/69465> (дата обращения: 04.12.2024).

для всей России»¹. О важности интеграции и восстановления исторической справедливости российского поликультурного общества, в своих выступлениях говорил и Л. И. Пасечник: «Жители Донбасса проделали большой путь домой – на протяжении многих лет отстаивали право на самоопределение, защищали русскую землю, язык, свои дома, семьи». «Объединившись, мы вернулись домой, мы стали частью России»².

Безусловно, что историческая справедливость связана с традиционными культурными ценностями народа. В этой связи в ноябре 2022 года Президентом России был подписан Указ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»³. Традиционные ценности позволяют накапливать культурно-исторический опыт, укреплять суверенитет российского государства, формировать гражданскую идентичность населения. Заметим, что политика восстановления исторической справедливости сопряжена с формированием и преобразованием групповой и национально-государственной идентичностей, что, в свою очередь, является фактором интеграции российского поликультурного общества.

В условиях существующих социокультурных вызовов и угроз очень важна трансляция традиционных ценностей, которая способствует гражданской интеграции российского поликультурного общества.

Этнокультурное взаимодействие в поликультурном пространстве российского общества

Основу поликультурного пространства российского социума составляют географические, социокультурные, экономические, исторические условия формирования и исторической жизни народа.

Поликультурное пространство российского общества, по мнению И. А. Мальковской, означает сосуществование, этнокультурное взаимодействие разнообразных культур, отличающихся друг от друга историческим прошлым, социокультурными интеракциями, языком, религией и т. д., что позволяет говорить об «уплотнении поликультурного пространства в процессе диверсификации и дифференциации культурных различий» в «континууме поликультурности» [15].

¹ «Предмет нашей гордости – наши люди»: Денис Пушилин выступил на дискуссионной площадке партии «Единая Россия». URL: <https://denis-pushilin.ru/news/predmet-nashej-gordosti-nashi-lyudi-denis-pushilin-vystupil-na-diskussionnoj-ploshhadke-partii-edinaya-rossiya/?ysclid=m48ezbpjq4117766356> (дата обращения: 04.12.2024).

² Поздравление Главы ЛНР Леонида Пасечника с Днем воссоединения Луганской Народной Республики, Донецкой Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей с Российской Федерацией. URL: https://xn--80aafc4bdoy.xn--plai/news/all/all/Pozdravlenie_Glavi_LNR_Leonida_Pasechnika_s_Dnem_vossoedineniya_Luganskoi_Narodnoi_Respubliki,_Donetskoi_Narodnoi_Respubliki,_Zaporozhskoi_i_Khersonskoi_oblastei_s_Rossiiskoi_Federatsiei?id=1181&ysclid=m48f1igq4n661589683 (дата обращения: 04.12.2024).

³ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 04.12.2024).

Вообще поликультурность является качественной характеристикой любого общества. Данная характеристика свидетельствует о способности граждан гармонично взаимодействовать и функционировать в постсоветском поликультурном пространстве российского общества, принимая социокультурные различия, тем самым повышая уровень гражданской интеграции.

Результаты социологических исследований подтверждают, что в рамках гражданской идентичности весьма значимой является семейная память. Если мы берем события Великой Отечественной войны, то рассказы очевидцев, которые передавались из уст в уста родственникам – это и есть основополагающий источник знаний и сведений об этом периоде отечественной истории. «Не случайно «точкой сборки» современной российской идентичности является Победа советского народа в Великой Отечественной войне, участие в которой принимали представители почти всех нынешних российских семей» [13, с. 112].

В поликультурном пространстве современной России этнокультурное взаимодействие – это особый вид социокультурного взаимодействия, связанный с «участием в направленных друг на друга систематических действиях этнокультурного содержания, субъектов, различающихся по этнической принадлежности, с целью вызвать ответное ожидаемое поведение, которое предполагает возобновление действия» [29, с. 51].

Этнокультурное взаимодействие – это самоорганизация, выработка единых правил поведения, общей исторической памяти. Выделенные аспекты регулируются при помощи такого механизма, как традиции. Традиции в этнокультурном взаимодействии являются «средством стабилизации утвердившихся в обществе отношений и осуществляют воспроизводство данных отношений в жизни молодых поколений», что способствует социальной интеграции [10, с. 67].

Роль исторической справедливости в интеграции российского поликультурного общества в условиях современных социокультурных вызовов

Обращаясь к категории «вызов», необходимо отметить, что он всегда сопряжен с возникновением определенных обстоятельств, требующих обязательного реагирования на их возникновение, но не всегда это приводит к угрозам и рискам для безопасности системы [27].

Рассматривая поликультурное пространство, формируемое в первую очередь, множеством этносов, проживающих на территории России, можно выделить следующие социокультурные вызовы, имеющие рискованный характер: возрастающее экономическое и социальное неравенство; сложные социально-экономические условия; разрушение традиций дружественного взаимодействия между этносами; «рост этнического национализма, спекулирующего на реальных и мнимых событиях» российской истории [21, с. 676]; социокультурная дезадаптация и дезинтеграция;

социокультурный межпоколенческий разрыв и процессы распада семьи; духовно-нравственный «релятивизм и неопределенность жизненных перспектив, которые подменяются ценностями общества потребления» [21, с. 674]; искажение картины подлинного исторического прошлого России, переписывание истории и ложная интерпретация исторических фактов и событий представителями недружественных стран и некоторой части российского населения, что негативно сказывается на исторической справедливости и препятствует ее восстановлению; современное состояние российской системы среднего, средне-специального и высшего образования (в т.ч. минимизация количества часов для ряда дисциплин общественного и гуманитарного профиля).

Некоторые вызовы имеют тенденцию к усилению, так, например, в сознании российского населения «сохраняется разрыв между дореволюционной, советской и постсоветской эпохами в истории России, противопоставление одной эпохи другой, что препятствует консолидации российского общества и формированию общегражданской идентичности» [21, с. 674].

Историческая справедливость, обнаруживая значение травматичных воспоминаний и ретроспективно отслеживая социокультурные рискованные вызовы прошлого, модифицирует историческую память в концептуальный замысел возрождения исторической справедливости, что, в свою очередь, придает долгу исторической памяти новое императивно предписывающее семантическое значение по отношению к настоящему и будущему общества.

В Послании Федеральному Собранию 2023 г. В. В. Путин отметил важную роль восстановления исторической справедливости в нынешних условиях.

Отметим, что формировать чувство гражданского долга и продвигать в обществе традиционные ценности должны такие институты, как образование, культура, СМИ, а также органы публичной власти. Мероприятия, которые проводятся данными социальными институтами, должны быть направлены на гармонизацию межэтнических отношений граждан, проживающих в России. Важным инструментом восстановления исторической справедливости как фактора гражданской интеграции постсоветского поликультурного общества в условиях социокультурных вызовов является реконструкция – воссоздание материальной и духовно-нравственной культуры определенной исторической эпохи России, что позволит воспитывать российскую гражданскую идентичность, выступающую основанием для интеграции, через знание основ культурного наследия России.

Заключение

Таким образом, среди первостепенных реалий современного российского общества необходимо обозначить все более увеличивающуюся поликультурность социально-культурного пространства, основу которого

составляет этнический фактор и в рамках которого возрастает актуальность поиска консолидирующих (интеграционных) механизмов для формирования и сохранения стабильности общества, активного поиска инструментов поступательного развития России, отвечающих актуальным требованиям времени в условиях современных социокультурных вызовов.

Восстановление исторической справедливости – это не просто ключевая научно-исследовательская работа, но в первую очередь – приоритетное направление практической социальной политики государства.

Для конструирования и усиления гражданской интеграции российского поликультурного общества, а также восстановления исторической справедливости необходима особая государственная политика, поскольку современные вызовы для России, связанные с осуществлением политики исторической памяти и восстановления исторической справедливости, чрезвычайно злободневны, а некоторые из этих вызовов в современной социальной рискогенной реальности, как было показано выше, существенно возрастают.

Несомненно, что поддержание интегрирующего население поликультурного российского общества нарративов – наиболее актуальная для социальной политики государства задача. В основе таких нарративов должна быть положена концепция преемственности отечественной истории, и они должны разворачиваться только на принципах культуры социально-политического и научного диалога.

Библиографический список:

1. Артамонов Д. С., Дыдров А. А. и др. Способы медиатизации коллективной памяти в цифровом мире // Вопросы истории. 2022. № 12-1. С. 114–123. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202212Statyi15; EDN: ZQUQWU.

2. Верещагина А. В. Представления жителей Крыма об интеграционных процессах в российском обществе (по материалам фокус-групп) // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12. № 6. С. 159–172. DOI: 10.18522/2227-8656.2023.6.12; EDN: IOO AQX.

3. Социальная справедливость в сфере межэтнических отношений и укрепления общероссийской идентичности населения Юга России / Под ред. Ю. Г. Волкова. М.: Русайнс, 2021. 180 с. EDN: TAIYNN.

4. Волков Ю. Г. Социокультурные травмы современного российского общества // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 13–23. DOI: 10.31857/S013216250017543-0; EDN: TUMAPO.

5. Волков Ю. Г. Социальная справедливость как ценность: в поисках новой теоретической оптики // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 27–36. DOI: 10.31857/S013216250021512-6; EDN: WGLQOM.

6. Войтенко В. П., Бинеева Н. К., Мамина Д. А. Этнический компонент социальной справедливости в полиэтничных регионах Юга России // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10, № 6. С. 131–144. DOI: 10.18522/2227-8656.2021.6.10; EDN: MAKYVN.

7. Гагаев А. А., Гагаев П. А. Теория естественной и исторической справедливости // Казанский вестник молодых ученых. 2017. Т. 1. № 3(3). С. 62–65. EDN: ХОЕЗNR.
8. Галяпина В. Н. Межгрупповое доверие русских в поликультурных регионах России: роль ценностей и межкультурных контактов // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 4. С. 71–92. DOI: 10.17759/sps.2021120405; EDN HNBVQS.
9. Гармонизация межэтнических отношений населения регионов Юга России в зеркале социальной справедливости. М.: КноРус, 2022. 250 с. EDN: BUJRXK.
10. Гафиатулина Н. Х. Роль традиции в этнокультурном взаимодействии молодежи: этномедиативный аспект // Медиация в России: состояние, тенденции, проблемы развития. Ростов н/Д: ЮФУ, 2023. С. 63–69. EDN: FAFINB.
11. Российское общество и вызовы времени. Кн. 6. М.: Весь Мир, 2022. 284 с. DOI: 10.55604/9785777708984; EDN: GJITZD.
12. Ильичева Л. Е., Рогачев С. В. Риски и вызовы социальной консолидации российского общества в условиях цивилизационной трансформации // Власть. 2022. Т. 30. № 5. С. 88–97. DOI: 10.31171/vlast.v30i5.9243; EDN: ANVYMN.
13. Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы: опыт социологического измерения. М.: Весь Мир, 2022. 248 с. DOI: 10.55604/9785777709042; EDN: HEUCDA.
14. Касьянов В. В., Чупрынников С. А. Историческая память, социальная память: диалектика взаимодействия // Вестник Адыгейского госун-та. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 4(269). С. 54–61. EDN: VOANVG.
15. Мальковская И. А. Поликультурное общество в фокусе плюралистической парадигмы // Вестник РУДН. Социология. 2007. № 2. С. 31–43. EDN: ICJHCB.
16. Мозговая А. В. Адаптация к средовым изменениям: риски социальных и технологических нововведений // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 3. С. 60–77. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.3.8424; EDN: YHNZIO.
17. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 400 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022; EDN: YKKOSI.
18. Консолидация общества: аналитика обеспечения развития России и ее национальной безопасности. М.: Когито-Центр, 2016. 194 с. EDN: XDIXAH.
19. Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Психология глобальных рисков. М.: ИП РАН, 2018. 402 с. EDN: YNOGIN.

20. Нестик Т. А., Задорин И. В. Отношение россиян к глобальным рискам: социально-демографические и психологические факторы восприятия угроз // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5(159). С. 4–28. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1700; EDN: GSJGQE.

21. Пантин В. И. Политика исторической памяти: вызовы для России // Идентичность: Личность, общество, политика: Энциклопед. изд. М.: Весь Мир, 2017. С. 671–677. EDN: HFCGOG.

22. Посохов С. И. Метаморфозы исторической справедливости // Люди и тексты. Исторический альманах. 2016. № 8. С. 120–135. EDN: VWXERR.

23. Репина Л. П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 9–15. EDN: VVNL MV.

24. Российское общество и вызовы времени. Кн. 6. М.: Весь Мир, 2022. 284 с. DOI: 10.55604/9785777708984; EDN: GJITZD.

25. Семигин Г. Ю. Социальная справедливость и право. Основы взаимодействия // Социологические исследования. 2009. № 3(299). С. 72–81. EDN: JWLNEZ.

26. Социальная справедливость в сфере межэтнических отношений и укрепления общероссийской идентичности населения Юга России. М.: Русайнс, 2021. 180 с. EDN: TAIYNN.

27. Сушкова И. А. Соотношение и взаимосвязь понятий «вызов», «опасность», «угроза», «риск» // Экономическая безопасность и качество. 2018. № 4(33). С. 10–15. EDN: SKSDSU.

28. Морозова Н. М., Устинкин С. В. Историческая память как фактор обеспечения стабильности российского государства и общества // Власть в XXI веке. Социокультурные аспекты политических процессов. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020. С. 59–78. EDN: UMFPOL.

29. Шавырина И. В. Этнокультурное взаимодействие в молодежной среде: на примере Белгородской области // Граница – среда инноваций: формирование умных приграничных территорий. Белгород, 2019. С. 51–55.

30. Шевченко А. А. Об исторической справедливости // Вестник Новосибирского госун-та. Сер.: Философия. 2011. Т. 9. № 4. С. 49–54. EDN: OKFBJZ.

Получено редакцией: 17.10.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Волков Юрий Григорьевич, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований; научный руководитель Института социологии и регионоведения

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.8

Citizens' Perception of Historical Justice in the Modern Socio-Cultural and Political Contexts¹

Yury G. Volkov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

ugvolkov@sfedu.ru

ORCID: 0000-0001-5696-1570

For citation: Volkov Yu. G. Citizens' Perception of Historical Justice in the Modern Socio-Cultural and Political Contexts. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 155–170. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.8; EDN: RYCUUI.

Abstract. Today, Russian society is faced with the need to rethink the reality in which it has found itself, including in connection with the reunification with new territories in the south of the country, the transformation of the entire system of national and international security, the construction of new meanings and interpretations of social and political processes. Changes in the sphere of socio-political, international and economic relations occur against the background of the processes of formation of the mobilisation type of state development, requiring the development of new value models and adaptation strategies for the behaviour of the population. In such conditions, historical justice, determining the logic of interpretation of events and processes occurring in Russian society, acts as a “demarcation” line in the mass consciousness and behaviour of the country's population. Determining the specifics of citizens' perception of historical justice can serve as the basis for coordinating public interests and creating an ideological coordinate system necessary for society in conditions of crisis and value contradictions.

The purpose of the study is to consider historical justice as a factor in the civil integration of the Russian post-Soviet multicultural society in the context of socio-cultural challenges. The methodological basis of the study is built on the theories of natural and historical justice. The constructivist and riskological approaches were also used in this study.

Within the framework of this publication, the following fundamental blocks are considered: historical justice as a direction of the state's social policy; ethnocultural interaction in the multicultural space of the Russian post-Soviet society; the role of historical justice in the integration of the Russian post-Soviet multicultural society in the context of socio-cultural challenges.

As a result of the analysis of the presented blocks, the author comes to the conclusion about the need to implement a special state policy in modern Russian society aimed at constructing and strengthening the civil integration of the Russian multicultural society on the basis of integrating narratives. Such narratives should be based on the concept of continuity of national history, and they should unfold only on the principles of the culture of socio-political and scientific dialogue.

The prospects of the research are connected with further study of existing factors of civil integration of Russian society, aimed at cultivating the values of humanistic worldview of Russian post-Soviet multicultural society in the context of new socio-cultural challenges.

Keywords: Russian society, historical memory, historical justice, civic integration, multiculturalism, multicultural society, post-soviet society, risk, sociocultural challenges

References

1. Artamonov D. S., Dydrov A. A. et al. Ways to mediatize collective memory in the digital world. *Voprosy istorii*, 2022: 12-1: 114–123 (in Russ.). DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202212Statyi15; EDN: ZQUQWU.
2. Vereshchagina A. V. Crimean residents' ideas about integration processes in Russian society (based on the materials of focus groups). *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2023: 6: 159–172. DOI: 10.18522/2227-8656.2023.6.12; EDN: IOOAX.
3. Social justice in the field of interethnic relations and strengthening of the all-Russian identity of the population of the South of Russia. Ed by Yu. G. Volkov et al. Moscow, Rusayns, 2021: 180 (in Russ.). EDN: TAIYNN.

¹ **Acknowledgements.** The article was prepared within the framework of the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation “State-civil integration of the Russian multicultural society and adaptation practices of the population in the context of new territoriality and national policy of restoring historical justice” FENW-2023-0061 (internal number GZ0110/23-14-RG).

4. Volkov Yu. G. Sociocultural traumas of modern Russian society. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022: 3: 13–23 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250017543-0; EDN: TUMAPO.
5. Volkov Yu. G. Social justice as a value: in search of a new theoretical optics. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022: 10: 27–36 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250021512-6; EDN: WGLQOM.
6. Voytenko V. P., Bineeva N. K., Mamina D. A. The ethnic component of social justice in the multiethnic regions of Southern Russia. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2021: 6: 131–144 (in Russ.). DOI: 10.18522/2227-8656.2021.6.10; EDN: MAKYVN.
7. Gagaev A. A., Gagaev P. A. The theory of natural and historical justice. *Kazanskiy vestnik molodykh uchenykh*, 2017: 3: 62–65 (in Russ.). EDN: XOEZNR.
8. Galyapina V. N. Intergroup trust of Russians in multicultural regions of Russia: the role of values and intercultural contacts. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2021: 4: 71–92 (in Russ.). DOI: 10.17759/sps.2021120405; EDN: HNBBQS.
9. Harmonization of interethnic relations of the population of the regions of Southern Russia in the mirror of social justice. Moscow, KnoRus, 2022: 250 (in Russ.). EDN: BUJRXK.
10. Gafiatulina N. Kh. The role of tradition in the ethno-cultural interaction of youth: an ethnomediative aspect. In *Mediation in Russia: state, trends, development problems*. Rostov-on-Don: YuFU, 2023: 6–69. EDN: FAFIHB.
11. Russian Society and the challenges of the time. Moscow, Ves' Mir, 2022: 284 (in Russ.). DOI: 10.55604/9785777708984; EDN: JITZD.
12. Il'icheva L. E. Risks and challenges of social consolidation of Russian society in the context of civilizational transformation. *Vlast'*, 2022: 5: 88–97 (in Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v30i5.9243; EDN: AHVYMN.
13. The historical consciousness of Russians: assessments of the past, memory, symbols: the experience of sociological measurement. Moscow, Ves' Mir, 2022: 248 (in Russ.). DOI: 10.55604/9785777709042; EDN: HEUCDA.
14. Kas'yanov V. V., Chuprynnikov S. A. Historical memory, social memory: dialectics of interaction. *Vestnik Adygeyskogo gosu-ta. Ser. 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*, 2020: 4: 54–61 (in Russ.). EDN: VOAHSV.
15. Mal'kovskaya I. A. Polikulturnoe obshchestvo v fokuse plyuralisticheskoy paradigmy [A multicultural society in the focus of a pluralistic paradigm]. *Vestnik RUDN. Sotsiologiya*, 2007: 2: 31–43 (in Russ.). EDN: ICJHCB.
16. Mozgovaya A. V. Adaptation to environmental changes: risks of social and technological innovations. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2021: 3: 60–77 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2021.27.3.8424; EDN: YHNZIO.
17. Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators. Moscow, FNIS RAN, 2022: 400 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022; EDN: YKKOSI.
18. Consolidation of society: analysis of ensuring the development of Russia and its national security. Moscow, Kogito-Tsentr, 2016: 194 (in Russ.). EDN: XDIXAH.
19. Nestik T. A., Zhuravlev A. L. Psychology of global risks. Moscow, IP RAN, 2018: 402 (in Russ.). EDN: YNOGIH.
20. Nestik T. A., Zadorin I. V. Russians' attitude to global risks: socio-demographic and psychological factors of threat perception. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2020: 5: 4–28 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1700; EDN: GSJGQE.
21. Pantin V. I. The Politics of Historical Memory: Challenges for Russia. In *Identity: Personality, Society, Politics: An encyclopedic publication*. Moscow, Ves' Mir, 2017: 671–677 (in Russ.). EDN: HFCGOG.
22. Posokhov S. I. Metamorphoses of historical justice. *Lyudi i teksty. Istoricheskiy al'manakh*, 2016: 8: 120–135 (in Russ.). EDN: VWXERR.
23. Repina L. P. Historical memory and national identity: research approaches and methods. *Dialog so vremenem*, 2016: 54: 9–15 (in Russ.). EDN: VVNLNV.
24. Russian Society and the challenges of the time. Moscow, Ves' Mir, 2022: 284 (in Russ.). DOI: 10.55604/9785777708984; EDN: GJITZD.
25. Semigin G. Yu. Social justice and law. the basics of interaction. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2009: 3: 72–81 (in Russ.). EDN: JWLNEZ.

26. Social justice in the field of interethnic relations and strengthening of the all-Russian identity of the population of the South of Russia. Moscow, Rusayns, 2021: 180 (in Russ.). EDN: TAIYNN.
27. Sushkova I. A. Correlation and interrelation of the concepts of “challenge”, “danger”, “threat”, “risk”. *Ekonomicheskaya bezopasnost' i kachestvo*, 2018: 4: 10–15 (in Russ.). EDN: SKSDSU.
28. Morozova N. M., Ustinkin S. V. Historical memory as a factor in ensuring the stability of the Russian state and society. Nizhny Novgorod, NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2020: 59–78 (in Russ.). EDN: UMFPOL.
29. Shavyrina I. V. Ethnocultural interaction among young people: the example of the Belgorod region. In *Border – environment of innovation: the formation of smart border territories*. Belgorod, 2019: 51–55 (in Russ.).
30. Shevchenko A. A. About historical justice. *Vestnik Novosibirskogo gosun-ta. Seriya: Filosofiya*, 2011: 4: 49–54 (in Russ.). EDN: OKFBJZ.

The article was submitted on: October 17, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yury G. Volkov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored Scientist of Russia, Head of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies; Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.9

EDN: RSCTOD

Миграционная политика в Нижегородской области: субъекты и управленческие практики¹

Ссылка для цитирования: Данилова Н. М. Миграционная политика в Нижегородской области: субъекты и управленческие практики // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 171–191. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.9; EDN: RSCTOD.

For citation: Danilova N. M. Migration Policy in the Nizhny Novgorod Region: Subjects and Management Practices. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 171–191. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.9; EDN: RSCTOD.

SPIN-код: 7917-5093

Данилова Наталья Михайловна^{1,2}

¹Приволжский филиал ФНИСЦ РАН, Нижний Новгород, Россия;

²Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

morozovanataliam@yandex.ru

Аннотация. В представленной статье рассматривается региональная модель миграционной политики на примере Нижегородской области. Особенностью авторского подхода является понимание региональной миграционной политики как комплекса управленческих практик, в которые включены и органы власти, и общественные организации. Подобный подход позволяет рассматривать миграционную политику как многоаспектную и сложносо- ставную сферу взаимодействий разного рода субъектов, а также повысить эффективность реализуемых в ее рамках программ. Главными задачами в сфере миграционной политики региона являются адаптация и интеграция мигрантов, но нет четкого определения данных понятий и действий по их реализации. Основными организационно-управленческими структурами в регионе являются Управление по вопросам миграции МВД по Нижегородской области, межнациональные советы, действующие при губернаторе региона и администрации г. Нижнего Новгорода. Деятельность по включению иностранных граждан в региональное общество напрямую не входит в функционал профильных органов власти, но может компенсироваться деятельностью общественных объединений. Поэтому в управленческие практики следует включать и институты гражданского общества, как зарегистрированные объединения, так и неформальные диаспорные сообщества. Кроме того, они, в отличие от органов власти, имеют возможность оперативно реагировать на обращения иностранных граждан. Отмечено, что выделяемые группы институтов, участвующие в реализации миграционной политики, обладают специфическими ресурсами, что предопределяет их функционал и характер деятельности в управленческих практиках. Организационно-управленческие институты опираются на административный и правовой ресурсы. Ресурсом институтов

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 22-18-00377 «Семья в движении: теоретические и эмпирические проблемы в контексте трудовой миграции в России».

гражданского общества выступают каналы связи в среде иностранных граждан, высокая погруженность и вовлеченность в проблемы трудовых мигрантов, проживающих в регионе. Данные обстоятельства требуют включения их в разработку и реализацию целевых программ и мероприятий адаптационной и интеграционной направленности. Автором делается вывод о целесообразности создания в регионе профильного ведомства, отвечающего за разработку и реализацию мероприятий в рамках региональной миграционной политики.

Ключевые слова: мигрант, миграционная политика, практики управления, Нижегородская область, межнациональные отношения

Введение

В современной России все сферы общественной жизни претерпевают значительные трансформации. Одним из факторов общественно-политической ситуации среди прочих, влияющих и на развитие социально-экономических процессов, и на уровень культурно-ценностных связей в регионах страны, выступает международная миграция. На протяжении многих лет основными «донорами» трудовых мигрантов для РФ являются страны СНГ¹, преимущественно среднеазиатские республики².

Широкие общественно-политические круги в лице представителей власти и научного экспертного сообщества выступают за привлечение значительного числа трудовых мигрантов³, рассматривая их в качестве основных ресурсов для решения проблемы насыщения рынка труда в условиях сокращения населения страны⁴.

Вместе с тем ряд политических инициатив выглядит противоречиво. Так, на фоне кризиса численности народонаселения, о котором уже много лет говорят эксперты-демографы⁵, в Государственной думе РФ лидер партии «Справедливая Россия – За правду» С. Миронов предлагает вве-

¹ Демографический ежегодник России. Стат. сб. Росстат. М., 2021. С. 212.

² Приток трудовых мигрантов в Россию в 2022 г. вырос на треть // Finexpertiza. 2023. 20 февраля. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/pritok-trud-migrant-2022/> (дата обращения: 10.06.2024).

³ Жандарова И. Минтруд предложил увеличить квоты на привлечение мигрантов в 28 регионах России // Российская газета. 2023. 29 мая. URL: <https://rg.ru/2023/05/29/mintrud-predlozhit-uvelichit-kvoty-na-privlechenie-migrantov-v-28-regionah-rossii.html> (дата обращения: 09.06.2024).

⁴ Деготькова И. Демографы назвали число мигрантов для стабилизации населения России // РБК. 2023. 13 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/04/2023/64368b0a9a7947a647a61a2c> (дата обращения: 10.06.2024); Трифонова Е. Гастарбайтеров возвращают в Россию // Независимая газета. 2023. 12 февраля. URL: https://www.ng.ru/politics/2023-02-12/1_8658_migrants.html (дата обращения: 12.06.2024).

⁵ Выжutowич В. Анатолий Вишнеvский: России нужны высококвалифицированные мигранты // Российская газета. 2017. 24 января. URL: <https://rg.ru/2017/01/24/anatolij-vishnevskij-rossii-nuzhny-vysokokvalificirovannye-migranty.html> (дата обращения: 10.06.2024); Деготькова И. Демографы назвали число мигрантов для стабилизации населения России // РБК. 2023. 13 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/04/2023/64368b0a9a7947a647a61a2c> (дата обращения: 10.06.2024).

сти визовые ограничения для иностранных граждан из Средней Азии¹, а представитель КПРФ выступает за запрет для трудовых мигрантов перевозить свои семьи в Россию².

Противоречивость общественно-политической повестки в отношении трудовых мигрантов сохраняет актуальность миграционной проблематики как с научной, так и с прикладной точек зрения. Очевидно, что миграция влияет, во-первых, на социальные, экономические, демографические процессы, во-вторых, на уровень конфликтности на почве межнациональных противоречий, в-третьих, стимулирует развитие и совершенствование профильной системы управления. Но универсальная постановка вопросов, связанных с миграционными процессами, и предложения по их решению накладываются на социально-экономические и исторические особенности российских регионов, что приводит к формированию региональной системы управления в сфере миграции. Иными словами, общероссийская миграционная политика и ее эффективность определяются, в частности, тем, как проблематизируется миграционная ситуация, как формулируются нормативно-правовые подходы и реализуются управленческие практики с учетом региональной специфики.

В отечественном научном дискурсе присутствует большое количество исследований, посвященных анализу миграционной ситуации и управлению миграционными процессами [6; 7; 8], особенностям формирования и реализации миграционной политики в России [13; 20], изучению ее слабых сторон и перспективных направлений развития [3; 7; 10]. В поле миграционной политики находится значительное количество вопросов, которые осмысляются исследователями. Так, большая часть научных работ посвящена проблеме адаптации и интеграции мигрантов [1; 4; 18]. Особую группу научных разработок составляют исследования миграционного законодательства. Эта тема интересует как непосредственно юристов, фокусирующих внимание на правовых аспектах регулирования миграции [12; 15; 23], так и представителей социально-политических наук. Последние смещают акцент на анализ характера и особенностей трансформации социально-политических процессов в контексте применения миграционного законодательства, а также влияния социально-политических факторов на изменение миграционного законодательства [11; 22].

Отдельную группу составляют работы, посвященные реализации миграционной политики на региональном уровне. Необходимость таких исследований объясняется в первую очередь региональной спецификой, способной серьезно трансформировать федеральную модель управления миграционными процессами. Тем не менее работ, представляющих региональный срез, не так много. Среди них значительную долю составляют исследования, раскрывающие подобные вопросы на примере городов феде-

¹ Душин В. В Госдуме призвали ввести визовый режим с государствами Средней Азии // Газета.ru. 2023. 07 июля. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/07/07/20828228.shtml?updated> (дата обращения: 12.06.2024).

² Николаев К. В Госдуме предложили запретить трудовым мигрантам перевозить семьи в Россию // News.ru. 2023. 12 сентября. URL: <https://news.ru/russia/v-gd-predlozhili-zapretit-trudovym-migrantam-perevozit-semi-v-rossiyu/> (дата обращения: 11.06.2024).

рального значения – Москвы [5; 14; 25] и Санкт-Петербурга [2; 19]. Другие регионы России в контексте рассматриваемого вопроса находят меньший интерес в научном сообществе. Работы нижегородских исследователей чаще посвящены концептуальным вопросам управления миграционными процессами, выявлению общероссийских трендов и проблем в данной сфере, нежели их региональному измерению. Региональные практики управления рассматриваются в основном через механизмы адаптации мигрантов [9; 16]. Попытки же осуществить анализ непосредственно региональной миграционной политики предпринимались довольно давно [21; 24]. Таким образом, существует определенный пробел в понимании актуальной ситуации в сфере управления миграционной политикой на уровне региона. В связи с этим основной фокус данной статьи – анализ современной структуры миграционной политики в Нижегородской области, в том числе направлений деятельности региональных органов власти и некоммерческих организаций как основных субъектов таковой. Особенностью нашего подхода является рассмотрение региональной миграционной политики через анализ управленческих практик. Следуя определению А. А. Максименко [17, с. 75], в данном исследовании под управленческими практиками в сфере миграционной политики мы понимаем *типизированные и вариативные комплексы действий и взаимодействий, решений и мероприятий, осуществляемых органами региональной власти и местного самоуправления, разрабатываемые и реализуемые при участии общественных организаций, обеспечивающих достижение задач миграционной политики, а также решение проблем с участием либо касающихся иностранных граждан.*

Таким образом, управленческие практики рассматриваются как конкретные, частные, ситуативные формы осуществления миграционной политики в регионе (в нашем случае – Нижегородской области), связанные с решением конкретных задач. При этом условия круг субъектов вариативен и определяется не только общими целями и задачами миграционной политики, но и обстоятельствами, требующими выработки решения.

Эмпирическая основа исследования

Эмпирическую базу данной работы составляют две группы источников: федеральные и региональные нормативно-правовые документы и данные экспертных интервью.

Первая группа источников включает федеральные законодательные акты и документы стратегического планирования, устанавливающие общероссийские нормы в отношении международной миграции и иностранных граждан¹. Анализ этих документов позволяет представить общероссийскую

¹ Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18669> (дата обращения: 11.06.2024); Федеральный закон от 15.08.1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». URL: <https://base.garant.ru/10135803/> (дата обращения: 11.06.2024); Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ (ред. от 27.01.2023) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24033> (дата обращения: 11.06.2024); Указ Президент РФ

модель миграционной политики. В эту же группу входят региональные нормативно-правовые акты Нижегородской области¹, которые, конкретизируя общую модель, встраивают ее в специфику региона и позволяют определить структуру управления, основные субъекты и поле их работы.

Вторую группу источников составляют данные экспертных интервью, проведенных в Нижнем Новгороде в 2022 г. Всего состоялось 18 интервью с экспертами, среди них: 3 – с исследователями; 3 – с представителями государственных образовательных учреждений (учителями); 4 – с представителями региональных государственных структур; 2 – с представителями учреждений социальной поддержки и защиты населения; 4 – с представителями этнокультурных, 1 – правозащитных, 1 – религиозных организаций.

Выборка экспертов была сформирована на основании следующих критериев:

- включенность экспертов в государственные и негосударственные организации, взаимодействующие с трудовыми мигрантами, либо, в силу характера деятельности, связанные с внешней (международной) миграцией;
- степень осведомленности экспертов в области региональной миграционной политики, организации жизни семей трудовых мигрантов, включая ее социальные, культурные, правовые, бытовые аспекты.

Количество экспертов в каждой категории определялось значимостью предоставляемых ими сведений для проведения анализа. Так, наибольшее число экспертов представляло региональные государственные структуры и этнокультурные организации, поскольку они играют ключевую роль в формировании миграционной политики, осуществлении управленческих практик в данной области, участвуют в программах адаптации иностранных граждан. В интервью с представителями органов власти акцент делался на направлениях их деятельности, формах, механизмах взаимодействия с трудовыми мигрантами. Особенно интересны для нас интервью с руководителями этнокультурных организаций, поскольку, с одной стороны, они показывают механизмы включения подобных объединений в структуру миграционной сферы, с другой – раскрывают их место и роль в разработке программ и решений, осуществляемых в рамках региональной миграционной политики. Этнокультурные организации име-

от 31.10.2018. «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 11.06.2024); Указ Президента Российской Федерации от 09.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения: 12.06.2024); Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 12.06.2024).

¹ Об утверждении Концепции миграционной политики Нижегородской области на период до 2025 г: Постановление Правительства Нижегородской области от 9.01.2007 № 1. URL: <https://docs.cntd.ru/document/944928873?ysclid=lmdss1nt3l695119604> (дата обращения: 12.06.2024); Об утверждении государственной программы «Реализация государственной национальной политики на территории Нижегородской области»: Постановление Правительства Нижегородской области от 10.11.2017 № 797. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465578318> (дата обращения: 12.06.2024).

ют возможность непосредственно взаимодействовать с семьями трудовых мигрантов, что позволяет выявить степень их вовлеченности в реализацию программ адаптации и интеграции, а также возникающие в этом процессе сложности. Представители образовательных учреждений, работающие с детьми иностранных граждан, обладают во многом уникальной информацией, связанной с психологическими, правовыми, культурными, организационными, коммуникативными аспектами их адаптации, с особенностями отношений в их семьях. Ценность экспертных интервью представителей научного сообщества состоит в возможности получить данные о тенденциях миграционных процессов и особенностях реализации миграционной политики, управленческих практиках в данной сфере в конкретном субъекте РФ, актуальных проблемах в области адаптации иностранных граждан и оригинальных подходах к их решению на уровне региона. Сотрудники учреждений социальной поддержки и защиты населения, а также правозащитных организаций могут обозначить проблемы, с которыми чаще всего к ним обращаются трудовые мигранты, дать информацию о нарушении прав трудовых мигрантов и особенностях их процессуального и правового взаимодействия с органами государственной власти. Представители религиозных организаций (мечетей) часто контактируют с трудовыми мигрантами из стран Центральной Азии, оказывая им не только духовную, но и социальную поддержку.

Методическая точность выборки обеспечивается обращением к экспертам из различных сфер, имеющим непосредственное или опосредованное отношение к миграционной политике и управленческим практикам в данной сфере. Выборка из 18 экспертов является относительно небольшой, но, учитывая качественный характер исследования, может считаться приемлемой для анализа региональной миграционной политики.

Под каждую группу экспертов разработан уникальный гайд. Источниковая база представляется обширной и позволяет взглянуть на модель региональной миграционной политики, а также управленческие практики в данной сфере.

Изменение международной миграции в Нижегородской области

Статистические данные за последние 11 лет (с 2012 по 2023 г.) показывают практически ежегодный миграционный прирост в Нижегородской области. Исключение составили 2018, 2022 и 2023 гг.¹, продемонстрировавшие миграционную убыль (табл. 1).

¹ Статистический ежегодник. Нижегородская область, 2017: Стат.сб. Нижегородстат. Нижний Новгород, 2017. С. 54–55; Статистический ежегодник. Нижегородская область 2023: Стат.сб. Нижегородстат. Нижний Новгород, 2023. С. 39–40; Данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области. Общие итоги миграции населения. URL: <https://52.rosstat.gov.ru/folder/33271> (дата обращения 13.08.2024).

Таблица 1 (Table 1)

Показатели миграционного прироста (убыли) в Нижегородской области за 2012–2023 гг., чел. (данные Нижегородстата)

Indicators of migration growth (loss) in Nizhny Novgorod Oblast in 2012–2023, persons (data from Nizhegorodstat)

Миграционный прирост (убыль)	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Международная, всего:	3788	5035	2233	2252	695	3036	-1656	5281	177	4789	-2688	-332
В том числе со странами СНГ	3970	4052	2820	1674	1760	1571	-845	4176	379	4114	-1251	-238
С другими зарубежными странами	-182	983	-587	587	-1065	1465	-811	1105	-202	675	-1437	-94

Нижегородская область в целом отражает общероссийские тенденции по структуре международных миграционных потоков за некоторым исключением: граждане Кыргызстана и Казахстана составляют значительно меньшую долю среди прибывающих в регион иностранных граждан. При этом процентная доля мигрантов из Таджикистана и Узбекистана коррелирует с общероссийским трендом (табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Показатели миграционного прироста (убыли) по отдельным категориям иностранных граждан в Нижегородской области за 2012–2022 гг., чел. (данные Нижегородстата)

Indicators of migration growth (loss) by certain categories of foreign citizens in Nizhny Novgorod Oblast in 2012–2022, persons (data from Nizhegorodstat)

Миграционный прирост (убыль)	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Таджики	419	408	278	203	324	62	73	532	181	751	347
Узбеки	887	1 286	975	-1 173	-135	43	-350	276	362	573	-230
Киргизы	244	234	126	-6	-115	234	-152	273	-184	279	-194
Казахи	364	312	237	176	195	212	-12	316	150	416	-251

Статистические данные, предоставленные МВД России, позволяют сделать ряд выводов о степени интенсивности международной миграции и отчасти об интеграционных стратегиях трудовых мигрантов. О росте миграционных потоков в Нижегородскую область свидетельствует ежегодное увеличение числа фактов постановки на миграционный учет: в 2016 г. было зафиксировано 194 066 случаев, в 2017 г. – 217 327, а в 2018 г. – 250 100. На фоне общего увеличения числа поставленных на миграционный учет лиц увеличилось и количество мигрантов, целью которых было осуществление трудовой деятельности (табл. 3).

Отрицательная тенденция наблюдалась в 2019 и 2020 гг., что было связано с ограничениями экономической деятельности в рамках борьбы с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19). Рост числа

иностранных граждан, поставленных на миграционный учет, вновь проявился в 2022 г., что свидетельствует о реактивизации трудовой миграции из стран СНГ в Россию.

Таблица 3 (Table 3)

**Показатели регистрационного учета мигрантов
на территории Нижегородской области, чел. (по данным МВД)
Indicators of registration of migrants in Nizhny Novgorod Oblast,
persons (according to the Ministry of Internal Affairs)**

Показатель	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Количество фактов постановки на миграционный учет	194 066	217 327	250 100	227 265	131 866	181 463	225 299
Цель въезда – работа	55 560	61 981	64 716	66 651	29 538	137 085	164 616
Количество фактов снятия с миграционного учета	181 855	204 280	222 567	211 340	138 216	161 598	212 892
Принято решений о выдаче разрешений на временное проживание	8 124	4 453	3 136	3 047	1 914	1 744	1 905
Принято решений о выдаче вида на жительство (первично)	2 078	2 716	2 558	2 405	2 585	2 490	3 490
Число лиц, в отношении которых принято решение о приобретении гражданства Российской Федерации (о приеме, восстановлении, признании)	5 169	4 559	2 872	4 897	4 130	4 422	5 394

Обращают на себя внимание данные о количестве выданных разрешений на временное проживание (РВП), видов на жительство (ВНЖ) и приемов в гражданство России (табл. 3). Максимальное число разрешений на временное пребывание на территории России было выдано в 2016 г. (8 124), начиная же с 2017 г. наблюдается резкое снижение числа разрешений – в два раза. Минимум был достигнут в 2021 г. Указанная тенденция – общероссийский тренд, связанный с сокращением квот на прием трудовых мигрантов. Кроме того, усиливался отбор по конкретным категориям работников: больше всего квот было выделено для рабочих строительных специальностей, на втором месте – специалисты, обладающие навыками работы на промышленных предприятиях; третья группа наиболее востребованных рабочих – слесари-сборщики стационарного оборудования. Требования квотирования были связаны с подготовкой к Чемпионату мира по футболу. В последующие годы квоты на выдачу разрешений на работу сокращались, что повлияло и на количество выданных разрешений на временное проживание. При этом количество одобренных ВНЖ в Нижегородской области за обследуемый период находится примерно на одном уровне (минималь-

ное количество разрешений было выдано в 2016 г. – 2 078, максимальное в 2022 г. – 3 490). Что касается количества принятых в гражданство РФ, то за обследуемый период оно варьируется в среднем в диапазоне 4 500–5 400 (минимальное количество заявлений на прием было в 2018 г., а максимальное – в 2022 г.) (табл. 3).

Следствием увеличения числа трудовых мигрантов в Нижегородском регионе становится формирование фактически национальных анклавов в различных районах города (особенно это заметно в Канавинском, Московском, Автозаводском районах), что может спровоцировать рост межэтнической напряженности. Очевидно, требуется ужесточение реализуемой в регионе миграционной политики. Но на данном этапе она протекает в рамках направлений, которые можно условно обозначить как «регистрационно-надзорное» и «проектно-культурное».

Концептуальные основы управления в сфере миграции в Нижегородской области

В методических рекомендациях, разработанных Федеральным агентством по делам национальностей (ФАДН)¹ для руководства органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, современная миграционная политика России определяется как комплекс мер, осуществляемых различными органами государственной власти, направленных на содействие социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан.

В соответствии с федеральными нормативно-правовыми актами, а также с учетом опыта реализации аналогичных федеральных программ российские регионы разрабатывают собственные нормативно-правовые акты. Концептуальной основой миграционной политики в Нижегородском регионе является Концепция миграционной политики Нижегородской области на период до 2025 г. (с изменениями на 16.06.2023 г.) (далее – Концепция). Согласно указанному документу, целью управления миграционными процессами является «обеспечение устойчивого социально-экономического и демографического развития области, удовлетворение потребностей экономики в трудовых ресурсах, рациональное размещение населения на территории Нижегородской области, использование интеллектуального и трудового потенциала мигрантов». В связи с этим в регионе должна осуществляться комплексная работа, включающая такие направления, как:

¹ Методические рекомендации № 142 для органов государственной власти субъектов Российской Федерации «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации». Утверждены приказом Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН) // ФАДН России [Официальный сайт]. 25.11.2020. URL: <https://fadn.gov.ru/documents/prochee/9087-metodicheskie-rekomendatsii-dlya-organov-gosudarstvennoy-vlasti-sub-ektov-rossiyskoy-federatsii-o-sotsialnoy-i-kulturnoy-adaptatsii-i-integratsii-inostrannyh-grazhdan-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 12.06.2024).

- статистическая и регистрационная работа с иностранными гражданами, въехавшими на территорию РФ (постановка на миграционный учет, анализ прибывшего контингента по целям, профессиональным навыкам);
- выявление фактов нелегальной миграции;
- контроль за иностранными гражданами на территории региона, выявление фактов правонарушений;
- реализация программ адаптации и интеграции иностранных мигрантов;
- поддержка соотечественников, возвращающихся в Россию.

Анализ Концепции показывает, что она сложно реализуема на практике, особенно в части определения механизмов адаптации и интеграции мигрантов. Концепция основывается на миграционной ситуации пятилетней давности без учета актуальных трендов. Принципы и направления реализации политики носят общий характер. В документе не делается попытки классифицировать миграционные потоки, что является важным с точки зрения эффективного распределения полномочий между субъектами управления. Также не расшифровываются такие термины, как «миграционная политика», «трудовой мигрант», «адаптация/интеграция мигрантов».

Нормативно-правовая база любого российского региона представляет собой прежде всего ряд целевых программ, как правило, состоящих из увязанных по задачам, ресурсам и срокам осуществления комплексов мероприятий, направленных на решение проблем. В Нижегородской области самостоятельные целевые программы в сфере миграционной политики отсутствуют. Целевые показатели, характеризующие степень включенности иностранных граждан в региональное общество, содержатся в подпрограмме «Социально-культурная адаптация и интеграция мигрантов в Нижегородской области», входящей в государственную программу «Реализация государственной национальной политики на территории Нижегородской области» (сроки реализации – 2018–2025 гг.)¹. В соответствии с ней, достижение задачи по «обеспечению бесконфликтной и эффективной социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в российское общество» предполагается за счет осуществления «поддержки соответствующих проектов (программ) социально ориентированных коммерческих организаций, а также создание условий для социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов». Обращают на себя внимание два блока мероприятий в рамках этой подпрограммы:

- научно-методическое и информационное сопровождение социальной и культурной адаптации иностранных граждан, в рамках которого образовательными организациями, некоммерческими объединениями реги-

¹ Паспорт государственной программы «Реализация государственной национальной политики на территории Нижегородской области»: Постановление Правительства Нижегородской области от 10.11.2017 № 797 // Министерство внутренней региональной и муниципальной политики Нижегородской области [Официальный сайт]. 16.02.2021. URL: <https://mvp.nobl.ru/activity/1590/> (дата обращения: 12.06.2024).

она проводятся научно-практические семинары, круглые столы, панельные дискуссии¹, посвященные проблемам адаптации и интеграции трудовых мигрантов. Очевидно, что направление является важным с точки зрения управления в сфере миграционной политики, корректировки и совершенствования их методов и технологий, но непосредственным образом работу с иностранными гражданами оно не предполагает;

– реализация мероприятий, направленных на социальную адаптацию и интеграцию трудовых мигрантов. При этом конкретный перечень такого рода мероприятий в программе отсутствует. Анализ региональных информационных ресурсов показывает, что такие мероприятия сводятся к праздникам и фестивалям, демонстрирующим особенности национальных культур². В них, как правило, задействованы члены диаспорных и этнокультурных объединений, но непосредственно трудовые мигранты обычно остаются мало вовлеченными. Поэтому с точки зрения адаптации иностранных граждан и непосредственного взаимодействия региональных органов исполнительной власти с ними, подобные программы видятся малоэффективными.

Очевидно, концептуальными для региональных нормативных документов являются понятия адаптации и интеграции, у которых в то же время нет точного определения, а также пояснений, как адаптация соотносится с интеграцией. В экспертных интервью четкого определения данным понятиям также не давалось, но, говоря об адаптации, представители региональной власти отмечали необходимость усвоения иностранными гражданами норм и правил принимающего общества (*«...чтобы он понял, в какую социальную среду попал; какие здесь нормы и порядки, чтобы он выучил язык»*, *«есть памятка, как вести себя здесь, куда обращаться в случае возникновения каких-то проблем, т. е. такой плакат-ориентир...»*) (представитель региональной власти). Эксперты от общественных объединений в данном вопросе смещают акцент на значимость освоения языковых практик принимающего общества (*«они [мигранты] проводят время все вместе, в сообществе своих земляков, и это потом затрудняет их же адаптацию и выстраивание коммуникации с другими людьми»*) (представитель общественной организации).

Мы же разделяем подход, в соответствии с которым под адаптацией понимается «процесс усвоения иностранным гражданином или лицом без гражданства образцов поведения, социальных норм и ценностей, знаний,

¹ Круглый стол, посвященный презентации проекта «Нижний Новгород – город межнационального дружелюбия», в ДУМ Нижегородской области // ДУМ РФ. 2021. 19 апреля. URL: <https://dumrf.ru/common/regnews/18807> (дата обращения: 10.06.2024); Вопрос социальной адаптации трудовых мигрантов обсудят в Нижнем Новгороде // ВРЕМЯ Н. 2016. 16 февраля. URL: https://www.vremyan.ru/news/voprosy_socialnoj_adaptacii_trudovyh_migrantov_obsudjat_v_nizhnem_novgorode.html (дата обращения: 12.06.2024).

² Фестиваль национальных культур «Дружный Нижний» пройдет в Н. Новгороде в рамках празднования Дня города // Н. Новгород [Официальный сайт]. 09.08.2023. URL: <https://admgor.nnov.ru/news/20743> (дата обращения: 11.06.2024); Четырнадцать национальных общин и сообществ Н. Новгорода приняли участие в VI фестивале национальных культур в День России // Н. Новгород [Официальный сайт]. 13.06.2019. URL: <https://admgor.nnov.ru/news/1513> (дата обращения: 12.06.2024).

навыков, позволяющих ему существовать и успешно действовать в принимающем обществе»¹, а интеграция определяется как «процесс включения иностранного гражданина или лица без гражданства в систему социальных, правовых и культурных отношений принимающего общества в качестве его полноправного и постоянного члена»². В этом случае «адаптацию» и «интеграцию» можно соотнести с разными этапами включения иностранного гражданина в принимающее общество.

Субъекты управленческих практик в сфере миграционной политики в Нижегородском регионе

Миграционная политика в Нижегородской области реализуется двумя категориями субъектов: организационно-управленческими институтами (Управление по вопросам миграции ГУ МВД, межконфессиональные и межконфессиональные консультативные советы при губернаторе Нижегородской области и администрации г. Нижнего Новгорода) и институтами гражданского общества (этнокультурные и диаспорные организации, общественные объединения по защите прав мигрантов, национально-культурные автономии, религиозные объединения). В ходе их действий и взаимодействий формируются управленческие практики в сфере миграционной политики. Такие практики могут как повторяться на регулярной основе (например, выездные проверки иностранных граждан, осуществляемые Управлением по вопросам миграции ГУ МВД совместно с руководителями диаспорных организаций), так и быть ситуативными, решать конкретную задачу (например, диаспорная организация помогает семье иностранных граждан с оформлением документов при устройстве ребенка в школу).

Организационно-управленческие институты

Управление по вопросам миграции ГУ МВД России по Нижегородской области занимает центральное положение в системе управленческих практик в сфере миграционной политики. Ведомство в первую очередь осуществляет регистрационный учет и контроль иностранных граждан, в том числе в трудовой деятельности на территории России, а также надзор за соблюдением иностранными гражданами законов РФ, выявление фактов их нарушения. Иными словами, контрольно-надзорный функционал данного ведомства решает лишь часть задач, обозначенных в региональной Концепции.

¹ Адаптация и интеграция мигрантов. Сб. эффек-х практик. БФ «ПСПФОНД». СПб., 2018. С. 4.

² Там же.

Другая часть задач в сфере миграционной политики охватывается Советом по межнациональным отношениям при губернаторе Нижегородской области и Межконфессиональным консультативным советом при администрации г. Нижнего Новгорода. Советы выступают в качестве «площадок для диалога» между представителями национальных и религиозных объединений и структур власти при участии экспертного сообщества. Включаясь в управленческие практики в сфере миграционной политики в рамках Советов, национальные и религиозные объединения становятся активными субъектами управления в сфере миграции: *«эти Советы включают в повестку вопросы миграционные, в частности, и вопросы реализации госнацполитики, проведение мероприятий... Сюда входят руководители национально-культурных автономных сообществ города, представители правоохранительных органов...»* (представитель региональной власти); *«наша организация состоит во всех общественных советах по межнациональным вопросам. Мы корректируем наши действия с властью, у которой тоже бывают вопросы. И нам приходится совместно эти вопросы решать»* (представитель этнокультурной организации).

Можно сделать вывод, что организационно-управленческие институты в рамках региональной миграционной политики задают «правила игры» и контролируют их исполнение. Вопросами адаптации и интеграции иностранных граждан эти структуры не занимаются.

Институты гражданского общества

К региональным институтам гражданского общества в Нижегородской области относятся:

- образовательные организации, на базе которых организованы курсы русского языка, истории, российского законодательства;
- правозащитные общественные организации (например, Приволжский миграционный центр);
- общественные организации, оказывающие многопрофильную помощь (например, Нижегородский женский кризисный центр, Центр защиты и помощи семьям, семейный центр «Лада»);
- этнокультурные организации¹;
- Духовное управление мусульман Нижегородской области (далее – ДУМНО).

Согласно экспертным интервью, наиболее активными субъектами управленческих практик в сфере миграционной политики являются этнокультурные организации и ДУМНО, так как в основном они взаимодействуют с соотечественниками на разных этапах их миграции.

¹ Информация о национальных общественных объединениях Нижегородской области // Министерство внутренней региональной и муниципальной политики Нижегородской области [Официальный сайт]. 19.02.2021. URL: <https://mvp.nobl.ru/activity/1633/> (дата обращения: 12.06.2024).

Этнокультурные организации обладают уникальными характеристиками, с одной стороны, выделяющими их в социально-культурном пространстве региона, с другой – привлекающими к ним соотечественников. Они связаны и с их национальной и культурной идентичностью, и со сформированной социокультурной средой, являющейся понятной и привычной для вновь прибывших соотечественников, с их опытом организации жизни в российском регионе и активными социальными сетями.

Одно из ключевых направлений деятельности этнокультурных организаций – это информационная и правовая помощь в оформлении документов, легализующих нахождение иностранных граждан (например, постановка на миграционный учет, оформление трудового патента, разрешения на работу, а также получение РВП, ВНЖ и т. д.). Одной из самых распространенных проблем, согласно экспертным интервью, для части вновь прибывших трудовых мигрантов является ограниченное владение русским языком, что зачастую и приводит к сложностям в оформлении документов. Если нет родственников и земляков, которые могут помочь в этом вопросе, содействие оказывают НКО: *«с незнания русского начинаются все проблемы. Они не могут толком оформить документы даже для того, чтобы осуществлять трудовую деятельность»*; *«...получение доступа к определенным благам, таким как образование, социальная поддержка. К нам и за этим обращаются»* (представитель этнокультурной организации). Обратной стороной этой деятельности становятся нелегальные схемы и механизмы, которые позволяют трудовым мигрантам формально проходить обучение и тестирование, «сдавать» экзамены без необходимых знаний, в том числе языковых. За отдельную плату представители этнокультурных организаций помогают с получением временной или постоянной прописки, необходимой для регистрации и легализации соотечественников на территории России.

Второе направление деятельности этнокультурных некоммерческих организаций – посреднические функции между мигрантами, правоохранительными органами, миграционной службой. По словам одного из экспертов, представляемая им организация часто контактирует с правоохранительными органами: *«...У нас очень, врать не буду, очень много чего бывает по всему региону с участием мигрантов. И приходится вмешиваться, и уже правоохранители знают, куда звонить. Комплексной группой выезжаем – это сотрудник УВМ, сотрудник центра противодействия экстремизму, я там. В итоге в комплексе решаем все вопросы»* (представитель этнокультурной организации).

Третье направление состоит в организации культурных мероприятий, призванных, с одной стороны, познакомить жителей региона с историей и культурой страны исхода, с другой – вовлечь соотечественников в эти мероприятия как практики по адаптации. Но стоит признать, что де-факто подобный подход почти не достигает своих целей ни в первом, ни во втором случае. Эту идею подтверждает руководитель одной из этнокультурных организаций Нижегородской области, отмечая, что *«...не больно хотят люди приезжие участвовать в наших культурных мероприятиях»*.

Это в основном для меня считается фикцией. Мы просто показываем культуру, национальную кухню и так далее ограниченному количеству людей, среди которых мигрантов нет...» (представитель этнокультурной организации). Напрашивается вывод, что этнокультурные организации, находясь в непосредственном контакте с соотечественниками, потенциально обладают значительным ресурсом влияния и, тем самым, должны занимать важное место в управленческих практиках в сфере миграционной политики в регионе. В то же время присутствие на городских праздниках только лидеров и активных членов этнокультурных организаций свидетельствует об отсутствии либо реальных каналов влияния среди соотечественников (не имеют ресурса их организовать), либо слабой заинтересованности и формальном подходе к решению общественных задач у руководителей данных объединений. Предполагаем, что, занимаясь общественной работой, лидеры этнокультурных организаций зачастую преследуют свои бизнес-цели, так как находятся ближе к власти, имеют возможность эффективно решать вопросы. Например, за последние 6–8 лет в регионе «укрепились» таджикская и узбекская этнокультурные организации, одновременно появилось и большое количество заведений общественного питания разного уровня, предлагающих таджикскую/узбекскую кухню.

В силу того, что большинство трудовых мигрантов принадлежит исламской конфессии, вторым значимым общественным субъектом управленческих практик является Духовное управление мусульман Нижегородской области. Нижегородский регион – исторически поликонфессиональный¹, где сильны традиции и православия, и ислама. В Нижнем Новгороде функционируют три мечети: Нижегородская соборная мечеть, мечеть на Красной Этне и мечеть «Тауба». Всего в Нижегородской области 62 мечети.

В мусульманских сообществах духовные лидеры занимают важное место в социальной иерархии, пользуются уважением со стороны общины, в том числе среди приезжих, что позволяет вносить свой вклад в адаптацию иностранных граждан. Мечети являются своего рода площадкой, на которой Духовное управление осуществляет, во-первых, взаимодействие с прихожанами, во-вторых, мониторинг ситуации, в том числе в сфере межнациональных отношений. Особая роль мечетей в управленческих практиках в сфере миграционной политики состоит также в том, что в них, как и в этнокультурных организациях, мигранты получают информационную и правовую помощь, а также решают бытовые вопросы. По словам духовного лидера мусульманской общины, мигранты обращаются за помощью в поиске работы, когда нуждаются в деньгах для отправки на родину тел умерших родственников: *«Бывает, что надо куда-то ехать, билетов нет, что-то с самолетом. Бывают покойники. Надо хоронить. Эти вопросы возникают»* (представитель религиозной организации).

¹ Информация о религиозной ситуации в Нижегородской области // Министерство внутренней региональной и муниципальной политики Нижегородской области [Официальный сайт]. 19.02.2021. URL: <https://mvp.nobl.ru/activity/1635/> (дата обращения: 12.06.2024).

ДУМНО принимает участие и в общественных, культурно-образовательных мероприятиях, организуемых по инициативе региональной власти, поскольку «...мигранты должны знать не только русский язык, но и город, и регион, и страну... чтобы приезжие не потерялись и стали полноценными гражданами нашей страны...»¹. В системе Духовного управления мусульман есть переводчики, которые задействованы в работе с мигрантами. Они периодически привлекаются для работы на языковых курсах, в рамках деятельности Управления по вопросам миграции МВД по Нижегородской области. На базе ДУМНО также открыта воскресная школа, которую посещают дети иностранных граждан. Таким образом, Духовное управление дает возможность мусульманам воспитывать детей в своей культурно-религиозной традиции и в то же время, расширяет каналы коммуникации с семьями трудовых мигрантов. Хотя пока число таких семей небольшое.

Заключение

Анализ миграционной политики через исследование управленческих практик позволил выявить пул многочисленных и разнообразных по форме и характеристикам субъектов миграционной политики. Необходимо отметить, что этнокультурные и религиозные организации обладают серьезным потенциалом, который можно эффективно использовать в реализации миграционной политики, что требует переосмысления моделей реализации миграционной политики в регионах России. Находясь в непосредственном контакте с трудовыми мигрантами и обладая глубоким пониманием их потребностей, такие объединения способны отчасти компенсировать бюрократизм органов власти. В этом случае необходимо регламентировать работу этнокультурных организаций. Невысокий уровень эффективности власти в сфере адаптации и интеграции приезжих связан с рядом факторов, среди которых особое значение имеет несовершенство регионального законодательства в сфере миграционной политики. Негативно влияет и отсутствие профильного министерства в области региональной миграционной политики либо профильной организации, подведомственной региональному правительству, в полномочия которой входили бы административные, правовые, контролирующие, координирующие функции. Это позволило бы, во-первых, решить проблемы с «кочеванием» миграционных вопросов между близкими по сфере деятельности структурами власти, во-вторых, выстроить комплексную систему управленческих практик в координации с общественными организациями; в-третьих, используя ресурс этнокультурных организаций, развивать каналы информирования и обратной связи с иностранными гражданами. На действенность управленческих практик в сфере миграционной политики влияет и способность

¹ Духовное управление мусульман Нижегородской области готово помочь в адаптации мигрантов // Newsroom24. 2013. 22 ноября. URL: <https://newsroom24.ru/news/zhizn/71554/> (дата обращения: 11.06.2024).

общественных организаций быстро и адекватно реагировать на изменение социально-политической ситуации. Подобные навыки крайне необходимо развивать и у профильных органов власти.

Перечисленные направления совершенствования миграционной политики на региональном уровне нуждаются в глубоком осмыслении и научном анализе. В этой связи перспективным вектором исследования видится изучение и выявление наиболее эффективных механизмов взаимодействия между государственными органами и общественными организациями, участвующими в миграционных процессах. Была бы полезна разработка моделей интеграции подобных организаций в процесс принятия решений, что требует изучения международного опыта и методов, доказавших свою эффективность. Еще одним актуальным направлением видится исследование потенциала цифровых платформ в управлении миграционными процессами. Их использование значительно улучшит координацию между государственными и общественными объединениями на региональном уровне. В контексте рассматриваемой темы важно продолжить исследование моделей взаимодействия общественных организаций и мигрантов, выявить, как универсальные характеристики, так и имеющие региональные особенности. Это позволит повышать слаженность и результативность кооперации государственных и общественных организаций в сфере миграции.

Перспективным представляется и разработка новых методологий оценки эффективности управленческих практик, а также исследование влияния миграционных процессов на социально-экономическое развитие регионов. Указанные научно-аналитические разработки могут стать основой для формирования наиболее актуальных и гибких моделей управления миграцией.

Библиографический список

1. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы / Отв. ред. В. И. Мукомель, К. С. Григорьева. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 400 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022.
2. Андрейцо С. Ю. Актуальные проблемы реализации миграционной политики в Санкт-Петербурге // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2018. № 1. С. 47–50. EDN: YUUFNF.
3. Бурда М. А. Политика России в сфере внешней трудовой миграции: проблемы управления // Управление. 2017. № 2. С. 5–8. DOI: 10.12737/article_59537e447b96c2.84477889; EDN: YUNJPN.
4. Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С. Интеграция мигрантов второго поколения в возрасте 18–35 лет в России: результаты исследовательского проекта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 318–364. DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.15; EDN: IORPUE.
5. Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С. Интеграция мигрантов на местном уровне: результаты научно-практического проекта // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 110–117. EDN: YQRHGT.

6. Волох В. А. Государственная политика и новые формы управления процессами международной трудовой миграции: возможности и риски // *Politbook*. 2019. № 1. С. 37–48.
7. Волох В. А., Герасимова И. В. Управление миграционными процессами в Российской Федерации: анализ и перспективы // *Управление*. 2019. № 1. С. 5–12. DOI: 10.26425/2309-3633-2019-1-5-12; EDN: OSTDRW.
8. Воробьева О. Д., Рыбаковский Л. Л., Рыбаковский О. Л. Миграционная политика России: история и современность. М.: Экон-Информ, 2016. 192 с.
9. Воронин Г. Л., Лакомова А. А. Роль государственных учреждений и некоммерческих организаций в социальной адаптации трудовых мигрантов (на примере Нижегородской области) // *Философия хозяйства*. 2020. № 6. С. 207–229. EDN: VHDPVO.
10. Галас М. Л. Современные задачи политического регулирования внешних и внутренних миграционных процессов Российского государства // *Вестник Финун-та. Гуманитарные науки*. 2017. № 3. С. 63–71. EDN: YUDXYP.
11. Григорьева К. С., Мукомель В. И. Задачи и реализация реформ миграционного законодательства: миграционный учет, полномочия регионов, коррупционные риски, доходы бюджетов // *Миграционное право*. 2018. №2. С. 3–8. EDN: XQZAOL.
12. Грипп Э. Х., Патрикеев В. Е. Направления совершенствования правового регулирования деятельности МВД России в миграционной сфере // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2021. № 2. С. 68–70. DOI: 10.24411/2073-3305-2021-2-68-70; EDN: OUSLFX.
13. Зорин В. Ю., Бурда М. А. Формирование и институционализация государственной миграционной политики в современной России // *PolitBook*. 2020. № 1. С. 113–128.
14. Исповедников Д. Ю. Экономические и социальные последствия запрета на трудоустройство иностранных рабочих (пример Центрального федерального округа) // *Наука. Культура. Общество*. 2023. № 1. С. 143–158. DOI: 10.19181/nko.2023.29.1.11; EDN: JNMQTJ.
15. Корчагина К. А., Пестов Р. А. Перспективы правового регулирования миграции в Российской Федерации // *Юрист—Правовед*. 2019. № 2. С. 76–83. EDN: VXISYU.
16. Лакомова А. А. Специфика социальной адаптации молодых трудовых мигрантов (на примере Нижегородской области) // III Всероссийский демографический форум с международным участием. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 243–246.
17. Максименко А. А. Российские управленческие практики с позиции ценностно-рационального подхода. Фрагмент 1 // *Теория и практика общественного развития*. 2013. № 9. С. 83–89. EDN: RDIWTF.
18. Малахов В. С. Интеграция мигрантов: Концепции и практики. М.: Ф-д «Либеральная Миссия», 2015. 272 с.

19. Международная миграция в Санкт-Петербурге: миграционная политика и общественное мнение / Под ред. О. И. Бородкиной, А. В. Соколова, А. В. Тавровского. СПб.: Скифия – принт, 2017. 330 с.
20. Михайлова Н. В., Абдель Джалиль Н. А. Причины миграции в рамках стран СНГ и стратегия миграционной политики Российской Федерации на современном этапе // Вестник РУДН. Политология. 2017. № 3. С. 259–266. DOI: 10.22363/231314382017193259266; EDN: ZHYUYF.
21. Ситникова Е. Л. Основные направления регулирования миграционных процессов в Нижегородской области // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2011. № 1. С. 74–79. EDN: ONNIDN.
22. Федорова И. В. Взаимодействие главного управления по вопросам миграции МВД России с институтами гражданского общества по вопросам миграционной политики // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 316–319. DOI: 10.24411/2414-3995-2019-10184. EDN: WWYVYT.
23. Ходусов А. А. Совершенствование миграционного законодательства как фактор оптимизации государственной миграционной политики Российской Федерации // Вестник ОмЮА. 2018. № 1. С. 80–85. DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-1-80-85; EDN: YSHAJD.
24. Шитова Н. Б. Миграционная политика РФ: развитие общегосударственных трендов в Нижегородской области // Регион в период модернизации: актуальные проблемы политической жизни. Н. Новгород: НИСОЦ, 2014. С. 58–61.
25. Шорохова С. П., Суворова В. А., Волох В. А. Особенности реализации миграционной политики в Москве в до ковидный период // Вестник ИМЦ. 2022. № 2. С. 51–58. EDN: DEIBVU.

Получено редакцией: 29.06.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Данилова Наталья Михайловна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник; старший научный сотрудник Центра изучения регионов России

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.9

Migration Policy in the Nizhny Novgorod Region: Subjects and Management Practices¹

Natalia M. Danilova

Volga Branch of FCTAS RAS, Nizhny Novgorod, Russia;

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

morozovanataliam@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1335-8496

¹ **Acknowledgements.** The publication was prepared with the support RSF grant no. 22-18-00377 “Family on the move: theoretical and empirical problems in the context of labor migration in Russia”.

For citation: Danilova N. M. Migration Policy in the Nizhny Novgorod Region: Subjects and Management Practices. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 171–191. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.9; EDN: RSTOD.

Abstract. The article examines a regional model of migration policy based on the example of the Nizhny Novgorod Region. A distinctive feature of the author's approach is the understanding of regional migration policy as a set of management practices that include both government bodies and public organisations. This approach allows us to consider migration policy as a multifaceted and complex sphere of interactions between various subjects, as well as to increase the effectiveness of the programs implemented within its framework. The main tasks in the sphere of migration policy in the region are the adaptation and integration of migrants, but there is no clear definition of these concepts and actions for their implementation. The main organisational and management structures in the region are the Migration Department of the Ministry of Internal Affairs of the Nizhny Novgorod Region, interethnic councils operating under the governor of the region and the administration of Nizhny Novgorod. Activities to include foreign citizens in regional society are not directly included in the functionality of specialised government bodies, but can be compensated by the activities of public associations. Therefore, civil society institutions, both registered associations and informal diaspora communities, should be included in management practices. In addition, unlike government bodies, they have the ability to promptly respond to requests from foreign citizens. It is noted that the identified groups of institutions participating in the implementation of migration policy have specific resources, which predetermines their functionality and the nature of their activities in management practices. Organisational and managerial institutions rely on administrative and legal resources. As the resources of civil society institutions serve communication channels among foreign citizens, high immersion and involvement in the problems of labour migrants living in the region. These circumstances require their inclusion in the development and implementation of target programs and activities of adaptation and integration orientation. The author concludes that it is advisable to create a specialised agency in the region responsible for the development and implementation of activities within the framework of regional migration policy.

Keywords: migrant, migration policy, management practices, Nizhny Novgorod region, interethnic relations

References

1. Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators. Ed. by V. I. Mukomel, K. S. Grigoreva. Moscow, FNIS RAN, 2022: 400 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022.
2. Andreitco S. V. Current problems of realization of migration policy in St. Petersburg. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta MVD Rossii*, 2018: 1: 47–50 (in Russ.). EDN: YUUFEN.
3. Burda M. A. Russia's policy in the sphere of external labor migration: management problems. *Upravlenie*, 2017: 2: 5–8 (in Russ.). DOI: 10.12737/article_59537e447b96c2.84477889; EDN: YUNJPN.
4. Varshaver E. A., Rocheva A. L., Ivanova N. S. Second Generation Migrants Aged 18–35 in Russia: Research Project Results. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2019: 2: 318–364 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.15; EDN: IORPUE.
5. Varshaver E. A., Rocheva A. L., Ivanova N. S. Migrant integration on the local level: results of an academic and practical project. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 5: 110–117 (in Russ.). EDN: YQRHGT.
6. Volokh V. A. Public policy and new forms of governance of processes of international labor migration: opportunities and risks. *PolitBook*, 2019: 1: 37–48 (in Russ.).
7. Volokh V. A., Gerasimova I. V. Management of migration processes in the Russian Federation: analysis and prospects. *Upravlenie*, 2019: 1: 5–12 (in Russ.). DOI: 10.26425/2309-3633-2019-1-5-12; EDN: OSTDRW.
8. Vorobyeva O. D., Rybakovsky L. L., Rybakovsky O. L. Migration Policy of Russia: History and Modernity. Moscow, Ekon-Inform, 2016: 192 (in Russ.).
9. Voronin G. L., Lakomova A. A. The role of public institutions and non-profit organizations in the social adaptation of migrant workers (on the example of Nizhny Novgorod Region). *Filosofiya hozyajstva*, 2020: 6: 207–229 (in Russ.). EDN: VHDPVO.
10. Galas M. L. Modern tasks of political regulation of internal and external migration of the Russian State. *Vestnik Finun-ta. Gumanitarnye nauki*, 2017: 3: 63–71 (in Russ.). EDN: YUDXYP.
11. Grigoreva K. S., Mukomel V. I. Tasks and implementation of migration law reforms: migration registration, regional authorities, corruption risks, fiscal revenues. *Migracionnoe pravo*, 2018: 2: 3–8 (in Russ.). EDN: XQZAOL.

12. Gripp E. Kh., Patrikeev V. E. Directions for improving the legal regulation of the activities of the Ministry of internal affairs of Russia in the migration sphere. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*, 2021: 2: 68–70 (in Russ.) DOI: 10.24411/2073-3305-2021-2-68-70; EDN: OUSLFX.
13. Zorin V. Yu., Burda M. A. Formation and institutionalization of state migration policy in modern Russia. *PolitBook*, 2020: 1: 113–128 (in Russ.).
14. Ispovednikov D. Yu. Economic and social consequences of the ban on the employment of foreign workers (example of the Central Federal District). *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*, 2023: 1: 143–158 (in Russ.). DOI: 10.19181/nko.2023.29.1.11; EDN: JNMQTJ.
15. Korchagina K. A., Pestov R. A. Prospects of legal regulation of migration in the Russian Federation. *Jurist-Pravoved*, 2019: 2: 76–83 (in Russ.). EDN: VXISYU.
16. Lakomova A. A. Features of social adaptation of young labor migrants (a case study of the Nizhny Novgorod region). In III National demographic forum with international participation. Moscow, FNIS RAN, 2021: 243–246 (in Russ.).
17. Maksimenko A. A. Rossijskie upravlencheskie praktiki s pozicii cennostno-racional'nogo podhoda. Fragment 1 [Russian management practices in the context of the value-rational approach. Fragment 1]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2013: 9: 83–89 (in Russ.). EDN: RDIWTF.
18. Malahov V. S. Migrant integration: concepts and practices] Moscow, F-d «Liberal'naya Missiya», 2015: 272 (in Russ.).
19. International migration in St. Petersburg: migration policy and public opinion. Ed. by O. I. Borodkina, A. V. Sokolov, A. V. Tavrovsky. St. Petersburg, Skifiya-print, 2017: 330 (in Russ.).
20. Mikhaylova N. V., Abdel Jalil N. A. The causes of migration of the CIS (Commonwealth of Independent States) countries and the strategy of migration policy of the Russian Federation at the present stage. *Vestnik RUDN. Politologiya*, 2017: 3: 259–266 (in Russ.). DOI: 10.22363/231314382017193259266; EDN: ZHYYYF.
21. Sitnokova E. L. The essential tendencies regulation of migration processes in Nizhny Novgorod Region. *Vestnik NNGU im. N. I. Lobachevskogo. Ser. Social'nye nauki*, 2011: 1: 74–79 (in Russ.). EDN: ONNIDN.
22. Fedorova I. V. Interaction of the main directorate for migration of the Ministry of internal affairs with civil society institutions on migration policy. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2019: 3: 316–319 (in Russ.). DOI: 10.24411/2414-3995-2019-10184; EDN: WWYVYT.
23. Khodusov A. A. The Improvement of the migration legislation as a factor of optimization of the state migration policy of the Russian Federation. *Vestnik OmYuA*, 2018: 1: 80–85 (in Russ.). DOI: 10.19073/2306-1340-2018-15-1-80-85; EDN: YSHAJD.
24. Shitova N. B. Migration Policy of the Russian Federation: development of the national trends in the Nizhny Novgorod region. In The region in the period of modernization: topical problems of political life. Nizhny Novgorod, NISOC, 2014: 58–61 (in Russ.).
25. Shorokhova S. P., Suvorova V. A., Volokh V. A. Features of the implementation of migration policy in Moscow in the pre-covid period. *Vestnik Instituta mirovyh civilizacij*, 2022: 2: 51–58 (in Russ.). EDN: DEIBVU.

The article was submitted on: June 29, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia M. Danilova, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher; Senior Researcher of Center for the Study of Russian Regions

РИСКИ СОЦИАЛЬНЫХ МЕТАМОРФОЗ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.10
EDN: SIQVRL

О взаимосвязи эмоционального интеллекта и личностных черт с отношением к чувствительной теме (на примере проблемы домашнего насилия)¹

Ссылка для цитирования: Ларина Т. И. О взаимосвязи эмоционального интеллекта и личностных черт с отношением к чувствительной теме (на примере проблемы домашнего насилия) // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 192–212. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.10; EDN: SIQVRL.

For citation: Larina T. I. On the Relationship Between Emotional Intelligence and Personality Traits with Attitudes Toward a Sensitive Topic (Using the Problem of Domestic Violence as an Example). *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 192–212. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.10; EDN: SIQVRL.

Ларина Татьяна Игоревна¹

¹Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Larina-ti@rudn.ru

SPIN-код: 4607-6817

Аннотация. Статья представляет собой обзор результатов проведенного автором поискового эмпирического исследования, целью которого являлась проверка связи субъективных факторов, таких как эмоциональный интеллект и черты «Большой пятерки» с отношением к чувствительным тематикам в социологических опросах (на примере проблемы домашнего насилия). Тема домашнего насилия была выбрана, поскольку она активно обсуждается в медиадискурсе, но, в то же время, еще остается достаточно табуированной для российского общества. Чувствительность вопросов определяется не только темой, но и личностным контекстом, поэтому для исследования в качестве субъективных факторов выбраны эмоциональный интеллект и черты характера. Для измерения эмоционального интеллекта использован тест Н. Шутте, как надежный, валидный и в то же самое время не слишком объемный для психологической методики инструмент, а для выявления черт «Большой пятерки» – методика М. С. Егоровой и О. В. Паршиковой. Часть вопросов о домашнем насилии взяты из опросов ВЦИОМ (2011, 2019 гг.) и ФОМ (2019 г.), добавлены также авторские вопросы, включающие «шкалу искренности», по которой респондент в конце анкеты мог оценить степень своей искренности при ответах на заданные вопросы. В качестве испытуемых выступили студенты в возрасте 18–24 лет (n = 125). Были проведены сравнение полученных результатов с результатами опросов по теме домашнего насилия ВЦИОМ и ФОМ по возрастной группе 18–24 года, а также корреляционный анализ, выявивший наличие слабой связи между показателями эмоционального интеллекта, экстраверсией и отношением к теме домашнего насилия. В результате получен весьма значимый вывод

¹ Статья подготовлена в рамках инициативной темы НИР РУДН № 100932-0-000 «Динамика ценностных ориентаций студенческой молодежи в процессе обучения в вузе».

о том, что высокий уровень эмоционального интеллекта связан с искренностью респондентов при ответах на сенситивные темы. Статья будет интересна в первую очередь специалистам, интересующимся методологией социологических исследований и междисциплинарными исследованиями.

Ключевые слова: социология, психология, домашнее насилие, сенситивная тематика, эмоциональный интеллект, модель «Большая пятерка», искренность, полевые исследования

Введение

Поиск новых, более эффективных методов сбора социологических данных и разработка приемов, позволяющих получить значимые результаты, в методологии социологической науки – перманентная проблема. Сенситивная¹ тематика представляет собой определенный «вызов» исследователям, поскольку требует особого подхода и формулировки вопросов для получения искренних ответов от респондентов. По замечанию А. Ю. Мягкова, помимо контекста опроса, того, кто и кого спрашивает, «сенситивность вопроса не объективна, а зависит от его восприятия отвечающими. Однако восприятие вопроса социально и культурно детерминировано, оно различается у разных людей и в разные периоды времени в зависимости от разных факторов, как субъективных, так и объективных» [10, с. 23].

Отношение к проблеме домашнего насилия в значительной степени формируется в процессе воздействия микро- и макросоциальных факторов, таких как особенности социализации индивидов, характеристики семьи, окружение, медиа-влияние, социальные трансформации, происходящие в обществе и др. Данный вопрос в современной социологической литературе рассмотрен довольно подробно [см. напр. 6; 9; 19], в то время как «погружение» в личность респондента для поиска ответов на поставленные вопросы проводится довольно редко. Методика «Большая пятерка» выбрана нами, как являющаяся универсальной и широко применяемой, в силу возможности получения на ее основе данных и о других важных характеристиках, например, темпераменте, то есть она включает в себя основные личностные показатели. Эмоциональный интеллект же интересен тем, что опосредует если не прямое отношение ко многим социальным явлениям, то определенно влияет на саморегуляцию социального поведения [13]. Поэтому эти параметры выделены в статье как субъективные факторы, которые могут быть связаны с отношением к проблеме домашнего насилия.

Тема домашнего насилия выбрана в качестве фоновой из-за ее актуальности для российского общества и сложности получения искренних ответов на связанные с ней вопросы в силу ее табуированности.

¹ В социологии под сенситивной тематикой подразумеваются «деликатные» темы, которые затрагивают личное, либо аспекты, о которых непринято говорить публично, в связи с чем есть риск получения неискренних ответов.

Обзор литературы

Термин «эмоциональный интеллект» появился в ходе разработки научного направления, связанного с социальным интеллектом, однако сейчас сфера изучения эмоционального интеллекта – самостоятельное научное направление. Термин впервые был употреблен в труде Дж. Майера и П. Сэловея, которые определили эмоциональный интеллект как способность отслеживать собственные и чужие чувства и эмоции, различать их и использовать эту информацию для направления мышления и действий [23]. Методик измерения эмоционального интеллекта очень много, в основном они делятся на опросники самооценки, которые имеют очевидные недостатки в виде субъективной оценки, и опросники, основанные на решении задач. Классическим считается MSCEIT v. 2.0 (The Mayer–Salovey–Caruso Emotional Intelligence Test), стандартизированный опросник для измерения эмоционального интеллекта, основанный на решении задач [22]. Однако он неудобен для использования в социологии в силу своего большого объема.

Удобными для практического применения методиками измерения эмоционального интеллекта в социологии являются методики самооценки, в частности методика Self Report Emotional Intelligence Test (SREIT), сконструированная Н. Шутте с соавторами на базе ранней модели Майера и Сэловея [24]. Опросник насчитывает 33 утверждения, формирующих три шкалы: «Оценка и выражение эмоций», «Регулирование эмоций», «Использование эмоций при решении проблем». Участник исследования анализирует каждое утверждение по отношению к себе по пятибалльной шкале, где 1 – «это совершенно не обо мне», а 5 – «это точно про меня». Шкальные оценки получают методом сложения полученных баллов по ключам [16, с. 22]. В социологических исследованиях, особенно в социологических опросах, можно пренебречь долей субъективности, получающейся в результате применения опросников самооценки эмоционального интеллекта, которая может быть критична для психологических исследований, поскольку в данном случае они выступают лишь вспомогательным, а не основным, инструментом. В социологии концепции эмоционального интеллекта чаще всего используются в управленческом дискурсе [1; 14].

«Большая пятерка» («The Big Five»), также называемая моделью личности OCEAN, является психометрической методикой, измеряющей основные качества личности (экстраверсия, доброжелательность, сознательность, нейротизм, открытость опыту); впервые этот термин ввел Л. Голдберг в 1981 г. [20]. Методик, измеряющих черты, входящие в эту модель, достаточно много, это и IPIP-NEO-120, IPIP-NEO-300, BFI и т. д. Специалистами из НИУ ВШЭ отмечены несколько тестов, измеряющих не только черты, но и их составляющие – аспекты, или фасеты (facets) [7], но все эти тесты достаточно объемны и представляются сомнительными для использования в социологических исследованиях ввиду большой когнитивной нагрузки на респондента. В рамках нашего исследования предлагалось использование короткого портретного опросника «Большой

Пятерки» (Б5-10) М. С. Егоровой, О. В. Паршиковой, с помощью которого можно с минимальными временными затратами получать ориентировочную оценку по пяти чертам [4].

Модель «Большая пятерка» используется в прикладных социологических исследованиях для установления влияния личностных характеристик на значимое социальное поведение [3; 15; 16].

Идея проверки того, насколько личностные характеристики (субъективные факторы в терминологии А. Ю. Мягкова), такие как эмоциональный интеллект и черты «Большой пятерки» могут быть связаны с отношением к сенситивной тематике появилась не случайно, исследования данного направления уже несколько лет реализуются на кафедре социологии РУДН [11; 12; 13; 18].

Состоятельность этой идеи можно найти в работах и других исследователей. Например, Н. Н. Бочкова и Н. В. Мешкова в статье о современном состоянии зарубежных исследований эмоционального интеллекта отмечают, что с одной стороны «низкий уровень эмоционального интеллекта связан с агрессией, в то время как его высокий уровень связан с просоциальным поведением, но с другой – если учитывать такие личностные характеристики, как враждебность, макиавеллизм, согласие («NEO-5»), то можно думать, что именно высокий уровень эмоционального интеллекта опосредует девиантное поведение» [2, с. 55].

А. Ю. Мягков, рассуждая о сенситивности в социологических опросах, отмечает, что сейчас для социологов уже почти не осталось запретных тем: «Вопросы по таким темам, как безопасный секс и домашнее насилие, употребление наркотиков и злоупотребление алкоголем, коррупция, самоубийства и др., стали обычной практикой в массовых опросах населения» [10, с. 11]. Для исследования нами выбрана тема домашнего насилия, которая стала широко обсуждаться в обществе, особенно после пандемии COVID-19, и при этом имеющая высокий уровень сенситивности, поскольку в обществе сохраняются установки на табуированность происходящего в рамках отдельных домохозяйств. Кроме того, явно имеются правовые проблемы, связанные с недостатками законодательства, регулирующего данную область.

А. П. Казун со ссылкой на американских ученых (Б. Бозеруп, М. Маккинли и А. Элкбули) приводит определение домашнего насилия как различных форм насилия, которые возникают внутри домохозяйств между интимными партнерами, а также насилие по отношению к детям и людям старшего возраста [5, с. 74]. На быденном уровне с домашним насилием в первую очередь ассоциируются физические действия, в то время как выделяется намного больше различных форм – и психологическое, и сексуализированное, и экономическое, и другие виды насилия. Однако углубление в теорию содержания форм домашнего насилия не является задачей данной статьи.

Так, эмоциональный интеллект и персональные черты модели «Большая пятерка» гипотетически могут опосредовать отношение к сенситивным темам респондентами в социологических опросах. Эта гипотеза

будет проверена ниже. Знание подобных закономерностей может дать информацию для повышения качества данных, получаемых при проведении опросов на сенситивную тематику.

Дизайн исследования

В марте 2024 г. на базе Лаборатории социологических и фокус-групповых исследований РУДН было реализовано исследование, целью которого явилась попытка установления взаимосвязи между уровнем эмоционального интеллекта и чертами «Большой пятерки» и отношением студентов к проблеме домашнего насилия. Данное исследование можно отнести и к группе поисковых эмпирических исследований, поэтому к нему можно не предъявлять требования репрезентативности, а целевая группа, выбранная для исследования, как будет показано ниже, отражает общероссийские тенденции указанной возрастной группы в отношении к тематике. Тем не менее, безусловно, в дальнейшем необходимо проведение более масштабных опросов.

Инструментарием выступили: короткий портретный опросник «Большой пятерки» (Б5-10) в адаптации М. С. Егоровой и О. В. Паршиковой, тест эмоционального интеллекта Н. Шутте, представляющий собой опросник, разработанный на основе четырехкомпонентной теоретической модели эмоционального интеллекта Дж. Майера и П. Саловея, а также ряд вопросов, взятых из опросников крупных социологических центров (ВЦИОМ, ФОМ и другие) о проблеме домашнего насилия. С данными этих опросов затем будет проведено сравнение, в частности:

Вопрос из опроса ВЦИОМ 2019 г.¹: *«Как Вы считаете, проблема насилия в семье/ домашнего насилия – это скорее важная или скорее не важная проблема для нашей страны?»*

Вопросы из опроса ФОМ 2019 г.²: *«Представьте, что к вам за советом обратилась подруга и сказала, что муж применил к ней физическую силу. Вы бы посоветовали ей разойтись с мужем или сохранить семью?»*

«Представьте, что к вам за советом обратился друг и сказал, что жена его бьет. Вы бы посоветовали ему разойтись с женой или сохранить семью?»

«Есть ли у вас знакомые семьи, где супруги во время ссор применяют физическую силу, или таких семей нет? Или, может быть, такое случается в вашей семье?»

«Одни люди считают, что если такой случай в семье, когда кто-то из супругов поднял руку на другого супруга, произошел только один раз, то это можно простить. Другие считают, что даже первый такой случай не следует прощать супругу. А как считаете Вы?»

¹ Худой мир – или добрая ссора? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск. 2019. 16 декабря. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/khudoj-mir-ili-dobraya-ssora> (дата обращения: 26.04.2024).

² Домашнее насилие // ФОМ. Пресс-выпуск. 2019. 06 августа. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14236%20> (дата обращения: 26.04.2024). Источник данных: «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 28 июля 2019г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, n = 1500. Стат. погрешность не превышает 3,6%.

«Раньше семейные побои считались уголовным преступлением. Несколько лет назад законодательство изменили, и теперь семейные побои расцениваются не как уголовное преступление, а как административное правонарушение, за которое, как правило, выписывают штраф. Вы лично относитесь к этому изменению положительно или отрицательно?»

Вопрос из опроса ВЦИОМ 2011 г.¹: *«Согласны ли Вы или нет с перечисленными ниже русскими пословицами и поговорками, описывающими отношения в семье?»*

Также нами был добавлен вопрос: *«Оцените, пожалуйста, свою искренность при ответе на вопросы выше по 5-балльной шкале, где 5 – я отвечал(а) полностью искренне, 1 – мои ответы нельзя назвать искренними»* для самооценки искренности респондентами и дальнейшей проверки того, как искренность связана с субъективными факторами при ответе на сенситивные вопросы.

Опрос проводился онлайн при помощи Google-форм. В исследовании использована целевая выборка по критерию возраста и пола. В нем приняли участие 125 студентов, по 25 человек каждой возрастной группы: от 18 лет до 24 лет (всего 5 групп, 18 лет, 19 лет, 20 лет, 21 год и группа лиц от 22 до 24 лет). 25 человек – минимальная экспериментальная группа. Среди опрошенных примерно одинаковое количество мужчин и женщин – 45 и 55% соответственно.

В контексте используемых нами концептов эмоционального интеллекта и качеств «Большой пятерки» все признаки, кроме возраста и пола не являются достаточно значимыми. Нет необходимости репрезентировать генеральную совокупность студенчества, поскольку мы ищем вероятные тенденции. Конечно, студенческий возраст не предполагает в большинстве своем опыта супружеской жизни, поэтому при ответах на предложенные вопросы мы имеем дело в основном с проекциями. Однако с учетом существования парадокса Лапьера нельзя утверждать прямые связи даже между реальным опытом респондентов и последующим их поведением, поэтому предложенный контекст вполне оправдан для достижения указанных методологических целей.

Результаты

Несмотря на то, что цель опроса больше методическая и направлена на проверку гипотезы о взаимосвязи личностных характеристик и эмоционального интеллекта с отношением к теме домашнего насилия, рассмотрение данных по социально-демографическим признакам также довольно интересно, поскольку ниже в статье мы рассмотрим и связь пола с субъективными факторами и искренностью при ответах на вопросы о домашнем насилии. Помимо этого, по каждому вопросу о домашнем насилии приведены данные из оригинального опроса с сегментацией по социально-демографическому признаку там, где это возможно.

¹ Милые бранятся – только тешатся, но бьет – не значит любит! // ВЦИОМ. Опрос от 08.07.2011. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/milye-branyatsya-tolko-teshatsya-no-bet-ne-znachit-lyubit> (дата обращения: 26.04.2024).

Важность проблемы. Отвечая на вопрос в 2024 г. «Как Вы считаете, проблема насилия в семье/домашнего насилия – это скорее важная или скорее не важная проблема для нашей страны?», все респонденты признали проблему важной, однако чаще это делали женщины – 94% ответили «скорее важная» (против 83% мужчин). В опросе ВЦИОМ 2019 г. 79% женщин и 65% мужчин полагали так же, среди респондентов возраста 18–24 лет так считали 83%.

Допустимость насилия в семье в зависимости от пола респондента. Интересно выглядят данные по проективным вопросам с главными действующими лицами разных полов: «Представьте, что к вам за советом обратилась подруга и сказала, что муж применил к ней физическую силу. Вы бы посоветовали ей разойтись с мужем или сохранить семью?» и «Представьте, что к вам за советом обратился друг и сказал, что жена его бьет. Вы бы посоветовали ему разойтись с женой или сохранить семью?». Мнения юношей не меняются в зависимости от того какого пола жертва домашнего насилия – по 89% считают нужным разойтись и мужу, и жене в случае применения партнером физической силы, а девушки хоть и оценивают обе ситуации негативно, но применение силы по отношению к женщине (жене) считают более недопустимым – 88 против 75% в ситуации, когда жена бьет мужа (см. рис. 1). В оригинальном опросе в 2019 г. разойтись женщине предлагали 50% (27% мужчин и 44% женщин) опрошенных и мужчине – 36% (26% мужчин и 31% женщин) опрошенных 18–30 лет¹.

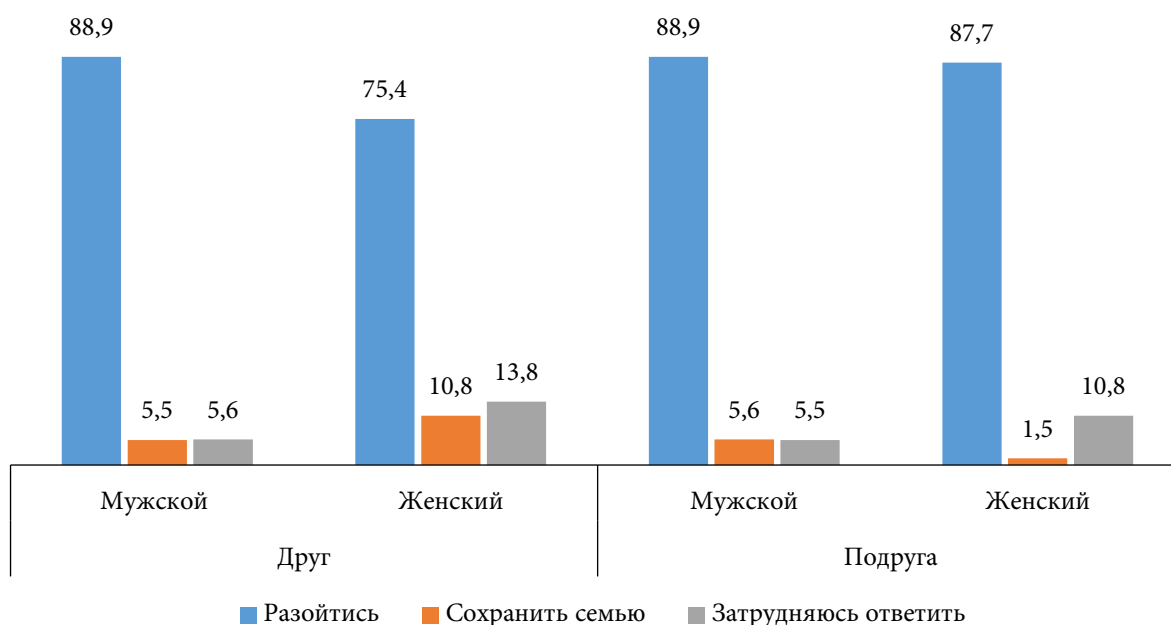

Рис. 1. Распределение ответов респондентов возрастной группы 18–24 года на вопросы опроса 2024 года, содержащие проективные ситуации о домашнем насилии с героями разных полов, %

Figure 1. Distribution of answers of respondents in the age group 18–24 years to the survey questions of 2024 containing projective situations about domestic violence with characters of different genders, %

¹ Домашнее насилие // ФОМ. Пресс-выпуск. 2019. 06 августа. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14236%20> (дата обращения: 26.04.2024).

Рукоприкладство. Юноши же чаще склонны оправдывать однократное применение силы в ответах на вопрос «Одни люди считают, что если такой случай в семье, когда кто-то из супругов поднял руку на другого супруга, произошел только один раз, то это можно простить. Другие считают, что даже первый такой случай не следует прощать супругу. А как считаете Вы?» – 42% полагают, что следует простить, в то время как 6% девушек считают так же (данные 2024 г.). В оригинальном опросе 15 мужчин и 13% женщин высказывались в пользу оправдания насилия, и 14% респондентов в возрасте 18–24 высказывались подобным образом.

Домашнее насилие и законодательство. Примерно такие же тенденции наблюдаются в ответах на вопрос «Раньше семейные побои считались уголовным преступлением. Несколько лет назад законодательство изменили, и теперь семейные побои расцениваются не как уголовное преступление, а как административное правонарушение, за которое, как правило, выписывают штраф. Вы лично относитесь к этому изменению положительно или отрицательно?». Каждый десятый опрошенный юноша в 2024 г. относится к такому изменению положительно, в то время как девушек, подобным образом оценивающих данное изменение в два раза меньше; дающих отрицательную оценку мужчин – 66%, женщин – 88%. В оригинальном опросе 45% мужчин и 67% женщин давали отрицательную оценку, среди 18–24 летних полагающих так было 61% респондентов.

Пословицы о насилии. Респондентам было предложено согласиться или не согласиться с четырьмя пословицами: 1. «Детей наказывай стыдом, а не кнутом»; 2. «Худой мир лучше доброй ссоры»; 3. «Милые бранятся – только тешатся»; 4. «Бьет – значит любит» (см. рис. 2).

В отношении первой пословицы респонденты в опросе 2024 г. почти единодушны – 65–70% полагают, что этой действительно так. По трем следующим пословицам мнения разделились. Так, юноши более склонны полагать, что худой мир лучше доброй ссоры (39 против 24% девушек), что ссоры влюбленных – обычное явление (31 против 12%), как и использование физической силы (8 против 2%). В оригинальном опросе с первой пословицей согласились 78% опрошенных, со второй – 70%, с третьей – 65% и с четвертой – 8%¹.

В целом, наблюдается более радикальное отношение к проблеме домашнего насилия именно женщин, что согласуется с данными, полученными ВЦИОМ и ФОМ, даже несмотря на то, что все опросы проведены достаточно давно (более 5 лет назад). Помимо этого, следует отметить, что при сохранении гендерных тенденций в оценке проблемы общий дискурс значительно радикализировался, отношение к теме стало более критичным. Это легко объясняется популяризацией темы в общественном сознании: о ней говорят все чаще, резонансных случаев фиксируется все больше.

¹ Милые бранятся – только тешатся, но бьет – не значит любит! // ВЦИОМ. Опрос от 08.07.2011. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/milye-branyatsya-tolko-teshatsya-no-bet-ne-znachit-lyubit> (дата обращения: 26.04.2024).

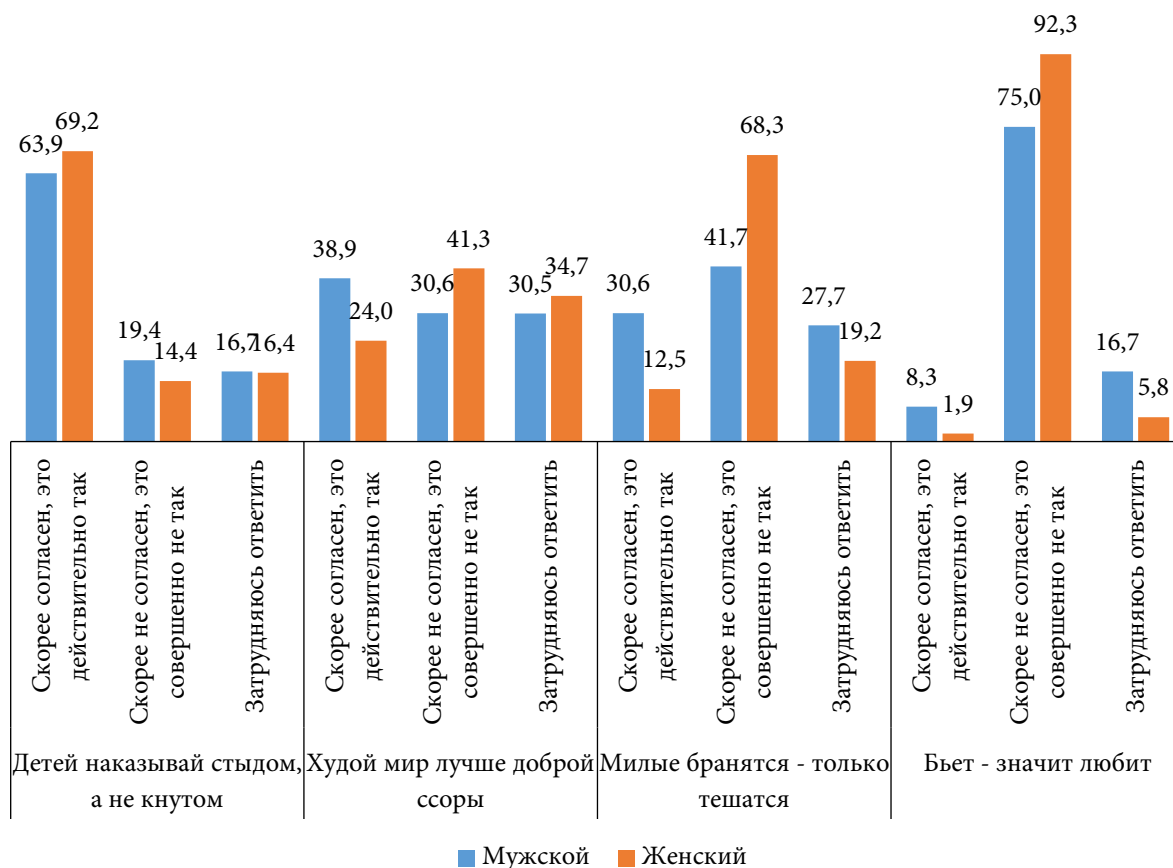

Рис. 2. Оценка пословиц респондентами мужского и женского пола (2024), %

Figure 2. Evaluation of proverbs by male and female respondents (2024), %

Далее мы рассмотрим сопряжение вопросов о домашнем насилии с показателями эмоционального интеллекта (переменная закодирована по порядковой шкале), дополнительно приведем коэффициенты взаимосвязи с эмоциональным интеллектом – Пирсона (r) (метрическая шкала) и чертами «Большой пятерки» – Спирмена (r_s) (псевдометрическая шкала на выходе) там, где они уместны.

На вопрос о важности проблемы насилия в семье респонденты, обладающие разным уровнем эмоционального интеллекта, ответили, что проблема скорее важная. Можно отметить, что студенты с низким уровнем эмоционального интеллекта говорят о важности проблемы несколько реже, чем студенты со средним или высоким уровнем эмоционального интеллекта. Эта связь статистически не значима ($r = -0,101$), но некоторые различия в ответах все же видны (см. табл. 1). При рассмотрении соотношения черт «Большой пятерки» с ответами на представленный вопрос также не выявлено значимых корреляций.

Таблица 1 (Table 1)

Ответы на вопрос: «Как Вы считаете, проблема насилия в семье/ домашнего насилия – это скорее важная или скорее не важная проблема для нашей страны?».

Распределение по уровню эмоционального интеллекта, %

Answers to the question: “Do you think the problem of domestic violence/ domestic violence is rather important or rather not important for our country?”.

Distribution by level of emotional intelligence, %

Категории	Скорее важная	Скорее не важная	Не задумывался об этом, не знал о такой проблеме	Затрудняюсь ответить
Высокий уровень	93,3	0	6,7	0
Средний уровень	93,2	1,9	4,9	0
Низкий уровень	81,8	4,5	9,1	4,5

В вопросе для мужчин, направленном на гипотетическое применение силы к человеку одного с ними пола не выявлено закономерности ответов в зависимости от уровня эмоционального интеллекта, что подтверждается статистически, $r=-0,97$. По чертам «Большой пятерки» также не значимых результатов (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Ответы на вопрос: «Представьте, что к вам за советом обратился друг и сказал, что жена применила к нему физическую силу. Вы бы посоветовали ему разойтись с женой или сохранить семью?» (отвечали только мужчины).

Распределение по уровню эмоционального интеллекта, %

Answers to the question: “Imagine that a friend came to you for advice and said that his wife had used physical force against him. Would you advise him to separate from his wife or keep the family together?” (only men answered).

Distribution by level of emotional intelligence, %

Категории	Разойтись	Сохранить семью	Затрудняюсь ответить
Высокий уровень	100	0	0
Средний уровень	86,7	6,7	7,9
Низкий уровень	100	0	0

Аналогичный вопрос для женщин показал, что респонденты с высоким уровнем эмоционального интеллекта чаще предпочитают отмечать «затрудняюсь ответить» на данный вопрос. Статистическая связь не значима, $r=-0,77$. По чертам «Большой пятерки» также не значимых результатов (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Ответы на вопрос: «Представьте, что к вам за советом обратилась подруга и сказала, что муж применил к ней физическую силу. Вы бы посоветовали ей разойтись с мужем или сохранить семью?» (отвечали только женщины).

Распределение по уровню эмоционального интеллекта, %

Answers to the question: "Imagine that a friend came to you for advice and said that her husband had used physical force on her. Would you advise her to separate from her husband or keep the family together?" (only women answered).

Distribution by level of emotional intelligence, %

Категории	Разойтись	Сохранить семью	Затрудняюсь ответить
Высокий уровень	75	0	25
Средний уровень	89,6	2,1	8,3
Низкий уровень	88,9	0	11,1

Вопрос о рукоприкладстве оказался очень показателен – респонденты с высоким уровнем эмоционального интеллекта более отрицательно относятся к применению физической силы в семье, что подтверждается статистически, $r = -0,183$ при $p \leq 0,05$. Также выявлена связь с экстраверсией $r_s = -0,171$ при $p \leq 0,05$.

Таблица 4 (Table 4)

Ответы на вопрос: «Одни люди считают, что если такой случай в семье, когда кто-то из супругов поднял руку на другого супруга, произошел только один раз, то это можно простить. Другие считают, что даже первый такой случай не следует прощать супругу. А как считаете Вы?».

Распределение по уровню эмоционального интеллекта, %

Answers to the question: "Some people believe that if such an incident in a family, when one spouse raises his or her hand against the other spouse, happens only once, it can be forgiven. Others believe that even the first such incident should not be forgiven to a spouse. What do you think?". Distribution by level of emotional intelligence, %

Категории	Следует простить	Не следует прощать	Затрудняюсь ответить
Высокий уровень	20	80	0
Средний уровень	15,5	55,3	29,1
Низкий уровень	9,1	54,5	36,4

Респонденты с низким уровнем эмоционального интеллекта чаще положительно относятся к снижению тяжести наказания за семейные побои, чем респонденты со средним или высоким уровнем эмоционального интеллекта, однако значимой статистической связи здесь не выявлено ($r = -0,015$), также, как и с чертами «Большой пятерки» (см. табл. 5).

Таблица 5 (Table 5)

Ответы на вопрос: «Раньше семейные побои считались уголовным преступлением. Несколько лет назад законодательство изменили, и теперь семейные побои расцениваются не как уголовное преступление, а как административное правонарушение, за которое, как правило, выписывают штраф.

Вы лично относитесь к этому изменению положительно или отрицательно?».

Распределение по уровню эмоционального интеллекта, %

Answers to the question: “Family battering used to be a criminal offense. A few years ago, the legislation was changed, and now family beatings are considered not as a criminal offense, but as an administrative offense, for which, as a rule, a fine is issued.

Do you personally have a positive or negative attitude to this change?”.

Distribution by level of emotional intelligence, %

Категории	Положительно	Отрицательно	Затрудняюсь ответить
Высокий уровень	6,7	80	13,3
Средний уровень	3,9	86,4	9,7
Низкий уровень	13,6	68,2	18,2

Довольно интересные результаты получены при рассмотрении согласия респондентов с пословицами о домашнем насилии, хоть статистических связей здесь и не выявлено. Так, видно, что респонденты с высоким и средним уровнем эмоционального интеллекта гораздо чаще, чем респонденты с низким уровнем эмоционального интеллекта высказываются в пользу нефизического наказания и мира (см. табл. 6 и 7). По реакциям на пословицу «Милые бранятся – только тешатся» нельзя выявить какую-то тенденцию (см. табл. 8), а вот с пословицей «Бьет – значит любит» чаще склонны соглашаться респонденты с низким эмоциональным интеллектом (см. табл. 8).

Таблица 6 (Table 6)

Согласие с пословицей: «Детей наказывай стыдом, а не кнутом».

Распределение по уровню эмоционального интеллекта, %

Agreement with the proverb: “Punish children with shame, not with a whip”.

Distribution by level of emotional intelligence, %

Категории	Скорее согласен, это действительно так	Скорее не согласен, это совершенно не так	Затрудняюсь ответить
Высокий уровень	80	13,3	6,7
Средний уровень	66	18,4	15,5
Низкий уровень	68,2	4,5	27,3

Таблица 7 (Table 7)

Согласие с пословицей: «Худой мир лучше доброй ссоры».
Распределение по уровню эмоционального интеллекта, %
Agreement with the proverb: “A bad peace is better than a good quarrel”.
Distribution by level of emotional intelligence, %

Категории	Скорее согласен, это действительно так	Скорее не согласен, это совершенно не так	Затрудняюсь ответить
Высокий уровень	26,7	60	13,3
Средний уровень	30,1	35	35
Низкий уровень	18,2	40,9	40,9

Таблица 8 (Table 8)

Согласие с пословицей: «Милые бранятся – только тешатся».
Распределение по уровню эмоционального интеллекта, %
Agree with the proverb: “A sweetheart’s quarrel is only a fond one”.
Distribution by level of emotional intelligence, %

Категории	Скорее согласен, это действительно так	Скорее не согласен, это совершенно не так	Затрудняюсь ответить
Высокий уровень	13,3	53,3	33,3
Средний уровень	18,4	66	15,5
Низкий уровень	13,6	45,5	40,9

Таблица 9 (Table 9)

Согласие с пословицей: «Бьет – значит любит».
Распределение по уровню эмоционального интеллекта, %
Agreement with the proverb: “To beat is to love”.
Distribution by level of emotional intelligence, %

Категории	Скорее согласен, это действительно так	Скорее не согласен, это совершенно не так	Затрудняюсь ответить
Высокий уровень	6,7	86,7	6,7
Средний уровень	1	94,2	4,9
Низкий уровень	13,6	59,1	27,3

Респонденты с высоким и средним уровнем эмоционального интеллекта чаще отмечали, что сами сталкивались с домашним насилием в своей семье (см. табл. 10).

Таблица 10 (Table 10)

Ответы на множественный вопрос: «Есть ли у вас знакомые семьи, где супруги во время ссор применяют физическую силу, или таких семей нет? Или, может быть, такое случается в вашей семье?».

Распределение по уровню эмоционального интеллекта, %

Answers to the multiple-choice question: "Do you know any families where spouses use physical force during quarrels, or are there no such families? Or maybe this happens in your family?". Distribution by level of emotional intelligence, %

Категории	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
Такое случается в моей семье	16,7	83,3	0
Есть знакомая(-ые) семья (-и), где муж бьет жену	11,5	69,2	19,2
Есть знакомая(-ые) семья (-и), где жена бьет мужа	0	71,4	28,6
Есть знакомая(-ые) семья (-и), где супруги бьют друг друга	13,3	73,3	13,3
Таких семей нет	8,2	77,6	14,1
Затрудняюсь ответить	11,1	66,7	22,2

Хотя в результате анализа выявлен минимум статистически значимых связей, однако наметились видимые тенденции более негативного отношения к домашнему насилию со стороны респондентов со средним и высоким уровнем эмоционального интеллекта. Возможно, значимая разница появится на больших выборках.

Наиболее значимые результаты получены для вопроса о рукоприкладстве, выявлено несколько закономерностей (см. табл. 3):

- Чем выше уровень эмоционального интеллекта, тем реже респонденты склонны оправдывать домашнее насилие (значимая обратная связь с метрической шкалой уровня эмоционального интеллекта, $r = -0,183$, $p \leq 0,05$).

- Чем выше уровень экстраверсии, тем с большей снисходительностью респондент смотрит на домашнее насилие (значимая обратная связь с метрической шкалой уровня эмоционального интеллекта, $r_s = -0,171$, $p \leq 0,05$).

Такие результаты могут быть объяснены характером самого вопроса, который подходит к проблеме домашнего насилия достаточно прямо.

Искренность – характеристика, которая часто звучит в связи с сенситивной проблематикой в социологии, поэтому далее на полученных данных мы постарались показать, связана ли и как эта характеристика с эмоциональным интеллектом и чертами «Большой пятерки». Понимание этого факта поможет найти новые методические решения для количественных опросов.

Интересным фактом явилась выявленная связь между искренностью респондентов и их уровнем эмоционального интеллекта, а также чертами «Большой пятерки» при помощи коэффициента Спирмена (r_s) (см. табл. 11).

- Чем выше экстраверсия респондента, тем более искренние ответы он склонен давать ($r_s=0,183$, $p\leq 0,05$);
- Высокий эмоциональный интеллект положительно связан с искренностью респондента ($r_s=0,289$, $p\leq 0,01$);
- Высокий эмоциональный интеллект значимо связан с показателями экстраверсии, доброжелательности, сознательности и открытости опыту и не связан с показателями нейротизма.

Таблица 11 (Table 11)

Взаимосвязь переменных «искренность», «уровень эмоционального интеллекта» и черты «Большой пятерки» коэффициента Спирмена (r_s)
Relationship between the variables “sincerity”, “level of emotional intelligence” and the Big Five trait of Spearman’s coefficient (r_s)

Категории	Экстраверсия	Доброжелательность	Сознательность	Нейротизм	Открытость	Сумма баллов ЭИ	Искренность
Экстраверсия	1,000	0,186*	0,158	0,004	0,810**	0,334**	0,183*
Доброжелательность	0,186*	1,000	0,237**	-0,428**	0,100	0,342**	0,149
Сознательность	0,158	0,237**	1,000	-0,255**	0,158	0,290**	0,105
Нейротизм	0,004	-0,428**	-0,255**	1,000	0,050	-0,152	0,021
Открытость	0,810**	0,100	0,158	0,050	1,000	0,289**	0,149
Сумма баллов ЭИ	0,334**	0,342**	0,290**	-0,152	0,289**	1,000	0,289**
Искренность	0,183*	0,149	0,105	0,021	0,149	0,289**	1,000

Примечание. * $p\leq 0,05$ (2-сторон.); ** $p\leq 0,01$ (2-сторон.).

Рангово-бисериальный коэффициент (r_{rb}) был использован для проверки наличия или отсутствия взаимосвязи между дихотомической переменной «пол» и переменными «искренность» и «эмоциональный интеллект» (см. табл. 12). Установлено, что женщины обладают более высокими показателями эмоционального интеллекта и чаще дают искренние ответы на вопросы о домашнем насилии (см. табл. 12).

Таблица 12 (Table 12)

Взаимосвязь переменных «пол», «искренность» и «уровень эмоционального интеллекта» на основании рангово-бисериального коэффициента (r_{pb})
Relationship of variables “gender”, “sincerity” and “level of emotional intelligence” based on rank-biserial coefficient (r_{pb})

Категории	Коэффициент	Искренность	Эмоциональный интеллект
Пол	r_{pb}	0,222*	-0,103
	Знч.(2-сторон)	0,008	0,225

Примечание. * $p\leq 0,05$ (2-сторон.); ** $p\leq 0,01$ (2-сторон.).

Выводы

По результатам поискового исследования высокий уровень эмоционального интеллекта связан с неприятием домашнего насилия, в то время как экстраверсия, как черта «Большой пятерки», наоборот, связана с оправданием насилия. Существуют исследования, доказывающие, что уровень развития эмоционального интеллекта является предиктором агрессивных проявлений во всех его формах, вне зависимости от пола и возраста, причем эта связь обратная [8, с. 33]. Если рассматривать тему насилия как прямо относящуюся к агрессии и агрессивности, то полученные данные не кажутся удивительными.

Экстраверсия и высокий эмоциональный интеллект чаще являются характеристиками респондентов, которые готовы отвечать искренне на сенситивные вопросы.

В отличие от психологических исследований мы не используем шкалы лжи для диагностики искренности, а задаем прямой вопрос, и допускаем, что, среди тех, кто утверждает, что отвечал искренне могут быть люди, которые недоговаривают, но процент тех, кто признается в неискренности, очевидно, объективный. Есть подтверждения того, что низкий уровень доброжелательности связан с эмоциональными манипуляциями, что в свою очередь детерминирует неискренность [21].

По результатам проведенного поискового эмпирического исследования можно сделать несколько выводов как прикладного, так и методического характера:

- Определенно, существует необходимость в проведении более масштабного исследования для верификации полученных закономерностей и выявления новых;
- После этого станет возможным включение в опросники коротких тестов на эмоциональный интеллект и экстраверсию как методик контроля искренности при ответе на вопросы о домашнем насилии. Предложенная нами для использования в социологических опросах методика измерения эмоционального интеллекта может стать дополнительным инструментом диагностики искренности респондентов в опросах по сенситивным темам;
- Для отбора респондентов на интервью, эксперименты и фокус-группы на темы, связанные с домашним насилием, возможен учет эмоционального интеллекта и экстраверсии при поиске респондентов, снисходительно смотрящих на домашнее насилие. С учетом сенситивности темы люди чаще дают социально желательные ответы, поиск информантов для социологических исследований в рамках качественной парадигмы (интервью и фокус-группы) со специфическим мнением требует новых подходов;
- Выявленные нами гендерные различия также требуют проверки в последующих исследованиях.

В целом проведенное поисковое исследование показывает большой эвристический потенциал использования психотехнических методик измерения эмоционального интеллекта и черт «Большой пятерки» в социологических опросах для получения дополнительной информации.

Библиографический список

1. Астафичева Е. Ю. Эмоциональный интеллект, успешность и психологическая адаптивность к среде как факторы обеспечения эффективности социального управления // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2023. Т. 99. № 3. С. 176–183. DOI: 10.35750/2071-8284-2023-3-176-183; EDN: RPKULS.

2. Бочкова М. Н., Мешкова Н. В. Эмоциональный интеллект и социальное взаимодействие: зарубежные исследования // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7. № 2. С. 49–59. DOI: 10.17759/jmfp.2018070205; EDN: XZTFTF.

3. Волченко Т. В. Влияние личностных характеристик талантливых сотрудников на их добровольное увольнение // Вестник Московского ун-та. Сер. 6. Экономика. 2023. Т. 58. № 1. С. 86–109. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-58-1-5; EDN: KRGJSE.

4. Егорова М. С., Паршикова О. В. Психометрические характеристики короткого портретного опросника Большой пятерки (Б5-10) // Психологические исследования. 2016. Т. 9 № 45. DOI: 10.54359/ps.v9i45.492; EDN: WAOVAN.

5. Казун А. П. Влияние пандемии коронавируса на домашнее насилие: обзор международных исследований // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 72–86. DOI: 10.21064/WinRS.2022.1.6; EDN: KLGQVW.

6. Казун А. П., Карпушкина А. А. и др. Бьет–значит любит? Стратегии депроблематизации домашнего насилия в российских СМИ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 149–171. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2220; EDN: REEIFZ.

7. Калугин А. Ю., Щebetenko С. А. и др. Психометрика русскоязычной версии big five inventory-2 // Психология. Журнал ВШЭ. 2021. Т. 18. № 1. С. 7–33. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-1-7-33; EDN: REEIFZ.

8. Кочетова Ю. А., Климакова М. В. Эмоциональный интеллект и агрессия в зарубежных исследованиях // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 3. С. 29–36. DOI: 10.17759/jmfp.2019080303; EDN: AKVAEU.

9. Ларина Т. И., Старостина А. А. Социокультурные особенности проблемы домашнего насилия в России // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 6. С. 33–39. DOI: 10.24158/spp.2023.6.4; EDN: XBDGUT.

10. Мягков А. Ю. Сенситивные исследования: опыт ретроспективного анализа и концептуализации // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 3. С. 8–28. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.1; EDN: ВКJOVE.

11. Пузанова Ж. В., Ларина Т. И. и др. Личностные характеристики участников фокус-группового исследования как фактор повышения качества данных // Вестник РУДН. Социология. 2021. Т. 21. № 4. С. 722–738. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-4-722-738; EDN: DJEMTE.

12. Пузанова Ж. В., Ларина Т. И., Гудкова Я. А. Диагностика уровня конформности студенческой молодежи // Вестник РУДН. Социология. 2022. Т. 22. № 3. С. 518–530. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-518-530; EDN: VNCLCV.

13. Пузанова Ж. В., Ларина Т. И., Старостина А. А. Восприятие фейковых новостей студенчеством с разными психологическими характеристиками: результаты методического эксперимента // Вестник РУДН. Социология. 2023. Т. 23. № 4. С. 800–811. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-800-811; EDN: IDLUVM.

14. Рязанцев С. В., Письменная Е. Е., Смирнов А. В. Влияние социального интеллекта на адаптацию трудовых мигрантов в условиях пандемии COVID-19 // Сибирский психологический журнал. 2022. № 84. С. 94–110. DOI: 10.17223/17267080/84/5; EDN: KUCQBG.

15. Сербина Г. Н, Мацута В. В., Гойко В. Л. Анализ связи психологических характеристик пользователей социальной сети «ВКонтакте» с подписками на сообщества с девиантным контентом // Вестник Томского госун-та. 2021. № 467. С. 164–169. DOI: 10.17223/15617793/467/20; EDN: ROUQRX.

16. Сергиенко Е. А., Хлевная Е. А. и др. Тест эмоционального интеллекта: Метод. пос. М.: ИП РАН, 2019. 178 с.

17. Соколов Б. О., Завадская М. А. Социально-демографические особенности, личностные черты, ценности и установки ковид-скептиков в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 410–435. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.1938; EDN: PLQPRG.

18. Тупикова В. А., Гудкова Я. А., Овчинников-Лысенко Е. Г. Эмпатия студентов в контексте риска экстремизма // Вестник РУДН. Социология. 2023. № 3. С. 579–589. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-3-579-589; EDN: VOSQYG.

19. Ушакова Я. В., Матюгина М. В. Отношение молодежи к домашнему насилию: пережитый опыт и будущие практики // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2022. № 4(68). С. 118–125. DOI: 10.52452/18115942_2022_4_118; EDN: MLRSTI.

20. Goldberg L. R. Language and individual differences: The search for universals in personality lexicons // Review of Personality and Social Psychology. 1981. No. 2(1). P. 141–165. DOI: 10.1037/0022-3514.59.6.1216.

21. Grieve R. Mirror mirror: The role of self-monitoring and sincerity in emotional manipulation // *Personality and Individual Differences*. 2011. Vol. 8. No. 51. P. 981–985. DOI: 10.1016/j.paid.2011.08.004.

22. Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. R. Mayer–Salovey–Caruso Emotional Intelligence Test (MSCEIT) user’s manual. Toronto, Canada: MHS Publishers, 2002.

23. Salovey P., Mayer D. Emotional intelligence // *Imagination, Cognition and Personality*. 1990. Vol. 9(3). P. 185–211.

24. Schutte N. S., Malouff J. M. et al. Development and validation of a measure of emotional intelligence // *Personality and Individual Differences*. 1998. Vol. 25. P. 167–177. DOI: 10.1016/s0191-8869(98)00001-4.

Получено редакцией: 31.07.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ларина Татьяна Игоревна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.10

On the Relationship Between Emotional Intelligence and Personality Traits with Attitudes Toward a Sensitive Topic (Using the Problem of Domestic Violence as an Example)¹

Tatiana I. Larina

RUDN University, Moscow, Russia

larina-ti@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-1331-1302

For citation: Larina T. I. On the Relationship Between Emotional Intelligence and Personality Traits with Attitudes Toward a Sensitive Topic (Using the Problem of Domestic Violence as an Example). *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 192–212. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.10; EDN: SIQVRL.

Abstract. The article presents an overview of the results of an exploratory empirical study conducted by the author with the purpose of testing the relationship between subjective factors such as emotional intelligence and the Big Five traits with attitudes toward sensitive topics in sociological surveys (using the problem of domestic violence as an example). The topic of domestic violence was chosen because it is actively discussed in the media discourse, but at the same time, it still remains rather a taboo for Russian society. The sensitivity of the questions is determined not only by the topic, but also by the personal context, so emotional intelligence and personality traits were chosen as subjective factors for the study. To measure emotional intelligence, we used the N. Schutte test as a reliable, valid and at the same time not too voluminous tool for a psychological technique, and to identify the traits of the Big Five, we used the technique of M. S. Egorova and O. V. Parshchikova. Some of the questions on domestic violence were taken from surveys by VCIOM (2011, 2019) and FOM (2019), and the author’s questions were also added, including a “sincerity scale”, according to which the respondent could assess at the end of the questionnaire the degree of his sincerity in answering the questions asked. The subjects were students aged 18–24 (n = 125). There was carried out a comparison of the obtained results with the results of surveys on the topic of domestic violence by VCIOM and FOM for the age group of 18–24 years, as well as a correlation analysis, which revealed the presence of a weak relationship

¹ **Acknowledgements.** The article was prepared within the framework of the initiative project No. 100932-0-000 “Dynamics of the students’ value orientations when studying at the university”

between the indicators of emotional intelligence, extroversion and attitude towards the topic of domestic violence. As a result, a very significant conclusion was obtained that a high level of emotional intelligence is associated with the sincerity of respondents when answering sensitive topics. The article will be of interest primarily to specialists interested in the methodology of sociological research and interdisciplinary research.

Keywords: domestic violence, sensitive topics, emotional intelligence, Big Five model, sincerity, sociological research

References

1. Astaficheva E. Yu. Emotional intelligence, success and psychological adaptability to the environment as factors for ensuring the effectiveness of social management. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta MVD Rossii*, 2023: 99(3): 176–183 (in Russ.). DOI: 10.35750/2071-8284-2023-3-176-183. EDN: RPKULS.
2. Bochkova M. N., Meshkova N. V. Emotional intelligence and social interaction: foreign studies. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya*, 2018: 7(2): 49–59 (in Russ.). DOI: 10.17759/jmfp.2018070205; EDN: XZTFTF.
3. Volchenko T. V. Influence of talents personal characteristics on their voluntary turnover. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 6. Ekonomika*, 2023: 58(1): 86–109 (in Russ.). DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-58-1-5; EDN:KRGJSE.
4. Egorova M., Parshikova O. Validation of the Short Portrait Big Five Questionnaire (BF-10). *Psihologicheskie issledovaniya*, 2016: 9(45) (in Russ.). DOI: 10.54359/ps.v9i45.492; EDN: WAOVAH.
5. Kazun A. P. The impact of the coronavirus pandemic on domestic violence: review of international research. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, 2022: 1: 72–86 (in Russ.). DOI: 10.21064/WinRS.2022.1.6; EDN: KLGQVW.
6. Kazun A. P., Karpushkina A. A. et al. “If He Beats You, It Means He Loves You”? Strategies for Deproblematizing Domestic Violence in the Russian Media. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial’nyye peremeny*, 2022: 5: 149–171 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2220; EDN: REEIFZ.
7. Kalugin A. Yu., Shchebetenko S. A. et al. Psychometric Properties of the Russian Version of the Big Five Inventory-2. *Psihologiya. Zhurnal VSHE*, 2021: 18(1): 7–33 (in Russ.). DOI: 10.17323/1813-8918-2021-1-7-33; EDN: REEIFZ.
8. Kochetova Yu. A., Klimakova M. V. Emotional intelligence and aggression in foreign studies. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya*, 2019: 8(3): 29–36 (in Russ.). DOI: 10.17759/jmfp.2019080303; EDN: AKVAEU.
9. Larina T. I., Starostina A. A. Sociocultural Characteristics of the Domestic Violence Problem in Russia. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2023: 6: 33–39 (in Russ.). DOI: 10.24158/spp.2023.6.4; EDN: XBDGUT.
10. Myagkov A. Yu. Sensitive Research: a Trial of Retrospective Analysis and Conceptualizations. *Sotsiologicheskij zhurnal*, 2023: 29(3): 8–28 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2023.29.3.1; EDN: BKJOVE.
11. Puzanova Z. V., Larina T. I. et al. Personal characteristics of the focus group participants as a factor of the data quality. *Vestnik RUDN. Sociologija*, 2021: 21 (4): 722–738 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-4-722-738; EDN: DJEMTE.
12. Puzanova Z. V., Larina T. I., Gudkova Y. A. Diagnostics of the students’ level of conformity (results of the methodological experiment). *Vestnik RUDN. Sociologija*, 2022: 22(3): 518–530 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-518-530; EDN: VNCLCV.
13. Puzanova Z. V., Larina T. I., Starostina A. A. Perception of fake news by students with different psychological characteristics: Results of the methodological experiment. *Vestnik RUDN. Sociologija*, 2023: 23(4): 800–811 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-800-811; EDN: IDLUVM.
14. Ryazantsev S. V., Written E. E., Smirnov A. V. The influence of social intelligence on the adaptation of labor migrants in the context of the COVID-19 pandemic. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*, 2022: 84: 94–110 (in Russ.). DOI: 10.17223/17267080/84/5; EDN: KUCQBG.
15. Serbina G. N., Matsuta V. V., Goiko V. L. Analysis of the Relationship Between VK Users’ Psychological Characteristics and Subscriptions to Communities With Deviant Content. *Vestnik Tomskogo gosun-ta*, 2021: 467: 164–169 (in Russ.). DOI: 10.17223/15617793/467/20; EDN: ROUQRX.

16. Sergienko E. A., Khlevnaya E. A. et al. Emotional intelligence test: Method. manual. Moscow, IP RAN, 2019: 178 (in Russ.).
17. Sokolov B. O., Zavadskaya M. A. Socio-Demographic Profiles, Personality Traits, Values, and Attitudes of COVID-Skeptics in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2021: 6: 410–435 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.1938; EDN: PLQPRG.
18. Tupikova V. A., Gudkova Y. A., Ovchinnikov-Lysenko E. G. Students' empathy in the context of extremist risks. *Vestnik RUDN. Sociologija*, 2023: 23 (3): 579–589 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-3-579-589; EDN: VOSQYG.
19. Ushakova Y. V., Matyugina M. V. The attitude of young people to domestic violence: past experiences and future practices. *Vestnik NNGU im. N. I. Lobachevskogo. Ser.: Socialnye nauki*, 2022: 4(68): 118–125 (in Russ.). DOI: 10.52452/18115942_2022_4_118; EDN: MLRSTI.
20. Goldberg L. R. Language and individual differences: The search for universals in personality lexicons. *Review of Personality and Social Psychology*, 1981: 2: 1: 141–165. DOI: 10.1037/0022-3514.59.6.1216.
21. Grieve R. Mirror mirror: The role of self-monitoring and sincerity in emotional manipulation. *Personality and Individual Differences*, 2011: 8(51): 981–985.
22. Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. R. Mayer–Salovey–Caruso Emotional Intelligence Test (MSCEIT) user's manual. Toronto, Canada, MHS Publishers, 2002.
23. Salovey P., Mayer D. Emotional intelligence // *Imagination, Cognition and Personality*. 1990: 9: 185–211. DOI: 10.1016/j.paid.2011.08.004.
24. Schutte N. S., Malouff J. M. et al. Development and validation of a measure of emotional intelligence. *Personality and Individual Differences*, 1998: 25: 167–177. DOI: 10.1016/s0191-8869(98)00001-4.

The article was submitted on: July 31, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana I. Larina, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate professor of the sociology department

РИСКИ СОЦИАЛЬНЫХ МЕТАМОРФОЗ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.11
EDN: SOSOTI

Об особенностях мотиваций специалистов IT-отрасли в условиях кризиса

Ссылка для цитирования: Лебедева О. Н., Подлесная М. А. Об особенностях мотиваций специалистов IT-отрасли в условиях кризиса // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 213–234. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.11; EDN: SOSOTI.

For citation: Lebedeva O. N., Podlesnaia M. A. Peculiarities of motivations of IT specialists in crisis conditions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 213–234. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.11; EDN: SOSOTI.

SPIN-код: 5093-5392

Лебедева Ольга Николаевна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

aka.sonja@gmail.com

SPIN-код: 3556-0353

Подлесная Мария Александровна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

yamap@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен анализ данных качественного исследования, проведенного авторами в момент «ситуации–испытания», то есть начавшейся СВО и последовавших антироссийских рестрикций, среди IT-специалистов и технопредпринимателей, перед которыми встал выбор: остаться в России или переехать вслед за работодателем (или со своим бизнесом) в другую страну. В качестве теоретического базиса исследования использовалась теория градов Л. Болтански и Л. Тевено, которая позволила выявить соответствующие реакции на возникшую «ситуацию–испытание», с аргументированной критикой и оправданием, с представлениями о справедливости, а также выделить основные мотивы, способствующие переезду или, напротив, приводящие к отказу от него. В статье предпринимается попытка выявить связь между реакцией на «ситуацию–испытание» и тем, какое в итоге действие (релокация или отказ от нее) совершалось респондентами. Авторами было собрано 52 исследовательских материала, из которых 42 – глубинные интервью с IT-специалистами релокантами (22) и оставшимися в России (20), еще 10 – собранные в публичном пространстве, в личной переписке интервью, высказывания, посты, выступления ведущих технопредпринимателей, живущих

и работающих как в России, так и переехавших в связи с СВО за рубеж. В результате анализа собранных данных авторами сделаны следующие выводы: гомогенная по ряду признаков группа IT-специалистов кластеризуется по типу реакций на «ситуацию-испытание», в зависимости от чего формируется и соответствующий выбор: релокация или отказ от нее. В этом обнаруживается связь, более того, в зависимости от спектра реакции наблюдаются более однозначные, или напротив, размытые с точки зрения поведения группы выбор и действие.

Ключевые слова: IT-специалисты, релокация, теория градов, ситуация-испытание

Введение

В научной литературе последних лет одним из критериев полноценного развития той или иной страны признается наличие на рынке так называемых компаний-единорогов (unicorns). Это быстрорастущие высокотехнологичные стартапы с высокой рыночной капитализацией (от 1 млрд долл. в течение десяти лет с момента основания) [7, с. 8]. География их, с одной стороны, весьма обширна, с другой, имеет свою специфику и связана прежде всего с развитыми странами американского и европейского континентов (исключение составляет Сингапур, который является третьей по привлекательности для компаний-единорогов страной после США и Великобритании). Успех и само появление компаний-единорогов сильно зависят от международной миграции высококвалифицированных специалистов и предпринимателей, а также от миграции самих «единорогов». Таким образом, международная миграция в данном случае рассматривается как основной процесс технологического развития и инновационной активности отдельных стран. Более того, это является частью политики по привлечению иммигрантов в высокотехнологичные отрасли и созданию конкурентной и инвестиционной среды.

В связи с распространением компаний-единорогов и их вкладу в экономику тех или иных стран, исследователями выработана следующая типология: 1) страны привлекающие «единорогов», к таковым в первую очередь относят США и Великобританию, 2) создающие подобные стартапы своими силами (лидерами признаны Китай и Индия), и 3) наконец, теряющие всех, где основным критерием является рождение основателей единорогов, но не наличие таких компаний в стране. Первую строчку, по мнению аналитиков, в группе стран «чистых» экспортеров основателей единорогов (из 55 стран) занимает Россия, которая является своеобразным поставщиком высококвалифицированных кадров в другие страны. На практике это означает следующее: в России до сих пор нет своих компаний-единорогов, но именно эта страна дала 38 их основателей для других стран (или 3,9% из 3190 таких предпринимателей в мире) [7, с. 15].

Система образования играет одну из ключевых ролей, помимо ряда других факторов (привлекательная национальная предпринимательская экосистема для зарубежных основателей, развитые финансовый рынок

для высокотехнологичного бизнеса и системы венчурного инвестирования и т. д.), в организации и распределении международной миграции и создании благоприятных условий для появления устойчивых и прибыльных стартапов, каковыми являются компании-единороги. По этой причине включенность России до недавнего времени в международную систему Болонский процесс являлась в том числе источником подобной миграции и ее роста среди талантливой учащейся молодежи, о чем свидетельствуют, например, данные кросс-культурного исследования, проведенного в России, Белоруссии и Казахстане [3, с. 116].

Начавшаяся в 2022 г. специальная военная операция (далее СВО) на Украине и введенные против России международные рестрикции активизировали миграционные процессы, в том числе связанные с переездом специалистов IT-сферы, причем как разработчиков, так и технопредпринимателей. Согласно официальным заявлениям Минцифры РФ, число уехавших «айтишников» в 2022 г. составило примерно 10% от общего количества специалистов российских IT-компаний, или 100 тыс. чел. (всего из страны за 2022 г. уехало от 600 до 800 тыс. чел.¹). При этом некоторые наиболее оптимистичные эксперты утверждают, что 85% (есть и менее оптимистичная оценка – 30%) уехавших уже вернулись в Россию (глава IT-компании AWG Александр Хачиян), более того, по их оценке, была «утечка тел, а не мозгов». На практике это означало следующее: некоторые IT-специалисты продолжали работать в отечественных компаниях из-за рубежа, дистанционно. При этом уже сегодня предметом отдельных исследований является процесс реэмиграции, то есть возвращения IT-специалистов в Россию [8, с. 31–34].

Тем не менее потеря ценного стратегического ресурса, в качестве которого рассматриваются в настоящее время IT-специалисты, и тем более технопредприниматели, чья инновационная деятельность, как было показано выше, является сегодня критерием успешного развития той или иной страны, даже в незначительных количествах сказывается на возможностях страны, особенно участвующей в СВО. Поэтому единовременный отток в условиях СВО и санкций 100 тыс. IT-специалистов, пусть и частично вернувшихся, как утверждают эксперты, рассматривается нами как событие, имеющее тактическое и стратегическое значение для настоящего и будущего России.

Саму же проблемную область данной статьи мы видим не столько в фиксации и изучении явления международной миграции или релокации высокотехнологичных кадров, сколько в анализе тех мотивов, которые в одинаково складывающейся для всех «ситуации-испытания» (в терминологии Л. Болтански и Л. Тевено), одних специалистов заставляют соглашаться на переезд из страны, других, напротив, подталкивают к тому, чтобы остаться и работать, несмотря на возникшие трудности и повышенный риск.

¹ Данные разнятся по причине отсутствия единого подсчета уехавших и общей статистики. См.: Пахалюк К. А. Глобальные россияне выходят на транснациональную арену // Социодиггер. 2023. Март-апрель. Т. 4. Вып. 3–4(25). С. 5.

«Грады» в России или парадигма акторского действия?

Современные IT-специалисты, даже самого младшего поколения Z, наследники советского времени, чьи главные воспитатели – родители и/или дедушки/бабушки, впитали в себя культурные образцы той эпохи. В работе О. В. Аксеновой, основанной на изучении деятельности профессионалов от петровских времен до позднего СССР, мы встречаем важное наблюдение: советские культурные образцы по своей природе являлись глубоко архетипическими, характерными для более ранних периодов русской истории. На анализе нарративов о том, за что чаще всего наказывали детей в советских и русских семьях, социолог приходит к выделению позитивных, характерных для русского этноса ценностей. Это недопустимость лжи и ябедничества [1, с. 223], самохвальства («Я – последняя буква алфавита!»), признание скромности особого рода, когда твои заслуги признавались и оценивались другими, умение делиться с другими, что связывается автором не с воспитанием альтруизма, бездумной щедростью или с полным небрежением к частной собственности, а с ответственностью [1, с. 224]. Сохранялись долгое время также определенный традиционализм в семьях, ценностью являлось даже не образование, но образованность и поступки «по справедливости и по совести». Понятие совести, как внутреннего барометра нравственного чувства и одновременно с этим барьера «недостойного» поведения отвечает требованию со стороны родителей отстаивать свои убеждения, быть в этом смелым и не идти на сделки с совестью. Совесть, как и смелость, требовали поступка, оставаясь категориями сложными и не комфортными. Так воспитывала и русская классическая, и советская литература, вообще – советская культура.

В итоге проведенного анализа О. В. Аксенова пришла к выводу, что в течение как минимум трех веков в России в условиях модернизации сформировалась *особая парадигма управления*, а вместе с ней и *парадигма личности*, которую автор обозначает, как *акторскую*. Она основана на ведущей роли действующего субъекта в формализованной управленческой системе. Единство и эффективность этой системы составляют, казалось бы, два противоречащих друг другу свойства – *директивность и свобода действия*, но в работе подчеркивается, что именно это и обеспечивало, с одной стороны, результативность функционирования, с другой, высокий мобилизационный потенциал системы. В появлении актора рекурсивно участвует и система, и культура, в результате чего отмечается «культурная колонизация системы, или симбиоз системы и культуры» [1, с. 262]. По мнению социолога, это главное отличие российской системы от западной, где экспансия последней является довлеющей. Отсюда то, что нормативная база, инструкция там поощряются чаще, чем свободное действие, основанное на ценностях, «жизни по совести».

Релокация как конкретное действие на ситуацию-испытание (СВО и международные рестрикции) – это в том числе маркер того, сохраняется ли предшествующий симбиоз системы и культуры, или появился иной тренд и нарратив, связанный преимущественно с нормативной базой, и присутствует ли в том же качестве доверие к государственной системе.

В своей работе мы хотим остановиться на рассмотрении мотивов выбора IT-специалистов, которые возникают одновременно вместе и вразрез с существующей государственной системой, вызывающей/не вызывающей доверие. При этом нами не случайно используется теория градов Л. Болтански и Л. Тевено, которая, во-первых, позволяет учитывать значение кризисной ситуации («ситуации-испытания»), нарушающей установленный порядок, во-вторых, дает возможность сам момент выбора и решения, восстанавливающего этот порядок, рассмотреть через призму поиска компромисса в множественном влиянии различных факторов. По этой причине мы и выбор (уехать или остаться) понимаем как ответ на сложное сочетание не столько внешних факторов (например, требование компании о релокации), сколько условно личных, зависящих от окружения и тех конвенций «миров» (в терминологии Болтански и Тевено), то есть «совокупности людей и вещей, упорядоченных с точки зрения принципов того или иного града» [2, с. 116] (или парадигмы, как у Аксеновой). Французские социологи описывают модель социального устройства (град) через вариативность взаимодействия различных миров. Изначально они выделили шесть миров – мир вдохновения, домашний мир или мир семьи, мир рынка, мир промышленности, с его устремлением к технической эффективности, гражданский мир и мир репутации, где значимы популярность, мнение других, производимый эффект на них. Затем, изучая современное цифровое глобальное общество, с его экологической повесткой, добавили еще несколько миров: проектный и «зеленый» мир. Если «зеленый» мир для российской реальности пока не столь очевиден, то проектный, с его сетью многочисленных контактов и проектов, возникающих и осуществляемых благодаря интернету, вполне знаком.

Одна из задач нашей работы – ответ на вопрос, конвенции какого или, возможно, каких миров мотивируют релокацию у одних, и решение об отказе от переезда у других. При этом СВО и иностранные рестрикции мы рассматриваем как особую «ситуацию-испытание», являющуюся определенным водоразделом между ситуацией «до», не предполагающей никакого выбора и сохраняющей порядок, в рамках следования привычной норме, и ситуацией «после», когда происходит слом стабильного течения жизни и возникает необходимость восстановления его баланса, в том числе через поиск компромисса.

Привлекательным в теории Л. Болтански и Л. Тевено является для нас и то, что решение и конкретное действие возникают в результате определенного согласования конвенций различных миров, которые могут вступать друг с другом в противоречие и вызывать конфликт. Причем миры существуют не сами по себе, воспроизводство правил тех или иных миров осуществляют, согласно теории, вовлеченные в ситуацию разные существа (люди и вещи), что обозначается ими как диспозитивы. То есть нужно не только согласовать друг с другом различные конвенции миров, достигнув определенного компромисса в этом, но и уладить отношения с условно диспозитивными влияниями.

Компромисс, который достигается в результате согласования конвенций различных миров, как и само согласование происходит на стыке таких мыслительных операций, как критика и оправдание. Это может происходить в сугубо приватном пространстве, и в публичном, вызывая соответствующие дискуссии и обсуждение, участниками которых могут быть близкие и дальние, люди одного града, то есть общей модели социального устройства (или парадигмы, в терминологии Аксеновой), или двух-трех, отличных друг от друга, или имеющих смежные друг с другом, сходные черты. В подобных дискуссиях релокация может быть поводом для обсуждения, вызывая свои критику и оправдание.

В связи с обозначенной нами проблемной областью и поиском ответа на исследовательский вопрос, нами было предпринято качественное исследование непосредственно в момент «ситуации-испытания». Мы брали глубинные интервью у IT-специалистов разных статусных позиций как у решившихся на переезд, так и отказавшихся от релокации. Интервью у переехавших собирались нами с помощью современных средств связи, дистанционно. В итоге мы взяли 22 глубинных интервью с IT-релокантами, уже переехавшими в такие страны, как США, Великобритания, Китай, Германия, Нидерланды, Швеция, Аргентина, Сербия, Латвия, Армения, Узбекистан, и порядка 20 глубинных интервью с IT-специалистами, отказавшимися от переезда в другую страну. С последними преимущественно были личные встречи и тогда проводилось традиционное глубинное интервью. Еще 10 кейсов — это собранные в публичном пространстве, в личной переписке интервью (например, видео-интервью на YouTube канале «Это Осетинская», сама Е. Н. Осетинская признана иностранным агентом), высказывания, посты, выступления ведущих технопредпринимателей, как живущих и работающих в России, так и переехавших в связи с СВО за рубеж. В ходе проделанной работы мы собрали порядка 52 текстовых исследовательских материалов, анализ которых проводился с опорой на методику, предложенную А. Страусом и Дж. Корбин, в ее модифицированной версии, где акцент смещен с непосредственного кодирования на усиление стратегии анализа содержательной части.

В результате сбора интервью, где поиск респондентов происходил методом «снежного кома», сформировавшаяся выборка позволила нам разделить всех участников интервью на поколенческие группы (по типологии В. В. Радаева). Самыми юными участниками нашего исследования стали молодые люди в возрасте 22 лет. Это поколение Z. Старшевозрастные группы составили респонденты так называемого поколения застоя, самому старшему из которых на момент интервью было 68 лет. В исследовании приняли участие следующие специалисты IT-сферы: с позиции так называемого Junior Developer до Chief Product Officer¹. Это были сотрудники как

¹ Junior Developer (джуниор-разработчик) — это начинающий специалист с ограниченным опытом работы. Обычно у него от 0 до 2 лет опыта в программировании. Chief Product Officer (CPO) — это топ-менеджер, который возглавляет работу над продуктом в компании. Его главная цель — создать и развить продукт, который будет успешен на рынке и удовлетворит потребности клиентов.

зарубежных и совместных компаний, так и государственных корпораций. Они представляли такие направления IT-бизнеса, как: финансовые технологии (их оказалось примерно 40% от всех респондентов), информационная безопасность, робототехника и искусственный интеллект, аутсорсинг, страхование, продуктовые ритейлы, шеринговые сервисы.

Теоретико-методологические основания исследования

Несмотря на популярность в российском обществе дискурса о цифровизации и при декларируемом властями стремлении страны к переходу к высоким технологиям, связанным непосредственно с IT-сферой, мы обнаружили в научной литературе крайне мало эмпирических исследований, посвященных непосредственно изучению этой сферы и ее действующих субъектов. При этом очень много об информационной и цифровой эпохе [6], самой цифровизации [11], цифровой экономике [13], ее трансформации [14], об антропологических особенностях реализации [12] и внедрения в российскую реальность [5], есть в том числе и работы критического плана [4].

Наиболее значимым для нас исследованием, отвечающим как объекто-предметной области, так и теоретическому содержанию, является вышедшая в 2019 г. монография «Фантастические миры российского хай-тека». В ней авторы исследования излагают результаты кросс-культурного исследования, посвященного изучению технопредпринимателей России, Финляндии, Южной Кореи, Тайваня и их моделей поведения, влияющих на эффективность деятельности инновационных, высокотехнологичных компаний [9]. В качестве теоретической основы авторы использовали теорию градусов Л. Болтански и Л. Тевено, прагматическая составляющая которой подходит для изучения представителей техно среды, склонных к сугубой рационализации окружающей их действительности. Следуя за успешным опытом, мы также решили остановиться на данной теории, взяв для себя из нее следующие положения:

1. Ситуация (а не процессы или социальные группы), и то, что индивид думает о ней, как реагирует на нее в действительности определяет его принадлежность к тому или иному классу или сообществу;

2. Реальность испытывается индивидом непосредственно с его участием, и только им. То, как он проходит те или иные испытания в итоге определяет возникновение новой для него реальности;

3. Сам индивид – участник сразу нескольких миров (мир вдохновения, патриархальный мир, мир репутации, гражданский мир, рынка, научно-технический), «то есть совокупности людей и вещей, упорядоченных с точки зрения принципов того или иного града» [2, с. 13] или, иначе говоря, той или иной модели социального устройства. В каждом из миров действуют свои установившиеся и проверенные временем конвенции, каждый из миров при этом имеет свою логику обоснования поведения и поэтому не

сводится к логике других миров. Выбор и предпочтение одного из миров во многом определяет следование соответствующей логике, рождая в том числе конфликт миров и поиск различного рода компромиссов. Например, патриархальный мир отличает то, что «порядок и согласие между людьми устанавливается через обращение к *роду, традиции и иерархии* (курсив здесь и далее – Болтански и Тевено)» [2, с. 261], а взаимоотношения между людьми «являются отношением порядка, когда существа принадлежат к одному *дому*» [2, с. 265]. Критика в таком случае направлена в первую очередь на себя, а не на других, что связано с ключевыми понятиями этого мира – ответственностью и иерархией. Казалось бы, довольно близок к патриархальному миру по своим конвенциям мир репутации, но в действительности нет, последний отличает «соперничество всех людей друг с другом в поиске уважения со стороны других людей» [2, с. 262], в патриархальном это происходит благодаря суждению о том или ином человеке вышестоящего лица, начальника. И подобные конвенциональные тонкости касаются каждого из миров;

4. Важно изучать не только проявления критики в обществе, но так как в нем наличествуют такие отношения, как любовь, дружба, при которых происходит отказ от просчета и подозрения, есть место самопожертвованию, снисхождению, то реализуются и практики оправдания [10]. Поэтому, когда задействуется «теория градусов», речь идет не о критической социологии, а о социологии критических способностей.

Первый срез кодирования был техническим и самым общим, направленным на выявление нарратива «Отношение к ситуации-испытанию, то есть СВО и санкциям». Внутри него мы анализировали основные реакции, сложившиеся по этому поводу в среде IT-специалистов. Второй срез касался тех нарративов, которые сообщали об основных мотивах релокации или, наоборот, отказа от переезда, внутри которого мы обращали внимание на то, какой из миров, логика и правила какого мира в итоге определяли решение об отъезде или о том, чтобы остаться. В результате это позволило нам выделить некоторые схожие поведенческие и этические модели для релокантов и оставшихся.

Результаты анализа

В интервью за редким исключением респонденты довольно мало высказывались о своем отношении к «ситуации-испытанию», то есть к СВО и антироссийским рестрикциям Запада. Чаще всего понять имеющийся у респондентов взгляд на происходящее в России можно было по косвенным признакам. Например, один из разработчиков, переехавший из Москвы в пригород Лондона, смог передать свое отношение к событиям в России опосредованно, через рассказ о своем впечатлении от интервью премьер-министра Великобритании Риши Сунака известному британскому журналисту Пирсу Моргану.

«Буквально на днях смотрел интервью Риши Сунака... Так вот, к Риши можно как угодно относиться, но на его месте примерно так же вел бы любой премьер – чиновник на службе у народа отчитывается за итоги года, приводит примеры успехов и провалов. Не стесняется называть имена оппонентов и отвечает на все вопросы. И журналист – давно забытое в РФ явление – старается его прожарить и подловить всячески, при этом сохраняя достоинство и не боясь потерять работу, свободу, жизнь, семью, состояние. Застанем ли мы при этой жизни что-то подобное в России? Что-то уже не верится» (Chief Product Officer, муж., 39 л., точка релокации Великобритания).

В данном и подобных этому случаях можно судить о негативной позиции и реакции на «ситуацию-испытание», где Россия представляется как страна без свободы слова и самовыражения, где присутствуют ложь со стороны чиновников (там «чиновник на службе у народа»), угнетение, давление. О чем-то схожем, но еще более завуалированно, с отсылкой только к эмоциям в другом высказывании релоканта:

«Я пока что буду жить здесь. Здесь я дышу каким-то относительно чистым воздухом и дышать мне никто не мешает. Как бы я здесь не чувствую тревоги, здесь я спокоен» (C++ Junior Developer, муж., 22 г., точка релокации Швеция).

Причем подобные суждения можно одинаково встретить как в интервью совсем юных, только начинающих IT-специалистов, так и крупных технопредпринимателей, уже состоявшихся в своей профессии и получивших признание в России:

«В России я начал привыкать, что каждый день может становиться значительно хуже. Когда я приземлился здесь (в Лиссабоне – прим. авт.), я почувствовал, что ушла какая-то огромная фоновая тревожность, которой я до сих пор не ощущал» (технопредприниматель на рынке онлайн сервисов по поиску специалистов, муж., 42 г., точка релокации Португалия).

Именно с чувством тревоги связывается пребывание респондентов в России, с условиями, где все напряженно, «трудно дышать», где «каждый день становится хуже». Спокойствие, безопасность и чувство защищенности в подобных нарративах выступают как базовые потребность и ценность, которые при этом обретаются за пределами России. Таким образом «ситуация-испытание» видится как будто в черно-белом спектре, где есть негативное «здесь» и положительное, жизнеутверждающее «там». Заметим, что подобное фразеологическое противопоставление здесь/там в том числе отличительная черта подобных нарративов. Критика в данном случае лежит в плоскости политического и направлена на действия российских властей, оправдание же, напротив, связано с политической организацией «там», с нероссийскими структурами государственной власти. Обоснованием к оправданию, как и к критике служит представление о справедливости, которое в данном случае основано на конкретном понимании

свободы, принадлежащем европейской культуре, отход от которого – главный признак несправедливости. Отсюда то, что единство возможно только в ситуации общей критики несправедливого, то есть российской власти, жестокой, авторитарной и недемократичной¹, и не менее общего оправдания противоположной стороны, являющей собой идеал справедливости. Такова общая логика именно этих нарративов, которые мы условно обозначили: *критика политического «здесь», и оправдание политического «там»: черно-белый спектр*. Причем мы рассмотрели реакцию на примере тех нарративов, для которых характерно оправдание Запада в целом и критика России, но в интервью присутствовала и противоположная точка зрения, при которой стороны менялись местами и тогда можно было говорить о *критике политического «там» и оправдании политического «здесь»*. Забегая немного вперед, заметим, что, как правило, подобной реакции придерживались IT-специалисты, отказавшиеся от релокации. Симптоматично, что и в этом случае выйти на данную позицию, выявить ее и озвучить было довольно трудно, она проявлялась, как правило, в ответах на иные вопросы, не об СВО и санкциях. Например, в одном из интервью с подобной реакцией мы встретились при вопросе об особенностях IT-бизнеса в России. Прозвучало это так:

«У нас большая часть айтишного сегмента – это аутсорсинг, когда мы работаем не на свою страну, а на страну-врага. В США такого нет. В Силиконовой долине работают только на себя. У них сильно развит стартап. Что-то придумать новое, что-то изобрести...» (ведущий разработчик, муж., 37 л., Санкт-Петербург).

В итоге мы видим все тот же черно-белый спектр и даже усиление критики, которая касается политики и ведения дел другой страны, в данном случае США, которая при этом названа страной-врагом. Ее образ хорошо просматривается в нарративе – это страна, которая работает только в своих интересах. Оправдание, как можно заметить, связано с Россией и ее образ, напротив, представлен как щедрой страны, раздающей другим свои возможности и ресурсы.

Хотя и в меньшей степени в интервью встречались развернутые ответы на ситуацию, где респонденты достаточно прямолинейно высказывались о происходящем в стране. Их отличает от приведенных выше нарративов не только отсутствие завуалированности позиции, но и сам ее характер. О событиях в России также говорится в негативном ключе, с осуждением принимаемых российской властью решений, но в анализ включаются в том числе знания о внешних факторах влияния, геополитических расстановках.

«Слушай, если повторять версию Путинскую или даже Лавровскую, мне уже, честно говоря, даже неприятно. Но я себе это так представляю, что наши западные партнеры вконец обнаглели и появилась угроза размещения ракет малой дальности на востоке Украины, реальная угроза. Это Лавров много говорил, и об этом еще речь шла в де-

¹ Заметим, что все это – субъективные суждения, интерпретация которых может быть абсолютно произвольной.

кабре прошлого года, что стратегический баланс нарушен, и такое оставлять нельзя. И уж были там эти ракеты или не были, но я так понимаю, что тут уже превентивный удар, чтобы они даже не думали о том, чтобы заигрывать с такими вещами. А денацификация, да кому она нужна? Восемь лет там были бандеровцы, правосеки, никому и дела до них не было, а тут вдруг вспомнили Донбасс. Всем выгодна была эта напряженность в России, потому что Украина находилась в состоянии нерешенных территориальных вопросов, никуда вступить не могла, ни в Евросоюз, ни в НАТО. Можно было еще 10 лет продолжать этот конфликт. Возможно, когда они начинали, у них было представление такое, как я сказал, что мы сейчас зайдем, нас цветами встретят, потом оказалось, что совсем не так. А теперь ситуация, когда отступить нельзя, уже дел наделали и просто так из этого уже не выйти, сухими из воды. Настолько это все бессмысленно, столько денег тратится, столько людей погибает. Всю нашу страну теперь на много лет вперед обрекли на какой-то экономический кризис непрерывный. Мне кажется, мы еще ничего не почувствовали, вообще ничего не почувствовали. Мы еще пока на остатках живем» (Software engineer, муж., 46 л., точка ре-локации Узбекистан).

Как можно убедиться из приведенного отрывка «ситуация-испытание» рассматривается такими респондентами как недалёковидность, нечестность, политическая близорукость российских политиков, но вместе с тем и как агрессивная политика западных партнеров, которые «вконец обнаглели». Такой крайний негативизм, где нет хороших и плохих сторон, как в первом случае (идеализированный Запад и отсталая, вызывающая постоянную тревогу Россия) здесь отсутствует, а есть негативизм каждой из сторон. Мы наблюдаем спектрально менее полярную картину мира и такой же взгляд на СВО. «Ситуация-испытание» в данном случае видится как политический промах всех ее участников. Даже заявленная денацификация российской стороной как цель СВО интерпретируется соответствующим образом. Характерно, что в подобных нарративах наблюдается отмежевание от российской власти («когда **они** начинали...») и при этом обозначается связь со страной, народом в целом («всю **нашу** страну...»). Критика здесь также, как и в первом случае, лежит в области политического, но касается обеих сторон, которые в равной степени ошибаются, неправы и поэтому одинаково несправедливы. Оправдание же относится прежде всего к народу, с которым происходит отождествление и смычка, на чьей стороне в том числе справедливость, проявляющаяся в незащищенности перед часто ошибающейся властью. Таким образом логика подобных нарративов такова, что справедлив тот, кто не защищен, и напротив, несправедлив – сильный, способный многое менять, но по разным причинам не делающий этого. Подобный нарратив мы условно обозначили, как *всеобщая критика политического: размытый спектр*.

Еще одной реакцией на события последних нескольких лет в России является желание отстраниться от «ситуации-испытания».

«Мне говорят, что я бросаю Родину, я вообще этого не понимаю, потому что эта война – это чисто политика, это не моя любовь к Родине. И, вообще, почему я должна радоваться, одобрять войну – я не очень понимаю. Почему я должна жить в России по этой самой причине, мне тоже непонятно (QA-специалист, жен., 30 л., точка релокации Швеция).

Дискурс в данном случае переходит из оценки действий политических сторон в плоскость рассуждений о долге. Отсюда то, что в подобных нарративах довольно часто возникает оборот «почему я должен/должна...», «я не должен/не должна». Вместе с постановкой исключительно этического вопроса о долге и долженствовании, как правило, в подобных нарративах появляется тема о природе войны («война – это чисто политика...»), этическая ее оценка («почему я должна радоваться, одобрять войну...»). Одним словом, этот и ему подобные нарративы мы обозначаем для себя как те, где возникает по-настоящему этическая постановка вопроса и соответствующая реакция, и в данном спектре ответов это – осуждение войны и взгляд на нее как на абсолютное зло, без оправдания. При этом нет и активного желания с этим бороться, выступать как-то против, скорее уход от ситуации, игнорирование имеющейся этической проблемы. По этой причине и релокация видится в буквальном смысле как физическая возможность выйти из сложившейся ситуации. Здесь критика касается самой войны, как особого общественного явления, в котором согласно природе ее возникновения (а природа политическая) нет и не может быть справедливости. Оправдание в подобных нарративах лежит в плоскости отрицания, осуждения войны, в принятии той позиции, что войны не должно быть. Тогда справедливым становится все то, что войну порицает, несправедливым, что ее оправдывает, благословляет и поддерживает. В этом смысле, как и в случае первых нарративов, происходит преобладание взгляда в черно-белом спектре, при котором есть две стороны: положительная – все осуждающие войну и тем самым поступающие справедливо, и отрицательная – поддерживающие ее. Эти нарративы мы условно обозначили, как *критика войны, без оправдания: черно-белый спектр*. Отметим, что в собранных интервью мы встретили и противоположную реакцию, где критика и оправдание выстраивались также вокруг этики войны, но имели обратный результат, как правило, у респондентов находились аргументы в оправдание войны на фоне незначительной ее критики. И несправедливым считались противоположные вещи. Подобные нарративы мы обозначили как *оправдание войны с незначительной критикой: черно-белый спектр*.

Есть еще одна группа нарративов, где реакция на СВО проявилась довольно специфическим образом. Например, уехавшие в США и работающие в компании Google, на вопрос об их отношении к санкциям против России и военном конфликте на Украине, в интервью отвечали следующим образом:

«Все санкции связаны со свободой перемещения. Сегодня я не могу прилететь в Россию, не могу, да и не хочу. Почему? Потому что барьер все выше, все дороже. Нужно придумывать обходные пути.

Состояние неопределенности довольно большое. Сейчас мне никто не разрешит работать в России. В противном случае, если бы я пожелал поехать в Россию, я вынужден буду брать здесь очень большой отпуск. Прежде я мог бы работать удаленно, сейчас я не могу работать так ни в России, ни в Китае. Такова политика компании, в том смысле, что политика компании запрещает мне это делать» (Middle engineer, руководитель проекта компании Google, муж., 36 л., точка релокации США).

Таким образом реакцию на СВО и санкции могут определять не только представления о политическом и соответствующие предпочтения в этом, не только взгляд на происходящее из «грамматик» града и мира вдохновения, но и вполне формальные вещи, как, например, политика компании. В итоге формируются паттерн поведения и такая позиция, при которых не остается собственной точки зрения, есть только условия и требования компании. Таким образом критика, если она формируется, то в соответствии с политикой работодателя, впрочем, и оправдание – его же прерогатива. Справедливым в данном случае считается то, что прописывается и считается таковым с точки зрения руководства компании, и не случайно, что в приведенном отрывке звучит, что респондент не стремится попасть в Россию. Происходит определенного рода слияние индивида с корпоративной этикой: сначала через систему запретов («не могу» – дорого, сложно, проблематично), затем и как собственное желание. В данном случае можно говорить о превалировании логики и конвенций мира рынка, отчасти репутации, где основными становятся вопросы о финансовых и репутационных рисках. Не случайно поэтому, что в подобных нарративах превалируют языковые обороты о деньгах и издержках.

Обратим внимание, что подобная позиция характерна не только для релокантов, которые, как кажется, вынуждены считаться с требованиями компании, но и для оставшихся в России. При этом реакция «оставшихся» не столь очевидна, как в первом случае, так как не продиктована корпоративной этикой, и проявляется в интервью так:

«Есть некоторые идейные, которые не приемлют новую политику России ни в каком виде, не видят ей оправдания. Есть такие люди. Я не собираюсь давать им оценку, потому что по-своему они считают себя правыми <...> В политике моя позиция пассивная больше, чем активная. Я бы не хотел, чтобы политика влияла как-то на мою жизнь. Разумеется, как у любого здравомыслящего человека, какие-то вещи мне совсем не нравятся, какие-то вещи считаю неприемлемыми, но дальше этой пассивности не иду. Пока мне это не мешает» (разработчик, муж., 46 л., Санкт-Петербург).

Как можно заметить, почти индифферентная, никак внешне не проявляющая себя позиция, продиктована уже не корпоративной этикой, за которой отчасти можно скрыться, остаться в тени, а сознательным выбором определенного удобства и комфорта («пока мне это не мешает»). Заметим, что критику не вызывают ни действия власти, ни те, кто их не приемлет. Ко всем лояльное, или, точнее, безучастное отношение. Справедливым

здесь является само благополучие частного характера, которое может быть нарушено исключительно более активной и ярко выраженной позицией. Данные нарративы в интервью мы обозначили, как *уход от критики и оправдания: размытый спектр*.

Мы выделили основные реакции наших респондентов на «ситуацию-испытание», которые удалось определить на основании собранных нами глубинных интервью. Возможно, есть и другие, которые могли бы проявиться при большем количестве интервью. Но и этих, по нашему мнению, вполне достаточно, чтобы сделать первый вывод о том, что сама «ситуация-испытание» прочитывается, казалось бы, гомогенной, схожей по многим параметрам (техническое образование, сфера IT и т. д.) группой неодинаково.

Мотивы действия и соответствующие поведенческие модели

Анализируя интервью, мы столкнулись с такой часто повторяемой респондентами мыслью, что IT-релокацию, которую активно стали обсуждать после 2022 г., сами «айтишники» наблюдали гораздо раньше, начиная приблизительно с 2014 г. Более того, практически каждому из опрошенных поступали неоднократные предложения о переезде в другую страну в течение всего этого времени. Поэтому выбор: уехать или остаться был скорее не одномоментным (вызванный СВО и санкциями), а постепенно подогреваемым в течение последних 8–10 лет. Это связано с тем, что основная часть российских IT-компаний работала преимущественно на иностранного инвестора и заказчика.

Важно, что для многих оставшихся в России опыт уехавших коллег за несколько лет до 2022 г. послужил примером и оказал влияние на окончательное решение об отказе от релокации в ситуации-испытании. Для одних, например, отрицательной стороной подобного опыта являлось то, что в интервью обозначалось, как дауншифтинг – невозможность оставаться. То есть первая релокация для большинства уехавших не стала окончательной, и они были вынуждены переезжать снова и снова в поисках лучших условий работы и качества жизни. Для других, имевших, например, представление о переезде коллег в Швецию, отрицательной стороной релокации являлась несоразмерность оплаты труда в этой стране и высоких налогов, получалось так, что, работая за, казалось бы, большие, чем в России, деньги, IT-специалисты не начинали в материальном плане жить лучше, так как основная часть дохода уходила на уплату высоких налогов.

Анализ собранных глубинных интервью показал, что одной из главных мотиваций релокации 2022 г. был страх мобилизации и участия в СВО, причем не только собственного, но и своих детей призывного возраста, тех сотрудников, которые числились на тот момент в фирме. В интервью можно было услышать следующее:

«Я совсем не понимал на тот момент, что будет с мобилизацией. И я решил, надо людей спасать. Я связался с инвесторами и, по сути, перевез всех сотрудников на деньги инвесторов, с нулевой выручкой на тот момент. Я сильно рисковал и весь переезд организовал практически за неделю» (технопредприниматель на рынке искусственного интеллекта по подбору недвижимости, муж., 34 г., точка релокации ОАЭ).

Важно, что при анализе интервью, по крайней мере тех, где основной мотивацией релокации 2022 г. озвучивался страх мобилизации, обнаруживалась связь с реакцией на «ситуацию-испытание», где в качестве таковой, как правило, выступала та, которую мы обозначили «критика войны, без оправдания: черно-белый спектр».

Помимо страха мобилизации и участия в СВО в качестве основных мотивов релокации нам удалось выделить:

- желание сохранить уже имеющийся проект, бизнес;
- кажущаяся респондентам бесперспективность в российской IT-сфере на ближайшие 10 лет, поиск перспектив;
- материальная выгода, нежелание терять имеющийся доход;
- идеологический, политический мотив;
- желание развития, «подтянуть» или выучить язык, быть в трендах, иметь доступ к зарубежным ноу-хау, «облакам», например, «Amazon», «Google», которые для российского пользователя теперь закрыты;
- желание интересной жизни, с путешествиями и многообразием впечатлений.

Важно отметить, что решение о релокации или отказе от нее во многом определялось семейным статусом. Одинокие или семейные, но бездетные, или с детьми дошкольного возраста, гораздо чаще соглашались на переезд, чем семейные пары с детьми-школьниками. Особую роль при этом играло то, насколько супруга или супруг имели возможность профессионально встроиться в новые условия жизни за рубежом.

«Я не поехал, потому что у меня тут родственники, семья. Жена там работу не нашла. В экономическом плане я бы потерял. В остальных планах, в бытовом, моральном плане тоже бы не приобрел. Лично я смысла не вижу. У меня трое детей. Есть родственники, которым я помогаю, пожилые родители. Там бы мне пришлось решать проблему с образованием. Например, в Армении, которая была одной из стран в качестве предложения, есть какие-то филиалы, какие-то хорошие армянские ВУЗы. Но это другая среда для детей» (разработчик-менеджер, муж., 45 л., Москва).

Семейным, имеющим детей (прежде всего школьного возраста) и престарелых родителей, родственников гораздо сложнее было принять решение о релокации. И в этом смысле все подобные нарративы указывают на конвенциональную связь с патриархальным миром, где чувство ответственности за близких, семью перевешивают все остальные значимые

связи и конвенции других миров. Заметим так же, что подобные нарративы чаще всего имели связь с реакцией на «ситуацию-испытание», которую мы обозначили, как уход от критики и оправдания: размытый спектр. Видимо, при значительном влиянии патриархального мира возможно сглаживание сугубо индивидуалистических позиций, они меньше проявляются и отходят на второй план. Критика в данном случае, как и оправдание во многом ослабевают, и основным становится прагматика повседневной жизни (в какую школу пойдет ребенок, в какой среде он будет учиться, сможет ли работать жена и т. д.).

Помимо семейного статуса на решение о переезде оказывала влияние профессиональная позиция респондента. Например, технопредприниматели, чей бизнес изначально был заточен на условия глобального рынка, или которые на него ориентировались (желая стать теми же «единорогами», как это отмечалось в интервью), гораздо чаще были готовы к переезду, чем простые исполнители или те же предприниматели, имеющие российские государственные заказы.

«Когда случилась война, пришло понимание, что из России я международный бизнес не построю в ближайшие пять лет. И я подумал, что надо уезжать» (технопредприниматель на рынке искусственного интеллекта по подбору недвижимости, муж., 34 г., точка релокации ОАЭ).

Примечательно, что в одном и том же нарративе могли встречаться сразу несколько мотивов к переезду, например, как в том, где был и страх мобилизации сотрудников, «надо спасать», и исключительная конвенция мира рынка, ясное понимание того, что возможность международного развития в результате СВО и рестрикций на долгие годы будет закрыта. Разные логики миров в итоге сошлись, оказались едины в стремлении респондента работать глобально, и отвечали, как это не парадоксально, в том числе в негативной точке ухода от мобилизации, в критике войны изначальным и глубинным желанием опрошенного. То есть в каком-то смысле «ситуация-испытание» простимулировала те действия, стремление к которым присутствовало и ранее, но в стабильных условиях, например, у субъекта не хватало решимости. Более того, отдельные технопредприниматели, особенно те, кто уже работал на глобальном рынке, давая оценку сложившейся в своем IT-бизнесе ситуации, отмечали, что СВО и рестрикции в смысле ориентации развития ничего не поменяли, даже, напротив, ускорили некоторые естественно происходящие процессы.

«Изначально глобальный софтовый бизнес интереснее, чем локальный, поэтому СВО мало что здесь поменяло. Поэтому для нас этот процесс и так происходил органично, какой-то процент фокуса смещался в сторону глобала. Никак это опять же не связано ни с событиями, ни с политикой, просто потому что там рынки больше, там емкость больше, и поэтому это естественный процесс. В России мы уже достаточно большие и есть проблемы с емкостью, а там проблем с емкостью нет, там бескрайние просторы» (технопредприниматель в сфере IT-оптимизации малого и среднего бизнеса, муж., 43 г., точка релокации США).

Таким образом, в отдельных случаях «ситуация-испытание» воспринималась не только как определенная сложность и суровая необходимость, но и как момент роста и развития. И в некоторых таких нарративах просматривалась опять же связь с реакцией на «ситуацию-испытание», которую мы обозначили, как уход от критики и оправдания: размытый спектр. То есть открытое избегание критики и оправдания в определенном смысле давало в том числе простор для осмысления ситуация в позитивном, отчасти перспективном для себя ключе.

Решение об отказе от релокации в собранных нами интервью сопровождалось и таким обоснованием:

«Не хочется переезжать. Не хочется ехать туда, где ты будешь человеком второго сорта. Чтобы твои дети там учились и узнавали, что Вторую Мировую войну развязали Гитлер и Сталин, а американцы всех победили» (разработчик, муж., 35 л., Югра).

Речь в подобных нарративах прежде всего идет о сохранении достоинства, а также о воспитании детей в соответствующей исторической памяти. Подобные нарративы отличает логика, свойственная и придерживающаяся конвенций гражданского и патриархального миров. Симптоматично, что подобные высказывания, как правило, обнаруживали связь с реакцией на «ситуацию-испытание» у респондентов, которую мы обозначили, как критика политического «там», и оправдание политического «здесь»: черно-белый спектр. По сути, это сообщество русских патриотов среди айтишников, которые совсем не готовы и не стремятся уехать.

Важно, что подобные сюжеты имеют место и среди технопредпринимателей, оставшихся в России и продолживших свой бизнес здесь. Рассуждая о том, почему в столь непростых условиях они остаются и действуют, респонденты говорили о разных мотивах, но чаще всего апеллировали к прошлым и будущим поколениям советских и российских ученых, видя в их достижениях и для себя большие возможности остаться в истории страны, стать частью этой цепи. В частности, одним технопредпринимателем вспоминается культовые советские книга и фильм «Иду на грозу» и слова советского физика Л. Д. Ландау:

«Ландау в фильме говорит: «Работать только на сегодняшний день, избегать тем, видящих на десятилетия вперед, – это типичное браконьерство...». Тогда поднимались после Мировой войны. Сегодня молодое поколение изобретателей и ученых поднимается после потребительского морока перестройки, всемирной потери смысла существования и возможности встать над обыденностью и увидеть жизнь на несколько десятилетий вперед... Мы также идем на грозу!» (технопредприниматель в сфере робототехники и искусственного интеллекта, жен., 60 л., Москва).

Как можно заметить, по своему оптимистичному настрою и ориентации в будущее подобные нарративы весьма близки тем, что были продемонстрированы выше и которые принадлежат технопредпринимателям-релокантам, нацеленным на глобальное развитие, с той только разницей, что выбор конвенций и миров существенно различается: в случае

остающихся это преимущественно мир вдохновения, в случае уехавших мир рынка, и это значительно меняет поведенческие модели и стратегии. Важно, что парадигма акторского действия О. В. Аксеновой работает, когда мы сравниваем мнения респондентов, учитывая их возраст и поколенческие особенности. Возрастные технопредприниматели и специалисты поколения застоя демонстрируют следы акторской позиции, где важны ценности и идеалы ушедшей эпохи, и связь с предыдущими поколениями ученых, советских и более ранних. IT-специалисты, чей возраст 24–40 лет, и кого принято относить к поколению миллениалов, в отдельных случаях, чаще поздних миллениалов, также свидетельствуют о важности преемственности поколений, но в ином ракурсе, как необходимость не быть человеком второго сорта и сохранять свою историческую память. То есть она от чувства «не хочу быть», у возрастных же от «хочу быть, как Ландау», «как мой отец физик», «как мой педагог по университету» и т. д. Респонденты поколения молодых миллениалов и Z меньше всего говорят об имеющихся ценностях и о желании сохранения преемственности с предыдущими поколениями, в том числе ученых, инженеров, айтишников. В их риторике главное – успех, быть на «острие прогресса», «быть в проекте» (проектный мир, рынка, репутации). Возможно, это объясняется возрастом и к поколенческим особенностям не относится. Для этого стоило бы провести отдельное исследование. Но уже сейчас можно отметить, что тот капитализм, который определяет рост экономики и развитие страны наличием компаний-единорогов, привлекая к этому в том числе талантливых мигрантов, в меньшей степени ориентирован на сохранение преемственности и, будучи заинтересованным в акторе – технопредпринимателе, IT-специалисте, не ждет от него тесной связи со своей родиной и ее прошлым.

К выводам

Проведенное качественное исследование, с использованием авторской модификации теории градов Л. Болтански и Л. Тевено, позволило рассмотреть IT-релокацию 2022 г. определенным образом, выделив основные реакции IT-специалистов и технопредпринимателей на «ситуацию-испытание», каковой стали начавшаяся СВО и международные санкции, и проследить, какие грамматики градов и конвенции каких миров становились определяющими в выборе релокации или отказа от нее. В результате проделанного анализа мы получили таблицу 1, где наглядно представлена взаимосвязь между реакцией на «ситуацию-испытание» и наиболее характерными в связи с этим сценариями действия.

Для обозначения имеющихся различий в реакциях специалистов IT-сферы на «ситуацию-испытание» мы использовали понятие спектра, выделяя черно-белый и размытый, подразумевая, что в первом случае в реакции присутствуют крайние точки, во втором, напротив, нивелировка крайних позиций. Сама разработка типологии, пусть и довольно простой, является так же результатом проделанной нами работы в новой пока для отечествен-

ной социологии теме IT-релокации. В итоге мы выделили четыре основные реакции IT-специалистов на «ситуацию-испытание», в которых соответствующим образом звучали свои критика и оправдание, отразились представления о справедливом и несправедливом (о чем довольно подробно говорится в основном тексте статьи). Здесь же мы хотим обратить внимание на то, что в результате проделанной работы IT-сообщество, гомогенное по ряду признаков, оказалось неоднородным и кластеризованным. Еще одним важным результатом проведенного исследования стал вывод, что наиболее однозначные, условно «черно-белые» реакции приводили к соответствующему однозначному выбору (релокации или отказу от переезда), а условно размытые реакции, менее радикальные по своей позиции, напротив, не всегда давали четкое представление и не всегда имели связь с тем, каким же в итоге оказывался выбор. В группах с подобными реакциями в равной степени наблюдался как отказ от релокации, так и переезд.

Таблица 1 (Table 1)

**IT-релокация 2022 года как реакция на «ситуацию-испытание»
и соответствующий сценарий действия**
*IT relocation 2022 as a response to a “test situation”
and the corresponding action scenario*

	Реакции на «ситуацию-испытание», санкции и СВО	Превалирующий сценарий в IT-сфере
I а	Критика политического «здесь», и оправдание политического «там»: черно-белый спектр	Релокация
I б	Критика политического «там», и оправдание политического «здесь»: черно-белый спектр	Отказ от релокации
II	Всеобщая критика политического: размытый спектр	В равной степени наблюдается как отказ от релокации, так и переезд
III а	Критика войны, без оправдания: черно-белый спектр	Релокация
III б	Оправдание войны с незначительной критикой: черно-белый спектр	Отказ от релокации
IV	Уход от критики и оправдания: размытый спектр	В равной степени наблюдается как отказ от релокации, так и переезд

Отказ от релокации чаще всего был связан с преобладанием значения конвенций гражданского и патриархального миров. Для успешных в России технопредпринимателей это было сопряжено так же с миром вдохновения, с возможностью действовать в новых, нестандартных для себя условиях, какими воспринимаются ими СВО, рестрикции и вызванные ими экономические проблемы, то есть сама «ситуация-испытание». Релокация и согласие на нее сопровождалась своим набором критики и оправдания. В этом смысле при разном их наборе можно заметить то общее, что объединяет и релокантов, и оставшихся: у каждого из них есть свой аргумент в пользу сделанного выбора.

Библиографический список

1. Аксенова О. В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М.: ИС РАН, 2016. 304 с. EDN: VYBENB.
2. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: НЛЮ, 2013. 576 с.
3. Ефременкова М. Н., Муращенкова Н. В. и др. Представления о настоящем и будущем страны как фактор эмиграционной активности студенческой молодежи: кросс-культурный анализ // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 1. С. 111–131. DOI: 10.17759/sps.2023140107; EDN: TZILKW.
4. Иванов Д. В. Критическая теория цифровизации: господство алгоритмической рациональности и бунт аутентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. № 26(3). С. 7–35. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.3.1; EDN: YLSMCN.
5. Исследование поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/0e8/attitudes_to_technologies_and_innovations_in_Russia.pdf (дата обращения: 03.07.2024).
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
7. Куценко Е., Тюрчев К., Остащенко Т. Релокация как драйвер инновационной активности: глобальное исследование международной миграции основателей компаний-единорогов // Форсайт. 2022. № 16(4). С. 6–23. DOI: 10.17323/2500-2597.2022.4.6.23; EDN: TIEJKB.
8. Социодиггер. Март–апрель. 2023. Т. 4. Вып. 3–4(25).
9. Фантастические миры российского хай-тека / Ред. О. Бычкова. СПб.: ЕУ в СПб., 2019. 416 с.
10. Хархордин О. В. Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 32–42. EDN: NYUQHP.
11. Negroponte N. Being Digital. N. Y.: Knopf, 1995. 256 p.
12. Skinner C. Digital human. The fourth revolution of humanity includes everyone. Marshall Cavendish International (Asia) Pte Ltd, 2018. 328 p.
13. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. N. Y.: McGraw-Hill, 1994. 368 p.
14. Weill P., Woerner S. Digital business transformation. Harvard Business Review Press (USA), 2018. 260 p.

Получено редакцией: 03.07.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Лебедева Ольга Николаевна, аспирант

Подлесная Мария Александровна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения регионов России

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.11

Peculiarities of Motivations of IT Specialists in Crisis Conditions

Olga N. Lebedeva

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

aka.sonja@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8565-1109

Maria A. Podlesnaia

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

yamap@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2159-4958

For citation: Lebedeva O. N., Podlesnaia M. A. Peculiarities of motivations of IT specialists in crisis conditions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 213–234. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.11; EDN: SOSOTI.

Abstract. The article analyzes the data of a qualitative research conducted by the authors at the time of the “testing situation”, i.e. the beginning of the SWO and the subsequent anti-Russian restrictions, among IT specialists and technopreneurs who faced a choice: to stay in Russia or to move to another country after their employer (or with their business). As a theoretical basis of the study we used the grad theory of L. Boltanski and L. Teveno, which made it possible to identify appropriate reactions to the resulting “situation-test”, with reasoned criticism and justification, with perceptions of fairness, as well as to identify the main motives contributing to the move or, on the contrary, leading to the refusal of it. The article attempts to identify the relationship between the reaction to the “situation-test” and the action (relocation or refusal of it) that the respondents eventually took. The authors collected 52 research materials, of which 42 were in-depth interviews with IT specialists relocated (22) and those who remained in Russia (20), and another 10 were interviews, statements, posts, and speeches of leading technopreneurs living and working both in Russia and those who moved abroad due to the SWO. As a result of the analysis of the collected data, the authors made the following conclusions: a group of IT specialists, homogeneous by a number of characteristics, is clustered by the type of reactions to the “situation-test”, depending on which the corresponding choice is formed: relocation or refusal of it. This reveals a connection; moreover, depending on the spectrum of reactions, more unambiguous or, on the contrary, blurred in terms of group behavior, choices and actions are observed.

Keywords: IT specialists, IT relocation, theory of cities by L. Boltanski and L. Thévenot, “test situation”

References

1. Aksenova O. V. Paradigm of social action: professionals in Russian modernization. Moscow, IS RAN, 2016: 304 (in Russ.). EDN: VYBENB.
2. Boltanski L., Thevenot L. Kritika i obosnovaniye spravedlivosti: Ocherki sotziologii gradov [Criticism and justification of justice: Essays on the Sociology of “Worlds”]. Moscow, NLO, 2013: 576 (in Russ.).
3. Efremenkova M. N., Murashchenkova N. V. et al. Perceptions of the Present and Future of the Country as a Factor of the Emigration Activity of Student Youth: CrossCultural Analysis. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2023: 14 (1): 111–131 (in Russ.). DOI: 10.17759/sps.2023140107; EDN: TZILKW.
4. Ivanov D. Critical theory of digitalization: algorithmic rationality domination and authenticity revolt. *Zhurnal sotziologii i sotzialnoy antropologii*, 2023: 26(3): 7–35 (in Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2023.26.3.1; EDN: YLSMCN.
5. The study of behavioral and institutional prerequisites for the technological development of the regions of the Russian Federation. Accessed 03.07.2024. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/0e8/attitudes_to_technologies_and_innovations_in_Russiapdf (in Russ.).
6. Castells M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [Information era: economics, society and culture]. Moscow, GU VSHE, 2000: 608 (in Russ.).
7. Kutsenko E., Tyurchev K., Ostashchenko T. Relocation as a Driver of Innovative Activity: A Global Study of Unicorn Founders' Migration. *Forsait*, 2022: 16(4): 6–23 (in Russ.). DOI: 10.17323/2500-2597.2022.4.6.23; EDN: TIEJKB.
8. *Sotsiodigger*. Mart–aprel'. 2023: 4: 3–4(25) (in Russ.).

9. Fantastic worlds of Russian high-tech. Ed. by O. Bychkova. St. Petersburg, EU v SPb., 2019: 416 (in Russ.).
10. Kharkhordin O. V. Pragmatic turn: sociology of L. Boltanski and L. Thévenot. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2007: 1: 32–42 (in Russ.). EDN: HYUQHP.
11. Negroponte N. Being Digital. New York, Knopf, 1995: 256.
12. Skinner C. Digital human. The fourth revolution of humanity includes everyone. Marshall Cavendish International (Asia) Pte Ltd, 2018: 328.
13. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. New York, McGraw-Hill, 1994: 368.
14. Weill P., Woerner S. Digital business transformation. Harvard Business Review Press (USA), 2018: 260.

The article was submitted on: July 3, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga N. Lebedeva, graduate student

Maria A. Podlesnaia, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher at the Center for the Study of Russian Regions

РИСКИ СОЦИАЛЬНЫХ МЕТАМОРФОЗ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.12

EDN: HOJENA

Развитие информационно-сетевой среды и девиантное поведение: киберпреступность как новая социальная угроза

Ссылка для цитирования: Позднякова М. Е., Брюно В. В. Развитие информационно-сетевой среды и девиантное поведение: киберпреступность как новая социальная угроза // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 235–254. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.12; EDN: HOJENA.

For citation: Pozdnyakova M. E., Bruno V. V. Development of the Information and Network Environment and Deviant Behaviour: Cybercrime as a New Social Threat. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 235–254. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.12; EDN: HOJENA.

SPIN-код: 6236-8782

Позднякова Маргарита Ефимовна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

margo417@mail.ru

SPIN-код: 3191-0120

Брюно Виктория Владимировна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

victoria.bruno@mail.ru

Аннотация. В представленной статье рассматривается проблема новых цифровых угроз. В фокусе исследования основные тенденции развития киберпреступности в России и ее специфические страновые особенности. Проведенный авторами анализ статистических данных различных ведомств (МВД, Генпрокуратуры, Роскомнадзора) по состоянию и структуре преступности показал, что киберпреступность в России за последние годы значительно возросла, особенно в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации. Выявлены и проанализированы наиболее распространенные виды киберпреступлений в российском обществе – различные виды мошенничеств и кражи, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Эмпирическую основу исследования составляют данные онлайн-опроса городского трудоспособного населения (18–60 лет), проведенного сотрудниками сектора социологии девиантного поведения ИС ФНИСЦ РАН по многоступенчатой квотной выборке (март-май 2024 г.). Было оценено отношение горожан к различным видам цифровой преступности.

Установлено, что многие респонденты считают вероятность стать жертвой кибермошенничества высокой, особенно в отношении незаконного использования персональных данных и взлома электронной почты.

Выявлено, что количество респондентов, опасющихся стать жертвой киберпреступления, увеличивается с возрастом. В то же время в самых старших возрастных группах эти опасения снижаются. Уровень образования также является важным дифференцирующим фактором в отношении столкновения с киберугрозами – чем выше его уровень, тем чаще респонденты имеют опыт столкновения с киберпреступлениями.

Для выявления ключевых особенностей киберпреступности в России был проведен опрос экспертов. К экспертизе были привлечены специалисты различных направлений – от исследователей-девиантологов до практических работников, занимающихся информационной безопасностью и имеющих опыт работы с киберпреступностью. Их прогноз на ближайшие годы неутешителен – ожидается дальнейший рост киберпреступности, усложнение применяемых техник, включая использование искусственного интеллекта, в связи с чем необходима разработка специализированных защитных решений.

Показано, что основными факторами роста киберпреступности в России является ее двойственная природа, проявляющаяся в одновременной организационной сложности и структурированности, с одной стороны, и гибкости, и адаптивности, – с другой. Кроме того, киберпреступность обостряет важную социальную проблему – растущее цифровое неравенство. Таким образом, киберпреступность в России представляет серьезную угрозу, требующую комплексного подхода и скоординированных усилий на всех уровнях общества для ее эффективного пресечения.

Ключевые слова: девиантное поведение, киберпреступность, информационно-коммуникационные технологии, кибермошенничество, социальная инженерия, компьютерная преступность, трудоспособное городское население

Введение

Появление и развитие цифровых технологий стали катализатором значительных метаморфоз в различных сферах общества, изменив не только способ общения людей, но и механизмы инициирования и распространения девиантного поведения [4; 7]. Цифровая эволюция привела к расширению технической инфраструктуры, а повсеместное распространение Интернета в российском обществе спровоцировало заметный сдвиг в сторону цифровых форм девиантности, охватывающих широкий спектр моделей поведения, большинство из которых противоречат социальным нормам, правовым стандартам или тому и другому. Наиболее распространенные формы отклонений в цифровой сфере в России и в мире, характерные для всех слоев населения: киберагрессия и кибербуллинг, несанкционированное распространение информации, онлайн-мошенничество, кибератаки (злонамеренное вмешательство в компьютерную систему или сеть), распространение вредоносных компьютерных программ, рассылка спама, киберхарассмент (сексуализированные домогательства в Сети), кража личных данных, хакерство, распространение откровенных изображений или видео

людей без их ведома и/или согласия (так называемая «порноместь») и другие. Иными словами, в России отмечается переход от традиционных форм девиаций к цифровым, что отражает глобальные тенденции.

Специалисты в области компьютерных технологий по всему миру отмечают, что киберпреступность сегодня вышла на новый уровень, демонстрируя все более сложные формы и охватывая большие масштабы [4]. В условиях цифрового неравенства и усложнения преступных схем киберугрозы становятся не просто технической или правовой, но и глубокой социальной проблемой, трансформируя повседневную жизнь и изменяя восприятие безопасности и доверие к цифровой среде. Важно понять, какие аспекты киберугроз воспринимаются обществом наиболее остро, какие группы населения чувствуют себя наиболее уязвимыми и как страх перед этими угрозами влияет на поведение в цифровом пространстве. Это позволит выявить не только точки наибольшей уязвимости, но и социальные механизмы, которые способствуют развитию киберпреступности.

Основная цель настоящей работы заключается в изучении киберпреступности в России как новой формы девиантного поведения. Исследование направлено на анализ ее структурных особенностей, масштабов распространения и восприятия в обществе. В задачи исследования входило проанализировать структуру компьютерных преступлений и выявить наиболее распространенные виды киберпреступлений в российском обществе; изучить отношение городского трудоспособного населения к различным видам цифровой преступности; проанализировать мнения экспертов относительно особенностей российской киберпреступности, причин ее роста и эффективных методов борьбы с ней, а также сформулировать ряд рекомендаций по борьбе с киберпреступностью.

Проблема киберпреступности вызывает все больший интерес в научном сообществе, что обусловлено ее нарастающей значимостью в условиях цифровизации общества. Наибольший интерес к этому явлению проявляют специалисты в области права и криминологии. Юристы и криминологи анализируют определения и классификации киберпреступлений в контексте российского и международного законодательства [12], изучают особенности правового регулирования, принципы предотвращения киберпреступлений и текущее состояние правовой среды в данной области [2; 3; 9]. Проблемам контроля компьютерной преступности в России и на международном уровне, особенно в условиях ее трансформации в высокотехнологическую преступность, посвящены исследования К. Н. Евдокимова [4].

Социологи рассматривают киберпреступность как часть более обширного явления кибердевиантности. Значительная часть работ содержит социологическую рефлексию о природе цифровой социальной реальности. Так, О. В. Крыштановская, М. В. Кибакин, В. Ф. Ницевич акцентируют внимание на социальных эффектах и проблемах, возникающих в результате влияния Интернета, социальных медиа и популярных онлайн-платформ на российское общество [15; 6; 11]. Вопросы влияния цифровизации на социальное развитие и рост киберпреступности изучаются в исследованиях А. Ю. Сергеева и О. В. Широковой [13].

Несмотря на активные дискуссии, комплексный подход к изучению киберпреступности остается на стадии формирования. В этой связи особый интерес представляют работы криминолога и социолога Ю. Ю. Комлева, посвященные анализу цифровизации и разработке и развитию цифровой девиантологии. Обобщая результаты российских и международных исследований, автор показывает, что с момента своего возникновения кибердевиантность проявляется в различных формах, обусловленных цифровизацией и сетевизацией; и они значительно эволюционировали, став более сложными и разнообразными. Комлев указывает на недостаточность традиционных криминологических теорий для объяснения данных процессов и обосновывает необходимость интегративного подхода, включающего знания из девиантологии, криминологии, социологии, юриспруденции, семиотики, теории масс-медиа и других дисциплин, в том числе математических наук [7; 8].

Из современных интересных социологических работ отметим диссертацию П. С. Швыряева, рассматривающего киберпреступность как социальную проблему. Автор отмечает, что существенный крен в сторону технократического подхода к киберпреступности упускает из фокуса внимания социальную природу этого явления, что делает борьбу с киберпреступностью неэффективной [14].

Несмотря на значительное количество исследований в области кибердевиантности и киберпреступности, социологических работ, посвященных этим явлениям, по-прежнему недостаточно. Особенно ограничено количество исследований, касающихся отношения населения к различным видам киберпреступности, а также изучения опыта «столкновения» с ними в повседневной жизни, что представляется важным для разработки эффективных стратегий профилактики и борьбы с данными угрозами.

Методологические и эмпирические основания исследования

Эмпирической основой нашего исследования являются материалы онлайн-опроса городского трудоспособного населения в возрасте от 18 до 60 лет, проведенного сотрудниками сектора социологии девиантного поведения ИС ФНИСЦ РАН по многоступенчатой квотной выборке (март-май 2024 г.). Выборка представлена 13 крупными городами России: Москва, Санкт-Петербург, Калининград, Омск, Челябинск, Воронеж, Сыктывкар, Архангельск, Краснодар, Казань, Екатеринбург, Тюмень и Пермь ($n = 1300$)¹.

Для исследования особенностей киберпреступности в России авторами был проведен опрос экспертов. Критерии отбора экспертов включали в себя: компетентность в теме цифровых девиаций и киберпреступности, знание о распространенности различных форм киберпреступлений, практический опыт работы с киберпреступностью, знания в сфере информа-

¹ Онлайн опрос осуществлен совместно с компанией OMI (Online Market Intelligence) – российской IT-компанией, предоставляющей комплексные решения для онлайн исследований.

ционной безопасности. Важным этапом отбора экспертов была проверка на компетентность, для чего на первичных консультациях собирались данные о кандидатах (документы, подтверждающие квалификацию специалиста, публикационная активность, участие в конференциях, участие в исследовательских проектах, связанных с темой киберпреступности). В результате отбора были опрошены: социологи и криминологи, владеющие темой преступности, включая цифровую; представители правоохранительных органов (участковые инспекторы Москвы Южного и Северного округа); специалисты по информационной безопасности. Помимо заявленных целей, авторы поставили перед экспертами задачу попытаться дать оценку будущему состоянию киберпреступности в России и сформулировать рекомендации для улучшения стратегии противодействия киберпреступности. Для этого был применен метод деструктивной отнесенной оценки¹, а сам опрос проходил в очном групповом формате, что позволило экспертам дискутировать по вопросам, представленным в сценарии. Всего было опрошено 10 человек.

В работе также использованы статистические материалы различных ведомств (Росстата, МВД, Генпрокуратуры, Роскомнадзора) по состоянию и структуре преступности (по некоторым видам преступлений).

Распространенность киберпреступности в России

С 2005 г. общее число зарегистрированных преступлений в России, включая тяжкие и особо тяжкие, снизилось более, чем на 45%, с 3 554 738 случаев в 2005 г. до 1 947 161 в 2023 г. (тяжкие и особо тяжкие – с 1 076 988 до 589 079 случаев)². Во многом благодаря улучшению систем безопасности в городах, включая системы видеонаблюдения, значительно сократились традиционные виды преступлений: грабежи, разбои и убийства³. В то же время заметно увеличилось число «бесконтактных» преступлений, которые в первую очередь связаны с незаконными действиями в области информационных технологий, то есть киберпреступность⁴.

В широком смысле, киберпреступность – это преступная деятельность, осуществляемая с помощью компьютеров или Интернета. В России в структуре рассматриваемого вида преступности принято выделять три вида преступлений: 1) преступления в сфере компьютерной информа-

¹ Метод деструктивной отнесенной оценки направлен на выявление наиболее значимых факторов или элементов из множества альтернатив через процесс последовательного исключения наименее важных с помощью деструктурирования (опровержения).

² Состояние преступности в России за январь-декабрь 2005: стат. сб. // МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». М., 2005. 32 с.; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023: стат. сб. // МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». М., 2023. 64 с.

³ В МВД заявили об историческом максимуме показателя раскрываемости убийств в РФ // Известия. 2023. 20 июля. URL: <https://iz.ru/1546971/2023-07-20/v-mvd-zaiavili-ob-istoricheskom-maksimume-pokazatelia-raskryvaemosti-ubiistv-v-rf> (дата обращения: 15.04.2024).

⁴ Петров И. Числа по беспределу: как изменилась криминальная картина в стране // Известия. 2023. 23 сентября. URL: <https://iz.ru/1579157/ivan-petrov/chisla-po-bespredelu-kak-izmenilas-kriminalnaia-kartina-v-strane> (дата обращения: 01.06.2024).

ции¹, 2) преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ) и 3) преступления, совершаемые в информационно-телекоммуникационных сетях (ИТС), включая сеть Интернет² [5]. В статистических данных МВД количество зарегистрированных преступлений по этим трем показателям суммируется (приказ Генпрокуратуры РФ № 589 от 12.10.2022), что некоторыми криминологами считается некорректным, поскольку безосновательно расширяет категорию данного типа преступлений и искажает динамику их роста. Так, известный специалист в области информационных технологий, кандидат юридических наук, К. А. Каримов считает, что к истинной киберпреступности следует относить лишь первый тип преступлений, совершаемых лицами, обладающими высокой квалификацией и глубокими знаниями в сфере информационных технологий. Второй и третий типы, как правило, совершаются менее квалифицированными преступниками, которые используют интернет как инструмент, для чего не нужно глубоких знаний [5]. В целом соглашаясь с К. А. Каримовым, по мнению авторов этих строк, анализ второго и третьего типов преступлений все же имеет значение в контексте киберпреступности, поскольку они происходят в рамках цифровой среды и используют онлайн-платформы. В условиях, когда личная и коммерческая жизнь все больше переходит в онлайн, возможности для совершения преступлений второго и третьего типов возрастают, что может создавать благоприятную почву и для более серьезных киберугроз и требует соответствующих мер реагирования.

Отметим, что количество россиян, имеющих доступ в интернет, выросло с 15% в 2005 г. до 83% в 2023 г., при этом российские пользователи в среднем проводят в интернете около четырех часов в день, а в младших возрастных группах этот показатель превышает шесть часов в день³. С ростом проникновения Интернета увеличивается как количество киберпреступлений, так и круг потенциальных жертв. Преступники используют анонимность и масштабы Интернета для совершения различных преступлений: от кражи личных данных до изощренных мошенничеств.

В России статистика компьютерных преступлений ведется с 1997 г., когда была введена уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации⁴. За период 1999–2003 гг. среднегодовые темпы

¹ Ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации»; ст. 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ»; ст. 274 УК РФ «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации»; ст. 274.1 УК РФ «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации».

² Ст. ст.: 138, 138.1, 146, 158, 159, 159.3, 159.6, 163, 165, 171.2, 183, 228.1, 230, 242, 242.1, 242.2, 280, 282 УК РФ и др.

³ Давыдов С. Г., Казярян К. Р., Сайкина М. В. Интернет в России в 2022–2023 годах. Состояние, тенденции, перспективы развития. Отраслевой доклад // Минцифры. М.: Дизайн-студия RE-FORM, 2023. 207 с. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/internet-v-rossii-v-2022-2023-godah.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).

⁴ В 1998 г. было создано специализированное подразделение «Р» МВД РФ по борьбе с преступностью в сфере высоких технологий. В настоящее время его функции выполняет управление «К» МВД РФ по борьбе с компьютерными преступлениями. Кроме того, с 2022 года в структуре МВД России указом президента Владимира Путина создано управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (УБК).

роста компьютерной преступности в России составляли уже 88% [10]. С тех пор количество киберпреступлений в России показывает неуклонный и интенсивный рост. Так, по данным МВД РФ, за последние 10 лет количество преступлений в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации увеличилось в России в 62 раза, с 11 тыс. в 2013 г. до 676951 в 2023 г., а удельный вес с 0,2 до 34,8% соответственно¹. В 2023 г. рост составил 29,7% по сравнению с предыдущим, а в количественном выражении это практически 676 тысяч преступлений². В первом квартале 2024 г. тенденция не изменилась: вновь зафиксирован рост на 17,6%, при этом в общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 31,5% в январе – марте 2023 г. до 37,9%.³

Анализ структуры компьютерных преступлений показывает, что основная их масса (80–99%) совершается с использованием ИТТ или в ИТС, то есть «неквалифицированными» преступниками. Самыми распространенными преступлениями в данной сфере, согласно данным статистики МВД, являются: *мошенничества* (и его специальные составы: мошенничество с использованием электронных средств платежа и мошенничество в сфере компьютерной информации) и *кражи* (в том числе кражи, совершенные с банковского счета или в отношении электронных денежных средств), совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий (до 80%)⁴. Так, например, мошенничество с использованием электронных средств платежа выросло с 85 случаев в 2017 г. до 7288 в 2022 г.⁵.

На втором месте – сбыт наркотических средств и психотропных веществ с помощью информационно-коммуникационных технологий (около 10%). Оставшуюся долю делят между собой преступления в сфере компьютерной информации (неправомерный доступ к компьютерной информации; создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ); публичные призывы к экстремистской деятельности, совершенные с использованием сети Интернет; нарушение авторских и смежных прав. Так, количество случаев неправомерного доступа к компьютерной информации выросло с 1930 в 2017 г. до 9308 в 2022 г.⁶.

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2013: стат. сб. // МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». М. 2013. 54 с.; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023: стат. сб. // МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». М., 2023. 64 с.

² Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023: стат. сб. // МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». М., 2023. 64 с.

³ Состояние преступности в России за январь-март 2024: стат. сб. // МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». М., 2024. 64 с.

⁴ Мошенничество в сети: судебная практика и ключевые аспекты // TRM GROUP. 2021. URL: <https://rtmtech.ru/research/online-fraud-research/> (дата обращения: 20.04.2024)

⁵ Колесникова Н. В. Данные из формы федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС «Единый отчет о преступности» (за 2012, 2017 и 2022 годы) // Отдел правовой статистики и информационного обеспечения прокурорской деятельности Ун-та прокуратуры РФ. URL: <https://crimas.ru/wp-content/uploads/2023/03/Dannye-po-vsem-statyam-UK-12-17-22.docx?ysclid=lxbnm44csi831424838> (дата обращения: 01.06.2024).

⁶ Там же.

Один из наиболее популярных видов кибер-мошенничества – фэйшинг (от англ. phishing, от fishing – рыбная ловля, выуживание). Целью этого киберпреступления является получение доступа к конфиденциальным данным (данные банковских карт, паспортов, логины, пароли, пин-коды, коды верификации и др.). Данное преступление традиционно осуществляется через электронные письма, сообщения в мессенджерах, поддельные сайты, а также телефонные звонки («вишинг») и SMS («смишинг»). Сообщение может содержать ссылку на поддельный сайт, который визуально напоминает настоящий и предназначен для кражи личных данных. Мошенники часто подделывают сайты известных компаний. Например, на поддельном сайте РЖД предлагались дешевые билеты на «Сапсан», а на якобы официальных сайтах «ресторанов» просят внести предоплату за бронь столика.

Количество фишинговых сайтов в России в 2023 г. резко возросло. Компания по управлению цифровыми рисками BI.ZONE обнаружила 70 тыс. подобных сайтов в 2021 г., 111 тыс. в 2022 г. и уже 212 тыс. в 2023 г.¹. Только за январь и февраль 2024 г. было выявлено 41 тыс. мошеннических ресурсов. При этом доля блокировки незаконных сайтов составляет от 10 до 30%². Опрошенные нами специалисты полагают, что ключевая причина увеличения количества фишинговых сайтов – появление возможностей сделать такой сайт обычному пользователю с помощью распространившихся «конструкторов сайтов», которые может использовать человек, не обладающий навыками программирования.

Значительно возросло телефонное мошенничество, которое также эволюционировало, внедряя интернет-технологии (например, интернет-телефонию) для реализации своих схем. В 2022 г. число таких попыток в отношении граждан России достигло 5 млн в сутки, в 2024 г. – уже 20 млн в сутки. Доля телефонного мошенничества в общем объеме кибермошенничества составляет 90%³. Согласно опросу ВЦИОМ, телефонные звонки от мошенников получают две трети граждан России⁴. Наши исследования также подтверждают эти данные. При этом, несмотря на ввод в строй Роскомнадзором в январе 2023 г. платформы «Антифрод», предназначенной для борьбы с этим явлением, рост сохраняется (см. табл. 1). По словам зампреда «Сбера» Станислава Кузнецова, примерно в одном случае из 100 люди верят телефонным мошенникам. То есть порядка 200 тыс. граждан в сутки могут попадаться на их обман.

¹ Threat Zone 2024. Исследование российского ландшафта киберугроз // BI.ZONE. 2024. URL: https://bi.zone/upload/for_download/Threat_Zone_2024_BI.ZONE_Research_rus.pdf (дата обращения: 01.05.2024).

² Фишинг, недорого // Коммерсант. 2024. 14 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6563591> (дата обращения: 01.05.2024).

³ Павленко О. Сбербанк зафиксировал рост числа попыток телефонного мошенничества в отношении россиян до 8,6 млн в сутки // Коммерсант. 2024. 14 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6043349> (дата обращения: 14.05.2024).

⁴ Телефонное мошенничество: мониторинг // ВЦИОМ. 2024. 20 февраля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-monitoring> (дата обращения: 20.11.2024).

Таблица 1 (Table 1)

Результаты опроса ВЦИОМ по телефонному мошенничеству за 2021, 2022, 2023 годы,
% от всех опрошенных¹

*Results of the WCIOM survey on telephone fraud for 2021, 2022, 2023,
% of all respondents*

Вид мошенничества	Год проведения опроса		
	2021	2022	2024
Звонки	57	63	67
Смс	19	20	17
Ничего такого не было	35	33	30
Затруднились с ответом	1	1	1

Анализ распространенности киберпреступности в России свидетельствует о том, что, несмотря на общее снижение традиционных видов преступлений, общество сталкивается с новыми вызовами, возникающими в условиях цифровизации. С ростом интернет-пространства и массовым переходом в онлайн-сферу, киберпреступность становится не просто уголовной, но и социальной проблемой, изменяя некоторые привычные модели поведения и способы взаимодействия. Проникновение технологий в повседневную жизнь может изменить восприятие безопасности и доверия, как к другим людям, так и к цифровым системам.

Киберпреступность: восприятие гражданами России

Результаты опроса, проведенного сектором социологии девиантного поведения ИС ФНИСЦ РАН, среди городского трудоспособного населения в возрасте 18–60 лет, демонстрируют высокую степень озабоченности россиян по поводу киберугроз, что свидетельствует о растущем осознании рисков, связанных с цифровой безопасностью. Две трети опрошенных респондентов (в среднем 69%) считают вероятность стать жертвой кибермошенников высокой и очень высокой, особенно опасения вызывают незаконное использование (75%) и кража персональных данных (73%), а также взломы электронной почты (73%). Несколько в меньшей степени респонденты опасаются телефонного мошенничества (67%) и мошенничества в Интернете (66%). Меньше всего респонденты опасаются стать жертвой банковских махинаций (58%) (табл. 2).

Женщины относятся к киберпреступлениям более настороженно: в среднем 78% из них считают, что стать жертвой киберпреступника сегодня весьма и очень вероятно (среди мужчин таковых 63%). Это связано с различиями в восприятии риска, цифровой грамотности и различным опытом использования Интернета и технических устройств.

¹ Телефонное мошенничество: мониторинг // ВЦИОМ. 2024. 20 февраля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-monitoring> (дата обращения: 20.05.2024).

Таблица 2 (Table 2)

Распределение ответов на вопрос:

«Как Вам кажется, на сегодняшний день какова вероятность стать жертвой перечисленных видов преступлений для Вас и Ваших близких?», % от ответивших
Distribution of answers to the question: «What do you think is the probability of becoming a victim of these types of crimes for you and your loved ones today?», % of the respondents

Виды преступлений	Очень вероятно	Весьма вероятно	Мало-вероятно	Практически не вероятно	Затрудняюсь ответить
Банковские махинации (при кредитовании, при расчетно-кассовом обслуживании, с депозитами и др.)	22	36	24	10	8
Кража персональных данных в Интернете (паспортные данные, СНИЛС, ИНН, номера счетов, коды банковских карт, паролей и др.)	34	39	15	8	4
Незаконное использование персональных данных	31	44	13	7	5
Мошенничество в Интернете (шантаж, «развод» на деньги в долг, подставные сайты, письма о якобы «выигрыше» и т. п.)	32	34	17	12	5
Взлом электронной почты, личной страницы, компьютера	32	41	14	7	6
Телефонное мошенничество (преступники выдают себя за сотрудника банка или разыгрывают из себя жертву и т. д.)	38	30	15	12	5

Данные свидетельствуют о разном восприятии угроз в зависимости от возраста. Молодые респонденты (18–23 и 24–29 лет) показывают относительно низкий уровень опасений по поводу киберугроз (57 и 63% соответственно). Поколения, выросшие в цифровую эпоху, могут ощущать уязвимость менее остро, полагаясь на свои адаптивные стратегии безопасности. Люди старшего возраста склонны воспринимать угрозы серьезнее: доля тех, кто считает вероятность стать сегодня жертвой того или иного киберпреступления высокой и очень высокой, составляет в среднем 69% в группе 30–39 лет, 71% – в группе 40–49 лет, и 76% в группе 50–60 лет. Эти возрастные группы, как правило, имеют больше финансовых активов и ресурсов, несут определенную финансовую ответственность за благополучие семьи, активно используют технологии в повседневной жизни, включая онлайн-банкинг, социальные сети и электронную почту.

Отметим, что в исследовании, проведенном ВЦИОМ, была выделена группа респондентов старше 60 лет, в которой сильные опасения киберугроз несколько снижались¹, что может быть связано с меньшей вовлеченностью в цифровое пространство и низким уровнем цифровой грамотности в этой возрастной группе. Эксперт по кибербезопасности отметил, что пожилые люди реже используют интернет, избегают сложных онлайн-транзакций и социальных сетей, чаще полагаются на помощь и поддержку своих детей или других родственников в вопросах, связанных с технологиями и безопасностью, больше доверяют традиционным методам защиты, таким как личные визиты в банк или хранение важных документов в бумажном виде.

Опасения трудоспособного населения относительно киберпреступлений связаны с уровнем их материального благосостояния. Полученные в нашем исследовании данные указывают на обратную зависимость между материальным благосостоянием и уровнем опасений перед киберпреступлениями: среди респондентов с низким и ниже среднего уровнем благосостояния тревожность достигает 73–75%, тогда как для респондентов среднего достатка показатель составляет 69%, а в группе с высоким уровнем благосостояния (выше среднего и богатые) – 61%. Обеспеченные респонденты проявляют больше «цифровой уверенности», вероятно, благодаря большим возможностям для инвестирования в меры кибербезопасности и обладают большим доступом к информационным ресурсам, что снижает их чувство уязвимости. Напротив, низкий уровень благосостояния может ограничивать доступ к качественным защитным технологиям и усиливает ощущение тревоги.

Самые распространенные киберпреступления, с которыми лично сталкивались респонденты: телефонное мошенничество (55%), мошенничество в интернете (41%), взлом электронной почты (33%), незаконное использование персональных данных (20%), кража персональных данных (15%), банковские махинации (10%). Данные опроса показывают любопытный контраст между уровнем опасений респондентов перед киберугрозами и их фактическим опытом столкновения с некоторыми киберпреступлениями. Так, например, считая наиболее вероятными киберпреступлениями незаконное использование и кражу персональных данных, респонденты сталкивались с ними относительно редко. Наоборот, в меньшей степени опасаясь телефонного мошенничества, респонденты сталкивались с ним чаще всего. Также отметим, что, согласно данным ВЦИОМ, лишиться денежных средств в результате действий телефонных мошенников *не опасаются* 73% опрошенных (отметили, что это вряд ли случится или не случится никогда)².

Согласно данным, полученным нами из опроса экспертов по кибербезопасности, телефонное мошенничество кажется людям менее сложным технически, а потому менее опасным по сравнению с кражей персональ-

¹ Цифровая самооборона // ВЦИОМ. 2024. 12 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovaja-samooborona> (дата обращения: 20.05.2024); Телефонное мошенничество: мониторинг // ВЦИОМ. 2024. 20 февраля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-monitoring> (дата обращения: 20.05.2024).

² Телефонное мошенничество: мониторинг // ВЦИОМ. 2024. 20 февраля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-monitoring> (дата обращения: 20.05.2024).

ных данных. Кроме того, относительно масштабное освещение в СМИ данной проблемы, предупреждения, рассылаемые различными организациями, в том числе правоохранительными органами, произвели определенный профилактический эффект. Эксперт отмечает: «Многие наши соотечественники имеют опыт подобных историй, поэтому относятся весьма настороженно ко всем непонятным звонкам. Люди уже знакомы с такими сценариями мошенничества, как звонки с просьбами о личных данных или фальшивые уведомления о выигрышах, и более уверенно реагируют на эти ситуации».

Незаконное использование и кража персональных данных вызывает сильную тревогу из-за таких потенциальных долговременных серьезных последствий, как финансовые потери и нарушение личной безопасности. Эксперт-участковый инспектор говорит: «Меньшее количество фактических случаев кражи персональных данных – это видимость. Такие преступления менее очевидны, их сложнее заметить, кроме того, в отношении этих случаев все-таки предпринимаются меры для их предотвращения».

Исследование выявило, что уровень образования выступает значимым дифференцирующим фактором в отношении вероятности столкновения с киберугрозами: чем выше образовательный уровень, тем чаще респонденты сообщают об опыте взаимодействия с киберпреступлениями (табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

**Опыт столкновения горожан с киберпреступлениями
в зависимости от уровня образования, %**

Experience of citizens facing cybercrime depending on the level of education, %

Виды преступлений	Уровень образования			
	Среднее общее (11 классов) n = 102	Среднее специальное n = 387	Незакон- ченное высшее и высшее n = 646	Два высших, ученая степень n = 79
Банковские махинации (при кредитовании, при расчетно-кассовом обслуживании, с депозитами и др.)	8	7	9	12
Кража персональных данных в Интернете (паспортные данные, СНИЛС, ИНН, номера счетов, коды банковских карт, паролей и др.)	9	10	16	30
Незаконное использование персональных данных	9	15	22	32
Мошенничество в Интернете (шантаж, «развод» на деньги в долг, подставные сайты, письма о якобы «выигрыше» и т. п.)	18	35	45	56
Взлом электронной почты, личной страницы, компьютера	23	27	37	39
Телефонное мошенничество (преступники выдают себя за сотрудника банка или разыгрывают из себя жертву и т. д.)	34	51	58	56

Анализ данных продемонстрировал различную степень связи между уровнем образования и типами киберпреступлений, с которыми сталкивались респонденты. Так, для банковских махинаций не было обнаружено статистически значимой связи ($\chi^2 = 7,491$; $p = 0,112$; $V = 0,076$), что, вероятно, обусловлено влиянием иных факторов, например, финансовой грамотности. В случаях взлома электронной почты и незаконного использования персональных данных выявлена слабая, но значимая связь с уровнем образования ($\chi^2 = 17,738$; $p = 0,001$; $V = 0,118$ и $\chi^2 = 22,721$; $p = 0,000$; $V = 0,133$, соответственно). Более выраженная связь обнаружена при анализе краж персональных данных ($\chi^2 = 33,775$; $p = 0,000$; $V = 0,162$) и интернет-мошенничества ($\chi^2 = 39,776$; $p = 0,000$; $V = 0,176$), что можно объяснить высокой активностью людей с высоким уровнем образования в цифровой среде, включающей онлайн-банкинг и социальные сети. Наиболее выраженная зависимость выявлена между уровнем образования и частотой столкновения с телефонным мошенничеством ($\chi^2 = 65,352$; $p = 0,000$; $V = 0,226$).

Важно отметить, что взаимосвязь между уровнем образования и частотой столкновений с мошенничеством едва ли обусловлена целенаправленным выбором образованных людей в качестве жертв. Как поясняет эксперт-социолог, активное использование цифровых технологий и онлайн-сервисов – от мобильных приложений и социальных сетей до банковских услуг – делает людей с высоким уровнем образования более подверженными контакту с киберпреступлениями. Хотя у этих респондентов развиты навыки критического мышления и осведомленность о мошенничестве, что помогает им быстрее распознавать угрозы, цифровая активность оставляет их в зоне риска. Эксперт по кибербезопасности добавляет, что как доступ к технологиям, так и высокий уровень цифровой грамотности служат одновременно факторами риска и защиты. Таким образом, более образованные люди оказываются, с одной стороны, более защищенными, но, с другой стороны, более вероятными целями для киберпреступников.

Особенности и тенденции киберпреступности в России

Особенности киберпреступности в России представляют собой сложную и развивающуюся картину, отражающую более широкие глобальные тенденции, но в то же время проявляющую и свою специфику. Большинство опрошенных нами экспертов сходятся во мнении, что для российской компьютерной преступности характерны следующие признаки:

1. На фоне тесной взаимосвязи с другими видами преступности, у киберпреступности имеется отчетливый самостоятельный характер, например, киберподразделения внутри традиционных преступных организаций способны функционировать автономно. *«Традиционные преступные организации, та же оргпреступность, начали формировать внутри свои отделы для совершения цифровых преступлений или для помощи в совершении традиционных преступлений, или даже для сокрытия привычных обычных преступлений»* – отмечает эксперт-криминолог.

2. Технологическая сложность и постоянная эволюция технологий и методов преступлений. Эксперты считают, что развитие искусственного интеллекта (ИИ) создало новую эру цифровых угроз. Эксперт-социолог говорит: *«Развитие интернета было своего рода первой технологической революцией. А появление и, главное, доступность искусственного интеллекта сегодня – это уже новая эра в технологиях, все последствия которой еще не видны и не осознаны»*. Криминолог добавляет: *«В отношении цифровых преступлений “ИИ” плюс интернет нам сразу дают колоссальную прибавку в скорости и масштабе»*.

3. Двойственная природа киберпреступности, сочетающая организованность и структурированность с гибкостью и адаптивностью. *«Мы имеем дело с противником, который одновременно структурирован, имеет четкую иерархию, разделение ролей и задач, и в тоже время непредсказуем за счет быстрой адаптации к изменениям. Организованные преступные группы могут использовать продвинутые техники планирования и атаки, но их гибкость позволяет им быстро изменять тактику при появлении новых защитных технологий, что требует от специалистов по безопасности постоянного мониторинга и адаптации мер защиты»*, – отметил специалист по информационной безопасности. Эксперт-криминолог дополнил, что *«в России одни из лучших IT-специалистов, и проблема не в технологической составляющей, а в том, что правоохранители ограничены правовыми нормами, процессуальностью действий. А преступники, считай, ничем не ограничены. Но даже в таких условиях около 25% киберпреступлений все-таки удается раскрыть»*.

4. Эксперты по кибербезопасности отмечают профессионализм и высокий уровень технологических навыков киберпреступников в России: *«Это не случайные кибератаки, а тщательно спланированные стратегии, направленные на использование конкретных уязвимостей в системах своих жертв»*.

5. Среди факторов уязвимости все эксперты назвали низкую киберграмотность населения и общий дефицит общественного и индивидуального понимания того, как обеспечить технологическую безопасность и защитить персональные данные. Как показало исследование, проведенное Минцифры России совместно с ГК «Солар», консалтинговым агентством НАФИ и СПбГУТ им. М. А. Бонч-Бруевича в 2022 г., общий индекс киберграмотности населения России составил 48,2 пункта из 100 возможных, 41% опрошенных не смогли назвать вообще ни одной киберугрозы. Опрос показал, что проблема фундаментальнее, нежели недостаточный опыт или владение цифровыми технологиями, – у людей, несмотря на доступность информации, не сложилось понимания того, что такое киберграмотность и зачем она нужна¹.

¹ Седов О. Кибергигиена: как защититься от мошенников // РБК. 2023. 30 ноября. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/30/11/2023/65671add9a79479923d8c15c> (дата обращения: 16.06.2024).

6. Неосведомленность жертвы и высокая латентность явления. Зачастую жертвы киберпреступлений не подозревают, что они стали жертвами или пострадали. Утечка данных может оставаться незамеченной до тех пор, пока данные не будут использованы преступниками.

7. На фоне низкой информационной грамотности и невысокой осведомленности жертвы осведомленность преступников о жертве, напротив, часто относительно высокая. Киберпреступники могут быть хорошо информированы о своих целях, проводя предварительную разведку для использования конкретных уязвимостей. *«Социальные сети и онлайн-платформы предоставляют множество информации о пользователях, что увеличивает их уязвимость перед киберугрозами»*, – отмечает эксперт-социолог.

8. Трансграничный и транснациональный характер преступлений, а также дистанционный характер преступных действий. По мнению эксперта-социолога, *«киберпреступность можно рассматривать как следствие глобальных экономических и социальных процессов, которые создают новые возможности для преступной деятельности. Ни одна страна не может эффективно противостоять этой угрозе в одиночку, но в этом моменте мы упираемся в различные геополитические процессы, которые затрудняют совместную работу»*.

9. Сложность мотивов киберпреступников. Чаще всего целью киберпреступников является финансовая выгода: кража денежных средств, продажа данных. Однако необходимо отметить и другие цели: кража данных с целью манипуляции или шантажа, нарушение рабочих процессов в системах, вывод из строя критически важных объектов и провокация таким способом хаоса и страха, политические или идеологические цели, дезинформация или навязывание определенной позиции, шпионаж и др. Не менее важными являются психологические причины – удовлетворение потребности во власти и контроле, а также признании (например, в хакерских сообществах).

Все эти особенности делают киберпреступность куда более эффективной, нежели другие преступные отрасли.

Абсолютно все эксперты предрекли дальнейший рост киберпреступности в России и в мире, несмотря на достаточно профессиональные усилия правоохранительных органов. Это связано как с самой спецификой киберпреступлений, так и с переходом технических возможностей на совершенно новый уровень с появлением искусственного интеллекта (AI). Социологи и эксперты по кибербезопасности отметили, что со временем некоторые виды киберпреступлений все-таки исчерпают себя, но это произойдет не ранее, чем совершится следующий технологический скачок.

Выводы

Исследование продемонстрировало, что киберпреступность в России значительно возросла за последние годы, особенно в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации: с 2013 по 2023 гг. количество пре-

ступлений увеличилось в 62 раза и продолжает расти. Основными видами киберпреступлений стали мошенничества с использованием электронных средств платежа и кражи, особенно в банковской сфере, что свидетельствует об адаптации киберпреступников к технологическим изменениям и применении ими все более изощренных методов.

Результаты проведенных опросов показывают, что значительная часть российских интернет-пользователей считает вероятность стать жертвой кибермошенничества высокой. Наибольшую опасность, по их мнению, представляют кражи и незаконное использование персональных данных, а также взломы электронной почты, что указывает на осознание рисков в цифровом пространстве. На фоне высокого уровня опасений перед интернет-угрозами одним из существенных факторов уязвимости остается низкая IT-грамотность населения. Несмотря на широкое распространение интернета и цифровых технологий, многим пользователям все еще недостает знаний для надежной защиты своих данных и устройств. При этом анонимность сети и трансграничный характер киберпреступлений усложняют их выявление и расследование, что усиливает латентность этих преступлений.

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод, что киберпреступность в России и мире приводит к изменениям, которые затрагивают не только технологическую сферу, но и структуру общества, поднимая новые вопросы безопасности, приватности и справедливости, а также этики. Распространение киберугроз выявляет важную проблему – растущее цифровое неравенство. Разные уровни цифровой грамотности и доступа к киберзащите формируют новую форму социального неравенства: те, кто может себе позволить более защищенные устройства и услуги, оказываются в привилегированном положении. Низкий уровень киберграмотности и невозможность обеспечить надежную защиту делают определенные группы особенно уязвимыми к киберпреступлениям, что углубляет социальные различия. Цифровая грамотность становится новой социальной нормой, а навыки безопасности в сети – столь же необходимыми, как и базовые образовательные умения. Все это актуализирует проблему социальной справедливости и доступности киберзащиты для всех слоев населения, включая малоимущих, пожилых людей и жителей сельских районов.

Развитие киберпреступности провоцирует глобальную дискуссию о правах на приватность и этике использования личных данных. Атаки на данные пользователей акцентируют внимание на том, как, кто и в каких целях имеет право на доступ к личной информации, и порождают общественный запрос на усиление политики приватности и правового регулирования в сфере защиты данных. В условиях глобальных изменений возникает потребность в обеспечении не только правовой, но и психологической и моральной безопасности пользователей, особенно в контексте таких явлений, как кибербуллинг, шантаж и мошенничество. Эти проблемы затрагивают уже не только финансовую стабильность, но и эмоциональное благополучие граждан. В этом контексте возникает новая этическая дилемма: в стремлении защитить общество от киберугроз расширяется

государственный контроль в цифровой среде, что вызывает опасения за права на личную свободу и приватность. Все более актуальной становится проблема баланса между безопасностью и свободой, что, в свою очередь, требует взвешенной политики, обеспечивающей прозрачность и обоснованность мер цифрового контроля. Данная дискуссия выходит за рамки национальных границ, предполагая необходимость международного сотрудничества и установления общих стандартов кибербезопасности. Однако политические и правовые барьеры усложняют процесс стандартизации, поэтому координация между странами остается проблематичной.

Таким образом, киберпреступность в России стала одной из самых острых проблем в сфере безопасности. Учитывая высокий уровень технических навыков киберпреступников и трансграничный характер угроз, эффективная борьба с ними требует координации на всех уровнях общества. Образовательные программы, направленные на повышение цифровой грамотности, играют ключевую роль в предотвращении кибератак и защите личных данных. Важным шагом также становится сотрудничество и обмен информацией между правоохранительными органами, коммерческими организациями и образовательными учреждениями. И социологическое изучение возникающих угроз и реакции общества на них, представляется безусловно важным.

Библиографический список

1. Аносов А. В. Современные тенденции развития цифровой криминологии // Академическая мысль. 2021. № 4(17). С. 56–59. EDN: RYTJNP.

2. Витвицкая С. С., Витвицкий А. А., Исакова Ю. И. Киберпреступления: понятие, классификация, международное противодействие // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 1. С. 18–27. DOI: 10.23947/2949-1843-2023-1-1-126-136; EDN: OKGPLW.

3. Гребеньков А. А. Понятие информационных преступлений, место в уголовном законодательстве России и место признаков информации в структуре их состава // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 4(137). С. 108–120. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.137.4.108-120; EDN: XMJNCX.

4. Евдокимов К. Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика: дис. ... д. юр. н. М.: Ун-т прок-ры РФ, 2022. 557 с.

5. Каримов А. М. Преступления в сфере компьютерной информации и преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий: сравнительно-правовой аспект // Вестник КЮИ МВД России. 2023. Т. 14. № 1(51). С. 75–82. DOI: 10.37973/KUI.2023.93.91.010; EDN: HZGCMZ.

6. Кибакин М. В. Актуальные проблемы рефлексии цифровой социальной реальности: переосмысление научных концепций // Цифровая социология. 2019. Т. 2. № 1. С. 4–9. DOI: 10.26425/2658-347X-2019-1-4-9; EDN: QODQXM.

7. Комлев Ю. Ю. Девиантность и преступность в эпоху high-tech, консьюмеризма и глэм-капитализма // Вестник КЮИ МВД России. 2018. № 1(31). С. 23–34. DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11105; EDN: QMUQSH.
8. Комлев Ю. Ю. От цифровизации социума к киберпреступности, кибердевиантности и развитию цифровой девиантологии // Российский девиантологический журнал. 2022. №2 (1) С. 17–26. DOI: 10.35750/2713-0622-2022-1-17-26; EDN: CLLGON.
9. Коробеев А. И., Дремлюга Р. И., Кучина Я. О. Киберпреступность в Российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой анализ ситуации // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 416–425. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3).416-425; EDN: XBLGEN.
10. Крылова Ю. В. Компьютерная преступность: новые вызовы обществу // ЭКО. 2006. № 11(389). С. 174–179. EDN: HVNOKT.
11. Ницевич В. Ф. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания // Цифровая социология. 2018. Т. 1. № 1. С. 18–28. DOI: 10.26425/2658-347X-2018-1-18-28; EDN: YSZPRR.
12. Номоконов В. А., Тропина Т. Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1(24). С. 45–55. EDN: OUYFEN.
13. Сергеев А. Ю., Широкова О. В. Мошенничество в цифровом обществе в условиях социальных изменений // Цифровая социология. 2023. Т. 6. № 1. С. 59–71. DOI: 10.26425/2658-347X-2023-6-1-59-71; EDN: GPOMJX.
14. Швыряев П. С. Киберпреступность как социальная проблема: стратегии противодействия: дис. ... к. социол. н. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2024. 189 с.
15. Kryshstanovskaya O. V., Chernavin Y. A., Lavrov I. A. Digital Generation: Mechanisms of Socialization and Social Prospects // Lecture Notes in Networks and Systems. 2022. Vol. 398 LNNS. P. 346–354. DOI: 10.1007/978-3-030-94870-2_44; EDN: UOABEN.

Получено редакцией: 25.06.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Позднякова Маргарита Ефимовна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе
Брюно Виктория Владимировна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.12

Development of the Information and Network Environment and Deviant Behaviour: Cybercrime as a New Social Threat

Margarita E. Pozdnyakova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

margo417@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7896-5115

Victoriya V. Bruno

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

victoria.bruno@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9735-024X

For citation: Pozdnyakova M. E., Bruno V. V. Development of the Information and Network Environment and Deviant Behaviour: Cybercrime as a New Social Threat. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 235–254. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.12; EDN: HOJENA.

Abstract. The presented article considers the problem of new digital threats. The study focuses on the main trends in the development of cybercrime in Russia and its specific country features. The authors' analysis of statistical data from various departments (the Ministry of Internal Affairs, the Prosecutor General's Office, Roskomnadzor) on the state and structure of crime showed that cybercrime in Russia has increased significantly in recent years, especially in the field of telecommunications and computer information. The most common types of cybercrime in Russian society are identified and analysed – various types of fraud and theft committed using information and communication technologies.

For the empirical basis of the study the data of an online survey of the urban working-age population (18–60 years old), conducted by employees of the Sector of Sociology of Deviant Behaviour of the Institute of Sociology of FCTAS RAS using a multi-stage quota sample (March-May 2024) is used. The attitude of city residents to various types of digital crime was assessed. It was found that many respondents consider the probability of becoming a victim of cyber fraud to be high, especially with regard to the illegal use of personal data and hacking of email.

It was found that the number of respondents who fear becoming a victim of cyber-crime increases with age. At the same time, these fears decrease in the oldest age groups. The level of education is also an important differentiating factor in relation to encountering cyber threats – the higher its level, the more often respondents have experience of encountering cyber crime.

A survey of experts was conducted to identify the key features of cyber-crime in Russia. Specialists from various fields were involved in the examination – from deviant researchers to practitioners involved in information security and with experience in working with cyber-crime. Their forecast for the coming years is disappointing – a further increase in cyber-crime is expected, the complexity of the techniques used, including the use of artificial intelligence, and therefore the development of specialised security solutions is necessary. It is shown that the main factors in the growth of cybercrime in Russia are its dual nature, manifested in simultaneous organisational complexity and structure, on the one hand, and flexibility and adaptability, on the other. In addition, cybercrime exacerbates an important social problem – growing digital inequality. Thus, cyber-crime in Russia poses a serious threat that requires a comprehensive approach and coordinated efforts at all levels of society to effectively suppress it.

Keywords: deviant behavior, cybercrime, information and communication technologies, cyber fraud, social engineering, computer crime, working-age urban population

References

1. Anosov A. V. Modern trends in the development of digital criminology. *Akademicheskaya mysl'*, 2021: 4(17): 56–59 (in Russ.). EDN: RYTJNP.
2. Vitvitskaya S. S., Vitvitsky A. A., Isakova Yu. I. Cybercrimes: concept, classification, international countering. *Pravovoy poryadok i pravovye tsennosti*, 2023: 1(1): 18–27 (in Russ.). DOI: 10.23947/2949-1843-2023-1-1-126-136; EDN: OKGPLW.
3. Grebenkov A. A. The concept of computer crimes, place in the criminal legislation of Russia and the place of information features in the structure of the elements. *Lex russica (Russkiy Zakon)*, 2024: 4(137): 108–120 (in Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2018.137.4.108-120; EDN: XMJNCX

4. Evdokimov K. S. Protivodeystvie komp'yuternoy prestupnosti: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika [Combating computer crime: theory, legislation, practice]: dis. ... Dr. of Law. Moscow, Un-t prok-ry RF, 2022: 557 (in Russ.).
5. Karimov A. M. Computer crimes and crimes committed through the use of modern technology: a comparative legal aspect. *Vestnik KYuI MVD Rossii*, 2023: 14: 1(51): 75–82 (in Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2023.93.91.010; EDN: HZGCMZ.
6. Kibakin M. V., Grishaeva S. A. The current problems of the digital reflection of social reality: rethinking scientific concepts. *Tsifrovaya sotsiologiya*, 2019: 2(1): 4–9 (in Russ.). DOI: 10.26425/2658-347X-2019-1-4-9; EDN: QODQXM.
7. Komlev Yu. Yu. Deviation and crimes in time of high-tech, consumerism and glamour capitalism. *Vestnik KYuI MVD Rossii*, 2018: 1(31): 23–34 (in Russ.). DOI: 10.24420/KUI.2018.31.11105; EDN: QMUQSH.
8. Komlev Yu. Yu. From digitalization of society to cybercrime, cyber deviance and the development of digital deviantology. *Rossiyskiy deviantologicheskiy zhurnal*, 2022: 2(1): 17–26 (in Russ.). DOI: 10.35750/2713-0622-2022-1-17-26; EDN: CLLGON.
9. Korobeev A. I., Dremlyuga R. I., Kuchina Ya. O. Cybercrimes in the Russian federation: criminological and criminal law analysis of the situation. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*, 2019: 13(3): 416–425 (in Russ.). DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(3)416-425; EDN: XBLGEH.
10. Krylova Yu. V. Komp'yuternaya prestupnost': novye vyzovy obshchestvu [Computer Crime: New Challenges to Society]. *EKO*, 2006: 11(389): 174–179 (in Russ.). EDN: HVNOKT.
11. Nitsevich V. F. Digital sociology: theoretical and methodological origins and bases. *Tsifrovaya sotsiologiya*, 2018: 1(1): 18–28 (In Russ.). DOI: 10.26425/2658-347X-2018-1-18-28; EDN: YSZPRR.
12. Nomokonov V. A., Tropina T. L. Kiberprestupnost' kak novaya kriminal'naya ugroza [Cybercrime as a new digital threat]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, 2012: 1(24): 45–55 (in Russ.). EDN: OYYFEN.
13. Sergeev A. Yu., Shirokova O. V. Fraud in a digital society in the context of social change. *Tsifrovaya sotsiologiya*, 2023: 6(1): 59–71 (in Russ.). DOI: 10.26425/2658-347X-2023-6-1-59-71; EDN: GPOMJX.
14. Shvyriaev P. S. Kiberprestupnost' kak sotsial'naya problema: strategii protivodeystviya. [Cybercrime as a Social Problem: Countermeasure Strategies]: dis. ... cand. of social. sci. Moscow, Lomonosov MSU, 2024: 189 (in Russ.).
15. Kryshtanovskaya O. V., Chernavin Y. A., Lavrov I. A. Digital Generation: Mechanisms of Socialization and Social Prospects. *Lecture Notes in Networks and Systems*, 2022: 398: 346–354. DOI: 10.1007/978-3-030-94870-2_44; EDN: UOABEN.

The article was submitted on: June 25, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Margarita E. Pozdnyakova, Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Center for the Study of Adaptation Processes in a Changing Society

Victoriya V. Bruno, Candidate of Sociological Sciences, Senior Research of the Center for the Study of Adaptation Processes in a Changing Society

РИСКИ СОЦИАЛЬНЫХ МЕТАМОРФОЗ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.13

EDN: HBHQYA

Протестное сознание и протестная культура молодежи российского Дальнего Востока

Ссылка для цитирования: *Марин Е. Б.* Протестное сознание и протестная культура молодежи российского Дальнего Востока // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 255–281. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.13; EDN: HBHQYA.

For citation: Marin E. B. Protest Consciousness and Protest Culture of the Young People of the Russian Far East. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 255–281. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.13; EDN: HBHQYA.

SPIN-код: 4047-7133

Марин Егор Борисович^{1,2}

¹Морской государственный университет им. Г. И. Невельского, Владивосток, Россия

²Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
egor-marin@yandex.ru

Аннотация. Социальный протест является причиной конфликтов в обществе. Но он же сигнализирует о нерешенных проблемах и заставляет власти реагировать на требования общества. В истории России протест всегда играл немалую роль, причем его особенностью был крайний радикализм.

Исследование опирается на опросы молодежи, проходившие в 2020 г. и в 2024 г. на Дальнем Востоке. В выборке выявлены два типа протестантов: сторонники мирного и радикального протеста. Они являются носителями двух разных типов протестного сознания, включая ценности, представления, мотивы протеста.

Автор приходит к выводу о наличии у молодежи Дальнего Востока двух типов протестного сознания и протестной культуры: мирного типа протестного сознания и на его основе мирного гражданского протеста («культура петиций»); и радикального протестного сознания и основанного на нем, радикального протеста («культура бунта»). «Культура петиций» связана с активной гражданской позицией, интересом к политике, с легальными формами политического и общественного участия. Ее носителям присущи такие ценности как справедливость и равенство, свобода и творчество, права человека и стремление к обновлению. Культура радикального протеста определяется подданническим типом политического сознания, сильными негативными эмоциями, сильной этничностью и верой в угрозу своей национальности. Можно отметить, что носители радикального протестного сознания амбивалентны в отношении форм протеста: готовы и к мирным формам, и к радикальным. Мы интерпретируем это так: если субъект готов к более радикальным формам протеста, то приемлет и менее радикальные. А вот носители мполитирного протестного сознания готовы только к участию в мирном протесте (на то они и «мирные»). Радикальные формы их пугают и неприемлемы для них.

По результатам нашего исследования более распространенной в выборке является «культура петиций», что означает, что диалог власти и молодежи возможен. Также в работе изучены поколенческие особенности протестного сознания поколений «Y» (или миллениалов) и «Z» (или центениалов).

Ключевые слова: протест, Дальний Восток, мирный протест, радикальный протест, протестное сознание, поколение «Y», поколение «Z»

Актуальность

Активнее всего протестное начало в России проявлялось в периоды ослабления государственности, повышенной геополитической конфликтности, что исторически подтверждается Февральской революцией и Октябрьским вооруженным восстанием 1917 года.

Есть и такая грань проблемы протестности, как использование внешними игроками внутренних недовольных: разжигание протестной активности и т. п. А молодежь, очевидно, есть наиболее неустойчивая и подверженная манипуляциям социальная группа.

Последнее время показало новые формы и примеры протестных действий, в том числе радикальных, таких как т. н. мятеж Пригожина в июне 2023 г. Как можно полагать, феномен протестности не утрачивает своей актуальности и в наши дни. Особый интерес в связи с этим представляет позиция российской молодежи, как потенциально самой пассионарной части общества.

В данном исследовании рассматриваются факторы готовности к политическому протесту и типы протестного сознания поколений «Y» (или миллениалов) и «Z» (или центениалов). Эти поколения еще не до конца изучены как политические акторы, между тем их роль в политическом пространстве России возрастает просто в силу естественных факторов.

В свою очередь, российский Дальний Восток не так часто становится предметом внимания социологии и политологии. Между тем, это 42% территории России (при 6,5% населения), и значение этого региона в ситуации текущих геополитических изменений будет только увеличиваться, а значит будет усиливаться и внимание к нему внешних сил.

Изученность темы

Изучение механизмов протестного поведения ведется в контексте различных направлений. Можно упомянуть теорию относительной депривации Дж. Дэвиса и С. Стауффера [15]. Модель коллективной активности SIMCA (Social Identity Model for Collective Action) предполагает, что протестная мобилизация основана на гневе, вере в свои силы и социальной идентичности [16].

Модель ван Стакельберга, описывает коллективное протестное поведение как реакцию группы на обиду, в которой интегрирующую роль играет процесс идентификации [17]. В некоторых случаях политическое участие рассматривается как процесс «социального заражения»: различные формы политического поведения одной группы имитируются другими группами [18].

В нашей стране наиболее активное изучение протестности ведется социологами и политологами. Анализ и обобщение научных подходов к изучению современной российской протестности представлен, в частности, в работе В. А. Артюхиной [1].

Исследователями была установлена взаимосвязь между социально-экономическим положением и протестными формами политической активности. Так, Г. В. Барановой разработана модель анализа протестной активности, позволяющая устанавливать количественно-качественное соответствие между уровнем жизни людей, социальной напряженностью, вызванной неудовлетворенностью уровнем жизни, и протестными формами социально-политической активности с целью влияния на процессы управления развитием общества [3].

Свой подход к анализу социального потенциала протестного движения и условий позитивного разрешения социальных противоречий разработали ученые ФНИСЦ РАН. Авторы приходят к выводу, что при проведении модернизационных реформ необходимо обращать внимание на возможности социальной адаптации для населения и вести социальный диалог с обществом [13].

Феномен уличных протестов в России проанализирован А. А. Керимовым и А. А. Эбзеевым, выделившими современные тенденции и факторы российского молодежного протеста [6]. Д. В. Волков полагает, что за протестной активностью в современной России стоит запрос на модернизацию политических институтов [4].

Помимо социально-экономических и политических причин при анализе протестного поведения следует учитывать и психологические факторы. Так, О. И. Габа выделяет в протестном поведении субъективный (психологический) и объективный факторы (социально-политические условия) [5, с. 148].

В последние годы в связи с развитием информационных технологий активно изучаются особенности протестной мобилизации молодежи в цифровой среде. Разработана методика социально-психологической диагностики и прогнозирования протестного поведения молодежи в цифровом пространстве [7]. Как показано в работах А. С. Ахременко, социальные сети способны аккумулировать и концентрировать протестный потенциал. Цифровые платформы могут выступать площадками формулирования коллективных целей и идентичности. При этом сетевая позиция, статус автора оказываются важнее содержания сообщения [2].

Управление протестной активностью сегодня становится все более технологичным, мобильным, опирается на социальные медиа. Ряд особенностей протестной мобилизации в социальных медиа и технологий

манипулирования настроениями российской молодежи описаны в работах Р. В. Пармы и М. А. Давыдовой [10]. Таким образом, многие аспекты протестности уже изучаются. Однако есть и недостаточно изученные вопросы, такие как типология протестного сознания и протестной культуры молодежи.

При определении типов протестного сознания и протестной культуры мы основывались на типологии политических культур Г. Э. Алмонда. Алмонд совместно со С. Вербой выделил 4 типа политических культур: приходскую культуру, подданническую, партисипаторную (культуру участия) и гражданскую (совмещающую в себе ряд черт других трех) [14]. При подданнической культуре граждане не стремятся на что-либо влиять и всегда покорны власти, даже при неудовлетворительных результатах ее работы. Гражданская культура есть сочетание партисипаторной и подданнической культур, где элемент пассивности перед лицом власти уравнивает активность. Реальные политические культуры обычно сочетают элементы разных идеальных типов.

Протестное сознание мы рассматриваем как часть политического сознания. Говоря о протестном сознании, мы имеем в виду представления, ценности, эмоции, образы через которые субъект отражает, осваивает протестную действительность. Протестная культура включает как протестное сознание, так и сложившиеся формы протестного поведения.

Данная статья продолжает изучение протестному сознанию и протестной активности молодежи Дальнего Востока России, начатое в предыдущих наших работах [8; 9].

Эмпирическая база исследования

Статья основывается на материалах двух опросов, проведенных автором на Дальнем Востоке России: в 2020 и 2024 гг. Всего в них приняло участие 1238 человек.

Первый опрос проходил в конце 2020 г. на Дальнем Востоке. Всего в исследовании приняло участие 831 респондент в возрасте от 15 до 30 лет. В опросе участвовали представители всех регионов Дальнего Востока: Приморского, Забайкальского, Камчатского и Хабаровского краев, Амурской, Магаданской и Сахалинской областей, Еврейской автономной области, Республик Бурятия и Саха (Якутия), Чукотского автономного округа. Выборка формировалась с применением метода доступных случаев и снежного кома.

В соответствии с поколенческим подходом [11] выборка была поделена на две группы:

А. Поколение «Z» или центениалы: 453 чел. – от 15 до 19 лет.

Б. Поколение «Y» или миллениалы: 378 чел. – от 20 до 30 лет.

В ходе данного опроса мы выявили среди молодежи обоих поколений наличие двух типов протестного сознания: мирного и радикального.

Второй опрос был проведен весной 2024 г. в регионах юга Дальнего Востока (Приморский край, Хабаровский край). Число респондентов 407 чел. – от 18 до 25 лет ($n = 407$).

Респондентам была предложена пройти разработанную автором социологическую анкету. В состав анкеты входили вопросы о протестной готовности, эмоциональной реакции на политику российского государства, опыте политического и протестного участия, проблемах, в связи с которыми респонденты готовы протестовать, ценностях и установках молодых людей. Кроме того, были применены психосемантические (например, семантический дифференциал СД) и ассоциативные методики.

Для обработки данных были применены методы факторизации данных, регрессионного анализа, а также однофакторный дисперсионный анализ. Непараметрический критерий Манна-Уитни, или U-критерий, использовался для определения того, есть ли статистически значимые различия в выраженности одного признака в двух несвязанных выборках (сторонников мирного и радикального протеста). Кроме того, мы обработали СД с применением методики расчета семантических универсалий для выявления представлений молодежи о протесте.

Базовой гипотезой нашего исследования было предположение о наличии особенностей протестного сознания и протестного поведения у молодежи поколений «Y» и «Z», сравнительно с другими социальными группами. При анализе опроса молодежи Дальнего Востока в конце 2020 г. выборка была поделена на две группы: поколение «Z» или центениалы и поколение «Y» или миллениалы. В ходе анализа результатов гипотеза о наличии поколенческих особенностей протестного сознания подтвердилась. При этом у обоих поколений выявились два типа протестного сознания: мирного и радикального.

При проведении второго опроса в 2024 г. целью было проверить гипотезу о наличии двух типов протестного сознания и двух групп протестантов со своими ценностями и методами протеста. На этот раз мы не дифференцировали респондентов по поколениям, а выделили в выборке две группы в зависимости от поддержки мирных, умеренных или радикальных, насильственных форм протеста. Полученные две подвыборки, которые мы именуем сторонниками мирного и сторонниками радикального протеста, в дальнейшем сравнивались между собой.

Проблема заключается в том, что конфликтный потенциал протестного движения в России в определенных условиях и в сочетании с возможностями для манипуляции сознанием молодежи может содержать серьезные риски для страны. При попытке выработать стратегии управления данными рисками, обнаруживается недостаточная изученность типов протестного сознания российской молодежи. Отсюда ставилась задача дифференцировать и описать эти типы с применением математико-статистических и психосемантических методов.

Результаты исследования

Респондентам в анкете был задан вопрос о готовности участвовать в разных формах протестной активности. Всего в матрицу вопроса было включено 10 форм протеста, от наиболее мирных, таких как голосование против всех и подписание протестных петиций, до самых радикальных, как бунт и восстание. Дополнительно был задан вопрос о готовности участвовать в протесте с целью ненасильственной смены власти. Этот пункт должен был выявить мотивы протеста. Был также задан вопрос об эмоциональных реакциях на политику российского государства. Полученные ответы обрабатывались с применением математико-статистических методов.

С целью выявления внутренней структуры данных массив данных о протестной готовности респондентов был обработан методом факторного анализа: метод главных компонент, метод вращения Варимакс с нормализацией Кайзера. Данный метод позволил нам выявить двухфакторную структуру данных вопросов анкеты, описывающих готовность к протестному поведению.

Выборка: молодежь Дальнего Востока (2020 г., $n = 831$).

Параметры модели: КМО = 0,919, Критерий сферичности Бартлетта = 7362,1, $p = 0,000$, 77,6% объясненной дисперсии переменных.

Выявлены два типа протестного менталитета, которые были условно названы «мирным» и «радикальным» типами протеста (табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Формы протестного поведения, вся выборка.
Факторизация данных. Повернутая матрица компонентов
Forms of protest behavior, whole sample.
Factorization of the data. Rotated matrix of components

Переменные (готовность к протесту в разных формах)	Компоненты	
	Фактор 1. Радикальный протест	Фактор 2. Мирный протест
Бунт	0,896	0,183
Восстание	0,869	0,246
Перекрытие дорог, занятие зданий	0,831	0,292
Несанкционированные акции протеста	0,770	0,479
Забастовки	0,764	0,469
Подписание петиций	0,213	0,865
Разрешенные протестные акции	0,397	0,812
Протестные концерты, флешмобы, выставки	0,153	0,805
Голосование против всех	0,393	0,732
Открытая критика власти в СМИ, агитация против власти	0,508	0,697

Первый фактор (64,4% объясненной дисперсии) включает имеющие большой факторный вес неконвенциональные, радикальные формы протестного поведения: бунт, восстание, перекрытие дорог. Им противопоставлены с низкими нагрузками такие конвенциональные формы протеста, как участие в тематических концертах, подписание коллективных обращений. Данный фактор обозначен как «радикальный протест».

Второй фактор (11,6% объясненной дисперсии), напротив, характеризуется высокими значениями по таким формам протеста, как подписание коллективных обращений, участие в санкционированных мероприятиях; минимальными значениями – по таким формам, как бунт и восстание. Второй фактор обозначен как «мирный протест».

Данная факторная структура обнаруживается и для каждого из поколений в отдельности.

Таким образом, для выборки каждого из двух исследованных поколений свойственна устойчивая двухфакторная структура протестного поведения. «Центром тяжести» для мирного протеста, обнаруживающим самые сильные связи с другими формами протестности, является подписание петиций, также протестных концертах и разрешенных акциях протеста. Для радикального протеста «центром тяжести» является готовность к бунту и восстанию. Бунт понимается как стихийное, не имеющее четко сформулированных целей и, как правило, локальное выступление. Восстание – организованное, более масштабное, направленное против существующей системы.

Данная структура отражает наличие двух моделей протестного поведения и, соответственно, двух групп респондентов: одна больше тяготеет к радикальному протестному поведению, вторая к более умеренному, конвенциональному протесту.

Такая же двойная факторная структура вопросов о готовности к разным формам протеста была получена и на основе материала опроса 2024 г., что подтвердило неслучайный характер наших выводов о наличии двух типов протестной культуры и протестного сознания.

Исследование факторов протеста поколения «Y»

На основе полученных данных были проанализированы особенности протестности у представителей поколений «Y» и «Z». Полученные два фактора были взяты как зависимые переменные, а остальные данные анкеты как независимые переменные для построения регрессионной модели. Метод регрессионного анализа позволяет проследивать изменение зависимой переменной под влиянием группы независимых переменных. Тем самым он дает возможность предсказывать значение зависимой переменной.

Характеристики модели (табл. 2): R-квадрат = 0,604, R = 0,777. R-квадрат – это коэффициент детерминации, который выступает показателем качества модели. Коэффициент детерминации показывает, какая доля вариации объясняемой (зависимой) переменной учтена в модели и обуслов-

лена влиянием на нее факторов, включенных в модель. R-квадрат = 0,604 значит, что модель объясняет более 60% дисперсии в выборке, сила связи между независимыми переменными и зависимой равна 0,777. Такая модель вполне валидна.

Таблица 2 (Table 2)

Регрессионная модель готовности к мирному протесту, поколение «Y»
Regression model of readiness for peaceful protest, generation "Y"

Готовность к мирному протесту, поколение «Y»		Готовность к мирному протесту, поколение «Y» (альтернативная модель)	
R-квадрат = 0,604, R = 0,777	B	R-квадрат = 0,667, R = 0,817	B
(Константа)	-1,663	(Константа)	-2,161
Политические проблемы	0,138	Готовность к ненасильственной смене власти	0,250
Участие в молодежных движениях	0,186	Участие в молодежных движениях	0,158
Социальная справедливость, равенство	0,193	Захватывающая жизнь	0,122
Злость	0,369	Проблемы в социальной сфере	0,081
Не поддерживаю митинги, но люди имеют право участвовать	-0,560	Традиции	-0,097
Традиции	-0,088	Социальная справедливость, равенство	0,090
Поддерживаю митинги, готов участвовать	0,408		

В таблице коэффициент «B» показывает, на какое значение вырастет (или уменьшится) зависимая переменная (мирный протест), если значение независимой увеличится на 1.

Был построен альтернативный вариант регрессионной модели для мирного протеста Y, в который в качестве дополнительной независимой переменной была включена готовность протестовать с целью ненасильственной смены власти.

Респондентам предлагалось оценить важность для них лично каждой из 10 личностных ценностей по модели Ш. Шварца [19]. И как можно видеть, готовность к мирному протесту связана с высокой значимостью личностной ценности социальной справедливости и равенства.

Проявилась также ценность свободы и творчества (готовность к критике власти в СМИ). Наряду с отрицательной ролью ценности традиций (чем ниже выраженность ценности традиций у респондентов, тем выше готовность к мирному протесту), получаем стремление к справедливости через перемены и личную активность.

Для определения протестной значимости тех или иных проблем общества в анкете задавался вопрос: «В связи с какими из перечисленных общественных проблем Вы готовы принять участие в акциях протеста?». Предлагался список актуальных социальных и политических проблем.

Как мы видим, предикторами готовности к мирному протесту выступают социальные проблемы, проблемы своего города, реже политические и проблемы в силовых ведомствах. Такой набор проблем соответствует выявленным ценностным факторам мирного протеста.

Далее была проведена регрессия для отдельных форм мирного протеста поколения «Y» (табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Регрессионная модель готовности к разным формам мирного протеста, поколение «Y»
Regression model of readiness for different forms of peaceful protest, generation "Y"

Готовность к разрешенным протестным акциям		Готовность к голосованию против всех		Готовность к подписанию петиций	
R-квадрат = 0,841, R = 0,917	B	R-квадрат = 0,746, R = 0,864	B	R-квадрат = 0,779, R = 0,983	B
(Константа)	-0,406	(Константа)	0,067	(Константа)	0,942
Готовность к голосованию против всех	0,251	Готовность к разрешенным протестным акциям	0,513	Готовность к разрешенным протестным акциям	0,293
Готовность к ненасильственной смене власти	0,227	Готовность к подписанию петиций	0,296	Готовность к протестным концертам, флешмобам, выставкам	0,345
Готовность к подписанию петиций	0,206	Готовность к забастовкам	0,171	Готовность к голосованию против всех	0,252
Готовность к критике власти в СМИ и агитации против власти	0,092	Поддерживаю митинги, но сам не готов участвовать	-0,597	Страх	0,324
Злость	-0,491	Презрение	0,510	Проблемы в национальной и религиозной сфере	-0,177
Позитивное отношение к митингам	0,164	Удовлетворенность политикой государства	-0,288	Проблемы своего города	0,164
Готовность к забастовкам	0,116	Интерес	0,566	Социальная справедливость, равенство	-0,107
Политические проблемы	0,137	Надежда	-0,569	Участие в других формах политической деятельности	-0,234
Российское общество	0,257	Проблемы в силовых ведомствах	0,117		
Надежда	0,330	Готовность к ненасильственной смене власти	-0,122		
Проблемы в силовых ведомствах	-0,113				
Протестные концерты, флешмобы, выставки	0,093				

Проблемы своего города формируют местную протестную повестку, социальные и политические – скорее федеральную (хотя первая переплетена со второй).

Модель показала сильную связь между готовностью к мирному протесту и злостью, связанной с политикой государства (табл. 2). Злость в данном случае – это стеническая (несущая силу, активность) эмоция, которая возникает в ответ на ту или иную угрозу личности и мотивирует к борьбе и преодолению препятствий. В числе таких угроз угроза ценностям человека.

В моделях форм мирного протеста проявились такие эмоции, как надежда (разрешенные акции протеста и участие в петициях), интерес (голосование против всех и критика власти), презрение и безнадежность (голосование против всех), страх (подписание петиций). При этом надежда – это стеническая эмоция, а страх – амбивалентная. В сочетании разных эмоций (например, надежда и злость), формируются чувства в отношении политики.

В сочетании с ценностью справедливости и социальной активностью стремление к переменам формирует некую черту протестности в личности человека. Можно сказать, что это предрасположенность к социальному протесту. Фрустрация данных ценностей социальной действительностью и политикой государства (отсюда и злость) побуждает к протесту.

Из положительных эмоций присутствует надежда. Часть респондентов верит, что все еще можно изменить.

Респонденты группы мирного протеста в целом социально активны. Готовность к мирному протесту растет в связи с ростом участия в молодежных движениях в обоих общих моделях мирного протеста. Участие в партиях появилось в модели участия в забастовках.

Совокупность личностных ценностей и социальной активности позволяет охарактеризовать сторонника мирных протестов как стремящегося к социальной справедливости, интересной жизни и переменам активного молодого человека. При этом данная группа стремится к мирному разрешению противоречий. Такие формы протеста как подписание петиций и санкционированные митинги являются формой мирного диалога с властью.

Все эти ценности, установки и поведенческие черты формируют определенный тип протестного сознания, который можно назвать мирным типом.

Анализ предикторов радикального протеста поколения Y

Нами выполнен регрессионный анализ готовности к отдельным формам радикального протеста (табл. 5–6). Модель факторов радикального протеста представлена в табл. 4.

Таблица 4 (Table 4)

Регрессионная модель готовности к радикальному протесту, поколение «Y»
Regression model of readiness for radical protest, generation "Y"

Радикальный протест поколение «У»	Значение
R-квадрат = 0,379, R = 0,616.	B
(Константа)	-0,208
Участие в забастовках	0,666
Злость	0,586
Участие в молодежных движениях	-0,174
Интерес	-0,467

Эмоциональные реакции, влияющие на готовность к радикальному протесту, – это злость, страдание и боль, а также страх. Учитывая, что страх является глубинной причиной агрессии, связь между ними понятна.

Полученный портрет говорит нам о личностных ценностях тех, кто склонен к радикальным протестам. Одна из них – это социальная справедливость и равенство (забастовки), а также низкая значимость ценности удовольствия (восстание) и традиций (забастовки), что можно интерпретировать как стремление к переменам.

Информацию для понимания мотивов склонных к радикальному протесту респондентов дает анализ мотивирующих их протестность проблем. Это политические проблемы, правовые проблемы и проблемы своего города, экологические проблемы.

Для того, чтобы интерпретировать содержание категорий политические и правовые проблемы, нужно учесть ответы в данной выборке на открытый вопрос о проблемах, беспокоящих молодых людей. Среди распространенных проблем назывались: неуважение чиновников к закону, коррупция, отсутствие демократии. Около 40% респондентов беспокоят социально-экономические проблемы.

Общим мотивом радикального протеста является стремление к смене власти. Данный предиктор входит как в общую модель радикального протеста, так и в модели, объясняющие отдельные его формы. Обращает на себя внимание, что рост запроса на смену власти связан со средним благосостоянием населения.

Важно, что носители радикального протеста не интересуются политикой. Кроме того, нами не выявлено связи готовности к радикальному протесту с легальными формами политического участия: голосованием на выборах, проведением избирательных кампаний, участием в партиях. Даже в молодежных движениях радикальные протестанты (в отличие от мирных протестантов) не участвуют. При этом, часть этой группы не считает, что ответственность за ситуацию в стране несет российское общество.

Вопрос анкеты: «Кто, на Ваш взгляд, несет ответственность за ситуацию в стране?» (варианты ответов: президент, парламент, региональные власти, партии, российское общество) задавался для того, чтобы определить политический локус контроля респондентов. В группе мирных

протестантов в некоторых моделях присутствовал внутренний локус: за положение в стране несет ответственность само российское общество. В группе радикального протеста есть противоположная тенденция (ответственна власть), что намекает на более патерналистское сознание.

Создается впечатление, что радикальные протестанты не интересуются политикой и считают (хотя и не все), что ответственность за Россию должны нести власти. Вместе со слабым участием в легальных политических институтах, это черты подданнического типа политической культуры (согласно типологии Г. Э. Алмонда). В литературе весьма широко представлен подход, согласно которому россияне издавна верили в сакральность власти и негласно передавали ей полноту ответственности за судьбу страны. Однако, взамен они ждали от нее заботы о себе и защиты страны. Если власть переставала выполнять свою часть общественного договора, народ бунтовал. Это можно определить как патерналистскую модель общества, где власть это «отец» (монарх именовался «царь-батюшка»), а подданные его «дети».

Таблица 5 (Table 5)

Регрессионная модель готовности к разным формам радикального протеста, поколение «Y»

Regression model of readiness for different forms of radical protest, generation “Y”

Готовность к несанкционированным акциям протеста		Готовность к бунту	
R-квадрат = 0,690, R = 0,831.	B	R-квадрат = 0,648, R = 0,805.	B
(Константа)	0,296	(Константа)	0,548
Готовность к ненасильственной смене власти	0,507	Готовность к перекрытию дорог, занятию зданий	0,453
Участие в несанкционированных акциях протеста	0,353	Готовность к забастовкам	0,266
Поддерживаю митинги, готов участвовать	0,713	Участие в несанкционированных акциях протеста	0,258
Российское общество	-0,423	Отвращение	-0,368
Политические проблемы	0,162	Удовлетворенность политикой государства	-0,147
Экологические проблемы	-0,098	Нет, меня это не интересует [политика]	-0,294
Страдание, боль	0,324	Готовность к ненасильственной смене власти	0,130
		Готовность к разрешенным протестным акциям	-0,092

Таким образом, как ни парадоксально, но радикальное протестное сознание можно объяснить как элемент подданнической политической культуры. Ему соответствует тип протестной культуры, который можно назвать «культурой бунта» (бунт как форма коммуникации с властью, низкая политическая компетентность, аффективность поведения, установка

на насилие как метод борьбы за свои права). Говоря о протестной культуре, как части политической культуры, мы исходим из того, что она включает в себя три компонента: познавательный, аффективный и поведенческий. Познавательный компонент – это в том числе ценности, знания о политике и опыт участия. Аффективный компонент включает эмоции, эмоциональное отношение к политике. Аффективный компонент можно объединить с познавательным в протестное сознание.

Поведенческий компонент протестной культуры – это формы протеста, и влияющие на них мотивы и установки.

Таблица 6 (Table 6)

Регрессионная модель готовности к восстанию и смене власти, поколение «Y»
Regression model of readiness for rebellion and change of power, generation “Y”

Готовность к забастовкам		Готовность к восстанию		Стремление к ненасильственной смене власти	
R-квадрат = 0,774, R = 0,874	B	R-квадрат = 0,809, R = 0,900	B	R-квадрат = 0,722, R = 0,850	B
(Константа)	0,079	(Константа)	0,334	(Константа)	-0,653
Готовность к перекрытию дорог, занятию зданий	0,386	Готовность к бунту	0,837	Готовность к разрешенным протестным акциям	0,455
Готовность к разрешенным протестным акциям	0,149	Готовность к критике власти в СМИ и агитации против власти	0,088	Готовность к критике власти в СМИ, агитации против власти	0,236
Готовность к бунту	0,233	Удовольствие	-0,083	Готовность к восстанию	0,263
Готовность к критике власти в СМИ, агитации против власти	0,133	Правовые проблемы	0,108	Экологические проблемы	0,223
Готовность к голосованию против всех	0,088	Экологические проблемы	-0,173	Злость	0,519
Традиции	-0,098	Готовность к ненасильственной смене власти	0,078	Проблемы экономики	-0,177
Да, внимательно слежу за событиями	-0,255	Участие в политических партиях	-0,129	Не удовлетворен Политикой государства	0,601
Социальная справедливость, равенство	0,078	Проблемы своего города	0,107	Денег хватает на крупную бытовую технику	0,434
		Проблемы в силовых ведомствах	-0,102		
		Проблемы безопасности	0,078		

Говоря о специфике отдельных форм протеста, можно отметить, что готовность к восстанию связана с проблемами своего города, правовыми проблемами и проблемами безопасности. Очень тесная корреляция готовности к восстанию с готовностью к бунту позволяет считать эти переменные маркерами друг друга. Различие между формами протеста, такими как восстание и бунт, было представлено в предыдущей нашей работе [8].

Анализ протестной готовности молодежи поколения «Z»

Исследование предикторов мирного протеста поколения «Z» показало большую значимость ценности доброты (табл. 7). В модели готовности к петициям есть и ценность соблюдения правил и границ. Это характеризует сторонников мирного протеста как законопослушных и альтруистически настроенных людей. Этих людей волнуют проблемы в социальной сфере, правовые проблемы и проблемы безопасности. Для критики власти в СМИ одним из мотивов оказались и проблемы экологии. В сочетании с проблемами своего города это означает, что протест имеет и локальное (местное и региональное) измерение. Среди его факторов не только политика, права и социальные проблемы, но и экология и городская среда.

С государственной политикой у респондентов связаны негативные эмоции, такие как страдание, презрение, стыд. Заметно также недоверие респондентов к государству. Похожий социальный портрет у имеющих опыт участия в подписании петиций и санкционированных акциях. Ценность справедливости и неприятие политики государства заставляет бороться за лучшее общество.

Подписание петиций чаще связано с женщинами, как и мирный протест в целом. Одной из целей протеста для данной категории молодежи является ненасильственная смена власти. Можно рассматривать стремление к смене власти как ключевой мотив протестного поведения. Его можно использовать как маркер для выявления протестного потенциала.

Тот факт, что запрос на смену власти есть и у группы мирного, и у группы радикального протеста, показывает его системный характер и значимость для обоих поколений.

Чаще за смену власти выступают школьники, то есть самые юные представители поколения «Z». Отрицательная связь с высоким материальным положением означает, что подростки из богатых семей реже выступают за смену власти.

Группа склонных к мирному протесту отличается общественной активностью. При этом у них противоречивое отношение к голосованию на выборах, вероятно, из-за низкого доверия к государству. Достигают своих целей носители этого типа протестного менталитета с помощью мирных, законных средств и форм политического участия. Для них нежелательно насилие и нарушение закона. Они будут готовы к диалогу с властями разных уровней и другими общественными силами. Можно назвать соответствующий тип протестного сознания мирным или умеренным. Ему присущи альтруистические и социальные ценности, экология, безопасность и права человека. Соответствующий ему тип протестной культуры можно назвать «культурой петиций».

Таблица 7 (Table 7)

Регрессионная модель готовности к разным формам мирного протеста, поколение «Z»
Regression model of readiness for different forms of peaceful protest, generation "Z"

Готовность к мирному протесту в целом, поколение «Z»		Готовность к голосованию против всех		Готовность к подписанию петиций	
R-квадрат = 0,560, R = 0,749	B	R-квадрат = 0,599, R = 0,774	B	R-квадрат = 0,629, R = 0,793	B
(Константа)	-1,739	(Константа)	-0,021	(Константа)	0,051
Готовность к подписанию петиций	0,161	Готовность к подписанию петиций	0,371	Готовность к разрешенным акциям	0,349
Готовность к ненасильственной смене власти	0,091	Готовность к перекрытию дорог, занятию зданий	0,219	Готовность к голосованию против всех	0,365
Проблемы в социальной сфере	0,076	Злость	0,641	Правовые проблемы	0,161
Участие в молодежных движениях	0,103	Участие в голосовании на региональных выборах	0,190	Готовность к перекрытию дорог, занятию зданий	-0,280
Доброта	0,064	Готовность к критике власти в СМИ, агитация против власти	0,155	Готовность к забастовкам	0,120
Участие в забастовках	-0,154	Страдание, боль	0,497	Соблюдение правил и границ	0,115
Готовность участвовать в акциях протеста	0,072	Страх	-0,366	Готовность участвовать в акциях протеста	0,132
Проблемы безопасности	0,073	Проблемы экономики	0,149	Учащиеся колледжей	-0,428
Удовлетворенность политикой государства	-0,384	Проблемы своего города	-0,120	Восстание	0,099
Участие в разговорах на политические темы	0,072	Поддерживаю митинги, сам не готов участвовать	0,304	Отвращение	-0,440
Мужчины	-0,140			Презрение	0,333
Участие в голосовании на федеральных выборах	-0,070				
Другие формы политической деятельности	0,110				
Удовлетворенность	-0,229				
Участие в проведении избирательной кампании	-0,087				

Далее мы охарактеризуем факторы радикального протеста и его акторов (табл. 8–9). Для группы сторонников радикального протеста менее значимы социальные и альтруистические ценности, чем для мирных протестантов. Выше значение карьеры и успеха, а значимость безопасности ниже. Чем менее значима ценность безопасности, тем выше готовность к несанкционированным акциям, а проблемы безопасности отрицательно связаны с радикальным протестом (готовность к забастовкам).

Стремление к радикальному протесту мотивируется сильной злостью. Ее наличие говорит и о степени депривации значимых потребностей респондентов.

Набор значимых проблем: правовые проблемы (в ответах на открытый вопрос о волнующих проблемах: коррупция, нарушение прав человека, неуважение чиновников к закону), политические проблемы, проблемы в национальной и религиозной сфере (защита своей нации). При приоритете проблем национальной сферы в основе механизма протестного сознания лежит национальная идентичность. В силу тех или иных обстоятельств респонденты считают, что есть угроза своей нации. Это порождает групповой гнев и готовность «защитить» свою группу.

Причины данных проблем связываются с существующей властью и ее политикой. Четко проявился мотив стремления к смене власти.

У части респондентов, склонных к радикальному протесту, выявляется недовольство уровнем прав и свобод, что отразилось в таком предикторе как «правовые проблемы». Это объединяет часть радикальных и мирных протестантов. Также у части респондентов с высокой вероятностью есть препятствия для самореализации в карьере. Ценность карьеры связана с готовностью к протесту.

Дисперсионный анализ влияния переменной «материальное положение» на радикальный протест показал нелинейную связь между этими переменными. Готовность к восстанию и бунту выше у среднего слоя, а при повышении материального уровня выше среднего, она снижается (различия статистически значимы). Логично, что богатые против слома существующей системы и насилия (в этой системе им хорошо). Средний слой же желает перемен, значит многие его представители не видят для себя привлекательного будущего.

Сторонники радикального протеста определяют себя как «участвующих в политике». При этом, в отличие от группы мирных протестантов, подписывавших петиции, они участвовали в акциях протеста и забастовках.

В целом обращает на себя внимание, что радикально настроенная молодежь мало вовлечена в легальные формы политического участия, будь то голосование на выборах, членство в партиях, участие в проведении избирательных кампаний. Это свидетельство малого интереса к политике и политической компетентности (знания и навыки). При отсутствии навыков в реализации своих интересов через легальные политические механизмы, она пытается сделать это через радикальный протест.

Таблица 8 (Table 8)

Регрессионная модель готовности к разным формам радикального протеста, поколение «Z»

Regression model of readiness for different forms of radical protest, generation "Z"

Готовность к радикальному протесту в целом, поколение «Z»		Готовность к несанкционированным акциям протеста		Готовность к забастовкам	
R-квадрат = 0,552, R = 0,743		R-квадрат = 0,729, R = 0,854	B	R-квадрат = 0,729, R = 0,854	B
(Константа)	-0,769	(Константа)	-0,249	(Константа)	0,193
Готовность к ненасильственной смене власти	0,160	Готовность к забастовкам	0,451	Готовность к перекрытию дорог и занятию зданий	0,328
Участие в забастовках	0,401	Готовность к восстанию	0,102	Готовность к критике власти в СМИ, агитации против власти	0,117
Готовность к критике власти в СМИ, агитации против власти	0,176	Готовность к разрешенным протестным акциям	0,142	Готовность к восстанию	0,186
Готовность к подписанию петиций	-0,118	Готовность к перекрытию дорог, занятию зданий	0,166	Участие в забастовках	0,875
Участие в молодежных движениях	-0,117	Участие в несанкционированных акциях протеста	0,249	Поддерживаю митинги, готов участвовать	0,551
Злость	0,326	Поддерживаю митинги, но сам не готов участвовать	-0,300	Участие в санкционированных митингах	-0,257
Да, участвую в политике	0,223	Мужчины	0,284	Готовность к разрешенным протестным акциям	0,147
Удовлетворенность политикой государства	0,340	Готовность к бунту	0,112	Участие в политических партиях	-0,241
Участие в разговорах на политические темы	-0,054	Карьера, успех	0,144	Готовность к ненасильственной смене власти	0,088
Мужчины	0,135	Проблемы в силовых ведомствах	-0,063	Участие в несанкционированных акциях протеста	-0,308
Удовлетворенность	0,202	Безопасность	-0,093	На одежду денег хватает, на бытовую технику нет	-0,301
		Участие в проведении избирательных кампаний	-0,117	Готовность к подписанию обращений, петиций	0,107
		Да, участвую в политике	0,224	Проблемы безопасности	-0,101

Таблица 9 (Table 9)

Регрессионная модель готовности к бунту и восстанию, поколение «Z»
Regression model of readiness for rebellion and insurrection, generation "Z"

Готовность к бунту		Готовность к восстанию		Участие в забастовках	
R-квадрат = 0,598, R = 0,773	B	R-квадрат = 0,638, R = 0,799	B	R-квадрат = 0,695, R = 0,833	B
(Константа)	0,452	(Константа)	0,010	(Константа)	-0,044
Готовность к несанкционированным акциям протеста	0,453	Забастовки	0,261	Участие в несанкционированных акциях протеста	0,526
Готовность к забастовкам	0,137	Готовность перекрытию дорог, занятию зданий	0,285	Участие в партиях	0,155
Злость	0,385	Готовность ненасильственной смене власти	0,206	Готовность к забастовкам	0,110
Участие в забастовках	0,249	Злость	0,656	Готовность к критике власти в СМИ, агитации против власти	-0,023
Готовность к разрешенным протестным акциям	-0,142	Участие в несанкционированных акциях протеста	0,218	Участие в голосовании на региональных выборах	0,069
Готовность к ненасильственной смене власти	0,118	Проблемы в национальной и религиозной сфере	0,102	Готовность к перекрытию дорог, занятию зданий	-0,032
Готовность к голосованию против всех	0,122	Правовые проблемы	-0,079	Удивление	-0,097
Участие в разговорах на политические темы	-0,088	Мужчины	0,241	Да, участвую в политике	-0,132
Участие в проведении избирательных кампаний	0,202			Участие в молодежных движениях	0,048
Другие формы политической деятельности	-0,182			Готовность к разрешенным протестным акциям	-0,031

Следует учесть, что радикальный протест имеет гендерную специфику, чем выше уровень готовности к нему, тем больше в группе склонных к радикальному протесту мужчин. В сочетании с незначимостью безопасности и растущим уровнем злости формируется такая совокупность установок и аффективных характеристик, которая обеспечивает сниженность рациональности поведения и мотивирует на насильственные, крайние действия. Необходимо учесть и особенности юношеского возраста, повышенную роль эмоций, склонность к черно-белой оценке действительности.

Особое значение имеет модель восстания. Как мы полагаем, готовые участвовать в восстании составляют самую радикальную группу протестантов. Это как бы ультрарадикалы внутри радикального лагеря. Доминантой для них служат проблемы национального характера, мотив протеста – защита своей нации.

Особенности протестного сознания двух типов протестантов: сторонников мирного и радикального протеста

Как уже отмечалось, массив данных о протестной готовности респондентов был обработан методом факторного анализа, что позволило выявить двухфакторную структуру данных вопросов анкеты, описывающих готовность к протестному поведению. Нами была выдвинута гипотеза о наличии двух типов протестного сознания: мирного и радикального.

Чтобы провести дополнительную проверку этой гипотезы, мы на основе полученной нами общей выборки молодежи сформировали две подвыборки: сторонников мирного и радикального протеста, соответствующие носителям мирного и радикального протестного сознания.

Критерием отнесения к выборке мирного протеста был уровень готовности 5–7 баллов (из 7 возможных) к участию в подписании петиций, протестных концертах и флешмобах. Критерием отнесения к группе радикального протеста был уровень готовности к участию в бунте и восстании 5–7 баллов. Уровень 5–7 баллов соответствует выше среднего и высокой готовности к протесту (5 – скорее готов; 6 – готов; 7 – безусловно готов к участию в протесте).

По результатам факторизации анкеты, именно бунт и восстание в факторе радикального протеста в наибольшей степени коррелируют с другими формами протеста (табл. 1). Для фактора мирного протеста наибольший факторный вес имеют подписание петиций и участие в протестных концертах.

На основе этих критериев мы выделили две подвыборки, соответствующие носителям мирного и радикального протестного сознания.

В дальнейшем мы сопоставили ответы этих двух групп с использованием критерия Манна-Уитни.

По результатам применения критерия Манна-Уитни были выявлены значимые различия между группами мирных и радикальных протестантов по личностным ценностям, отношению к значимости общественных проблем и готовностью к протесту в определенных формах (табл. 10–12). Результаты U-критерия были подтверждены и дисперсионным анализом ANOVA.

Таблица 10 (Table 10)

Результаты применения U-критерия Манна-Уитни для независимых выборок для определения различий между группами мирных и радикальных протестантов по личностным ценностям

Results of applying the Mann-Whitney U-criterion for independent samples to determine differences between groups of peaceful and radical Protestants on personal values

Нулевая гипотеза	Критерий	Значение	Решение
Распределение «Удовольствие» является одинаковым для категорий Тип протеста	U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок	0,020	Нулевая гипотеза отклоняется
Распределение «Карьера успех» является одинаковым для категорий Тип протеста	U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок	0,005	Нулевая гипотеза отклоняется
Распределение «Безопасность» является одинаковым для категорий Тип протеста	U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок	0,006	Нулевая гипотеза отклоняется
Распределение «Доброта» является одинаковым для категорий Тип протеста	U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок	0,026	Нулевая гипотеза отклоняется
Распределение «Свобода» является одинаковым для категорий Тип протеста	U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок	0,023	Нулевая гипотеза отклоняется

Для группы мирного протеста оказалась более значимой, в сравнении с группой радикального протеста, ценность безопасности (M, то есть среднее значение у мирных протестантов 6,25 против M 5,6 у радикальных), что очевидно влияет на выбор мирного протеста как более безопасного. Так же этой группе важна свобода (M 5,96 у группы мирного протеста против M 5,1 у радикальной группы).

У группы мирного протеста более выражены ценности карьеры и успеха, а также доброты и удовольствия. Такие личностные ориентации выступают факторами, влияющими на выбор мирного протеста.

Данные результаты соответствуют данным, полученным при помощи регрессионного анализа (табл.2–9).

Кроме того, выявлены значимые различия между двумя группами в ответах на вопрос: «В связи с какими проблемами общества вы бы готовы были участвовать в акциях протеста?». Для группы радикального протеста намного важнее оказались проблемы в национальной и религиозной сфере, в том числе защита своей нации (M 4,7 против M 3,9). Это означает стремление к защите своей нации, на основе выраженной национальной и религиозной идентичности.

Также для группы радикального протеста статистически более значимы проблемы в политической сфере и проблемы в экономике. Вероятно, можно описать эту группу как более политизированную и национально мыслящую.

Таблица 11 (Table 11)

Результаты применения U-критерия Манна-Уитни для независимых выборок для определения различий между группами мирных и радикальных протестантов по готовности к протесту в связи с проблемами общества

Results of applying the Mann-Whitney U-criterion for independent samples to determine differences between peaceful and radical Protestant groups on willingness to protest about societal issues

Нулевая гипотеза	Критерий	Значение	Решение
Распределение «Проблемы в национальной и религиозной сфере» является одинаковым для категорий Тип протеста	U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок	0,045	Нулевая гипотеза отклоняется
Распределение «Проблемы в экономике» является одинаковым для категорий Тип протеста	U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок	0,032	Нулевая гипотеза отклоняется
Распределение «Проблемы в политической сфере» является одинаковым для категорий Тип протеста	U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок	0,004	Нулевая гипотеза отклоняется

В целом недовольство группы радикального протеста почти по всем проблемам заметно выше (готовность протестовать в связи с этими проблемами выше). Для группы мирного протеста важнее, в сравнении с группой радикального протеста, проблемы в сфере экологии, но различия ниже порога значимости.

Для группы радикального протеста мотивами участия в протестах являются недовольство политикой, экономические трудности и национальные чувства. Их личностные характеристики допускают радикальные действия. Напротив, для группы мирного протеста сдерживающим фактором являются такие ценности как доброта, карьера и безопасность.

При сравнении готовности к протесту в разных формах, также выявлены значимые различия по критериям Манна-Уитни и ANOVA между группой мирного и радикального протеста почти по всем переменным. По средним значениям видно, как нарастает разница между двумя группами, по мере роста радикальности форм протеста (табл. 12). Наибольшая готовность у радикальных протестантов к восстанию ($M=5,63$). Это весьма много по 7-балльной шкале. У группы мирного протеста, напротив, именно к восстанию самая низкая готовность ($M=1,37$). Мирные протестанты категорически не приемлют насилие и не любят нарушения закона. А готовы представители мирного протеста к участию в протестных концертах и флеш-мобах ($M=5,32$), и подписанию петиций ($M=5,18$).

При этом радикальные протестанты тоже готовы подписывать петиции, и участвовать в мирном протесте. Можно говорить, что носители радикального протестного сознания амбивалентны в отношении форм протеста: готовы и к мирным формам, и к радикальным. Мы интерпретируем это так:

если субъект готов к более радикальным формам протеста, то приемлет и менее радикальные. А вот носители мирного протестного сознания готовы только к участию в мирном протесте (на то они и «мирные»). Радикальные формы их пугают и неприемлемы для них.

Таблица 12 (Table 12)

Результаты расчета описательных статистик для мирных и радикальных протестантов по показателю готовности к разным формам протеста
Results of calculation of descriptive statistics for peaceful and radical Protestants on the indicator of readiness for different forms of protest

Тип протеста	Параметры	Готовность к подписанию петиций	Готовность к протестным концертам, флешмобам	Готовность к разрешенным протестным акциям	Готовность к открытой критике власти в СМИ	Готовность к несанкционированным акциям протеста	Готовность к бунту	Готовность к восстанию
Радикальный протест	Стандартное отклонение	1,67779	2,19431	1,80835	1,95604	1,96336	1,78647	1,11171
	Дисперсия	2,815	4,815	3,270	3,826	3,855	3,191	1,236
	Медиана	6,0000	5,0000	6,0000	6,0000	5,0000	5,0000	5,0000
	Среднее	5,4255	4,4255	5,2340	5,0000	4,5957	4,9362	5,6383
Мирный протест	Стандартное отклонение	1,83331	1,86554	2,27681	2,14184	1,68477	0,81415	0,81976
	Дисперсия	3,361	3,480	5,184	4,587	2,838	0,663	0,672
	Медиана	6,0000	6,0000	4,0000	2,0000	1,0000	1,0000	1,0000
	Среднее	5,1840	5,3280	4,0400	2,9040	1,9840	1,4080	1,3760

Кроме того, мы применили методику расчета семантических универсалий Е. Ю. Артемьевой для определения образа протеста у групп мирных и радикальных протестантов и сравнения между ними [12]. Расчет семантических универсалий проводился на основе данных семантического дифференциала (СД) для оценки протеста. В семантическую универсалию стимула вошли те шкалы СД, оценки по которым данного стимула у группы в высокой степени совпадают.

При оценке такой формы протеста, как петиция, по результатам расчета семантических универсалий образ положительный у обеих групп. Обе группы согласованно характеризуют петицию как не чужую, не агрессивную, не страшную, но справедливую и открытую. Однако у группы мирного протеста оценки намного более согласованные и появляются дополнительные положительные характеристики, такие как «свободный», «честный». Степень выраженности положительных характеристик петиции выше. Очевидна приверженность мирных протестантов этой форме политического участия.

При этом по шкалам, отражающим силу и активность, а также масштаб явления, согласованных оценок, вошедших в семантическую универсалию почти нет, петиция характеризуется не столь высоко.

При оценке митинга как формы протеста, группа радикального протеста показала целиком положительный образ (активный, открытый, свободный, не чужой, не коррумпированный).

Группа же мирного протеста оценила митинг противоречиво. С одной стороны, как «не привлекательный» и «не красивый». Но, в то же время, «открытый», «активный», «не чужой», «не коррумпированный» и «не лицемерный».

Образ забастовки как формы протеста положительный у группы радикального протеста и противоречивый, скорее непривлекательный у группы мирного протеста.

Бунт как форму протеста группа радикальных протестантов оценивают как «активный», «сильный», «агрессивный», «открытый», «не чужой».

Группа мирных протестантов считает бунт также «сильным» и «агрессивным», но при этом «не интеллектуальным» и «не привлекательным». Однако, также «не чужим» и «не коррумпированным».

При оценке восстания как формы протеста обе группы согласованно оценивают его как агрессивную и сильную, не коррумпированную, не чужую и не бессмысленную форму активности.

Разница в том, что восстание для мирных протестантов не привлекательное и не красивое, а для радикальных протестующих таких коннотаций нет.

И бунт, и восстание согласованно оцениваются обеими группами как масштабные политические формы («большой»). Общее впечатление, что обе группы оценивают восстание высоко по активности, масштабу и силе, но в силу ценностей и установок группы мирного протеста, оно для них не привлекательно. Привлекательность восстания для группы радикального протеста выше, но и здесь фиксируется неоднозначность позиций.

Заключение

Проведенное исследование показало наличие в выборке двух типов протестантов: сторонников мирного и радикального протеста. Их можно определить как носителей разных типов протестного сознания: мирного и радикального.

Характеристики мирного протестного сознания поколений «Y» и «Z» в основном схожи. Оно основано на ценностях социальной справедливости, свободы, доброты. Это – гуманистическое сознание. Его носители против насилия, они используют ненасильственные формы протеста. Поэтому мы и обозначили данный тип протестного сознания как «мирный».

Характеристики радикального протестного сознания поколений «Y» и «Z» имеют как общие черты, так и существенные различия. К объединяющим чертам можно отнести наличие такой аффективной составляющей протестного сознания как злость (агрессия). Негативные эмоции формируют эмоционально ориентированное поведение.

Для радикального протестного сознания поколения «Z» свойственно представление об угрозах своей нации, вызывающее групповую злость (гнев), который запускает путь решения проблемы через насилие. Мощным предиктором радикального протеста обоих поколений является системное недовольство властью и желание ее смены.

В некоторой степени мирные протестанты ближе к партисипаторному типу политической культуры, а радикальные – к подданническому типу.

Можно говорить и о наличии двух типов протестной культуры: культуры мирного, гражданского протеста («культура петиций») и культуры радикального протеста («культура бунта»). Протестная культура включает в себя протестное сознание и сложившиеся формы протестного поведения.

«Культура петиций» связана с активной гражданской позицией, интересом к политике, легальными формами политического участия. С ней связаны такие ценности как справедливость и равенство, свобода и творчество, права человека и стремление к обновлению.

Не приемля насилие и уважая другие взгляды, эта группа выбирает мирные, законные формы протеста. Однако, если легальные каналы выражения интересов не работают, происходит накопление негативных эмоций, и, как следствие, – радикализация носителей мирного протеста.

Культура радикального протеста связана с подданническим типом политического сознания (хотя не только). Ей присущи низкий уровень интереса и знаний о политике, пассивность и высокая роль эмоций. Отношения с властью носителей этой культуры можно описать дихотомией: «безмолвие или бунт».

В нашей выборке преобладает «культура петиций», что означает, что возможности для диалога власти и молодежи на Дальнем Востоке сохраняются.

Библиографический список

1. Артюхина В. А. Осмысление социального протеста в современной социологии: анализ основных подходов // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 30–34. DOI: 10.7868/S0132162517110046; EDN: ZRQQNH.

2. Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // ПОЛИС. Политические исследования. 2020. Т. 29. № 2. С. 73–91. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06; EDN: APZWMB.

3. Баранова Г. В. Методика анализа протестной активности населения России // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 143–152. EDN: PFLRRF.

4. Волков Д. А. Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 гг.: запрос на модернизацию политических институтов // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. № 2(112). С. 73–86.
5. Габа О. И. Молодежь как субъект протестных настроений // Знание, понимание, умение. 2015. № 1. С. 144–151. EDN: ULLCGT.
6. Керимов А. А., Эбзеев А. А. Факторы и тенденции протестной активности молодежи в современной России // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1. С. 104–123. DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_104; EDN: GSFTBH.
7. Леньков Р. В., Колосова О. А., Ковалева С. В. Социально-психологическая диагностика и прогнозирование протестного поведения молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. 2021. Т. 4. № 1. С. 31–41. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41; EDN: YQQGVH.
8. Марин Е. Б. Структура протестного мышления и представление о социальном протесте молодежи поколений «Y» и «Z» Дальнего Востока и Москвы // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 1. С. 86–107. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.776; EDN: WEZDKL.
9. Марин Е. Б. Молодежные протестные настроения в Приморском крае (на примере студенчества) // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 3. С. 63–82. DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.524; EDN: YWAGXB.
10. Парма Р. В., Давыдова М. А. Триггеры политической мобилизации массовых протестов в социальных медиа Российской Федерации и Республики Беларусь в 2020–2021 гг. // Власть. 2022. № 3. С. 97–105. DOI: 10.31171/vlast.v30i3.9045; EDN: UJJWYG.
11. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029; EDN: YVQXQU.
12. Серкин В. П. О возможностях метода семантических универсалий Е. Ю. Артемьевой // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2000. № 2. С. 74–79.
13. Ядов В. А., Климова С. Г. и др. Социальная база поддержки реформ и потенциал массового протеста // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: ИС РАН, 2008. С. 85–101. EDN: TZCRHT.
14. Almond G. A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. SAGE, 1989. 379 p.
15. Davis J. A formal interpretation of the theory of relative deprivation // Sociometry. 1959. Vol. 22. No. 4. P. 280–296.
16. van Stekelenburg J., Klandermans B. The social psychology of protest // Current Sociology. 2013. Vol. 61. No. 5–6. P. 886–905. DOI: 10.1177/0011392113479314.
17. van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives // Psychological Bulletin. 2008. No. 134. P. 504–535. DOI: 10.1037/0033-2909.134.4.504.

18. Vitak J., Zube P. et al. It's complicated: Facebook users' political participation in the 2008 election // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2011. No. 14(3). P. 107. DOI: 10.1089/cyber.2009.0226.

19. Schwartz S. H. Are there universal aspects in the content and structure of values? // *Journal of Social Issues*. 1994. Vol. 50. P. 19–45.

Получено редакцией: 8.08.2024

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Марин Егор Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин; доцент Департамента психологии и образования

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.13

Protest Consciousness and Protest Culture of the Young People of the Russian Far East

Egor B. Marin

MSU named after admiral G. I. Nevelskoy, Vladivostok, Russia;
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

egor-marin@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0409-5065

For citation: Marin E. B. Protest Consciousness and Protest Culture of the Young People of the Russian Far East. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 255–281. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.13; EDN: HBHQYA.

Abstract. Social protest is the cause of conflicts in society. But it also signals unresolved problems and forces the authorities to respond to the demands of society. In the history of Russia, protest has always played a significant role, and extreme radicalism has always been its peculiar feature.

The study is based on youth surveys conducted in 2020 and 2024 in the Far East. Two types of protestants were identified in the sample: supporters of peaceful and radical protest. They are carriers of two different types of protest consciousness, including values, ideas, and motives for protest.

The author concludes that the youth of the Far East has two types of protest consciousness and protest culture: a peaceful type of protest consciousness and, based on it, peaceful civil protest ("petition culture"); and a radical protest consciousness and, based on it, radical protest ("rebellion culture"). "Petition culture" is associated with an active civic position, interest in politics, participation in legal forms of political and public activities. Its bearers are characterised by such values as justice and equality, freedom and creativity, human rights and the desire for renewal. The culture of radical protest is determined by the subject type of political consciousness, strong negative emotions, strong ethnicity and belief in a threat to one's nationality. It can be noted that the bearers of radical protest consciousness are ambivalent in relation to the forms of protest: they are ready for both peaceful and radical forms. We interpret this as follows: if a subject is ready for more radical forms of protest, then he or she will also accept less radical ones. But bearers of peaceful protest consciousness are ready only to participate in peaceful protest (that's why they are "peaceful"). Radical forms frighten them and are unacceptable to them.

According to the results of our study, the "petition culture" is more common in the sample, which means that a dialogue between the authorities and the youth is possible. The work also examines the generational characteristics of the protest consciousness of generations "Y" (or millennials) and "Z" (or centennials).

Keywords: protest, Far East, peaceful protest, radical protest, protest consciousness, generation Y, generation Z

References

1. Akhremenko A. S., Stukal D. K., Petrov A. P. Network or Text? Factors in the Spread of Protest in Social Media: Theory and Data Analysis. *POLIS. Politicheskie issledovaniya*, 2020: 2: 73–91 (in Russ). DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06 EDN: APZWMB.

2. Artyuhina V. A. Understanding social protest in modern sociology: analysis of the main approaches. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 11: 30–34 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162517110046; EDN: ZRQQNH.
3. Baranova G. V. Metodika analiza protestnoj aktivnosti naseleniya Rossii [The method of analysis of protest activity of the population of Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2012: 10: 143–152 (in Russ.). EDN: PFLLRP.
4. Volkov D. A. Protestnye mitingi v Rossii koncza 2011 – nachala 2012 gg.: zapros na modernizaciju politicheskix institutov [Protest rallies in Russia in late 2011 and early 2012: the request for the modernization of political institutions]. *Vestnik obshhestvennogo mnenija*, 2012: 2 (112): 73–86 (in Russ.)
5. Gaba O. I. Youth as a subject of protest. *Znanie, ponimanie, umenie*, 2015: 1: 144–151 (in Russ.). EDN: ULLCGT.
6. Kerimov A. A., Ebzeev A. A. Factors and Trends of Youth Protest Activity in Modern Russia. *Discurs-Pi*, 2022: 19(1): 104–123 (in Russ.). DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_104; EDN: GSFTBH.
7. Lenkov R. V., Kolosova O. A., Kovalyova S. V. Socio-psychological diagnostics and forecasting protest behavior of youth in the digital environment. *Cifrovaya sociologiya*, 2021: 4(1): 31–41 (in Russ.). DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41; EDN: YQQGVH.
8. Marin E. B. The structure of protest thinking and the idea of social protest among young people of generations “Y” and “Z” in the Far East and Moscow. *Vestnik instituta sotziologii*, 2022: 13(1): 86–107 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.776; EDN: WEZDKL.
9. Marin E. B. Youth protest moods in Primorsky Region (on the example of students). *Vestnik instituta sotziologii*, 2018: 9(3): 63–82 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.524; EDN: YWAGXB.
10. Parma R. V., Davydova M. A. Triggers of political mobilization of mass protests in social media of the Russian Federation and the Republic of Belarus in 2020–2021. *Vlast'*, 2022: 3: 97–105 (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v30i3.9045; EDN: UJJWYG.
11. Radaev V. V. Millennials Compared to Previous Generations: An Empirical Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 3: 15–33 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162518030029; EDN: YVQXQU.
12. Serkin V. P. O vozmozhnostyax metoda semanticheskix universalij E. Yu. Artemevoj [On the possibilities of the method of semantic universals by E. Y. Artemyeva]. *Vestnik MGU. Ser. 14. Psihologiya*, 2000: 2: 74–79 (in Russ.).
13. Yadov V. A., Klimova S. G. et al. Social'naya baza podderzhki reform i potencial massovogo protesta [Social base of support for reforms and the potential of mass protest]. In *Rossiya v global'nyh processah: poiski perspektivy* [Russia in global processes: searching for perspectives]. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, IS RAN, 2008: 85–101 (in Russ.). EDN: TZCRHT.
14. Almond G. A., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. SAGE, 1989: 379.
15. Davis J. A formal interpretation of the theory of relative deprivation. *Sociometry*, 1959: 22 (4): 280–296.
16. van Stekelenburg J., Klandermans B. The social psychology of protest. *Current Sociology*, 2013: 61: 5-6: 886–905. DOI: 10.1177/0011392113479314.
17. van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an integrative social identity model of collective action: A quantitative research synthesis of three socio-psychological perspectives. *Psychological Bulletin*, 2008: 134: 504–535. DOI: 10.1037/0033-2909.134.4.504.
18. Vitak J., Zube P. et al. It's complicated: Facebook users' political participation in the 2008 election. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2011: 14(3): 107. DOI: 10.1089/cyber.2009.0226.
19. Schwartz S. H. Are there universal aspects in the content and structure of values? *Journal of Social Issues*, 1994: 50: 19–45.

The article was submitted on: August 8, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egor B. Marin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of history, political science and state and legal disciplines; Associate Professor of the Department of psychology and education

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.14

EDN: FNGWGX

Научный руководитель и научный наставник: обновление старых ролей и смыслов¹

Ссылка для цитирования: Амбарова П. А., Шаброва Н. В., Кеммет Е. В. Научный руководитель и научный наставник: обновление старых ролей и смыслов // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 282–302. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.14; EDN: FNGWGX.

For citation: Ambarova P. A., Shabrova N. V., Kemmet E. V. Scientific Supervisor and Scientific Mentor: Updating Old Roles and Meanings. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 282–302. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.14; EDN: FNGWGX.

SPIN-код: 1351-6671

Амбарова Полина Анатольевна¹

¹Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

p.a.ambarova@urfu.ru

SPIN-код: 9074-1730

Шаброва Нина Васильевна¹

¹Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

n.v.shabrova@urfu.ru

SPIN-код: 6369-2200

Кеммет Елена Викторовна¹

¹Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

elena.kemmet@urfu.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФ № 23-28-01291.

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы развития в российских вузах института научного наставничества. Авторы исходят из того, что оно должно опираться на научные представления о содержании и особенностях профессиональных ролей научного руководителя и научного наставника. При всей схожести эти роли научно-педагогических работников соответствуют разным функциональным сферам их деятельности со своим набором задач, результатов, особенностей взаимодействия со студентами. Цель данной статьи – сопоставить профессиональные роли научного наставника и научного руководителя студентов бакалавриата и магистратуры для актуализации смысла наставнической деятельности в сфере вузовской научно-исследовательской работы. Предмет анализа – особенности профессиональной роли научного наставника студента. Их наличие обосновывает самостоятельный характер наставнической деятельности и «легитимизирует» ее в ролевом репертуаре научно-педагогических работников вузов. Эмпирической основой статьи являются материалы полуструктурированных интервью с научно-педагогическими сотрудниками российских вузов, проведенные в рамках всероссийского исследования (n = 30, 2024). Интерпретация эмпирических данных базируется на теоретических положениях социологической теории ролей, теории социальной идентичности, концепции профессиональной морали и этики. В исследовании не только обоснованы различия в функциональном содержании профессиональных ролей и повседневных практиках научного руководителя и научного наставника, но и выявлены парадоксы профессиональной идентификации научных наставников, морально-этическое измерение их деятельности. Показано, что особенности предписаний, ожиданий и исполнения научными руководителями и научными наставниками своих ролей проявляются в степени формальности их прав, обязанностей и ответственности, уровне индивидуализации и характере темпоральной организации взаимодействий со студентами. Практическая значимость полученных результатов связана с возможностью разработки вузовских программ поддержки научных наставников как ключевых акторов вовлечения студентов в академическую профессию и вузовскую науку. Ролевые различия научного наставника и научного руководителя позволяют в дальнейшем конкретизировать управленческие требования к разным видам профессиональной деятельности научно-педагогических работников, а также оптимизировать их ресурсную поддержку. Практическая значимость исследования для академических работников заключается в получении оснований для самооценки их готовности к профессиональной роли научного наставника и определении зон профессиональной ответственности, сопряженных с данной ролью.

Ключевые слова: научное наставничество, научное руководство, профессиональные роли, профессиональная идентификация, профессиональная этика, научно-исследовательская работа студентов

Введение. Постановка проблемы

В современных университетах происходит переосмысление опыта старшего поколения научно-педагогических работников (НПР), в связи с чем закономерно возникает междисциплинарная дискуссия о необходимости сохранения или отмены различных форм межпоколенческого взаимодействия в академической среде [4; 14; 19]¹. Одной из них является

¹ Проблема смены поколений в российской науке. URL: <https://okna.hse.ru/news/169160117.html> (дата обращения: 03.05.2024).

научное наставничество. Внимание исследователей к феномену наставничества в академической среде продиктовано не столько стремлением участвовать в ритуалах, выражающих уважение к профессии педагога и наставника, сколько поиском продуктивных способов обеспечения преемственности и устойчивого кадрового воспроизводства научно-педагогического сообщества. Исследовательский интерес вызывает кризис традиционных механизмов межпоколенческого взаимодействия, обеспечивающих приток и закрепление в академической среде способной, талантливой молодежи. Ставятся под сомнение эффективность реформированной аспирантуры [23], сложившиеся способы интеграции студентов в научное сообщество [18], системы профессионального и карьерного роста молодых ученых в вузах [7]. Сложившаяся ситуация сегодня выступает одним из ключевых рисков трансформации российского высшего образования и вузовской науки, снижения их конкурентоспособности [5; 10]. Поиск решения кадрового вопроса в вузах имеет много векторов и ориентиров, одним из которых является разработка модели научного наставничества в бакалавриате и магистратуре.

Внимание к феномену научного наставничества периодически возникало в социологии и педагогике последних лет в связи с попытками отдельных университетов более или менее успешно апробировать и развивать наставнические практики в сфере научно-исследовательской деятельности студентов. Мероприятия в рамках Года педагога и наставника, объявленного в России в 2023 г., усилили это внимание, особенно в практической сфере. На фоне популяризации наставнического движения в организациях, в сферах молодежной политики и воспитательной работы в вузах, университетское руководство инициировало разработку проектов научного наставничества.

В организациях, на промышленных предприятиях Положения о наставничестве четко определяют различные аспекты взаимодействия наставника и наставляемого, содержание, методы и результаты наставнической технологии. Из этих документов становится понятно содержание социальных и профессиональных задач наставника, особенности его организационного и профессионального статуса. В современных российских вузах представления о научном наставничестве имеют весьма расплывчатый характер. Предпринятые во многих российских университетах инициативы в основном вылились в создание или восстановление Советов молодых ученых и Студенческих научных объединений (СНО). В то же время в Положениях о СНО и презентациях СНО на университетских сайтах, в заголовках которых обязательно присутствует упоминание научного наставничества, ничего не говорится о взаимодействии молодого и старшего поколений исследователей, о роли научных наставников, их месте в системе управления научно-исследовательской деятельностью студентов. По всей видимости, содержательная работа по воспитанию студентов-исследователей, формированию у них научно-исследовательской культуры по-прежнему включена в основном в практики научного руководства.

В связи с этим возникает ряд закономерных вопросов: не являются ли попытки внедрения научного наставничества в вузах имитационными, не подменяют ли структуры студенческого самоуправления в науке структуры научного наставничества, не существует ли путаницы в определении цели и задач деятельности ННР, взаимодействующих со студентами в научно-исследовательской сфере в разных форматах¹ и т. п.? На наш взгляд, эти вопросы возникают из-за отсутствия научной проработанности понятия научного наставничества, сути и содержания наставнического взаимодействия в научной сфере.

Одной из основ формулирования ответов на эти вопросы могут стать результаты сравнительного анализа профессиональных ролей научного наставника и научного руководителя, которые, как правило, не разводятся – ни в теоретическом, ни в практическом плане. С одной стороны, это приводит к неоправданным ожиданиям того, что научные руководители студентов будут выполнять наставнические функции, хотя они не закреплены в регламентирующих документах или не могут быть выполнены из-за отсутствия необходимых личностных и профессиональных качеств и компетенций. С другой стороны, эта ситуация создает ряд негативных следствий и для научных наставников, поскольку мешает определению их организационного и профессионального статуса, мер реальной управленческой поддержки наставнической деятельности.

Ассоциация научного наставничества с научным руководством студенческими работами, в той или иной мере включающими исследовательскую составляющую, не случайна, поскольку функции научного руководителя и научного наставника нередко выполняет один и тот же работник. Между тем, даже безупречно выполненные задачи научного руководства, формально закрепленные в должностной инструкции или учебном поручении, не всегда можно назвать наставничеством [17]. И далеко не всегда наставнические практики передачи научно-исследовательского опыта и научно-исследовательской культуры сопрягаются с формальными обязанностями ННР по научному руководству [15].

Возникает не только теоретическая, но и практическая задача сопоставления двух профессиональных ролей академического работника. Предметом сравнительного анализа становятся особенности профессиональной роли научного наставника студента, позволяющие обосновать ее самостоятельный характер и «легитимизировать» ее в ролевом репертуаре современных ННР. Решение данной исследовательской задачи дает понимание потенциала научного наставничества и возможностей его актуализации в интересах как студенчества и академического сообщества, так и университета в целом. Поскольку в данной статье фокус внимания направлен

¹ К числу таких форматов можно отнести: 1) руководство учебно-научными работами (курсовыми работами, проектной деятельностью в виде прикладных исследовательских работ); 2) научное руководство выпускными квалификационными работами; 3) подготовку студентов к участию в конкурсах научно-исследовательских работ и предметных олимпиадах; 4) включение студентов в научные коллективы, реализующие грантовые проекты; 5) ведение научных кружков; 6) инициативное привлечение ННР к собственным исследованиям студентов, написание с ними научных статей, осуществляемые на неформальной основе и т. д.

на научных наставников, то следует обозначить те «выгоды», которые они получают от научной и прикладной разработки вопроса о профессиональной роли наставника.

Прежде всего, такое исследование расширяет представления о сложном ролевом наборе современных НПП и обосновывает особое место и значение в нем наставнической функции. Академическая профессия в последние годы стремительно развивается в сторону гибридности, включая не только педагогическую и научно-исследовательскую деятельность, но и административно-управленческую, общественно-публичную, предпринимательскую, экспертную и др. [2; 6]. Несмотря на это, образование и наука не перестают быть доминирующими направлениями деятельности, и в свою очередь начинают усложняться и трансформироваться [9]. В итоге научное наставничество становится результатом сложного переплетения особых педагогических и научно-исследовательских функций НПП, превращаясь в научно-образовательный институт [3]. Как и любая другая профессиональная задача НПП, научное наставничество требует своего бюджета времени, формулирования ценностно-нормативных оснований, требований к компетентностному профилю. На наш взгляд, сопоставление профессиональных ролей научного наставника и научного руководителя позволит обосновать их сепарацию друг от друга, что оптимизирует и управленческие требования к разным видам профессиональной деятельности НПП, и их ресурсную поддержку. Результаты такого анализа для самих НПП важны в плане понимания их готовности к профессиональной роли научного наставника и зон профессиональной ответственности, сопряженных с данной ролью.

С развитием репертуара профессиональных ролей расширяется и сфера профессиональной самореализации НПП. Этот процесс активно проявляется в жизнедеятельности среднего и особенно старшего поколения академических работников. Риски профессиональной стагнации и выгорания, присущие представителям данных возрастных групп, преодолеваются благодаря новым смыслам и точкам приложения профессионального опыта [21]. Необходимость переосмысления человеческого капитала зрелых НПП также актуализируется в контексте выработки гибкой кадровой политики, сочетающей поддержку академической молодежи и неконфликтное компромиссное расставание со старшим поколением. Представляется, что отделение профессиональной роли научного наставника от роли научного руководителя послужит основой разработки университетских программ по актуализации наставнического опыта возрастных НПП.

И, наконец, посредством изучения профессиональных ролей научного наставника и научного руководителя можно идентифицировать и поддерживать наставнический ресурс НПП. Как на индивидуальном, так и групповом уровне этот ресурс становится основой продолжения научных школ, традиций, тематик. Но для его развития необходимо понимание основ и принципов взаимодействия, характерных для формального руководства и наставничества, трудно поддающегося формализации.

Теоретические подходы к исследованию профессиональных ролей

Социология предлагает несколько теоретических подходов к анализу профессиональных ролей НПР. Прежде всего, это *социологическая ролевая теория* (Т. Парсонс, Р. Мертон, Дж. Мид, И. С. Кон, В. А. Ядов). Исходя из классического определения социальной роли как предписанного и ожидаемого поведения личности, соответствующего ее статусу в социальной системе (обществе, группе, организации), мы определяем профессиональную роль как комплекс поведенческих паттернов, следование которым подтверждает статус индивида в системе взаимодействий, осуществляемых в рамках профессиональной деятельности. Трактовка социальной роли, предложенная Т. Парсонсом [13, с. 174], позволяет говорить о том, что понятие профессиональной роли отражает динамический аспект социального статуса и функциональное значение индивида в этой системе. В работах Т. Парсонса показано, что профессии и профессиональные сообщества представляют собой особый объект экспликации ролевой теории [13].

Придерживаясь принципа неразрывной связи социального статуса и социальной роли, сформулированного в работах Т. Парсонса и Р. Мертона, отечественные социологи в последующем развивали его в контексте исследования профессии и профессиональной деятельности. Так, В. А. Ядов рассматривал профессионально-трудовую деятельность через ее функциональное содержание и нормативные предписания ее субъекту, то есть через характеристики профессиональной роли [16, с. 57–58], соответствие которым определяет статус индивида в профессиональном сообществе. На тесную связь социального статуса, социальной роли и деятельности обратили внимание В. Г. Немировский и Д. Д. Невирко, обосновывая «представление о социальной деятельности как совокупности социальных ролей, которая фиксируется в системе языковых и других символов» [12, с. 17]. Принимая их точку зрения, мы можем говорить о профессиональной деятельности как совокупности профессиональных ролей, фиксирующих ее различные смыслы, значения и определяемых ожиданиями окружающих социальных субъектов. Соответственно, в нашем исследовании сопоставление ролей научного наставника и научного руководителя возможно через выявление общего и особенного в функциональном содержании двух видов профессиональной деятельности НПР.

Такой теоретический подход является базовым, но не единственным, поскольку особенности исследуемых ролей заключаются не только в содержании соответствующих видов профессиональной деятельности НПР. Кроме того, сами представители классической ролевой теории указывали на то, что социальная роль раскрывается как в объективном срезе (через содержание и предписываемые функции, реализуемые в межличностном взаимодействии), так и в субъективном (интраиндивидуальном) аспекте (через интерес, мотивы, установки) [8, с. 26]. Таким образом, трактовка понятия профессиональной роли требует своего расширения за счет других теоретических подходов, усиливающих ее субъективный аспект.

В этой связи представляется продуктивным обращение к положениям теории социальной идентичности и социологической концепции профессиональной морали и этики, поскольку они позволяют обосновать профессиональную роль как основу формирования профессиональной идентичности и усвоения ценностных, этических основ профессиональной деятельности.

В теории социальной идентичности профессиональная идентичность трактуется как «концептуальное представление человека о своем месте в профессиональной группе, а также о месте своей профессиональной группы в системе общественных отношений» [11, с. 10]. С таких позиций профессиональная идентификация рассматривается как элемент процесса формирования ролевой структуры профессиональной группы и определяется через ее мотивацию, интересы и разделяемые ценности.

Мы предполагаем, что данный теоретический подход открывает интересные перспективы для исследования профессиональной роли научного наставника. Если в сознании представителей научно-педагогического сообщества складываются четкие представления о себе как о научных наставниках, своих задачах (обязанностях), возможностях (правах), ограничениях и специфике взаимодействия со студентами, то скорее всего мы вправе говорить о том, что в структуре ННР можно выделять научных наставников как специфическую социальную подобность, обладающую собственным социально-профессиональным статусом и функциональным значением. Процессы самоидентификации свидетельствуют о формировании статусно-ролевого комплекса научных наставников, который объективируется в признании их со стороны университетского сообщества (коллег, руководства, студентов).

Сравнительное исследование профессиональных ролей научного наставника и научного руководителя сквозь призму процессов самоидентификации, на наш взгляд, может дать дополнительные аргументы в пользу их разделения. Однако такой подход может иметь и свои трудности, поскольку наше исследование затрагивает не разные профессии, а смежные роли в рамках одной, академической, профессии.

Субъективный аспект профессиональной роли можно расширять также за счет теоретических положений *социологической концепции профессиональной морали и этики*. В ней профессиональная роль трактуется как набор интериоризованных этических ценностей, а ее реализация – как следование специфическому «коду профессиональной этики». Р. Н. Абрамов и А. В. Быков отмечают: «Очевидно, что для многих людей профессиональные роли обладают высокой субъективной значимостью – им важно быть «хорошим» профессионалом, что часто связано не только с обладанием техническими знаниями и компетенциями, но и с поведением согласно этическим нормам профессионального сообщества» [1, с. 758].

Трудности использования концепции профессиональной морали и этики мы видим в том, что роли научного руководителя и научного наставника реализуются в поле одной профессии, развивающейся в идеологии «служения» и альтруистического морально-этического кодекса.

Однако различия в моральных обязательствах, которые берут на себя ННР в той и в другой роли, могут служить основанием для углубления наших представлений о разных гранях этоса академической профессии. Более того, мы полагаем, что методология морально-этического подхода дает возможность переоткрытия ценности и смысла научного наставничества в ситуации бюрократического засилья и ценностной аномии в академическом сообществе.

Таким образом, интеграция положений трех социологических подходов – ролевой теории, теории социальной идентичности и концепции профессиональной морали и этики – позволяет концептуализировать понятие профессиональной роли и адаптировать его к контексту изучения соотношения научного наставничества и научного руководства. Профессиональная роль, представляя собой комплекс поведенческих паттернов, следование которым подтверждает статус индивида в системе взаимодействий, осуществляемых в рамках профессиональной деятельности, имеет два измерения – объективное и субъективное. Объективный аспект выражается в функциональном содержании деятельности научного наставника и научного руководителя. Субъективный аспект проявляется в наличии признаков самоидентификации ННР с ролью научного наставника / научного руководителя и интериоризации морально-этических норм, выступающих регуляторами соответствующего вида профессиональной деятельности ННР. Основываясь на данной интерпретации понятия профессиональной роли, мы можем использовать эти объективные и субъективные аспекты в сравнительном анализе профессиональных ролей научного наставника и научного руководителя.

Материалы и методы исследования

Результаты, представленные в данной статье, получены в ходе социологического исследования «Научное наставничество в российских вузах: институциональные модели, профессиональные роли, повседневные практики». Для выявления особенностей профессиональных ролей научного наставника и научного руководителя были проведены полуструктурированные интервью (февраль-апрель 2024 г.) с научно-педагогическими работниками 17 российских вузов из Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Тюмени, Казани, Владивостока, Омска, Саратова, Санкт-Петербурга, Калуги, Ставрополя, Перми. Респонденты ($n = 30$) отбирались по следующим критериям: активная научная деятельность (участие в работе научной группы, наличие грантов, публикационная активность), вовлечение студентов в НИР, стаж не менее 5 лет. В интервью приняли участие 19 женщин и 11 мужчин; 17 чел. представляют социально-экономическую и гуманитарную сферу высшего образования, 13 чел. – естественно-научную и инженерно-техническую. Средний возраст респондентов – 44 года. 15 чел. имеют ученую степень кандидата наук, 9 – доктора наук и 6 информантов без ученой степени. Гайд включал в себя вопросы о содержании ролей науч-

ного наставника и научного руководителя, о самоидентификации с этими ролями, смыслах наставнической деятельности и повседневных практиках ее реализации.

Результаты полевого исследования

Сравнение содержания ролей научного наставника и научного руководителя

Представления респондентов о соотношении и особенностях профессиональных ролей научного наставника и научного руководителя можно разделить на две группы. Первая группа мнений была отражена в ответах респондентов, представляющих в большинстве своем естественные и инженерно-технические науки. Как правило, они не задумывались над этим вопросом, но предполагают, что научное руководство и научное наставничество являются разными по своему содержанию ролями НПР. В то же время, в силу отсутствия опыта рефлексии по этому поводу, данная группа информантов определяла их различия интуитивно. Приведем в качестве иллюстрации два высказывания:

«Если честно, про научного наставника я вообще особо не слышал. Думаю, что научный руководитель и научный наставник – это синонимы» (муж., 31 г., к. техн. н., Челябинск).

«Вот я так интуитивно чувствую, что это немножко разные понятия. Мое субъективное мнение, что научный руководитель – это тот человек, который просто руководит работой студента, говорит делать так или делать так, реши вот ту задачу, реши вот эту задачу. А наставник, мне кажется, это человек, который еще несколько вовлечен в жизнь самого студента. Наверное. Но это мое интуитивное такое ощущение...» (жен., 46 л., д. физ.-мат. н., Екатеринбург).

Вторая группа мнений о содержании ролей научного руководителя и научного наставника была сформулирована в основном представителями социальных и гуманитарных наук и отражала поиск информантами критериев для сравнения двух ролей. Обобщение материалов высказываний позволило выделить особенности предписаний, ожиданий и исполнения научными руководителями и научными наставниками своих ролей. Рассмотрим ключевые моменты, подчеркнутые респондентами.

1. *Формальность/неформальность статуса.* Опрошенные подчеркнули, что научный руководитель – это формальный статус, который определяется учебным поручением и назначением на должность. Характер статуса научного руководителя диктует содержание его роли: он формулирует тему исследования, разрабатывает его план, дает рекомендации по подбору литературы и методов, контролирует выполнение работ и т. д.

В отличие от научного руководителя, наставник официально не назначается, он помогает студентам в научно-исследовательской работе по своей инициативе, на добровольных началах. При этом наставник может

участвовать в реализации как всего научно-исследовательского цикла, так и отдельных его элементов. Приведем высказывания, подтверждающие сделанные выводы:

«Научный руководитель – это человек, которого мы формально назначаем на роль руководителя ... Наставник – это независимый от формального назначения человек, который помогает студенту в его научной работе» (жен., 49 л., к. социол. н., Н. Новгород).

«Роль научного руководителя определяется конкретным исследованием конкретного обучающегося и, как правило, закрепляется формально (приказом, распоряжением)» (муж., 43 г., к. биол. н., Тюмень).

В ходе интервью респонденты отмечали, что формальность статуса научного руководителя накладывает на ННР и формальную ответственность, обязательства (например, следовать в работе со студентом четкому графику, нормативным требованиям). Эта особенность статуса научного руководителя имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К первым была отнесена четкая содержательная и временная структурированность его деятельности, выраженная, прежде всего, в наличии календарного плана, согласно которому системно назначаются встречи и определяется содержание работы со студентами:

«Содержание работ научного руководителя закреплено в локальных нормативных документах... Делай раз, делай два, делай три... Есть обязательный график работы, и по каждому пункту студент должен научному руководителю отчитаться. У каждого руководителя есть день и время консультации...» (жен., 40 л., к. филол. н., Пермь).

Среди отрицательных сторон научного руководства респонденты выделили затруднительность обеспечения качества научно-исследовательской работы студентов (НИРС) при взаимодействии с одновременно большим числом студентов:

«Качество страдает от большого количества студентов у научного руководителя. Особенно так бывает, если не заинтересованные студенты попадают... Все делается ими в последние дни, часы перед каким-то отчетом, перед предзащитой...» (жен., 38 л., к. социол. н., Тюмень).

По мнению опрошенных, роль научного наставника реализуется в отношении ограниченного числа студентов (отсюда – возможность более качественной работы с ними), а ответственность не имеет формализованного характера. При этом ответственность научного наставника причисляется к обязательным требованиям к его роли и мыслится как профессионально важное качество. Вместе с тем, в силу неформальности статуса научного наставника выполнение этого требования оценивается с морально-этических позиций: это ответственность за воспитание студента в рамках высокой научно-исследовательской и академической культуры, за его будущее как исследователя и человека.

2. Характер взаимодействия с наставляемыми. Важной особенностью роли научного наставника, по мнению информантов, является более индивидуальный, чем у научного руководителя, характер взаимоотноше-

ний со студентами. Респондентами неоднократно подчеркивалось, что они часто выходят за рамки формальных отношений «руководитель – студент», не только выполняя функции консультанта и тьютора в научной деятельности, но и участвуя в личной жизни подопечного. Приведенное ниже высказывание подтверждает данный тезис:

«С моей точки зрения, если ты не просто говоришь «делай раз и делай два», а еще как-то участвуешь в жизни этого студента, спрашиваешь, как у него дела, как идет учеба, то как-то лучше и он относится к научной работе. И ты понимаешь, что, например, в этот момент он действительно не мог решить эту задачу по каким-то причинам... Наставничество – это когда ты можешь наставлять не с помощью вот механического «сделай вот это, сделай вот то», а когда ты понимаешь, что в этот момент человеку нужно» (жен., 46 л., д. физ.-мат. н., Екатеринбург).

Интервьюируемые указывали на функциональную значимость неформального общения наставника и наставляемого, поскольку такая практика позволяет начинающим исследователям глубоко погрузиться в академическую среду, освоить ее неписанные правила, незафиксированные в учебниках азы научно-исследовательской культуры, обменяться мнениями с другими исследователями:

«На мой взгляд, несмотря на цифровизацию и вообще административные какие-то нормативные документы, очень важно неформальное общение. Когда есть какие-то праздники, неформальные собрания, да, или там посиделки, где можно и личные какие-то вопросы обсудить, и между делом на этих посиделках перейти на обсуждение научной темы, задумки, перспективной заявки на статью или на грант... Неформальное общение, на мой взгляд, оно очень много дает. Даже, может быть, где-то больше, чем официальные консультации» (жен., 43 г., к. социол. н., Владивосток).

Особенностью роли научного наставника выступает более длинная временная перспектива, в которой должны проявиться эффекты его взаимодействия с наставляемым. Наставник заинтересован не только в успешной защите курсовой, выпускной квалификационной, конкурсной работы. Он «опрокидывает» содержание работы с наставляемым из настоящего в его будущее. Научному наставнику важно, как и в чем проявятся научные компетенции и профессиональные качества студента после завершения конкретных работ. В этом аспекте определяется еще одно функциональное отличие роли научного наставника от научного руководителя: миссией научного наставничества является вовлечение студентов в академическую профессию, формирование внутренних ценностных и мотивационных оснований, которые смогут удержать их в университетской/академической среде.

3. *Продолжительность взаимодействия с наставляемыми.* Темпоральные характеристики оказались, по результатам интервью, значимыми маркерами различий между ролями научного наставника и научного руководителя. Не только временной горизонт достижения целей вза-

имодействия со студентами может быть отнесен к таким характеристикам, но и в целом объем временных инвестиций. Формальный статус научного руководителя означает четко определенные и дискретные периоды работы со студентами. Это время выполнения конкретных задач: подготовки курсовой работы, проекта, ВКР и т. д.

В силу неформального характера своей роли научный наставник может осуществлять свою работу более длительное время, а самое главное – постоянно, в режиме повседневного взаимодействия. В этом плане деятельность научного наставника имеет «текущий» характер, поскольку «впаяна» в самые разные сюжеты повседневности: обсуждение новой статьи, решение частной проблемы исследовательского проекта, получение совета по разрешению конфликта интересов, поиск средств на поездку на конференцию и др. Один из респондентов так высказался по этому поводу:

«Научный руководитель утверждает на определенное время, пока студент пишет какую-то работу, учится ... А научный наставник – это уже на более длительный период...» (муж., 40 л., к. пед. н., Екатеринбург).

По мнению подавляющего большинства респондентов, несмотря на то что определенная часть коллег ограничивается формальными обязанностями научного руководства, все-таки многие научно-педагогические работники совмещают в одном лице (в той или иной мере) роли научного руководителя и научного наставника. Особенности этой группы ННР проявляются не только в содержании их деятельности, но и в наличии проблем и парадоксов самоидентификации, которые будут раскрыты в следующем разделе статьи.

Парадоксы самоидентификации научных наставников и научных руководителей

Первый парадокс, который мы выявили, – *отсутствие самоидентификации с ролью научного наставника* у части преподавателей, которые не имеют ученой степени, но активно занимаются наставнической деятельностью. Четверо из шести респондентов без ученой степени отметили в ходе интервью, что они не могут считать себя научными наставниками студентов именно по этой причине. В то же время эти респонденты по всем объективным критериям соответствуют роли научного наставника: они сами активно участвуют в научной деятельности и активно вовлекают в нее студентов. Они руководят научным кружком на кафедре, помогают студентам подготовить доклады для участия в конференциях, сопровождают их во время научных поездок и выступлений, занимаются подготовкой студентов к научным конкурсам, в целом много времени посвящают общению со студентами.

Причины, по которым у респондентов отсутствует самоидентификация с ролью научного наставника, лежат в морально-этической плоскости:

«Ну, по формальным каким-то показателям – да, могу [считать себя – прим. авт.], потому что я этим занимаюсь... А вот по тому же статусу мне все-таки кажется, что научный наставник должен быть

человеком, который прошел процедуру защиты кандидатской хотя бы... Я считаю, что еще не имею права, не доросла до того, чтоб называть себя научным наставником» (жен., 28 л., без уч. ст., техн. спец-ть, Саратов).

Иные высказанные аргументы также были морально-этически окрашены: это отсутствие стабильно высоких научных результатов у студентов, незначительность (по самооценке) той помощи, которую ННР оказывают студентам, и масштаба влияния на личность студента. Приведем высказывание одного из респондентов:

«Я не могу назвать себя научным наставником, потому что я делаю не что-то масштабное или выдающееся. Это просто такие небольшие задачи, они немножко облегчают жизнь студентам, немножко радуют их, а в частности, радуют меня. Ну то есть это не какая-то прямо масштабная, пафосная, исторически значимая вещь... Мне кажется, наставничество – это скорее вопрос масштаба самой личности и масштаба влияния, который она оказывает на студентов... А эти бытовые взаимодействия на уровне эпизодической помощи, подсказок, консультаций и т. д. не очень таким требованиям масштаба соответствуют» (жен., 34 г., без уч. ст., гум. спец-ть, Казань).

Второй парадокс самоидентификации, выявленный нами, – это *вариативность самоидентификации с ролью научного наставника или ролью научного руководителя в зависимости от мотивации студента*. Результаты исследования показали возможность совмещения в одном лице ролей научного руководителя и научного наставника. При этом освоение этих ролей происходит по двум сценариям. Первый сценарий – когда ННР, назначенный научным руководителем, становится и научным наставником для студента. Помимо выполнения формальных обязанностей руководства он начинает сопровождать студента на неформальной основе, делая взаимоотношения с ним глубоко индивидуализированными и личностно-ориентированными. Второй сценарий реализуется тогда, когда ННР, начав работать со студентом на неформальной основе, закрепляет затем за собой формальный статус научного руководителя.

Вариативность самоидентификации с ролью научного наставника или научного руководителя возникает в рамках первого сценария, когда ННР может расширить свою профессиональную роль за счет наставнических функций при определенных условиях. Определяющим фактором при этом становится заинтересованность, мотивация и активность студента в научно-исследовательской сфере. Многие преподаватели намеренно остаются на позициях формального научного руководства, если не видят импульса к научной работе и отклика от студента:

«Приходит студент и говорит: «Все, я уже устал, ничего не хочу. Хочу просто написать диплом, выпуститься и забыть про биологию». Здесь наставничества никакого нет. Остается только собрать все, с чем он пришел, чему научился, и применить максимально к ближайшему доступному научному объекту, чтобы у него это все собралось в голове в одно целое. У нас с ним только научная работа в рамках диплома. И все, мы про него забываем» (муж., 43 г., к. биол. н., Тюмень).

Помимо желания и мотивации студентов, на самоидентификацию ННР с ролью научного наставника оказывает влияние и его собственная мотивация к наставнической деятельности. Один из наших респондентов сформулировал в своем ответе практически все грани смыслов участия ННР в научном наставничестве:

«В первую очередь – это привлечь в науку свежую, новую кровь, потому что, действительно, ну, нехорошая ситуация в стране с этим складывается. Во вторую очередь – это чтобы дальше шло развитие научной школы, кафедры, факультета. Здесь у меня, наверное, больше какие-то альтруистические начала. Я это делаю не для себя, а для чего-то. Для меня же лично такой интерес. Прежде всего, ты сам в этом процессе развиваешься неплохо, потому что невозможно знать все, а тебе все равно так или иначе приходится что-то новое изучить, что-то новое узнать. И опять же это достаточно интересный опыт. А главное, наверное, все-таки студенту показать, что наука может быть интересной, это может быть классно и что здесь ничего страшного нет и это нужно просто делать!» (жен., 38 л., к. ист. н., Санкт-Петербург).

Третий парадокс, который мы зафиксировали в своем исследовании, – *отсутствие четких критериев успешности, эффективности и результативности научного наставничества при высоком уровне значимости данной профессиональной роли.* В случае с научным руководством такие критерии и показатели существуют. Результаты труда научного руководителя можно количественно измерить, оценить по формальным показателям и индикаторам, что позволяет включить научное руководство в систему стимулирования (например, материально поощрить студента за победу в конкурсе научных работ). Для научных руководителей важны количество публикаций, грантов и другие метрики научного прогресса, которые могут улучшить их репутацию и карьерные возможности. Заметим, что программы наставничества на предприятиях реального сектора также имеют четкую систему показателей эффективности, описание результатов наставнического сопровождения, временные рамки¹.

В случае с научным наставничеством ситуация иная: его успешность, результативность и эффективность оцениваются через взаимную удовлетворенность наставника и студента своим взаимодействием, иногда – через факт привлечения студента после окончания вуза в академическую среду, через субъективную оценку роста научной культуры и компетентности студентов. В подтверждение высказанного тезиса приведем скрипт из одного интервью:

«Для меня наставничество – это источник вдохновения, это когда я открываю в студентах какие-то новые грани. Мне важно, чтобы они для себя это открывали, что они не только могут на пары ходить, задания выполнять. Что есть еще и другое... что они могут показать, что они сами по себе чуть больше, чем просто студенты, они еще и исследователи... Как научный руководитель я более строго и ответственно отношусь к действиям молодого исполнителя. А как научный настав-

¹ Стандарт наставничества. URL: https://cmrp.ru/uploads/nastav_paper.pdf?ysclid=lwt0u6pbfo517031935 (дата обращения: 30.05.2024).

ник сглаживаю возникшие «шероховатости» в отношениях и в значительной мере поддерживаю стремление молодых исследователей в их карьерном росте и заинтересованности в общих исследованиях... Считаю, институт наставников ближе к общественно полезной деятельности, направленной в большей мере на воспитание у студентов качественного отношения к научной деятельности и, самое главное, – их мотивации к работе...» (муж., 75 л., д. техн. н., Екатеринбург).

В интервью были озвучены самые различные критерии, по которым научные наставники оценивают свой труд. Их трудно классифицировать, привести к единому знаменателю, поскольку все они имеют субъективную природу и значимость.

Обратим внимание на то, что связь, сопряженность ролей научного руководителя и научного наставника в реальном взаимодействии с наставляемыми проявляется в том, что руководитель может испытывать неудовлетворенность от качества работы с подопечным даже при успешном выполнении студентом «контрольных точек». Научный руководитель, соответствующий характеристикам, научного наставника, видит потенциал студента, ему хочется, чтоб этот потенциал был максимально реализован. Поскольку это происходит не всегда, неудовлетворенность, более того – взаимная неудовлетворенность и взаимные обиды выступают мощным демотивирующим фактором для наставнической деятельности. В этой связи один из наших респондентов отметил:

«Я стремлюсь к тому, чтоб студенты услышали сами себя и выбрали ту тему, которая им интересна... потому что чаще всего так они и показывают хорошие результаты... Однако эта работа [прим. наставническая] неблагодарная в чем-то, потому что бывают случаи, когда я неудовлетворена... Ты пытаешься достучаться до студента, даже предлагаешь кучу вариантов встреч (онлайн, ночью), все что угодно, да. А студенты не пользуются этими возможностями. И потом, в дальнейшем появляются какие-то обиды. Да еще они перекладываются на научного руководителя: мол, он не помог, не предостерег, не исправил что-то вовремя и так далее...» (жен., 40 л., к. филол. н., Омск).

Выявленный парадокс подтверждает гипотезу не только об эмоциональной природе академического труда [26], которая в полной мере проявляется в научном наставничестве, но и об особой силе морально-нравственных оснований в слабо формализованных сегментах академической среды [24].

Заключение

Сопоставление профессиональных ролей научного наставника и научного руководителя актуализировано необходимостью концептуализации содержания академической профессии в современных условиях развития российских вузов. В последние годы исследователи высшей школы вполне обоснованно продвигают идеи расширения репертуара профессиональных ролей ННР и их гибридизации (сопряжения тех видов

деятельности, которые трудно сочетаются по разным основаниям). На этом фоне исследование содержания двух традиционных видов профессиональной деятельности НПП – образовательной и научно-исследовательской – выглядит на первый взгляд тривиальным, поскольку наука о высшей школе в XX в. уже внесла огромный вклад в разработку этой тематики.

Тем не менее кризис научно-педагогического сообщества российских вузов подтверждает тот факт, что при нерешенности внутренних проблем этого сообщества новые цели и задачи не могут быть достигнуты. К внутренним проблемам можно отнести кадровое воспроизводство, сохранение престижа академической профессии и привлекательности вузовской науки, сохранение морального этоса «академии» и преемственности поколений. Исследование профессиональных ролей научного руководителя и научного наставника студентов первых уровней высшего образования (бакалавриата и магистратуры) вносит небольшой, но важный вклад в теоретическую и прикладную разработку этого проблемного вопроса отечественной высшей школы.

Анализ содержания, функций, морально-нравственного измерения профессиональной роли научного наставника, реализуемой в повседневных практиках взаимодействия со студентами, возвращает нас к первичным смыслам академической профессии – «учить и исследовать». При этом в роли наставника эти два смысла соединяются в одно целое. Проведенное нами исследование актуализирует еще один смысл академической профессии – учить и исследовать в условиях академической свободы. Он входит в противоречие с бюрократической логикой развития современных вузов. Высокий уровень формализации всех видов профессиональной деятельности НПП, включая образовательную и научно-исследовательскую, накладывает свой отпечаток и на институт научного руководства, снижая его эффективность и ограничивая функциональные возможности научного воспитания молодого поколения вузовских исследователей и преподавателей.

В этом плане функциональной и востребованной становится профессиональная роль научного наставника, реализуемая в слабо формализованном пространстве академической среды, плохо поддерживаемая институциональными структурами университетского управления и, возможно, потому сохраняющая свой потенциал для продуктивного взаимодействия разных поколений «академиков». Знание наставнического ресурса и понимание его значения для подготовки студентов, формирования у них высокого уровня научно-исследовательской культуры, для возможностей самореализации НПП и «точек» приложения их интеллектуального, социального и культурного капитала необходимо как для самого научно-педагогического сообщества, так и для университетского управления.

Проведенное исследование позволило не только получить новые данные, подтверждающие дифференциацию и усложнение академической профессии в связи с новыми направлениями деятельности в вузах, но и обозначить дальнейшие направления исследования научного наставничества. Первое направление может быть посвящено углублению представлений о возможностях реализации научного наставничества во всей полноте его функций, ролей, смыслов в условиях различных моделей управления.

В том числе научное наставничество может быть осмыслено социологически с позиций концепций традиционного централизованного и распределенного управления научно-исследовательской деятельностью в вузе. К необходимости такого фокуса подводит наше исследование, показавшее, что потенциал научного наставничества может быть раскрыт только в условиях доминирования горизонтальных отношений, принципов академической свободы, восприятия студентов как партнеров «взрослой» вузовской науки.

Второе направление, тесно связанное с первым, может быть посвящено поиску и обоснованию таких мер поддержки научного наставничества, которые могли бы сформировать в вузах корпус научных наставников, объединенных в профессиональные автономные сообщества. Представляется важным социологическое изучение условий создания и функционирования наставнических сообществ, имеющих, с одной стороны, легитимный статус в структуре вузов, с другой стороны, имеющих самоорганизующийся характер. Опыт зарубежных вузов подсказывает эффективность такого подхода к поддержке научных наставников и их деятельности. В то же время этот опыт мало изучен и требует своего осмысления и адаптации к российским условиям. На наш взгляд, реализация таких исследований позволит расширить представления о процессе идентификации научно-педагогических работников российских вузов с профессиональной ролью научных наставников.

Библиографический список

1. Абрамов Р. Н., Быков А. В. Профессиональная этика как объект социологического исследования: между социологией морали и социологией профессий // Вестник РУДН. Социология. 2018. Т. 18. С. 747–764. № 4. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-747-764.

2. Абрамов Р. Н., Груздев И. А., Терентьев Е. А. Рабочее время и ролевые напряжения сотрудников современного российского университета // Вопросы образования. 2017. № 1. С. 88–111. DOI: 10.17323/1814-9545-2017-1-88-111; EDN: YHZCSN.

3. Амбарова П. А., Шаброва Н. В. Институциональные модели научного наставничества над студентами российских вузов: организационно-управленческие аспекты // Университетское управление: практика и анализ. 2023. Т. 27. № 3. С. 5–16. DOI: 10.15826/umpra.2023.03.019; EDN: SYZBBK.

4. Артамонова М. В. Конфликт поколений: Университеты в поиске путей выхода из кризиса в условиях меняющегося мира // Межкультурный диалог и вызовы современности: другость и инаковость в своем и родном. Орел: Модуль-К, 2019. С. 396–403. EDN: KSSNIN.

5. Горшков М. К., Шереги Ф. Э., Тюрина И. О. Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 383 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023; EDN: DMQCRN.

6. Другова Е. А. Природа конфликта администраторов и научно-педагогических работников в российских университетах // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 2. С. 72–82. DOI: 10.15826/umpra.2018.02.018; EDN: XOTLSX.
7. Другова Е. А., Андраханов А. А. и др. Профессиональный рост молодого ученого: дефицитные ресурсы поддержки // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 2. С. 144–154. DOI: 10.15826/umpra.2017.02.028; EDN: YRORWF.
8. Кон И. С. Социология личности. М.: Политиздат. 1967. 383 с. EDN: SXVMIR.
9. Кочухова Е. С. Академическая профессия глазами преподавателей // Вопросы образования. 2020. № 2. С. 278–302. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-2-278-302; EDN: ONLAXW.
10. Мкртчян Е. Р. Воспроизводство научно-педагогических кадров в вузах России как система: состояние, проблемы и перспективы функционирования. Волгоград: ВолГУ– ф-л РАНХиГС, 2018. 304 с. EDN: OQIXFM.
11. Мухортова В. Н. Особенности социологического подхода к понятию «профессиональная идентичность» // Социум и власть. 2015. № 3. С. 9–13. EDN: UBFNAZ.
12. Немировский В. Г., Невирко Д. Д. Социология человека: от классических к постнеклассическим подходам. М.: URSS; ЛКИ, 2008. 302 с. EDN: QOHVLZ.
13. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академ. проект, 2002. 880 с.
14. Пищик В. И., Гаврилова А. В., Сиврикова Н. В. Стили межпоколенного педагогического взаимодействия преподавателей и студентов разных поколенческих групп // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 3. С. 245–264. EDN: XDNJNN.
15. Прокофьев А. В. Научное руководство и академическое наставничество // Ведомости прикладной этики. 2019. Вып. 53. С. 25–44. EDN: ZARELZ.
16. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с. EDN: SWYNQU.
17. Ронжина Н. В. Научное наставничество в процессе формирования универсальной компетенции «системное и критическое мышление» // Прогнозирование профессионального будущего молодежи в условиях цифровой экономики. Екатеринбург: РГППУ, 2020. С. 126–130. EDN: IXTFSSU.
18. Строгецкая Е. В., Бетигер И. Б. Вовлечение студентов в науку в фокусе социологического анализа // Дискурс. 2024. Т. 10. № 1. С. 56–72. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-56-72; EDN: MCMEKD.
19. Федоров А. А., Илалтдинова Е. Ю., Фролова С. В. «Конвенция поколений» в новом мире образования // Высшее образование в России. 2018. № 7. С. 28–39. DOI: 10.31992/0869-3617-2018-27-7-28-38; EDN: XUAQOD.

20. Шеремет Е. П. Мораль ученых и научный этос: ревизия концепций и новый подход // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 3. С. 110–127. DOI: 10.24412/2079-0910-2021-3-110-127; EDN: IMCCLP.

21. Шуклина Е. А., Певная М. В., Широкова Е. А. Адаптационный потенциал преподавателей «серебряного возраста» в условиях трансформации высшего образования // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 1. С. 146–169. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-1-146-169; EDN: GPLSHG.

22. Dolgaleva E. Emotional labour of university teachers in the context of academic capitalism: therapeutic ethos and communication norms and practices with students (case study of two universities) // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22. № 1. С. 79–90. DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-1-79-90.

23. Maloshonok N., Terentev E. National barriers to the completion of doctoral programs at Russian universities // Higher Education. 2019. Vol. 77. No. 2. P. 195–211. DOI: 10.1007/s10734-018-0267-9; EDN: ZKHPMY.

Получено редакцией: 31.05.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Амбарова Полина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления

Шаброва Нина Васильевна, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления

Кеммет Елена Викторовна, старший преподаватель кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.14

Scientific Supervisor and Scientific Mentor: Updating Old Roles and Meanings¹

Polina A. Ambarova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

p.a.ambarova@urfu.ru

ORCID: 0000-0003-3613-4003

Nina V. Shabrova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

n.v.shabrova@urfu.ru

ORCID: 0000-0002-5694-1040

Elena V. Kemmet

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

elena.kemmet@urfu.ru

ORCID: 0000-0003-3967-8153

¹ Acknowledgements. The research was carried out at the expense of the RSF grant no. 23-28-01291.

For citation: Ambarova P. A., Shabrova N. V., Kemmet E. V. Scientific Supervisor and Scientific Mentor: Updating Old Roles and Meanings. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 282–302. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.14; EDN: FNGWGX.

Abstract. This article examines the development of the scientific mentoring institute in Russian universities. The authors assume that it should be based on scientific ideas about the content and features of the professional roles of a scientific supervisor and a scientific mentor. Despite all the similarities, these roles of research and teaching staff correspond to different functional areas of their activities with their own set of tasks, results, and features of interaction with students. The purpose of this article is to compare the professional roles of a scientific mentor and a scientific supervisor of undergraduate and graduate students for the purpose of updating the meaning of mentoring activities in the field of university research work. The subject of the analysis is the features of the professional role of a student's scientific mentor. Their presence substantiates the independent nature of mentoring activities and "legitimises" it in the role repertoire of research and teaching staff of universities. The empirical basis of the article is the materials of semi-structured interviews with research and teaching staff of Russian universities, conducted within the framework of an all-Russian study (n=30, 2024). The interpretation of the empirical data is based on the theoretical provisions of the sociological theory of roles, the theory of social identity, the concept of professional morality and ethics. The study not only substantiates the differences in the functional content of professional roles and everyday practices of a supervisor and a mentor, but also reveals the paradoxes of the professional identification of supervisors and mentors, the moral and ethical dimension of their activities. It is shown that the features of the prescriptions, expectations and performance of their roles by supervisors and mentors are manifested in the degree of formality of their rights, duties and responsibilities, the level of individualisation and the nature of the temporal organisation of interactions with students. The practical significance of the results obtained is associated with the possibility of developing university programs to support mentors as key actors in involving students in the academic profession and university science. The role differences between a scientific mentor and a scientific supervisor allow us to further specify the management requirements for different types of professional activity of scientific and pedagogical workers, as well as optimize their resource support. The practical significance of the study for academic workers is to obtain grounds for self-assessment of their readiness for the professional role of a scientific mentor and to determine the areas of professional responsibility associated with this role.

Keywords: scientific mentoring, scientific supervisor, professional roles, professional identification, professional ethics, research work of students

References

1. Abramov R. N., Bykov A. V. Professional ethics as an object of sociological research: between the sociology of morality and the sociology of professions. *Vestnik RUDN. Sociologiya*, 2018: 18 (4): 747–764 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-747-764.
2. Abramov R. N., Gruzdev I. A., Terentyev E. A. Working hours and role tensions of employees of the modern Russian University. *Voprosy obrazovaniya*, 2017: 1: 88–111 (in Russ.). DOI: 10.17323/1814-9545-2017-1-88-111; EDN: YHZCSN.
3. Ambarova P. A., Shabrova N. V. Institutional models of scientific mentoring of students of Russian universities: organizational and managerial aspects. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2023: 27(3): 5–16 (in Russ.). DOI: 10.15826/umpa.2023.03.019; EDN: SYZBBK.
4. Artamonova M. V. Generational conflict: Universities in search of ways out of crisis in a changing world. In *Intercultural dialogue and the challenges of modernity: otherness and otherness in one's own and native*. Orel, Modul-K, 2019: 396–403 (in Russ.). EDN: KSSNIN.
5. Gorshkov M. K., Sheregi F. E., Tyurina I. O. Reproduction of intellectual labor specialists: a sociological analysis. Moscow, FNISC RAN, 2023: 383 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-413-0.2023; EDN: DMQCRN.
6. Drugova E. A. The nature of the conflict between administrators and scientific and pedagogical workers at Russian universities. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2018: 22(2): 72–82 (in Russ.). DOI: 10.15826/umpa.2018.02.018; EDN: XOTLSX.
7. Drugova E. A., Andrakhanov A. A. et al. Professional growth of a young scientist: scarce support resources. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, 2017: 21(2): 144–154 (in Russ.). DOI: 10.15826/umpa.2017.02.028; EDN: YRORWF.
8. Kon I. S. *Sociologiya lichnosti [Sociology of personality]*. Moscow, Politizdat, 1967: 383 EDN: SXVMIR.
9. Kochukhova E. S. Academic profession through the eyes of teachers. *Voprosy obrazovaniya*, 2020: 2: 278–302 (in Russ.). DOI: 10.17323/1814-9545-2020-2-278-302; EDN: ONLAXW.

10. Mkrtchyan E. R. Reproduction of scientific and pedagogical personnel in Russian universities as a system: state, problems and prospects of functioning. Volgograd, VolIU – f-l RANHiGS, 2018: 304 (in Russ.). EDN: OQIXFM.
11. Mukhortova V. N. Features of the sociological approach to the concept of “professional identity”. *Socium i vlast'*, 2015: 3: 9–13 (in Russ.). EDN: UBFNAZ.
12. Nemirovskiy V. G., Nevirko D. D. Sociologija cheloveka: ot klassicheskikh k postneklassicheskim podhodam [Human sociology: from classical to post-non-classical approaches]. Moscow, URSS, LKI, 2008: 302 (in Russ.). EDN: QOHVLZ.
13. Parsons T. O strukture social'nogo dejstvija [On the structure of social action]. Moscow, Academ. proekt, 2002: 880 (in Russ.).
14. Pishik V. I., Gavrilova A. V., Sivrikova N. V. Styles of intergenerational pedagogical interaction between teachers and students of different generational groups. *Rossiiskij psihologicheskij zhurnal*, 2016: 13(3): 245–264 (in Russ.). EDN: XDNJNN.
15. Prokofiev A. V. Scientific guidance and academic mentoring. *Vedomosti prikladnoj etiki*, 2019: 53: 25–44 (in Russ.). EDN: ZARELZ.
16. Samoreguljacija i prognozirovanie social'nogo povedenija lichnosti: dispozicionnaja koncepcija [Self-regulation and forecasting of social behavior of a personality: a dispositional concept]. Moscow, CSPM, 2013: 376 (in Russ.). EDN: SWYNQU.
17. Ronzhina N. V. Scientific mentoring in the process of formation of universal competence “systemic and critical thinking”. Forecasting the professional future of youth in the digital economy. Yekaterinburg, RGPPU, 2020: 126–130 (in Russ.). EDN: IXTFSSU.
18. Strogetskaia E. V., Betiger I. B. Student involvement in science in the focus of sociological analysis. *Diskurs*, 2024: 10(1): 56–72 (in Russ.). DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-56-72; EDN: MCMEKD.
19. Fedorov A. A., Ilaltdinova E. Yu., Frolova S V. “The Convention of generations” in the new world of education. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2018: 7: 28–39 (in Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2018-27-7-28-38; EDN: XUAQOD.
20. Sheremet E. P. Morality of scientists and scientific ethos: revision of concepts and a new approach. *Sociologiya nauki i tekhnologii*, 2021: 12(3): 110–127 (in Russ.). DOI: 10.24412/2079-0910-2021-3-110-127; EDN: IMCCLP.
21. Shuklina E. A., Pevnaya M. V., Shirokova E. A. The adaptive potential of teachers of the “silver age” in the context of the transformation of higher education. *Obrazovanie i nauka*, 2020: 22(1): 146–169 (in Russ.). DOI: 10.17853/1994-5639-2020-1-146-169; EDN: GPLSHG.
22. Dolgaleva E. Emotional labour of university teachers in the context of academic capitalism: therapeutic ethos and communication norms and practices with students (case study of two universities). *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*, 2024: 22(1): 79–90. DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-1-79-90.
23. Maloshonok N., Terentev E. National barriers to the completion of doctoral programs at Russian universities *Vysshee obrazovanie*, 2019: 77(2): 195–211. DOI: 10.1007/s10734-018-0267-9; EDN: ZKHPMY.

The article was submitted on: May 31, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Polina A. Ambarova, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Technology of Public Administration

Nina V. Shabrova, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Technology of Public Administration

Elena V. Kemmet, Senior Lecturer at the Department of Sociology and Technology of Public Administration

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.15
EDN: DKCUDX

Кинематограф как предмет социологической рефлексии: анализ научных публикаций

Ссылка для цитирования: Левченко Н. В., Роговая А. В. Кинематограф как предмет социологической рефлексии: анализ научных публикаций // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 303–323. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.15; EDN: DKCUDX.

For citation: Levchenko N. V., Rogovaya A. V. Cinema as a Subject of Sociological Reflection: Analysis of Scientific Publications. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 303–323. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.15; EDN: DKCUDX.

Левченко Наталья Валерьевна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

natalya_levchenk@mail.ru

SPIN-код: 7346-0433

Роговая Анастасия Владимировна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

av_rogovaya@mail.ru

SPIN-код: 6314-9767

Аннотация. В статье представлен анализ публикаций, посвященных кинематографу в ведущих социологических журналах, начиная с 1976 г. по настоящее время. Цель исследования заключается в выявлении социологической интерпретации трансформации отечественного кинематографа в ретроспективе, а также основных тенденций в развитии российской социологии кино. В ходе анализа научные публикации были систематизированы по годам и направлениям исследований, что позволило четче определить актуальные проблемы киноведения. Начиная с советского периода киноиндустрия рассматривалась социологами с точки зрения взаимодействия «кино-зритель», как средство пропаганды, репрезентации и решения практических задач. Исследования проводились в рамках анализа статистики кинопроката, а также мотивов и факторов выбора фильмов зрителями. Зафиксировано, что авторы фокусировались на количественных исследованиях, касающихся преимущественно тематики посещаемости кинотеатров, их репертуара и зрительского спроса. Часть работ опиралась на сравнительный анализ с зарубежными исследовани-

ями, отмечая нехватку междисциплинарных исследований в отечественной социологии кино. Вместе с тем как в советский период, так и позднее практически не выявлено работ, посвященных региональному кинематографу, в том числе этническому, история которого начинается в первой половине XX в.

В настоящее время ученые отмечают, что несмотря на возрождение федерального кино, оно все еще не отвечает запросам общества, не становится тем видом искусства, которое формировало бы национальную культуру. Наблюдается нехватка теоретического и методологического анализа социологических исследований, особенно с применением качественных методов, значения кино для российского общества. Представляется актуальным дальнейшее изучение вопросов кино как искусства. Также следует искать ответы на вопросы, какие функции сейчас оно несет и/или должно нести, каковы перспективы социологических исследований в рамках развития регионального кино. Анализ исследований в области киноведения позволит выдвинуть новые проблемно-предметные поля социологии кино в контексте современных вызовов.

Ключевые слова: социология кино, социологические журналы, российское кино, региональное кино, единство и разнообразие

Кино, являясь неотъемлемой частью массовой культуры, рассматривается как объект исследования и как дополнительный источник познания не только искусствоведами, антропологами, культурологами и т. п., но и социологами. Вместе с тем социология кино до настоящего времени занята изучением основных этапов его становления. Анализируя общественное значение кино на основе социологических исследований, мы можем увидеть различные стороны общественной жизни, отраженные учеными в своих работах, раскрыть взаимосвязь кинематографа и общества, социальные проблемы прошлого, настоящего и будущего. Погружение в работы исследователей-социологов, посвященные кино, является не только ключом к пониманию специфики современного российского кинематографа, но может подсказать и новые социологические категории, необходимые для выявления нюансов общественной жизни и помочь в формировании новых гипотез, которые позволят объяснить некоторые социальные тенденции.

Социологические исследования являются одним из основных аспектов изучения кинематографа, так как именно они могут фиксировать и осмыслить его трансформацию. Посредством анализа различных трудов данного направления можно выявить значение кино как общественного явления, которое, с одной стороны, отвечает зрительскому запросу, с другой – формирует общество, его культуру и ценности. Таким образом, кинематограф можно рассматривать и как своего рода «зеркало» социальных трансформаций, и как средство управления ими. При этом цель нашего исследования заключается не столько в том, чтобы изучить развитие и становление социологии кино как науки (т. к. этой теме уже посвящен ряд исследований), сколько проследить на материале научных публикаций, какой научный дискурс вызывает кинематограф, как влияет на социологическую рефлексия, и, – шире – какие общественные функции выполняло

кино в определенные исторические периоды. Возникает также закономерный вопрос: все ли было зафиксировано исследователями в рассматриваемые периоды? Какие темы не были затронуты социологами?

Анализ исследований позволяет выявить социологические интерпретации трансформации кинематографа в ретроспективе. Как отмечает М. И. Жабский, советские исследователи изучали кинопроизводство еще в начале 1920-х – 1930-е гг. и ставили перед собой задачи содействовать политическому просвещению масс, приблизить кино к рабочему и крестьянскому зрителю, способствуя становлению нового, советского кинематографа [21]. С конца 1930-х по 1950 гг. социологические исследования практически не производились и возобновились только в 1960-е гг. [11]. Тогда при Союзе кинематографистов СССР начинает функционировать «Совет по изучению зрителя» (1963), а с 1970-х гг. исследования были направлены преимущественно на решение практических задач (число посещений, субъективные, мотивационные и поведенческие аспекты), выявлялись показатели статистики, проводился анализ данных по кинопрокату и т. п. И к 1970–1980 гг. появился целый ряд киносociологических исследований, основной акцент которых был сделан на прикладные и эмпирические задачи. Вместе с тем возникла проблема, связанная с возможностью публикации полученных научных результатов, когда «исследовательская работа ведется, однако в печати она освещается мало» [21, с. 110].

Одной из немногих площадок, где социологи могли поделиться своими исследованиями, стал журнал «Социологические исследования» (выпускающийся с 1974 г.). На его страницах исследователи публиковали результаты своих трудов, рассматривая кинематограф с разных ракурсов: во взаимосвязи кинопродукта и аудитории, влияние экономической, политической ситуации того времени на кинопроизводство и многое другое.

Значительный вклад в развитие социологии кино внесли исследования сотрудников бывшего научно-исследовательского института киноискусства Роскомкино, а также труды ученых других институтов.

В настоящее время, по нашему мнению, кинематограф исследуется социологами преимущественно во взаимосвязи с анализом истории развития кино или анализом содержания фильмов. Отдельно поднимается проблема отсутствия четкой методологии, которая зачастую связана «со сложностью систематизации инструментов, применяемых при анализе фильма», в связи с национальной спецификой, различным временным диапазоном, киноведческими традициями, множеством подходов и разнообразными алгоритмами разборов фильмов [29].

В рамках данной работы проведен детальный обзор подходов к исследованию кино в разные периоды времени и предложены методы проведения исследований в области социологии кино. В качестве объекта исследования выступают публикации, посвященные кинематографу, как документальные источники социологической информации. Их анализ основан на выявлении дискурсов по данной тематике, в том числе методологических и методических подходов в исследовании кинематографа. В ходе изучения публикаций мы в первую очередь обращали внимание на те тенденции,

которые ученые фиксировали в кинематографе, а также на влияние политического и экономического положения в стране. Анализируемые труды были сгруппированы в хронологическом порядке, что позволило выявить, с одной стороны, наиболее актуальные направления изучения кинематографа, с другой – темы, которые оказались вне фокуса внимания исследователей.

Советский период (1970–1989 гг.)

В советский период кино имело большое значение не только как отдельный вид искусства для просвещения масс, но и как инструмент агитации, имеющий идеологические и воспитательные функции. И кино – как средство пропаганды, стало отправной точкой в социологических исследованиях. В первых работах по данной тематике рассматривались в основном подходы, касающиеся изучения влияния СМИ на аудиторию, привлекательности информации и использования кино как средства массовой пропаганды. Выделяется компенсаторная функция кино (замещение мечты, утопии, мифы, фантастика), «теория шока» (кино, вызывающее сильные потрясения, переживания), а также эстетический подход (обучение восприятию фильма), который применялся не только в зарубежном, но и советском опыте [52]. В это же время внимание исследователей сосредотачивается и на зарубежной «массовой культуре», носящей развлекательный характер, тем самым деформируя восприятие обществом социальных проблем.

Кроме того, исследования были направлены на выявление факторов и мотивов выбора кино. Ученые отмечали, что основными факторами, влияющими на просмотр фильма, выступали страна-производитель фильма (а для советских фильмов – название студии), состав актеров, а среди мотивов выделялись в первую очередь содержание кино (а именно экранизация книги или театральной постановки), желание отвлечься от повседневных забот и влияние общественного мнения [14; 21]. Отдельно проводились исследования детской и подростковой аудиторий [38].

В конце 1970-х гг. все четче назревает проблема снижения посещаемости кинотеатров, в этой связи появляются публикации, где авторы акцентируют внимание на причинах указанной тенденции. Во многом это было связано с возрастающим влиянием телевидения [21]. Отмечается изменение в характере распределения потенциальной аудитории: с одной стороны, остался значительный процент активно посещающих кинотеатры, с другой – увеличилось число «равнодушных» к кинематографу [12].

В советский период в социологии кино наблюдается существенный поворот к анализу кинопроката и его статистики. При этом анализ показал, что в 1970-е и начале 1980-х гг. доля советских фильмов была все еще существенной в отечественном кинопрокате, и кино воспринималось зрителями как элемент серьезного искусства наравне с художественной литературой. Кинотеатр же рассматривался как место коллективного восприятия произведения киноискусства (сближение кино и традиционного театра), и вообще «место встречи», значимая точка общественного пространства.

Смягчение цензуры к 1970-м гг. привело к тому, что в советский кинопрокат начинают поступать зарубежные картины, причем не всегда хорошего качества. Губительность назревающей тенденции, связанной с проблемой низкого качества иностранных фильмов, не могли обойти ведущие исследователи в области социологии кино.

Одним из первых на проблему *вестернизации и американизации кинематографа* обратил внимание М. И. Жабский. На основе анализа тенденций в американском кинопроизводстве и кинопрокате, он отметил основную цель современной киноиндустрии: получение прибыли за счет привлечения внимания посредством возбуждения негативных эмоций (секс, суицид, расовые предрассудки и т. п.) и демонстрации человеческих изъянов [20]. Ориентация зарубежных фильмов на поверхностные темы без какого-либо смысла, уход от социальной проблематики в сторону удовлетворения рекреационных потребностей привели к тому, что кино постепенно перестает существовать как искусство и начинает восприниматься как способ развлечения.

Перестроечный период

Изменения в государственной политике, произошедшие в период Перестройки сказались также и на советском кино. С точки зрения социологов, «производственные темы» начали терять свою актуальность и перестали соответствовать действительности [55; 24]. По мнению С. Л. Шумакова, все больше в советских фильмах стало показана доминирования личных интересов над коллективными, страха потерять «место». Взамен образа положительного героя, «положительной модели жизни» приходит «прогрессивный эгоизм, захватывающий человека» [55, с. 130]. Размышляя над фильмом «Покаяние» (1984, реж. Т. Абуладзе), Л. Г. Ионин (через метафоры и образы) увидел в кино противопоставление массовости функционирования общества (образ общественной структуры – унификация, бюрократизация) индивидуальности (многообразие, творческая, инициативная и т. п. личность). По мнению социолога, меняется общество, где правда заведомо мыслится за большинством, а индивидуальности (в т.ч. индивидуальные группы – национальные, профессиональные, социальные) уничтожаются [26].

В работах этого периода нами не были выявлены публикации, посвященные региональному кинематографу. Между тем еще в 1920–1930-е гг. в стране начали создаваться региональные киностудии, которые занимались производством документальных, научно-популярных и художественных фильмов. Такие фильмы выполняли значимую просветительскую функцию, отражали жизнь, историю и быт различных этносов, знакомили народы друг с другом, способствуя утверждению идей международной солидарности и дружбы. Новые киностудии открывались и в позднесоветский период, однако производимый ими кинопродукт как источник познания жизни и быта населения разных регионов страны не

освещался в социологических журналах. Можно предположить, что в тот момент СССР воспринимался единым культурным пространством, когда не выделялись этническая принадлежность, национально-культурные различия регионов [1]. Как отмечают исследователи, в стране «не существовало организации, которая открыто, последовательно и целенаправленно занималась бы поддержкой и популяризацией этнографического кинопроизводства, развитием соответствующих областей знания» [8, с. 75].

Вместе с тем, именно в регионах в 1950–1960-х гг. открывались любительские киностудии при институтах, заводах, вузах, которые зачастую создавались местными энтузиастами¹; развивалось дублирование и субтитрование фильмов на языках народов СССР². Такие любители кино (синефилы) и активисты представляли особую группу кинодеятелей, которых можно отнести к актерам, ключевым элементам общества советской эпохи.

Следует отметить и влияние такого значительного фактора советского периода, как активная включенность государственного и партийного руководства и в научную жизнь, и в развитие кинематографа (финансирование, контроль содержания кинопродукта). В перестроечный период данная вовлеченность существенно ослабевает и кинематограф содержал в себе уже новую мысль: уход от построения «неправильного» общества в сторону чего-то нового и прогрессивного – рыночного капитализма западного образца (в публичном дискурсе и общественном мнении эта мысль стала доминирующей только с 1989 г.).

Статьи по кино постсоветского периода (с 1990-х по 2000-е гг.)

Период 1990-х гг. был ознаменован переходом к рыночным отношениям, что отрицательно отразилось на социальных институтах, в том числе и на отечественной киноиндустрии. На первый план вышли финансовые интересы, когда стремление к прибыльному вложению капитала доминировало над содержательным наполнением кинокартин и их эстетикой. Кино переключилось на удовлетворение рекреационных потребностей общества, наблюдается все больший разрыв между режиссером и зрителем. Активно внедряются капиталистические, американские культурные ценности, в результате чего у социологов встал вопрос: а нужно ли вообще российское кино? Наряду с этим сохранялась тенденция критического отношения к советскому периоду, однако все больше укреплялась идея, что капитализм не оправдывает ожиданий [22, с. 72].

Анализ социологических исследований кино позволил выделить следующие основные темы, актуальные для 1990-х гг.: *вестернизация и американизация, эротика и насилие, уход от отечественных фильмов и взаимосвязи «кино-зритель»*.

¹ В Уральском политехническом институте // Советский экран. 1957. № 13.

² Советская кинотехника за 40 лет // Советский экран. 1957. № 22.

Несмотря на присутствие зарубежного кино в России с 1920–1930х гг., когда будущие кинорежиссеры направлялись на стажировку в Европу и Америку для знакомства с зарубежным опытом, киноэкспансия тогда не угрожала отечественной культуре. К 1990 гг. ситуация изменилась: интернационализация свелась к вестернизации, а дальше к американизации, к смене эстетических направлений и зависимости от Голливуда [18].

Общая экономическая обстановка в стране, падение платежеспособности населения, отсутствие поддержки со стороны местных властей и пр. привело к тому, что кинотеатры были вынуждены приспосабливаться к новым условиям и «выживать» за счет привлечения посетителей любым способом (открытие ларьков, киосков и пр.) [6]. Устранение монополии государства на закупку, коммерциализация и либерализация общественной жизни сказались и на выборе зарубежных фильмов. Ориентируясь в первую очередь на спрос аудитории, в кинопрокате большую часть занимали иностранные развлекательные фильмы (независимо от качества и содержания фильма), которые приносили основную долю прибыли.

Учитывая это, ряд публикаций был посвящен *смене жанров и содержания кинофильмов*. Американские и западноевропейские фильмы стали каналом внедрения в российское общество новых культурных ценностей, что повлияло на изменение ценностного содержания российской кинопродукции. По мнению И. А. Полуэхтовой, в 1990-х гг. наблюдается циркулирование двух потоков массовой культуры: американская и «американизированная» российская кинопродукция, «далекая от российских национальных истоков» и национальной культуры [36].

Отдельный интерес социологов вызвала *тема эротики и насилия*, которая стала доминирующим направлением на экране. Продолжая тенденцию «ориентации на Запад», К. А. Тарасов анализировал зарубежные исследования на тему воздействия порнографии и насилия на кинозрителя, где несмотря на возможное положительное влияние указывается, что демонстрация насилия сказывается на ухудшении криминогенной обстановки в обществе, особенно среди подростков [44; 42]. Данные жанры хоть и отпугнули зрителей из числа семейных пар и интеллигенции, они стали наиболее востребованными среди молодежи [27; 39; 10], поскольку это уже было новое поколение с иными запросами.

Исследователи акцентируют внимание и на *изменении функций детского кино*. Так, если кино для детей предыдущих десятилетий было источником познания, «несло четкую социально-политическую ориентацию, внедряя в сознание и поведение подрастающего поколения ясные ориентиры» [27], то в 1990-е гг. детские предпочтения в кино нивелируются: фильмы становятся источником развлечения и веселья, часто привлекая ярким образом киногероя, острыми ощущениями, историями о пути к успеху и счастью в жизни, надеждой на лучшее [10]. Отсутствие в иностранных фильмах социальных ролей, образа семьи, обилие актов насилия и мести, культ силы и денег становятся не вымыслом, а действительностью для юного зрителя («фактором повседневности» 1990-х) [39]. Кино пере-

стает быть высоким искусством, источником познания жизни и культуры, «формирующим духовный мир и эстетические вкусы людей» [40], становясь специфическим способом коммуникации между «элитой» и «массами» конкретного общества, продуктом социального взаимодействия, в котором «активно участвует и массовая публика» [9]. Зарубежное кино, создающее имидж другой нации, «не формирует у отечественного зрителя чувства идентичности со своей культурой, своим народом, судьбой своего общества» [18].

Анализ рассмотренных публикаций позволяет сделать вывод, что в 1990-е гг. социологи указывали на необходимость анализа взаимодействия «кино-зритель», а также причин, породивших раскол аудитории на «верных» отечественному кино и «потерянных». Именно отсутствие взаимосвязи кино и зрителя, по мнению исследователей, стало одной из главных причин кризиса российского кинематографа и кинопроката, в результате чего произошло «вымывание» из киноаудитории образованных людей, интеллигенции, молодых семей с детьми [21; 8; 6].

Следующая тенденция, которую мы зафиксировали – это изучение попыток *возрождения отечественного кино*, в том числе за счет финансовой поддержки со стороны государства, квотирования налогообложения зарубежного кинопоказа [9; 18], проведение исследований по изучению потребительского видеорынка (покупка и прокат видеокассет) и т. п. [47].

Публикации советского и постсоветского периодов были ориентированы в первую очередь на количественные исследования (изучение посещаемости, репертуара и потребительского спроса), без следования определенным теоретико-методологическим подходам в данной области. Один из немногих примеров качественного исследования – это тактика кейс-стади, осуществленная И. А. Полуэхтовой, которая в рамках зондажного исследования проанализировала социальные ценности, распространяемые посредством кинофильмов [36]. Часть работ основывалась на сравнительном анализе с зарубежными исследованиями (история вестернизации, влияние насилия в кино на молодежь и пр.), тем самым показывая нехватку междисциплинарных исследований в отечественной социологии кино.

И хотя кинематограф в стране находился в кризисном положении, в некоторых субъектах РФ (прежде всего этнических республиках) зарождалась локальная киноиндустрия, отражающая процесс автономизации, конструирование своей идентичности, поиск «собственного лица», а также формирование интереса к этническому самоопределению [31]. Как показали результаты исследования публикаций, социологические журналы эту тему не затрагивали. На наш взгляд, подробный анализ трансформаций, происходящих в кинематографе важен, так как «российский кинематограф представляет собой многонациональное явление, развивающееся под влиянием процессов формирования национальной идентичности и этнического своеобразия» [16, с. 148].

Кинематограф в социологических журналах в 2000–2015 гг.

Анализируя публикации 2000–2015 гг. отметим, что за этот период отечественный кинематограф лишь косвенно упоминался в различных научных статьях. И хотя в начале 2000-х гг. правительство организовало целый ряд мероприятий по выводу отечественной киноотрасли на самоокупаемость, ставило вопрос об ограничении показа зарубежных фильмов в кинотеатрах (что не было принято), федеральное кино пришло в упадок надолго. На первый план вышли проблемы преступности, наркомании, бедности и проституции, все большую популярность получает *гендерная тематика*. Как отмечали социологи, в зарубежных фильмах особенно выделяются гендерные типы, которые пользовались у российских зрителей успехом (культ «мачо», «новый русский» среди мужчин; деловые, с изначально высоким соцстатусом у женщин) [56]. Изучая тему *насилия*, исследователи выделяют наличие взаимосвязи между склонностью к просмотру сцен насилия и агрессивным поведением подростков и юношей в повседневной жизни [17], а интеллигенция перестала посещать кинотеатры из-за неинтересного репертуара [3; 32].

Отдельно исследователи указывали на социальную безответственность частного (коммерческого) телевидения (показ кино и сериалов, дающих рейтинги; уменьшение числа культурно-просветительских, научно-популярных и детских программ). Авторы отмечали, что наблюдалось раздражение от зарубежных фильмов, поднимался вопрос о нехватке российских и советских фильмов, в частности о «жизни простых людей» [53], «своих» историях, традиционных семейных ценностях [33].

Высвечивалась проблема *ухода кино от традиционного нравственного и эстетического воспитания*. Сохраняется актуальность вопросов влияния современного, в том числе зарубежного кино, на молодое поколение [48; 4]. Отмечено, что происходит снижение уровня общекультурной осведомленности молодежи, смена типов самоидентификации в результате межпоколенческих различий, незнания «многих деталей истории общества и культуры, ведущее в конечном счете к упрощенному восприятию сложных исторических процессов и постепенно сводящее на нет потребность в размышлении над историей» [4]. Распространение различных молодежных субкультур, подверженность острым ощущениям, особенно среди молодежи, способствовало распространению таких жанров кино, как ужасы и хоррор. При этом А. А. Хвостов акцентирует внимание на положительном характере фильмов ужасов, отмечая их роль в отражении острых социальных проблем общества на определенном историческом отрезке [51]. Российский кинематограф того времени, как полагают многие авторы, стал «ретранслятором постмодернистских установок в массовом сознании» и принял характер «массового эстетического бедствия», где на первый план выходит развлечение («отказ от реальности») [50].

Изучая публикации более молодых ведущих социологических журналов, таких как «Социологический журнал», «Мир России», «Мониторинг общественного мнения», можно отметить, что в них практически отсутствуют работы, касающиеся непосредственно анализа кинематографа. В этих журналах тема кино косвенно поднимается при рассмотрении вопросов визуальной социологии и социальной семиотики, в том числе методологии и методов в исследовании визуального материала (на примере контент-анализа кинотекста) [54; 45; 7].

Несмотря на небольшое количество публикаций по социологии кино за рассматриваемый период отметим, что социологические журналы старались освещать данную тему. Все чаще встречаются публикации, основанные на качественных методах сбора первичной информации, позволившие содержательно «раскрыть значимые особенности и закономерности общества, его культуры и структуры, деятельности социальных институтов и групп (и акторов)» [7]. Отдельно поднимается тема культурных кодов, которые могут быть выражены через набор высказываний, визуальное восприятие, художественные образы и т. п. [45]. Сохраняется актуальность вопросов влияния современного российского и зарубежного кино на молодое поколение, снижения уровня общекультурной осведомленности молодежи [48; 4].

Кино сегодня в социологических журналах (с 2016 по настоящее время)

Указом Президента Российской Федерации от 07.10.2015 г. № 503 2016 г. был провозглашен Годом российского кино, однако российский кинематограф после этого не пережил очевидного подъема, хотя количество публикаций социологов по теме кинематографа несколько возросло. Во многом отсутствие должного развития отечественного кинематографа, по мнению ученых, было связано, с одной стороны, с наличием многочисленных средств массовой коммуникации (ТВ, Интернет, социальные сети), каждый из которых стимулировал активность потребителей, привлекая и удерживая внимание аудитории [30]. В таком потоке информации стало сложно осуществить ее селекцию, отделить подлинные ценности и шедевры от некачественного и бесполезного «информационного мусора» [13]. С другой – с сохранением приоритета фильмов зарубежного производства, почти что монопольным положением Голливуда. Главным направлением в кинематографе стало прибыльное вложение капитала в кинопроизводство и удовлетворение рекреационной потребности общества [19]. Это отразилось в исследованиях жанров фильмов, а также их содержательного наполнения. По мнению ученых, именно спрос на остросюжетное кино и демонстрацию физического насилия делают ее наиболее экономически выгодным элементом фильма, и это позволяет не обращать внимания на низкое качество сюжета, слабость актерской игры, отсутствие какой-либо социально значимой темы [43].

Возникают новые темы, например, изучение тенденций, связанных с развитием *информационного общества*. По мнению М. М. Назарова, наличие новых интернет-площадок, социальных сетей способствовали расширению выбора, необходимости индивидуального решения в части кинопотребления. Благодаря такой «демократизации информационной сферы» происходит рост возможностей выражения различных культурных образцов [34].

Делается попытка обратить внимание на важность *социологии кино*. М. И. Жабский и К. А. Тарасов, изучая историю становления данной междисциплинарной области, выделяют пять волн развития российской социологии кино, указывают, что после распада СССР наступила пятая «постсоветская-волна» [23]. С этого периода зрители перестают быть объектами воспитательно-просветительского воздействия и превращаются «в активных потребителей продуктов массовой культуры» [24]. Все больше превалируют статистический анализ в исследованиях, направленный на выяснение параметров аудитории и факторов успеха фильмов. При этом, как отмечает Б. Степанов, российские исследователи, в отличие от зарубежных, «по-прежнему в значительной степени руководствуются теоретическими и методологическими ориентирами 1960–1970 гг., когда кино рассматривалось как исполнительное искусство» [40], а не как репрезентативная картинка [2].

В ведущих социологических журналах рассматриваются теоретические аспекты социологии кино, актуализируются вопросы *визуальной социологии, интеграции социологического и семиотического знания*, изучение киноматериалов через наблюдение и интерпретацию, речевые акты и телесное поведение [38; 5; 48]. Представляют интерес предложенные Е. В. Денисовой-Шмидт прикладные возможности использования теории лакун в киноведении. Автор отмечает, что лакуны – это «пробелы, белые пятна на семантической карте языка, текста или культуры, которые «незаметны ни изнутри, ни при рассмотрении одного языка, текста или культуры, но выявляются при их сопоставлении», тем самым позволяют выделить «определенные межкультурные различия, возникающие при столкновении двух и более языков и культур» [15, с. 170–171]. Теория лакун, по нашему мнению, может быть применена при сравнении кинокартин, снятых по мотивам романа, повести или рассказа, с их первоисточником, при сопоставлении перевода (субтитров) кинотекста с оригиналом (зачастую, именно в этнических фильмах, по отзывам кинозрителей, осуществляется неполный перевод, что может помешать раскрыть смысл сказанного), а также при выявлении «киноляпов» в части несоответствия действительности той или иной местности, культуры или образа жизни.

Изучается кинотекст как специфический опыт реконструкции «социальной памяти», своеобразная креативно-художественная форма целостного осмысления социально-политической реальности [25]. Киноматериал становится интересным и для изучения социальных институтов и социальных взаимодействий, социально-политического порядка (например, по киносериалу «Игра престолов») [28; 35].

В этот период выходят работы, где кинематограф рассматривается с новых ракурсов – как региональное и этническое кино. Поднимается тема неравенства в киноиндустрии, выражающееся в доминировании на экранах (и индустрии в целом) представителей расового и/или этнического большинства при отсутствии или слабой представленности расовых и этнических меньшинств [46].

Обзор публикаций показал, что, с одной стороны, превалирование коммерческих интересов продюсеров над общественными интересами приводит к тому, что понятие кино как части культуры теряется, становясь дисфункциональной прерогативой. Между тем благодаря финансовой поддержке российского кино в рамках государственной политики, направленной на сохранение культурного наследия и исторической памяти, отмечается улучшение атмосферы вокруг отечественного кино за счет производства кинофильмов об исторических событиях и личностях («Сталинград», «Легенда», «Викинг» и др.).

С другой стороны, социологами отмечается необходимость возобновления освещения традиций, культурного наследия, этнического и этнографического разнообразия нашей страны в российском кино. В настоящий момент в социологических журналах практически не поднимается тема региональных фильмов, осмысление которых может помочь в решении вопроса о возрождении именно самобытного массового отечественного кинематографа, которое может стать «эффективным инструментом формирования национальной идентичности» [16, с. 42].

Выводы

Большинство рассмотренных нами публикаций были тесно переплетены друг с другом, одни работы являлись продолжением предыдущих и тем самым осуществляли постепенное и закономерное приращение научного знания, в той сфере, которая, казалось бы, не являлась мейнстримом в социологической науке ни в XX в., не является им и в текущем.

В ходе исследования были выявлены определенные ценности и установки, транслирующиеся через кинематограф, определено как общественные трансформации отражались не только на конечном кинопродукте, но и на индустрии в целом. На примере исследования социологических работ, посвященных изучению кинематографа, зафиксирована четкая взаимосвязь политической, экономической и социальной трансформации общества с развитием кинематографа и осмыслением его учеными.

Анализ публикаций позволил двояко посмотреть на тенденции в социологических исследованиях кинематографа. С одной стороны, явно прослеживаются изменения в изучении социологами киноиндустрии, когда в разные отрезки времени вслед за предметом менялся фокус и интерпретация результатов исследований. К примеру, по трудам социологов можно увидеть тенденции влияния зарубежного кино на общественное сознание, пропаганду «прогрессивного эгоизма» и т. п.

С другой стороны, было зафиксировано, что социологические исследования кинематографа основывались преимущественно на количественных методах сбора первичной информации, качественные же появляются лишь к середине 2010-х гг. Кроме того, рассмотренные публикации, за редким исключением, не включали теоретико-методологическую часть.

Вместе с тем, недостаток внимания к социологии кино (как отдельному направлению в социологии), не говорит о том, что как у аудитории, так и у исследователей совсем нет интереса к данной теме. Благодаря тому, что в последние годы в федеральный прокат активно внедряются региональные, авторские фильмы, которые освещают острые социальные проблемы и транслируют ценности, в том числе те, которые являются наследием советской эпохи, все больший интерес наблюдается к изучению именно локальных и этнических фильмов, зачастую учеными того региона, где они произведены.

На основе анализа развития социологических исследований в области кинематографа, представляется актуальным изучение и осмысление современных региональных кинокартин, в том числе этнических. Анализ региональных (этнических) кинокартин может способствовать выявлению не только социальных проблем, характерных для того или иного региона/этноса, но и культурно-языковых вопросов, современного значения религии и верований (шаманизм, язычество). Кроме того, региональный кинематограф вполне можно рассматривать как некий индикатор, фиксирующий развитие интереса к вопросу идентичности.

Таким образом, проведенный нами анализ помог обратить внимание на необходимость изучения не столько содержательного посыла региональных, этнических фильмов (что тоже немаловажно), сколько значения региональной/этнической киноиндустрии для населения региона, для молодежи и общества в целом. Представляется актуальным качественное исследование (глубинные интервью, фокус-группы) восприятия киноаудиторией, особенно молодежью, регионального кино, а также мотиваций и взглядов самих производителей фильмов. Важно выяснить: какие смыслы и образы «считывает» зритель, что мотивирует региональных режиссеров выпускать фильмы, связанные со своим регионом, какие перспективы и проблемы они видят в развитии как регионального, так и российского кино в целом.

Библиографический список

1. Аксенова О. В. Единое пространство институтов и ценностей // Социокультурные основания советского модерна / Отв. ред. О. В. Аксенова. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 300 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-397-3.2022.

2. Адельфинский А. Создавая героя... смеясь над паяцами? Репрезентация спорта и физкультуры в советском кино после олимпийского разворота в политике // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 4. С. 108–136. DOI: 10.17323/1728-192X-2020-4-108-136; EDN: WXZWMV.

3. Анашкина Г. П. Досуг интеллигенции в Ульяновске // Социологические исследования. 2001. № 12. С. 97–102. EDN: VIVRMZ.
4. Андреев А. Л. Студенты о кино // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2006. № 4. С. 40–50. EDN: РСУСРВ.
5. Баньковская С. Видеосоциология: теоретические и методологические основания // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 2. С. 129–166. DOI: 10.17323/1728-192X-2016-2-129-166; EDN: WITRMV.
6. Богданова А. Л., Провоторов В. А. Кинотеатр как социокультурный полигон досуга // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 88–92.
7. Богданова Н. М. «Визуальная социология» – новая наука или особый угол зрения? // Социологический журнал 2012. № 3. С. 67–79. EDN: PELCIT.
8. Васильева В. О., Трушкина Е. Ю. Этнографический фильм в позднем СССР: к постановке проблемы // Исторический курьер. 2022. № 5(25). С. 72–91. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-5-6; EDN: YZCBDP.
9. Войковский М. И. Как защитить отечественную кинокультуру // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 106–112.
10. Глотов М. Б. Студенчество и кинематограф // Социологические исследования. 1996. № 8. С. 75–83.
11. Горшков М. К. Социология в России: становление и развитие // Социологическая наука и практика. 2017. № 2(18). С. 7–29. DOI: 10.19181/snsr.2017.5.2.5147; EDN: YSPEUN.
12. Горюнов С. П. Факторы, влияющие на посещаемость кинотеатров // Социологическая наука и практика. 1979. № 3. С. 133–135.
13. Гофман А. Б. Слишком быстро?! Культура замедления в современном мире // Социологические исследования. 2017. № 10. С. 141–150. DOI: 10.7868/S0132162517100166; EDN: ZNGYOH.
14. Давтян С. А. О влиянии предварительной информации на выбор фильма мире // Социологические исследования. 1977. № 1. С. 105–107.
15. Денисова-Шмидт Е. В. Прикладные аспекты применения теории лакун // Мир России. Социология. Этнология. 2023. № 32(3). С. 167–179. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-3-167-179; EDN: LBFRLF.
16. Дорощук Е. С., Байрактар М. Х. Исторические аспекты и динамика развития национального кинематографа регионов России в контексте этнодокументалистики (на материале Республики Татарстан) // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 5(107). С. 144–149. DOI: 10.23670/IRJ.2021.107.5.092; EDN: GZOECZ.
17. Дроздов А. Ю. «Агрессивное» телевидение: социально-психологический анализ феномена // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 62–67.
18. Жабский М. И. Вестренизация кинематографа: опыт и уроки истории // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 25–35.

19. Жабский М. И. Кинопроизводство в постсоветской России: семь факторов инвестиционного риска // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 127–137. DOI: 10.7868/S0132162518040141; EDN: XNBKLLJ.
20. Жабский М. И. Социальная драма американского кинематографа // Социологические исследования. 1983. № 4. С. 148–153.
21. Жабский М. И. Социология кино: опыт и проблемы // Социологические исследования. 1977. № 4. С. 102–110.
22. Жабский М. И. Социокультурная драма кинематографа // Социологические исследования. 1994. № 4. С. 69–74.
23. Жабский М. И., Тарасов К. А. Российская социология кино в контексте развития общества // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 73–81. DOI: 10.31857/S013216250007449-6; EDN: KBDGIO.
24. Жабский М. И. Российское кино – особенности движения вверх // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 149–158. DOI: 10.31857/S013216250009395-7; EDN: EHNYYUL.
25. Иванов Д. И. «Долг» советского человека: опыт реконструкции понятия (на материале кинотекста) // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 105–114. DOI: 10.31857/S013216250008498-0; EDN: FPXCLR.
26. Ионин Л. Г. И воззовет прошедшее (размышления социолога о новом фильме Т. Абуладзе) // Социологические исследования. 1987. № 2. С. 62–72.
27. Иосифян С. А., Петровский В. А. Кинематограф: детский и подростковый зритель // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 83–88.
28. Кильдюшов О. Социальный порядок и политическая теология в «Игре престолов»: чем культовый сериал интересен для теоретической социологии // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 1. С. 139–159. DOI: 10.17323/1728-192X-2020-1-139-159; EDN: TPNOIA.
29. Кожокару Т. И. К вопросу о методологии анализа фильма // Артикульт. 2021. № 4(44). С. 118–148. DOI: 10.28995/2227-6165-2021-4-118-148; EDN: QJYINC.
30. Коломиец В. П. Социология массовой коммуникации в обществе коммуникационного изобилия // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 3–14. DOI: 10.7868/50132162517060010; EDN: YTMFLN.
31. Левченко Н. В., Роговая А. В. Особенности кинематографа российских регионов: конструирование социальных смыслов // Артикульт. 2023. № 4(52). С. 72–86. DOI: 10.28995/2227-6165-2023-4-72-86; EDN: HRGBFQ.
32. Митрошенков О. А. Пространство российской духовной культуры: испытание переменами // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 37–46. EDN: OOUVQZ.
33. Мищенко В. А. Образ семьи в СМИ // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 137–141.

34. Назаров М. М. Современная медиасреда: разнообразие и фрагментация // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 54–64. DOI: 10.31857/S013216250000762-1; EDN: YCNEMX.

35. Пискунова Л., Янков И. Структура повествования и постклассическая реальность в фэнтези-саге Дж. Р. Р. Мартина «Песнь льда и пламени» и киносериале «Игра престолов» // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 1. С. 193–208. DOI: 10.17323/1728-192X-2020-1-193-208; EDN: RARYSC.

36. Полуэхтова И. А. Американские фильмы на российском экране // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 113–119.

37. Попова К. Исследования визуального в этнометодологии // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 212–232. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-212-232; EDN: YTHMIIH.

38. Ресенчук М. С. Подросток у телевизора // Социологические исследования. 1980. № 4. С. 109–112.

39. Рондели Л. Д. «Киноменю» школьников // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 92–94.

40. Рондели Л. Д. Почему не устраивают юных зрителей российские фильмы? // Социологические исследования. 1997. № 4. С. 136–138.

41. Степанов Б. «Comingsoon?»: социология кино и культурный поворот // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 4. С. 152–177. DOI: 10.17323/1728-192X-2020-4-152-177; EDN: SKLPQG.

42. Тарасов К. А. От насилия в кино к насилию «как в кино»? // Социологические исследования. 1996. № 2. С. 35–41.

43. Тарасов К. А. Репрезентация насилия в киноиндустрии // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 65–73. DOI: 10.31857/S013216250000799-1; EDN: YCNENF.

44. Тарасов К. А. Эротическое кино: PRO & CONTRA // Социологические исследования. 1994. № 4. С. 64–68.

45. Тищенко Н. В. Мифологизация тюремной субкультуры в советском кинематографе: анализ двух кинотекстов // Социологический журнал. 2011. № 4. С. 54–68. EDN: PWIOHN.

46. Тхакахов В. Х. Нереальность «экранной» реальности: конструирование этнического однообразия в современном российском кино // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 82–89. DOI: 10.31857/S013216250007458-6; EDN: WKSEJG.

47. Ульянова М. Связующие звенья в системе распределения в киноотрасли: кино- и видеопрокат // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 1. С. 53–56. EDN: HTLU DJ.

48. Федоров А. В. Права ребенка и насилие на экране // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2004. № 2. С. 87–95. EDN: PCTDNR.

49. Фомин И. В., Ильин М. В. Социальная семиотика: траектории интеграции социологического и семиотического знания // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 4. С. 123–141. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6822; EDN: XXBLEY.

50. Хагуров Т. Д. Постмодернизм в поле массовой культуры // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 125–130. EDN: ICAJLT.

51. Хвостов А. А. Отражение социальных проблем общества в фильмах ужасов // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 117–121. EDN: OJFEYD.

52. Чубайс И. Б. Я. Коблевская. Пропаганда и воспитание. Очерки в средствах массового воздействия. Варшава, 1974, Издат: Институт Центрального совета профессиональных союзов, 280 с. // Социологические исследования. 1976. № 4. С. 224.

53. Шариков А. В. Социальная безответственность телевидения в России // Телефорум. 2005. № 2. С. 137–140.

54. Шмерлина И. А. Семиотическая концепция социальности: постановка проблемы // Социологический журнал. 2006. № 3–4. С. 25–45. EDN: PCNMED.

55. Шмидт В. Р., Шуршин К. В. Массовая и элитарная культуры в зеркале гендерного подхода // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 58–64.

56. Шумаков С. Л. Производственная тема в кинематографе 70–80-х годов // Социологические исследования. 1986. № 3. С. 128–136.

Получено редакцией: 30.09.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Левченко Наталья Валерьевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра изучения регионов России

Роговая Анастасия Владимировна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра изучения регионов России

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.15

Cinema as a Subject of Sociological Reflection: Analysis of Scientific Publications

Natalia V. Levchenko

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

nataya_levchenk@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9052-7900

Anastasia V. Rogovaya

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

av_rogovaya@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7982-3696

For citation: Levchenko N. V., Rogovaya A. V. Cinema as a Subject of Sociological Reflection: Analysis of Scientific Publications. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 303–323. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.15; EDN: DKCUDX.

Abstract. This review article is based on the question of the importance of the sociology of cinema as a separate direction in sociological science. In this regard, the article analyses publications devoted to cinema in leading sociological journals from 1976 to the present. The purpose of the study is to identify the sociological interpretation of the transformation of Russian cinema in retrospect, as well as the main trends in the development of Russian sociology of cinema. During the analysis, scientific publications were systematised by year and research areas, which made it possible to more clearly define the current problems of film studies. Starting from the Soviet period, the film industry was considered by sociologists from the point of view of the interaction “cinema-spectator”, as a means of propaganda, representation and solving practical problems. The studies were carried out within the framework of the analysis of film distribution statistics, as well as based on the motives and factors of film selection by viewers. It was recorded that the main emphasis of the authors was on quantitative studies, mainly concerning the topics of cinema attendance, their repertoire and audience demand. Some of the works were based on a comparative analysis with foreign studies, noting the lack of interdisciplinary research in the domestic sociology of cinema. At the same time, both in the Soviet period and later, there were practically no works devoted to regional cinema, including ethnic cinema, the history of which began in the first half of the 20th century.

Currently, scientists note that despite the revival of federal cinema, it still does not meet the needs of society, does not become the kind of art that would shape the national culture. There is a lack of theoretical and methodological analysis of sociological research, especially with the use of qualitative methods, on the importance of cinema for Russian society. Further study of the issues of preserving and understanding cinema as an art seems relevant. It is also necessary to look for answers to the questions of what functions it currently carries and / or should carry, what are the alternatives for sociological research in the context of the development of regional cinema. Disclosing the importance of research in the field of film studies will allow us to put forward new problematic and subject fields of the sociology of cinema in the context of current challenges.

Keywords: sociology of cinema, sociological research, Soviet film production, art cinema, regional cinematography

References

1. Aksenova O. V. A single space of institutions and values. In *Sociocultural foundations of Soviet modernity*. Ed. by O. V. Aksenova. Moscow, FNISC RAN, 2022: 300 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-397-3.2022
2. Adelfinsky A. Creating a Hero... Laughing at Clowns? Representations of Sports and Fitness in Soviet Fiction Films after the Olympic U-Turn in Politics. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2020: 19: 4: 108–136 (in Russ.). DOI: 10.17323/1728-192X-2020-4-108-136; EDN: WXXZWMV.
3. Anashkina G. P. Dosug intelligencii v Ulyanovske [Leisure of intellectuals in Ulyanovsk]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2001:12: 97–102 (in Russ.). EDN: VIVRMZ.
4. Andreev A. L. Studenty o kino [Students about the movie]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*, 2006: 4: 40–5 (in Russ.). EDN: PCYCPB.
5. Bankovskaya S. Video-Sociology: Theoretical and Methodological Foundations. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2016: 15: 2: 129–166 (in Russ.). DOI: 10.17323/1728-192X-2016-2-129-166; EDN: WITRMV.
6. Bogdanova A. L., Provotorov V. A. Kinoteatr kak sociokulturnyj polygon dosuga [Cinema as a socio-cultural polygon of leisure]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1995: 3: 88–92 (in Russ.).
7. Bogdanova N. M. «Vizual'naya sotsiologiya» – novaya nauka ili osoby ugol zreniya? [«Visual sociology» – a new science or a special angle of view?]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, 2012: 3: 67–79 (in Russ.). EDN: PELCIT.
8. Vasilyeva V. O., Trushkina E. Y. Etnograficheskij film v pozdnem SSSR: k postanovke problemy [Ethnographic film in the late USSR: towards the formulation of the problem]. *Istoricheskij kurer*, 2022: 5 (25): 72–91 (in Russ.). DOI: 10.31518/2618-9100-2022-5-6; EDN: YZCBDP.
9. Voykovsky M. I. Kak zashhitit otechestvennyyu kinokulturu [How to protect the domestic film culture]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1994: 10: 106–112 (in Russ.).
10. Glotov M. B. Studenchestvo i kinematograf [Students and cinematography]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1996: 8: 75–83 (In Russ.).

11. Gorshkov M. K. Sociology in Russia: formation and development. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 2017: 2: 18: 7–29 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2017.5.2.5147; EDN: YSPEUN.
12. Goryunov S. P. Faktory vliyayushhie na poseshchaemost kinoteatrov [Factors influencing the attendance of cinemas development]. *Sotsiologicheskaya nauka i praktika*, 1979: 3: 133–135(in Russ.).
13. Gofman A. B. Too fast! The culture of slowing down in the modern world. *Sotsiologicheskije issledovaniya*, 2017: 10: 141–150 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162517100166; EDN: ZNGYOH.
14. Davtyan S. A. O vliyanii predvaritelnoj informacii na vybor filma mire [On the influence of preliminary information on the world's choice of a movie]. *Sotsiologicheskije issledovaniya*, 1977: 1: 105–107 (in Russ.).
15. Denisova-Schmidt E. V. Applied aspects of the application of the theory of lacunas. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*, 2023: 32(3): 167–179 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-3-167-179; EDN: LBFRLF.
16. Doroshchuk E. S., Bayraktar M. H. Historical aspects and dynamics of the development of national cinematography of Russian regions in the context of ethnoculturalism (based on the material of the Republic of Tatarstan). *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, 2021: 5 (107): 144–149 (in Russ.). DOI: 10.23670/IRJ.2021.107.5.092; EDN: GZOEZC.
17. Drozdov A. Yu. «Aggressive» television: socio-psychological analysis of the phenomenon. *Sotsiologicheskije issledovaniya*, 2001: 8: 62–67 (in Russ.).
18. Zhabsky M. I. Vestrenizaciya kinematografa: opyt i uroki istorii [Westrenization of Cinematography: Experience and Lessons of History]. *Sotsiologicheskije issledovaniya*, 1996: 2: 25–35(in Russ.).
19. Zhabsky M. I. Film production in post-Soviet Russia: seven factors of investment risk. *Sotsiologicheskije issledovaniya*, 2018: 4: 127–137 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162518040141; EDN: XNBKLJ.
20. Zhabsky M. I. Socialnaya drama amerikanskogo kinematografa [Social Drama of American Cinematography]. *Sotsiologicheskije issledovaniya*, 1983: 4: 148–153(in Russ.).
21. Zhabsky M. I. Sociologiya kino: opyt i problemy [Sociology of Cinema: Experience and Problems]. *Sotsiologicheskije issledovaniya*, 1977: 4: 102–110 (in Russ.).
22. Zhabskiy M. I. Sociokulturnaya drama kinematografa [Sociocultural drama of cinematography]. *Sotsiologicheskije issledovaniya*, 1994: 4: 69–74 (in Russ.).
23. Zhabskiy M. I., Tarasov K. A. Russian sociology of cinema in the context of society development. *Sotsiologicheskije issledovaniya*, 2019: 11: 73–81 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250007449-6; EDN: KBDGIO.
24. Zhabskiy M. I. Russian cinema – features of upward movement. *Sotsiologicheskije issledovaniya*, 2020: 5: 149–158 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009395-7; EDN: EHNYYL.
25. Ivanov D. I. “Duty” of the Soviet man: the experience of reconstruction of the concept (based on the material of the film text). *Sotsiologicheskije issledovaniya*, 2020: 2: 105–114 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250008498-0; EDN: FPXCLR.
26. Ionin L. G. I vozzovet proshedshee (razmyshleniya sociologa o novomfilme T. Abuladze) [And the past will cry out (reflections of a sociologist on the new movie by T. Abuladze)]. *Sotsiologicheskije issledovaniya*, 1987: 2: 62–72 (in Russ.).
27. Iosifyan S. A., Petrovsky V. A. Kinematograf: detskiji podrostkovyj zritel [Cinematograph: children's and teenage viewer]. *Sotsiologicheskije issledovaniya*, 1995: 3: 83–88 (in Russ.).
28. Kildyushov O. Social Order and Political Theology in the Game of Thrones: What Makes the Cult Series Interesting for Theoretical Sociology. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2020: 19: 1: 139–159 (in Russ.). DOI: 10.17323/1728-192X-2020-1-139-159; EDN: TPHOIA.
29. Kozhocaru T. I. To the question about the methodology of analyzing the film. *Artikult*, 2021: 4(44): 118–148 (in Russ.). DOI: 10.28995/2227-6165-2021-4-118-148; EDN: QJYINC.
30. Kolomiets V. P. Sociology of mass communication in the society of communication abundance. *Sotsiologicheskije issledovaniya*, 2017: 6: 3–14 (in Russ.). DOI: 10.7868/50132162517060010; EDN: YTMFLN.

31. Levchenko N. V., Rogovaya A. V. Features of cinematography of Russian regions: the construction of social meanings. *Artikult*, 2023: 4(52): 72–86 (in Russ.). DOI: 10.28995/2227-6165-2023-4-72-86; EDN: HRGBFQ.
32. Mitroshenkov O. A. The space of Russian spiritual culture: the test of change. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2005: 11: 37–46 (in Russ.). EDN: OOVVQZ.
33. Mishchenko V. A. Image of the family in the media. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014: 6: 137–141 (in Russ.).
34. Nazarov M. M. Modern media environment: diversity and fragmentation. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 8: 54–64 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250000762-1; EDN: YCNEMX.
35. Piskunova L., Yankov I. The Narrative Structure and Postclassical Reality in George R. R. Martin's Epic Fantasy Novels A Song of Ice and Fire and the Television Series Game of Thrones. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2020: 19: 1: 193–208 (in Russ.). DOI: 10.17323/1728-192X-2020-1-193-208; EDN: RARYSC.
36. Poluechtova I. A. Amerikanskiye filmy na rossijskom ekrane [American films on the Russian screen]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1994: 10: 113–119 (in Russ.).
37. Popova K. Ethnomethodological Studies of Visuality. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2017: 16: 3: 212–232 (in Russ.). DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-212-232; EDN: YTHMIH.
38. Resenchuk M. C. Podrostok u televizora [Teenager at the TV set]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1980: 4: 109–112 (in Russ.).
39. Rondeli L. D. «Kinomenyu» shkolnikov [«Movie Menu» of schoolchildren]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1995: 3: 92–94 (in Russ.).
40. Rondeli L. D. Pochemu ne ustraivayut yunyh zritelej rossijskie filmy? [Why young viewers are not satisfied with Russian movies]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1997: 4: 136–138 (in Russ.).
41. Stepanov B. «Coming soon?»: Sociology of Cinema and Cultural Turn. *Sociologicheskoe obozrenie*, 2020: 19: 4: 152–177 (in Russ.). DOI: 10.17323/1728-192X-2020-4-152-177; EDN: SKLPQG.
42. Tarasov K. A. Ot nasiliya v kino k nasiliyu «kak v kino»? [From violence in the movie to violence “as in the movie”?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1996: 2: 35–41 (in Russ.).
43. Tarasov K. A. Representation of violence in the film industry. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 8: 65–73 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250000799-1; EDN: YCNENF.
44. Tarasov K. A. Eroticheskoe kino: PRO & CONTRA [Erotic Cinema: PRO & CONTRA]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1994: 4: 64–68 (in Russ.).
45. Tishchenko N. V. Mythologization of prison subculture in Soviet cinema: analysis of two film texts. *Sotsiologicheskij zhurnal*, 2011: 4: 54–68 (in Russ.). EDN: PWIOHN.
46. Tkhakakhova V. Kh. Unreality of “screen” reality: the construction of ethnic sameness in modern Russian cinema. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019: 11: 82–89 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0132162500007458-6; EDN: WKSEJG.
47. Ulyanova M. Svyazuyushhie zvenya v sisteme raspredeleniya v kinootrasli: kino- i video-prokat [Linking links in the distribution system in the film industry: film and video distribution]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nyeperemeny*, 1999: 1: 53–56 (in Russ.). EDN: HTLUDJ.
48. Fedorov A. V. Prava rebenka i nasiliye na ekrane [Child Rights and Violence on the Screen]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, 2004: 2: 87–95 (in Russ.). EDN: PCTDNR.
49. Fomin I. V., Ilyin M. V. Social semiotics: trajectories of integration of sociological and semiotic knowledge. *Sotsiologicheskij zhurnal*, 2019: 25: 4: 123–141 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6822; EDN: XXBLEY.
50. Khagurov T. D. Postmodernizm v pole massovoy kul'tury [Postmodernism in the field of mass culture]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2007: 9: 125–130 (in Russ.). EDN: ICAJLT.
51. Khvostov A. A. Otrazheniye sotsial'nykh problem obshchestva v fil'makh uzhasov [Reflection of social problems of society in horror films]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2011: 11: 117–121 (in Russ.). EDN: OJFEYD.

52. Chubais I. B. Ya. Koblevsкая. Propaganda i vospitanie. Ocherki v sredstvakh massovogo vozdejstviya [Ya. Koblevsкая Propaganda and Education. Essays in the Means of Mass Influence. Warsaw, 1974, Izdat: Institute of the Central Council of Trade Unions, 280 p.]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1976: 4: 224 (in Russ.).
53. Sharikov A. V. Socialnaya bezotvetstvennost televideniya v Rossii [The social irresponsibility of television in Russia]. *Teleforum*, 2005: 2: 137–140 (in Russ.).
54. Shmerlina I. A. Semioticheskaya koncepciya socialnosti: postanovka problemy [Semiotic concept of sociality: problem statement]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, 1986: 3-4: 25–45 (in Russ.). EDN: PCNMED.
55. Schmidt V. R., Shurshin K. V. Massovaya i elitarnaya kultury v zerkale gendernogo podhoda [Mass and elite culture in the mirror of gender approach]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2000: 7: 58–64 (in Russ.).
56. Shumakov S. L. Proizvodstvennaya tema v kinematografe 70–80-h godov [Production theme in the cinematography of the 70-80s]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1986: 3: 128–136 (in Russ.).

The article was submitted on: September 30, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia V. Levchenko, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Center for the Study of Russian Regions

Anastasia V. Rogovaya, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Center for the Study of Russian Regions

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.16

EDN: NYZOXB

Российский буддизм, традиционные ценности и публичная медиасфера¹

Ссылка для цитирования: *Островская Е. А., Бадмацыренов Т. Б.* Российский буддизм, традиционные ценности и публичная медиасфера // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 324–344. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.16; EDN: NYZOXB.

For citation: *Ostrovskaya E. A., Badmatsyrenov T. B.* Russian Buddhism, Traditional Values, and the Public Media Sphere. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 324–344. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.16; EDN: NYZOXB.

SPIN-код: 6672-8953

Островская Елена Александровна¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

e.ostrovskaya@spbu.ru

SPIN-код: 5847-4109

Бадмацыренов Тимур Баторович¹

¹Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
Улан-Удэ, Россия

badmatsyrenovtb@bsu.ru

Аннотация. Настоящая статья является продолжением опубликованного ранее исследования стратегий русскоязычной буддийской общины в отношении Интернета и новых медиа² и посвящена анализу общественного вклада буддийских гражданских инициатив. Сложность данной темы заключается в ее новизне и крайне слабой изученности сквозь призму социологических методологий. Меж тем, трансформации российского общества в сферах политики, права, образования и религии настоятельно требуют от социологов как новых теоретических рефлексий о релевантности устоявшихся методологий исследований, так и новых прикладных исследований измененной реальности. Аналитической рамкой исследования стала комбинация концепций постсекулярного общества Юргена

¹ Публикация выполнена за счет гранта РНФ № 24-48-03022 «Традиционный буддизм, постсекулярность и общественно-политические процессы в России и Монголии».

² *Островская Е. А., Бадмацыренов Т. Б.* Буддийские цифровые новаторы: русская Тхеравада и транснациональный Дзогчен // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 3. С. 79–106. DOI: 10.19181/vis.2024.15.3.6; EDN: PKBVEW.

Хабермаса и «организационного субстрата» Джулии Бергер. Прикладная часть исследования включила в себя экспертные интервью по теме гражданских буддийских инициатив периода 1990–2020-х гг. и case-study двух буддийских неправительственных организаций – «Фонд содействия сохранению культурных и философских традиций тибетского буддизма» и «Фонд содействия буддийскому образованию и исследованиям». Проведенный анализ позволил выделить идеациональный и партикулярный компоненты организационного субстрата буддийских неправительственных организаций. Идеациональная составляющая организационного субстрата обоих фондов базируется на буддийской регламентации социального действия как нацеленного на обретение благой заслуги и принесения пользы живым существам, очищение сознания. Ключевые векторы гражданской активности российских буддистов-мирян определяются партикуляризмом буддийской модели распространения учения (запрет миссионерства, Учение как Дар проповеди), доктринальной регламентацией социальной деятельности мирян и религиозных профессионалов, партикулярной моделью воспроизводства традиционных ценностей через буддийское образование. Выявленный авторами организационный субстрат позволил авторам изучить основные направления гражданских инициатив российских буддистов. Таковыми, соответственно субстрату, стали создание медианиши традиционного буддизма в публичной сфере российского общества; медиация отношений между традиционным буддизмом и политико-правовой и научно-образовательной подсистемами российского общества. Анализ этапов институционализации буддийских неправительственных организаций показал, что первый этап включил формирование общественной инициативы снизу, второй этап охватил построение долгосрочного диалога с властью по проблеме воспроизводства буддийского образования, а нынешний, третий этап – консолидацию буддийской сангхи в социокультурном и политико-правовом контексте Российской Федерации.

Ключевые слова: постсекулярность, религиозные неправительственные организации, организационный субстрат, российский буддизм, публичная сфера

Актуальная российская общественно-политическая рефлексия о религии официально позиционирует признание вклада христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, являющихся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия в формирование духовно-нравственных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан российского общества. Эта официально позиционируемая рефлексия имеет отчетливое прикладное измерение адресованного российским конфессиям институционального призыва со стороны государства к общественно-политической мобилизации. В официальной риторике этот призыв артикулирован как необходимость в «привлечении институтов гражданского общества, в том числе религиозных организаций, к участию в реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей»¹. В контексте происходящего разворота российской политической системы в сторону сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей особое звучание приобретает тема общественного участия и гражданской организационной активности традиционных религий России.

¹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Буддизм как религиозная традиция глубоко вплетен в социокультурные паттерны российского общества. В течение трех веков российский буддизм накопил богатый опыт соприкосновения с политической и государственной идеологией. В дореволюционной России буддизм был религией «иностранцев», воспроизводя паттерн религиозной идеологии вне широкой публичности. Он был ограничен в своем ценностном влиянии теми регионами православной Российской империи, где проживали традиционно буддийские народы. В советский период разрушения религиозных традиций России буддизм сформировал паттерн подпольного воспроизведения традиции как антитезы атеистической, враждебной любым религиозным ценностям идеологии. В постперестроечном российском обществе буддизм оказался в принципиально новой для себя ситуации: религиозная проповедь, обращение и практика были объявлены легитимными, разрешенными на государственном уровне, но традиция передачи религиозного знания, система буддийских статусов, монастырского образования во многом были утрачены. Инициированный государством в 1990-х гг. проект возрождения традиционных религий России обернулся для буддизма долгосрочным процессом его реинституционализации в условиях постсоветского секулярного общества [2].

Анализ научной литературы по теме гражданских инициатив буддистов обнаруживает крайне скудное освещение проблемы. Исследования проводятся вне социологической оптики и посвящены преимущественно осмыслению «гражданских» проявлений «социально вовлеченного» российского буддизма. Нам представляется методологически необоснованным применение религиозно-политически фундированного концепта «социально вовлеченного буддизма» к прикладному изучению гражданских инициатив российских буддистов. Этот концепт мировоззренчески базируется на реформистских реинтерпретациях буддийской доктрины в целом («новая четвертая колесница» Б. Р. Амбедкара и «14 постулатов буддизма» Тхить Нат Ханя) и был разработан в рамках необуддийских политических движений Азии 1950-х гг. Оба этих религиозно-политических деятеля широко известны своими реформами буддийской доктрины и социально-политическими программами переустройства общества. Так, «основными областями приложения сил этого движения стали: 1) проблемы окружающей среды; 2) проблемы расизма и этнокультурного разнообразия; 3) благотворительная и воспитательная работа с заключенными; 4) женское движение и проблемы гендера». Сам концепт «социально вовлеченного буддизма» был результатом процесса приспособления необуддийских движений Азии к постхристианской политической либеральной доктрине [1, с. 187–190]. Основными методологическими препятствиями к ее использованию нам видится здесь, во-первых, некогерентность этого религиозно-политического концепта историко-культурному паттерну российского буддизма. А, во-вторых, сам концепт «социально вовлеченный буддизм» был сформулирован в реалиях постколониального мира и реформаторских буддийских движений Азии.

Прикладное социологическое исследование общественного соучастия российского традиционного буддизма сопряжено с рядом эпистемических затруднений. В привычной для социолога методологической рамке теорий гражданского общества образцы общественного соучастия буддизма принято искать в сфере участия буддийских объединений в дискурсах о правах человека, благотворительности, помощи нуждающимся, экологической проблематике и интерпретации различных сторон их деятельности в аспекте сходства с правовой, экологической, благотворительной активностью христианских НПО. Результатом такого анализа становится произвольная, а зачастую и просто ошибочная трактовка деятельности буддийских организаций в качестве экологической, благотворительной, политической и т. п.

В нашем исследовании мы поставили цель выявить именно гражданские инициативы, вызревшие в среде российских буддистов в период реинституционализации буддизма в 1990-х – 2020-х гг., оформившиеся организационно и институционально в качестве медиаторов между подсистемой российского буддизма и политико-правовой подсистемой российского общества.

Методология и методы исследования

Аналитической рамкой нашего исследования стали концепция постсекулярного Юргена Хабермаса и концепция «организационного субстрата» Джулии Бергер. Концепция «постсекулярности» объемно представлена в отечественной академической дискуссии о специфике постсекулярных обществ [4].

В методологической части наше исследование опиралось на теоретические тезисы Ю. Хабермаса о постсекулярности как новой эпистемической рамке диалога политической и религиозной систем в постсовременном обществе, как отказе от противопоставления секулярного религиозному. Постсекулярность видится ему как движение политической и религиозной систем навстречу друг другу с некоторыми взаимными ожиданиями. Политическая система постсекулярных обществ допускает гражданскую вовлеченность религий, их присутствие в политической, общественной сферах. Это допущение связано с институциональным ожиданием от религии мотивации и умения говорить на языке, доступном для понимания политической подсистемы общества. Более того, Хабермас отмечает, что «политическая культура может даже ожидать от секулярных граждан, что они приложат усилия к тому, чтобы перевести релевантные вклады в общественные дискуссии с религиозного на публично доступный язык». Со своей стороны, политическая система также включается в этот взаимный «учебный процесс» взаимодействия с религиозной системой [5, с. 108].

Выбор в пользу предложенного Дж. Бергер, американской исследовательницей-религиоведом и теологом, подхода к изучению религиозных неправительственных организаций (РНПО) был продиктован двумя соображениями. Первое – именно Бергер ввела научный оборот понятие «религи-

озные гражданские организации» [6]. Большинство современных исследователей обращаются к использованию введенных ею определения понятия РНПО и концепции «организационный субстрат». Второе – концепция «организационного субстрата» отталкивается в своей методологической части от тезисов о постсекулярности Ю. Хабермаса. Бергер подчеркивает, что в оптике бинарной оппозиции «секулярное – религиозное» общественная и гражданская вовлеченность РНПО опознается социологами исключительно по аналогии с деятельностью светских гражданских организаций. Из анализа выпадает смыслообразующая идеациональная составляющая деятельности РНПО, а соответственно вне понимания остаются причины и содержание гражданской активности этого типа организаций. Бергер подчеркивает, что смыслообразующие и эпистемологические измерения многих нехристианских РНПО составляют «новую рациональность – «контррациональность» – по отношению к преобладающей рациональности, связанной с западными либерально-демократическими концепциями мирового порядка и принимаемой как должное в современном понимании предмета» [7, с. 189].

Религиозные неправительственные организации – это формализованные организации, идентичность и миссия которых являются производными от учений конкретных духовных или религиозных традиций [6]. Этот тип религиозных гражданских организаций формируется на добровольной, некоммерческой, независимой основе в целях обеспечения и реализации коллективно артикулируемых идей об общественном благе на национальном и международном уровнях. Важным в определении Бергер нам представляется указание, что РНПО представляют новую организационную форму внутри традиционных религиозных учреждений. Она подчеркивает, что в большинстве европейских стран РНПО постепенно пришли к пониманию необходимости официальной регистрации в качестве НПО, а это требует рефлексии об определении религии в ее организационном измерении. В своих долгосрочных исследованиях РНПО Дж. Бергер пришла к заключению о непригодности стандартного для социологии и антропологии определения религии как набора верований, ритуалов и форм поклонения. Такое определение фиксирует статичный и неизменный пласт, что не позволяет исследовать религию в контексте историко-культурных и общественных трансформаций. Бергер предложила определять религию как генеративную эпистемологическую основу различных способов познания, бытия и действия. Это позволяет изучить организационное и деятельностное выражения определенных религиозных концепций (элементов субстрата) в историческом контексте, увидеть, как они формировали свою гражданскую активность. Таким образом, принципиальная новизна подхода Бергер состоит в изменении ракурса рассмотрения. Бергер делает предметом исследования религиозные гражданские организации, а не гражданский вклад традиционных религиозных организаций. Концепция «организационного субстрата» позволяет сфокусировать исследование на выявлении и анализе мировоззренческих оснований гражданского участия религиозных неправительственных организаций. Методологической

инновацией концепции «организационного субстрата» является сдвиг внимания исследователя на интерпретацию сущности общественно полезной социальной деятельности, обнаруживаемые в субстрате РНПО.

Понятие «субстрат» Бергер привлекает из биологии и химии и применительно к РНПО предлагает определять как фундаментальные концепции и обязательства, которые составляют «ДНК» организации. Одной из ключевых особенностей субстрата является его генеративность. Бергер подчеркивает, что субстрат не содержит формулы или рецепта модели социальной деятельности, приводящей к предопределенному результату. Субстрат позволяет религиозным организациям гибко реагировать на постоянно меняющиеся общественные и материальные контексты. Таким образом, субстрат составляет концептуальную структуру, в которой кодируются логика и модели поведения, характерные для конкретной организации. Генеративное качество субстрата тесно связано с его ориентацией на эволюцию и изменение. Это имеет центральное значение, поскольку отличает субстрат от связанных с ним понятий «парадигма» и «эпистема».

Принципиально важно, что РНПО, которые идентифицируют себя с одной и той же религиозной традицией, могут иметь не идентичные субстраты. И это смещает фокус исследования внимания с привычной академически сконструированной трактовки религиозной доктрины и поисков ее соответствий секулярному постхристианскому образцу либерально-демократической концепции гражданской активности. Бергер предлагает сконцентрироваться на следующих компонентах субстрата: идеациональные основания, транслируемые в диалоге с изменяющимися историческими и культурными контекстами, внутренние структуры мышления и убеждений, обуславливающие деятельность РНПО; партикуляризм конкретной религиозной системы; отчетливо заявляемые базовые религиозные/идеологические обязательства [7, с. 55]. Определение субстрата РНПО предполагает обнаружение источника авторитета, устанавливающего моральные рамки для работы организации [8, с. 34–35]. РНПО могут иметь четыре типа отношений к источнику религиозной институциональной власти – подчиненные, кооперирующие, независимые или оппозиционные [7, с. 98].

Эмпирическая часть исследования проводилась с помощью качественных методов – экспертного интервью и case-study, в июле-октябре 2024 г. и включила два этапа. С целью отбора репрезентативных кейсов буддийских неправительственных гражданских организаций (далее – БНПО) на первом этапе мы провели анализ сайтов, подкастов и влогов (видеоблогов) буддийских организаций направления гелугпа¹. Фокус на гелугпинских организациях продиктован следующими обстоятельствами. Во-первых, именно это направление было исторически закреплено в России и до сих пор превалирует в Бурятии, Калмыкии, Тыве, Забайкальском крае. Во-вторых,

¹ Гелугпа – одна из четырех основных традиций-школ тибето-монгольского буддизма, основанная выдающимся тибетским буддийским ламой Чже Цонкапой (1357–1419). Характеризуется развитой системой буддийских монастырей, монастырского образования, институтами монашеской дисциплины, особым подходом к сочетанию философской подготовки и религиозной практики. Традиционно распространена в России, прежде всего в Республиках Бурятия, Калмыкия, Тыва, Забайкальском крае, Иркутской области, на Алтае.

наши долгосрочные исследования показали, что в медиатизированной публичной сфере современного российского общества буддизм представлен различными направлениями, но при ведущей роли традиционного для России направления школы гелугпа [9; 10]. Прделанный анализ показал, что в медианише российского буддизма гражданская активность представлена по преимуществу медиапрактиками двух организаций – «Фонд содействия сохранению культурных и философских традиций тибетского буддизма» (далее – Фонд) и «Фонд содействия буддийскому образованию и исследованиям» (далее – ФСБОИ).

Первый – Фонд «Сохраним Тибет» – создан в 2004 г. усилиями группы буддийских энтузиастов и сконцентрирован преимущественно на сохранении и популяризации ценностей тибетского буддизма и традиции школы гелугпа в пределах российской культуры, науки и общества¹. Второй – ФСБОИ – создан в 2022 г. совместными усилиями Института стран Азии и Африки МГУ (ИСАА МГУ), Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН), Централизованной религиозной организацией Ассоциация буддийских общин «Арья Сангха» и Министерством науки и высшего образования Российской Федерации².

Руководствуясь избранной методологической рамкой, в прикладном исследовании мы провели 15 экспертных интервью с руководством обоих Фондов, работающих в них сотрудников, а также поддерживающих их деятельность руководителей буддийских общин. В фокус внимания мы поставили вопросы, позволяющие реконструировать следующие компоненты субстрата РНПО: идеациональные основания гражданской активности в изменяющихся историко-культурных и социально-политических контекстах, внутренние структуры мышления и убеждений; партикуляризм буддизма в аспекте гражданской активности; отчетливо заявляемые религиозные обязательства. Экспертам были предложены вопросы, сгруппированные по четырем тематическим блокам – биографический путь прихода к буддизму; определение эпистемической рамки буддийской гражданской активности и сущности такого рода активности; гражданские практики буддийских РНПО для российского общества; медиа буддийских гражданских активистов.

Формирование субстрата буддийского гражданского участия: идеациональные основания в историко-культурном и политическом контекстах

В публикациях по реинституционализации буддизма в постсоветский период доминирует модель рассмотрения, согласно которой объявленное в 1990-х гг. возрождение буддизма имело своим следствием визиты Его

¹ Подробнее см.: URL: <https://yk.savetibet.ru/about> (дата обращения: 27.10.2024).

² Подробнее см.: Фонд содействия буддийскому образованию и исследованиям. URL: <https://buddhistfund.ru/> (дата обращения: 27.10.2024).

Святейшества Далай-ламы XIV и других буддийских учителей, строительство монастырей и создание учебных заведений, обучение бурятских, калмыцких и тувинских юношей в тибетских буддийских монастырях Индии, распространение буддизма по всем регионам России. Эта в целом верная модель не учитывает содержащийся в буддизме запрет на миссионерство или миссионерство. А в контексте этого доктринального ограничения на распространение буддизма остается абсолютно неочевидным, каким образом традиционный для России буддизм гелугпинского направления в принципе распространился за пределы «своих» этнических субъектов РФ. В равной степени не ясна в такой призма и ситуация с нынешним активным буддийским вторжением в публичные сферы медиа.

Принятие во внимание буддийского канонического запрета на миссионерство представляется нам важным в контексте социологического анализа партикуляризма буддийской традиции в аспекте гражданской активности. Запрет на миссионерство задает общественную и гражданскую рамку распространению буддизма. Согласно каноническим позициям, буддийская проповедь может быть преподнесена только как дар Учения в ответ на просьбу со стороны желающих встать на Путь. Инициатива по распространению доктрины, запрещенная монахам, ложится на плечи мирян. Именно мирянам позволено адресовать свою просьбу о проповеди Учения в конкретном районе, городе или за рубежом в адрес руководства буддийского монастыря или буддийского университета. Отсюда возникают вопросы: кем было инициировано распространение буддизма в России 1990-х – начала 2000-х гг.? Как вообще стали возможными приезды тибетских авторитетных наставников в Россию, перевод на русский язык литературы по доктрине, практике и учениям буддийской школы Гелуг?

В биографическом блоке проведенного авторами экспертного интервью были вопросы об обращении в буддизм и убеждениях, мотивировавших когда-то включиться в буддийскую гражданскую активность. Анализ ответов на эти вопросы позволяет констатировать, что большинство нынешних руководителей и сотрудников обоих фондов и поддерживающих их общин относятся к поколениям родившихся с середины 1950-х до середины 1970-х гг. Их обращение в буддизм пришлось на период реинституционализации буддизма в период 1990–2004 гг. Отличительной чертой того периода было отсутствие каких-либо государственных или политических программ по поддержке буддизма. Насколько можно судить по экспертным интервью, в тот период приезды буддийских авторитетных наставников организовывались исключительно силами групп энтузиастов, буддистов-мирян, желавших воссоздания традиции школы гелуг, традиционной для России. Весьма иллюстративен в этом контексте эпизод интервью с одной из основательниц Фонда, в котором отчетливо разъясняются историко-культурный контекст и идеациональные составляющие общественной буддийской инициативы «снизу»:

«... мы работаем уже четверть века. Вначале мы не работали как зарегистрированный Фонд, это произошло позже. Мы работали как группа заинтересованных людей, которые поддерживали туры тибет-

ских монахов тантрического монастыря Гьюдмед. В течение 10 лет мы занимались исключительно этим. Я родилась в Москве в 1969 г. Это важно <...> если вы будете говорить, скажем, с буддистом нового поколения, кто сегодня приходит в буддизм, там будет другая история. У меня всегда присутствовало желание сделать что-то для других людей, мне казалось, что это правильное использование жизни. Отсюда все наши проекты. Думаю, что все сотрудники Фонда примерно так же думают. Мы в буддизме говорим, что то, что происходит с нами сегодня – это следствие накопленных прежде причин. Если верить в предыдущие рождения, прежде были причины для того, чтобы ты сегодня проводил такую деятельность. Не каждому уже выпадает такая возможность работать с ведущими учителями, должна быть какая-то причина. Видимо, какие-то обещания были даны в прошлой жизни. И эта дорога меня вывела к буддийским учителям Его Святейшества Далай-ламы, а потом и собственно к Далай-ламе» (рук-во Ф-да «Сохраним Тибет», октябрь 2024).

В приведенной цитате респондента отчетливо артикулированы идеациональные составляющие организационного субстрата Фонда – идеи драгоценности человеческого рождения и необходимости ее правильного использования во благо живых существ, закона кармы и заслуг прежнего благого рождения, имевшего своим следствием встречу с великими учителями современности. Насколько можно судить по этому интервью, руководствуясь этими буддийскими установками, группа буддистов-единомышленников добровольно приняла на себя религиозное обязательство способствовать распространению буддийского учения в России. Силами этой группы энтузиастов осуществлялась работа по приглашению крупных буддийских учителей, обеспечение проповеди от самого Далай-ламы XIV в регионах, поездки групп российских буддистов из Бурятии, Калмыкии, Тывы и др. в Индию с целью получения посвящений и буддийских наставлений от Его Святейшества Далай-ламы.

Важно, что в условиях современности распространение и общественное принятие той или иной религии напрямую связано с присутствием информации и дискурса о ней в публичной сфере. Вне прицельной деятельности по созданию буддийского контента в СМИ и медиасфере буддизм едва ли стал бы понятен широкой российской общественности в 1990–2000-х гг. Медиасфера тех лет была сконцентрирована преимущественно на осмыслении, презентации и дискурсе о возрождении православия, религии большинства российского общества. Гражданская инициатива основоположников Фонда была направлена на создание медийного профиля российского буддизма, адресованного широкой общественности. Согласно интервью, значимым компонентом этого направления буддийской гражданской активности стало включение буддизма в публичную сферу российского общества.

Дефицит информации о российском буддизме в публичной сфере мог быть компенсирован только прицельными добровольными вложениями сил заинтересованных энтузиастов. Усилиями единомышленников группы «Сохраним Тибет» был создан одноименный сайт с новостями о тибетском

буддизме, о событиях буддийской реинституционализации в Калмыкии, Бурятии, Тыве. Выступая организаторами визитов Далай-ламы и других буддийских учителей в Россию, они наладили долгосрочные контакты со светскими СМИ (РИА Новости) и разработали регламент презентации в них информации. Таким образом, буддизм и его российские профили оказались внесенными в сферу медиа.

Насколько можно судить по анализу интервью и нашим предшествующим исследованиям этой темы [3], применительно к российскому буддизму следует говорить об очень постепенном, постадийном процессе его медиатизации с 1990-х гг. и вплоть до настоящего периода. В этом процессе совершенно отчетливо можно выделить три стадии. Первая – 1990–2009 гг. – включил появление первых новостных лент о буддизме, буддийских благотворительных издательских проектов, публикацию и внедрение в публичную сферу книг о буддизме на русском языке и создание буддийских бумажных и визуальных медиа (газеты и журналы конкретных российских общин и объединений). Вторая – 2005–2015 гг. – это возникновение форумов, улучшение сайтов дацанов, хурулов, создание пабликов и сообществ в социальных сетях. Третья – 2019–2024 гг. связана с формированием медиамножества буддийских цифровых медиа, т. е. буддийских мобильных приложений, программ о буддизме региональных ТВ компаний, личных блогов и влогов буддийских российских наставников на цифровых платформах. В данном контексте важно, что вхождение буддизма в широкую сферу российской публичности инициировано и неизменно поддерживается именно книжной продукцией о буддизме и новостными буддийскими и секулярными медиа.

В начальном периоде возрождения российского буддизма было крайне мало информации о буддизме, доступной широкой публичности. И это серьезная проблема, с которой столкнулись как буддийские регионы постперестроечной России, так и шире – все те российские граждане, кто хотел практиковать буддизм. Формирование буддийских медиа, их доступность для широкой публичности были инициированы и превращены в регулярную публикационную активность буддистами-мирянами Москвы и Санкт-Петербурга. Так, в период начала 1990-х гг. и по 2009 г. появились первые издательства, специализирующиеся на публикации и распространении буддийских изданий – Нартанг, Уддияна, Ориенталия, издательство «Фонда «Сохраним Тибет»», российская ветка издательства «Шанг-Шунг» и др.¹ Большинство из них возникли благодаря инициативе «снизу» буддийских групп, состоявших из востоковедов, филологов, философов, владевших знаниями по переводу с санскрита, тибетского и других восточных языков и книгоизданию. Активностью российских буддистов-мирян, родившихся и прошедших социализацию вне этнических буддийских регионов, проживавших в крупных российских городах, продвигались также книжные серии по буддизму в таких круп-

¹ Подробный список буддийских издательств с аннотацией опубликованных на русском языке книг по буддизму см.: <https://buddhist-translations.ru/publishers/> (дата обращения: 27.10.2024).

ных издательствах, известных широкой читательской аудиторией, как «Открытый мир»¹ и «София». Так, издательством «София» была выпущена первая русскоязычная серия, включающая книги Далай-ламы XIV и издания о его биографии и жизнедеятельности.

Важно подчеркнуть, что источником авторитета, устанавливающего идеациональные рамки для работы российских БНПО выступала традиция школы гелугпа и личность Его Святейшества Далай-ламы XIV. В большинстве интервью упоминается, что и обращение в буддизм, и добровольное принятие на себя религиозных обязательств по принесению пользы обществу и живым существам были опосредованы встречей с Далай-ламой. Здесь будет уместна цитата-иллюстрация из интервью с одним из руководителей «Фонда содействия буддийскому образованию и буддийским исследованиям», стоявшим также у истоков проекта «Открытый мир», долгие годы бывшим в руководстве издательства «София». В интервью у нас были вопросы о том, какими мотивами руководствовались респонденты в своей гражданской активности по продвижению буддизма, насколько сочетается буддийская доктрина и активное вовлечение в общественную жизнь, в публичную сферу:

«Я стараюсь издавать те книги, которые не противоречили моим установкам, не издаю и не занимаюсь книгами, которые противоречат моим определениям – это первое. Второе, я все-таки стараюсь, чтобы побольше выходило книг, которые действительно несут Дхарму и каким-то образом помогают людям для себя это открыть. Ну и третье, те деньги, которые на этих книгах можно заработать, чтобы они тоже были вложены в какие-то правильные благие дела. <...> буддизм вообще далек от каких-то жестких догм в области повседневной жизни. Да, Будда считал, что путь монаха, он только ведет к освобождению, все остальное, ну, в некоем ортодоксальном буддизме, только подготовка к этому пути. Я не монах, не принимал монашеских обетов и иду по пути мирянина. Путь мирянина, с моей точки зрения, – это прежде всего накопление заслуг благих, если уж так говорить. Они как раз накапливаются в социальной активности, в действии. Можно, конечно, в пещере накапливать заслуги, да, постижением своим, но раз мы здесь, в этой стране, и в этом мире, и в это время, то, наверное, надо действовать в обстановке, исходя из своего буддийского мировоззрения» (рук-во Ф-да содействия буддийскому образованию и исследованиям, сентябрь 2024).

В приведенной цитате содержится определение одной из ключевых ценностных составляющих социальной и гражданской активности буддиста-мирянина – «накопление благих заслуг», улучшающих кармическое следствие. Здесь важно понимать, что концепция «благих заслуг» в буд-

¹ В серии было издано более 200 работ по теории и практике буддизма, йоге, философским и духовным традициям, личностному росту и здоровому образу жизни. Основателем серии был реализован также ряд буддийских издательских проектов в сотрудничестве с издательскими домами «Эксмо», «Рипол-Классик» и «Манн, Иванов, Фербер». Подробнее см.: <https://buddhist-translations.ru/translators/82-alexander-narinyani.html> (дата обращения: 27.10.2024).

дизме составляет ядро ценностно-нормативных ориентиров социальной деятельности мирянина. Благие заслуги, улучшающие кармическое следствие для индивида, – это благие действия, адресованные «трем драгоценностям» – Будде, Дхарме, Сангхе. В число таких заслуг входят практики накопления мудрости (изучение доктрины и практики буддизма), даяния (пожертвования), включающая мирскую активность по содействию укреплению и распространению Дхармы (буддийского Учения), материальному и практическому участию в строительстве монастырей и буддийских ступ, поддержанию жизни буддийской монашеской и монастырской общины и др. Таким образом, упоминаемые в цитате деятельность по созданию и реализации издательского проекта перевода и публикации книг Далай-ламы XIV на русском языке, проекта «Открытый мир» по организации визитов авторитетнейших буддийских тибетских наставников осмыслились как социальная активность по распространению и укреплению Дхармы в России, социальная деятельность, адресованная российскому обществу.

Подводя промежуточный итог анализу субстрата активностей российских БНПО, следует отметить, что развернувшаяся в 1990–2020-х гг. гражданская активность буддистов-мирян по распространению буддизма стала значимым подспорьем возрождению традиционного буддизма в исторических регионах его распространения в России. И в Бурятии, и в Калмыкии, и в Туве ключевыми были проблемы формирования сангхи (общины) монахов, наставников и мирян, построения храмов, монастырей, создания системы буддийского образования. Благодаря сочетанию усилий буддийского духовенства и общественной активности «снизу» – организации учений Далай-ламы XIV и приглашению видных буддийских наставников в Россию, созданию медийной инфраструктуры продвижения буддийского знания в публичную сферу – в течение трех десятилетий, последующих после перестройки, буддизм укреплялся на своих исторических территориях Бурятии, Калмыкии и Тувы, а также обрел последователей по всей России, обогатился новыми ветвями учительских традиций.

Российская постсекулярность: «обучающие процессы» в контексте взаимодействия БНПО и российской политической системы

В контексте нашего исследования буддийского общественного соучастия мы обратили внимание, что большинство буддийских организаций, деятельность которых нацелена именно на гражданский сектор, предпочитают регистрироваться в качестве фондов. Мы адресовали вопрос о цели юридической регистрации и о финансировании напрямую руководителям фондов. Анализ интервью позволяет утверждать, что применительно к российским буддийским НПО официальная (государственная) регистрация была необходима в контексте решения практических задач распространения, закрепления и воспроизводства традиционного буддизма в россий-

ском постатеистическом обществе. Юридический статус «фонд» позволяет легитимно принимать пожертвования и направлять на заявленную уставную деятельность – сохранение и развитие ценностей и знаний тибетского буддизма, исторически закрепленного в России. В интервью с руководителем Фонда в ответе на вопрос о направлениях общественно полезной активности было отмечено, что в течение всего периода своего существования организация ориентировалась на духовное руководство Далай-ламы и его ключевые социальные проекты. Эволюция организационного субстрата Фонда разворачивалась сообразно изменениям историко-культурного контекста реинституционализации буддизма в России в истекшие 30 лет. Так, в 1990–2000-х гг. гражданский вклад Фонда состоял в организационном опосредовании процесса возрождения буддизма в России – создание медийной новостной ниши о буддизме в публичной сфере, обеспечение визитов буддийских наставников, помощи буддийским монастырям в формировании собственной медийной рамки, и т. д. С 2009–2012 гг. Фонд взял курс на создание цифрового контента о традиционном буддизме – это разнообразные интервью с буддийскими учителями, подкасты с трансляциями учительских наставлений, документальные фильмы о выдающихся буддийских ученых, о встречах Калмыкии, Тувы, Бурятии с Далай-ламой и т. д. С 2018 г. добавились два новых тематических направления гражданской активности Фонда. Первое – организация совместных конференций и исследовательских проектов отечественных ученых нейрофизиологов, лингвистов, физиков и крупных буддийских ученых. Второе – проект по переводу буддийского канонического наследия на русский язык.

В большинстве интервью констатировалось, что для буддизма в целом не характерна установка на социальное служение или активное вторжение в социум с целью его улучшения. В данном контексте иллюстративной будет цитата из интервью с руководителем Фонда:

«Мне сразу приходят на ум слова Далай-ламы о том, что буддистам, в широком смысле, действительно есть чему поучиться у христиан, особенно в плане развернутости к обществу, служения обществу. Конечно, такое христианское служение связано с миссионерством, чего в буддизме нет, в буддизме миссионерство практически запрещено. Но Далай-лама часто говорит, что хорошо бы брать пример с христиан, потому что в буддизме нет такого акцента на социальную деятельность. Мне кажется, христианство сосредоточено именно на социальном служении, тогда как буддизм больше направлен на трансформацию личности, на помощь человеку в его пути к внутреннему преобразованию» (рук-во Ф-да «Сохраним Тибет», октябрь 2024).

В приведенной цитате содержится рефлексия о партикулярности буддийского паттерна включенности в общественно полезную деятельность. В отличие от христианства, буддизм не преследует цели социального служения, идеациональной подоплекой которого выступает миссионерство, внедрение христианских ценностей в ткань социальной жизни. В основе буддийской гражданской активности лежат установки бодхичитты, устремления к состоянию Пробуждения на благо всех живых существ.

Способами реализации этих установок выступают буддийское просвещение, укрепление буддийского образования, помощь сангхе со стороны мирян и т. д. Здесь важно, на наш взгляд, проводить четкое различие между регистрацией РНПО в целях миссионирования и регистрацией в целях решения практических задач по воспроизводству исторически закрепленной религиозной традиции.

Рассмотренные выше аспекты гражданской активности Фонда могут быть рассмотрены как примеры «обучающих процессов», в которых буддийские ученые принимают на себя роль «интерпретирующих сообществ», действующих в публичной сфере науки – конференции, исследовательские проекты и т. п. В равной степени и медиапродукция о традиционном буддизме, создаваемая Фондом, формирует общественное мнение о буддизме.

Анализ интервью с респондентами, вовлеченными в гражданскую активность «Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям», демонстрирует очень интересную вариацию организационного субстрата. В качестве ведущих идеациональных оснований общественно полезной деятельности в интервью также подчеркивались концепции накопления благих заслуг и бодхичитты, добровольно принятые еще в начальном этапе инициации в буддизм религиозные обязательства мирянина по поддержке укрепления российской буддийской сангхи. Но есть значимые отличия. Так, зарегистрированный в 2022 г. ФСБОИ был создан при участии научных и образовательных российских институций и финансируется из средств Министерства науки и высшего образования РФ. Признавая в качестве своего духовного авторитета Далай-ламу XIV, руководители Фонда и группа его единомышленников изначально поставили цель создания российской модели буддийского высшего образования.

«Буддизм является одной из четырех традиционных религий России. И долгое время это была единственная из традиционных конфессий, у которой не было своего легитимного, признанного государством образовательного процесса, системы образования. Буддизм в этом отношении единственная конфессия, у которой есть высшие учебные заведения на территории России – Иволгинский университет, Агинская Академия, но их дипломы не признаются, они не являются дипломами государственного образца. И человек, закончивший шестилетнее обучение в Иволгинском университете, перед государством все равно человек просто со средним образованием. Да, соответственно, с точки зрения того, что он поедет в дацан и будет там работать ламой, это не является каким-либо препятствием. Но с точки зрения его дальнейшего роста <...> если он захочет поступить на бакалавриат, или в аспирантуру, или даже если он захочет пройти ДПО, то у нас даже дополнительное образование проходят люди с высшим образованием. Поэтому этот вопрос существовал. Он решался тем способом, что те люди, которые хотели действительно получить глубокое образование, они ехали в Индию или Монголию, в основном в Индию, в Дрепунг Гоманг. В свое время, в 1990-е, обучалось до 500–600 человек из России. Куда они дальше исчезли, я не знаю. Но сейчас их всего несколько человек» (рук-во Ф-да содействия буддийскому образованию и исследованиям, сентябрь 2024).

В приведенной цитате обсуждается проблема, сложность которой была осознана среди российских буддистов лишь в постсоветский период. Речь идет о проблеме воспроизводства кадров религиозных профессионалов – буддийских специалистов, получивших традиционное религиозное образование в России. Система традиционного буддийского образования, полностью разрушенная в буддийских регионах России в советский период, требовала не одно десятилетие для своего запуска заново. Она была воссоздана в буддийских духовных образовательных учреждениях Бурятии, но фактически не была включена в систему образования России. Найденное на заре 1990-х гг. решение – отсылка буддийской молодежи на обучение в Монголию и Индию – на долгой дистанции реинституционализации буддизма оказалось проблематичным. В приведенной цитате дано подробное разъяснение правовых, социокультурных и политических составляющих комплексности этой проблемы.

Лишь часть поехавших на обучение студентов вернулись обратно в российские буддийские учреждения – кто-то остался доучиваться (традиционный образовательный цикл составляет 16–20 лет), некоторые, приняв монашескую стезю в отрочестве, позже отказались от монашества. Применительно к буддийским профессионалам, вернувшимся на родину и заступившим на религиозное служение со всей жесткостью встал вопрос о правовой легитимности полученных за рубежом дипломов о высшем религиозном образовании, религиозных ученых степенях. В измерениях российских образовательной и правовой систем их дипломы оказались не конвертируемы и не легитимны.

Согласно интервью с учредителями ФСБОИ, инициирован этот диалог был общественной инициативой снизу, сформировавшейся еще в 2010-х гг. и полностью развернувшейся лишь после многочисленных переговоров на разных уровнях этих систем. В интервью с руководителями «Фонда содействия буддийскому образованию и буддийским исследованиям» совершенно отчетливо артикулировалось, что рефлексия об этой проблеме в среде буддийской гражданской инициативы привела к пониманию необходимости выстраивания долгосрочного конструктивного диалога с представителями политической, правовой и образовательной систем российского общества.

Из интервью с непосредственными участниками проекта по формированию российской системы подготовки буддийских кадров можно заключить, что гражданская инициатива здесь состояла в опосредовании взаимных «обучающих процессов» представителей буддийской подсистемы, образовательной, юридической и политической подсистем российского общества. Буддийская гражданская инициатива была нацелена на привлечение внимания к острой проблеме необходимости реорганизации российской системы буддийского религиозного образования, ее включения в российскую систему государственного образования. Согласно интервью, результатом «протяженного периода переговоров с властями» стало создание курсов дополнительной профессиональной подготовки для буддийских профессионалов. Таким образом, ответом политической

и образовательной систем на гражданский запрос явились состоявшиеся три потока курсов ДПО на базе РУДН. Они имели своей целью формирование у буддийских российских профессионалов правовой и политической компетентности для выстраивания диалога с властями.

В контекст нашего анализа принципиально включить тот факт, что в 2021 г. были приняты изменения в Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях»¹ о необходимости правовой легитимации деятельности «священнослужителей и составляющих религиозный персонал религиозных организаций лиц», получивших образование в зарубежных духовных образовательных учреждениях. Религиозные профессионалы, которые впервые заступают на должности в структуре религиозных объединений, должны пройти обучение по программам дополнительного профессионального образования для «священников и религиозного персонала» в сфере основ государственно-конфессиональных отношений в РФ. Легитимным с правовой точки зрения будет диплом о ДПО, полученном в образовательных учреждениях, имеющих государственную аккредитацию по данному образовательному профилю и аттестацию в «руководящем органе (центре) зарегистрированной на территории РФ централизованной религиозной организации соответствующей конфессиональной принадлежности». Второе – религиозные учебные заведения, имеющие государственную аккредитацию, проводят аттестацию тех «священников и религиозный персонала», работающих в российских религиозных учреждениях, которые получили свои образовательные дипломы в зарубежных образовательных заведениях.

Осмысление указанных выше изменений в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» в среде буддийской общественной инициативы снизу привело к отчетливому пониманию политического измерения уже имевшей место рефлексии о проблеме воспроизводства и обучения буддийских кадров в России. Анализ материалов интервью с руководством Фонда позволяет говорить, что создание ФСБОИ стало результатом этой многолетней гражданской инициативы, нацеленной на формирование буддийской образовательной системы, приемлемой в правовом и политическом измерениях российского государства.

«По итогам ДПО, когда был предоставлен отчет, в котором было предложено создать такой фонд, чтобы эта работа была не от случая к случаю, как какие-то гранты или отдельные мероприятия, а была систематизирована. Дальше состоялись определенного рода переговоры с людьми из министерств, с администрацией, с духовенством. И, в общем, было решение, президентом Российской Федерации в ноябре 2021 г. был подписан указ о создании ДПО. И самое главное доложили о проведении этих курсов, их успешности, а также об обратной связи тех, кто принял участие. Они сказали, что да, это очень нужно, это очень важно и существует

¹ Полное название закона – Федеральный закон от 05.04.2021 № 68-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»». URL: <http://actual.pravo.gov.ru/content/content.html#pnun=0001202104050017> (дата обращения: 30.10.2024).

достаточно большое количество людей, священнослужителей прежде всего, которые готовы были это пройти. <...> Решение о его создании было поддержано Администрацией президента Российской Федерации, Буддистской Традиционной Сангхой Российской Федерации, ну, и Министерством науки и высшего образования. Фонд государственный, не общественный. Деньги, которые Фонд получает, это деньги Министерства науки и высшего образования. Соответственно, здесь логика следующая. В Российской Федерации существует традиционная религия и ее последователи, которые сейчас лишены возможности получать высшее образование по данному направлению именно в Российской Федерации. Фонд работает для того, чтобы предоставить им такую возможность. Государство при этом предполагает, что люди, закончившие высшее образование на территории Российской Федерации, в дальнейшем начинают работать со своим приходом, со своей паствой.

Первое направление – это открытие в светских вузах программ по буддизму, по буддологии. В двух вузах в Российской Федерации – Бурятском госуниверситете и Калмыцком госуниверситете в 2024 г. проведен набор в бакалавриат на специальности, связанные с буддизмом. В Бурятском госуниверситете – это специалитет по направлению «буддийская философия». Это позволило в Иволгинском буддийском университете совместно с БГУ открыть представительство кафедры философии. И те монахи, 12 студентов-хувараков проходят обучение на этой кафедре. Второе направление – это создание высшего учебного заведения для буддийского религиозного образования, но с легитимизацией его с точки зрения образовательной системы в Российской Федерации, подобно православным Духовным академиям в Сергиевом Посаде и Санкт-Петербурге. То есть Буддийской Академии, у которой есть лицензия, есть аккредитация, есть установленные и одобренные Министерством высшего образования программы обучения. Третье направление – работа с вузами, академическими институтами, с научным академическим сообществом, т. е. поддержка статей, исследований, публикации. Мы понимаем, что без создания серьезной научной буддологической школы невозможно создать образовательные программы, то есть нужны преподаватели, светские преподаватели, нужны исследователи, нужны переводчики квалифицированные» (рук-во Ф-да содействия буддийскому образованию и исследованиям, сентябрь 2024).

В приведенной цитате отчетливо прочерчивается долгий путь от первых попыток гражданской инициативы буддистов-мирян привлечь внимание к проблематике воспроизведения традиционного буддийского образования в реалиях современного российского общества, через создание на базе РУДН ДПО для буддийских профессионалов, через переговоры представителей гражданской инициативы с буддийскими профессионалами в регионах и вплоть до институционального принятия этой проблемы и официального политического решения о создании Фонда. Иными словами, ФСБОИ принял на себя роль «интерпретирующего сообщества», действующего в публичной сфере российского общества в качестве медиатора

между традиционным для России направлением буддизма и политической, правовой и образовательной системами. И деятельность эта разворачивается по трем основным направлениям – создание централизованной, санкционированной государством системы буддийского религиозного образования в РФ; учреждение буддийского вуза нового образца, имеющего лицензию и аккредитацию для полного образовательного цикла – специалитет и аспирантура; возвращение российской академической буддологии.

Заключение

В современном российском обществе буддизм воспроизводится в многоголосии школьных традиций и культурно-этнических пространств. В течение трех истекших десятилетий буддизм был реинституционализирован в России и в своей этнически окрашенной региональной версии буддийских регионов (Бурятия, Калмыкии и Тувы), и в современном формате религиозной традиции мультиэтнической конверсии, воспроизводимой за пределами этих регионов. Как показало проведенное авторами исследование, значимый вклад в процесс реинституционализации российского буддизма внесли гражданские инициативы отечественных буддийских НПО. В социокультурных реалиях периода «возрождения буддизма» именно буддийская общественная инициатива «снизу» опосредовала решение политико-правовых и организационных вопросов о визитах крупных буддийских учителей в российские буддийские регионы и крупные российские города, деятельности по переводу буддийских текстов, получения Прибежища (т. е. религиозного обращения, вступления в буддийскую общину – Сангху), формирования у широкой общественности знаний по основам буддийского учения. Силами буддистов-энтузиастов была осуществлена масштабная медиатизация российского буддизма и в аспекте создания бумажных и электронных медиа, и в его первичной цифровизации.

Апробированная авторами методологическая комбинация концепции постсекулярности и концепции «организационного субстрата» позволила выявить особый тип религиозно фундированных гражданских организаций – буддийских некоммерческих неправительственных организаций. Основатели и руководители Фонда «Сохраним Тибет» и «Фонда содействию буддийскому образованию и буддийским исследованиям» имеют непосредственную принадлежность к среде буддийской инициативы снизу, сформировавшейся в 1990–2000-х гг. Идеациональная составляющая организационного субстрата обоих фондов базируется на буддийской регламентации социальной деятельности. Ключевые векторы гражданской активности буддистов-мирян определяются партикуляризмом буддизма в аспекте модели распространения учения, обязательности воспроизводства традиционных ценностей через буддийское образование и регламентацию деятельности мирян и религиозных профессионалов. Фондом «Сохраним Тибет» сформированы три направления гражданской активности. Это, во-первых, создание медианиши традиционного буддизма в публичной сфере россий-

ского общества. Во-вторых, Фонд принял на себя роль медиатора между традиционным буддизмом и научной подсистемой российского общества. В-третьих, усилиями фонда постепенно отстраивается модель по переводу текстов буддийского канона на русский язык совместными усилиями отечественных буддологов, буддистов и российским буддийскими монахами, получившими долгосрочное традиционное образование.

Анализ этапов формирования ФСБОИ показал, что здесь мы соприкасаемся с классической моделью формирования сначала общественной инициативы снизу по интеграции усилий ученых, видных научных деятелей, верующих-буддистов, глав буддийских объединений по решению проблемы воспроизводства буддийских образовательных и профессиональных кадров в России. Следующим долгосрочным этапом было формирование диалога с властью по проблеме воспроизводства буддийской сангхи в социокультурных, политических и правовых контекстах РФ. Учреждение ФСБОИ стало по сути дела фиксацией результата этого долгосрочного диалога и принятия этой проблеме на институциональном уровне российских политической, правовой и образовательной систем.

Результаты представленного в настоящей статье, равно как и в предыдущей, исследования можно интерпретировать как свидетельство трансформации российского общества и государства, движения в сторону постсекулярного формата взаимодействия общественно-политических институтов и религии. Постсекулярность как методологическая рамка открывает широкие перспективы в социологическом изучении процессов изменения роли религии в обществе, включая гражданские инициативы религиозных сообществ и формирование гибридной публичной медиасферы.

Библиографический список

1. Нестеркин С. П. «Социально вовлеченный буддизм» на Западе // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6. № 4А. С. 187–193. EDN: YLJUGQ
2. Островская Е. А. Российский буддизм в оправе гражданского общества // Двадцать лет религиозной свободы в России / Под ред. А. В. Малашенко, С. Б. Филатова. М.: РОССПЭН, 2009. С. 294–328.
3. Островская Е. А., Бадмацыренов Т. Б. Стратегии буддийских сообществ в новых медиа // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 109–119. DOI: 10.31857/S013216250019277-7; EDN: GPPGQB.
4. Узланер Д. А. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М.: Ин-т Гайдара, 2020. 416 с.
5. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи / Пер. с нем. М. Б. Скуратова. М.: Весь мир, 2011. 336 с.
6. Berger J. Religious Nongovernmental Organizations: An Exploratory Analysis // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2003. Vol. 14. No. 1. P. 15–40. DOI: 10.1023/A:1022988804887.

7. Berger J. *Divine Polity: The Baha'i International Community and the United Nations*. PhD thesis. University of Kent, 2018.

8. Berger J. *Rethinking Religion and Politics in a Plural World. The Bahá'í International Community and the United Nations*. N. Y.: Bloomsbury Publishing, 2021. 224 p.

9. Ostrovskaya E., Badmatsyrenov T. et al. Russian-Speaking Digital Buddhism: Neither Cyber, nor Sangha // *Religions*. 2021. No. 12. P. 449. DOI: 10.3390/rel12060449; EDN: HKQYDO.

10. Ostrovskaya E., Badmatsyrenov T. Monks, Blogs and Three Media Cases: Russian-Speaking Buddhist Communities in the Era of Social Media // *Religions* 2024. No. 15. P. 1186. DOI: 10.3390/rel15101186; EDN: BKZGQV.

Получено редакцией: 02.09.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Островская Елена Александровна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории социологии

Бадмацыренов Тимур Баторович, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии и социологии; директор Центра социально-политических исследований «Альтернатива»

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.16

Russian Buddhism, Traditional Values and the Public Media Sphere¹

Elena A. Ostrovskaya

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

e.ostrovskaya@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-0664-1514

Timur B. Badmatsyrenov

Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, Russia

badmatsyrenovtb@bsu.ru

ORCID: 0000-0002-6363-9464

For citation: Ostrovskaya E. A., Badmatsyrenov T. B. Russian Buddhism, Traditional Values, and the Public Media Sphere. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 324–344. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.16; EDN: NYZQXB.

Abstract. This article is a continuation of the previously published study of the strategies of the Russian-speaking Buddhist community in relation to the Internet and new media and is devoted to the analysis of the public contribution of Buddhist civil initiatives. The complexity of this topic lies in its novelty and extremely weak study through the prism of sociological methodologies. Meanwhile, the transformations of Russian society in the spheres of politics, law, education and religion urgently require from sociologists both new theoretical reflections on the relevance of established research methodologies and new applied studies of the changed reality. The analytical framework of the study was a combination of the concepts of postsecular society by Jürgen Habermas and the “organisational substrate” by Julia Berger. The applied part of the study included expert interviews on the topic of civil Buddhist initiatives in the period of the 1990s-220s. and a case study of two Buddhist non-governmental organisations – the Foundation for the Preservation of Cultural and Philosophical Traditions of Tibetan Buddhism and the Foundation for

¹ **Acknowledgements.** The study was funded by RSF grant no. 24-48-03022 “Traditional Buddhism, Postsecularity and Modern Socio-Political Processes in Russia and Mongolia”.

the Promotion of Buddhist Education and Research. The conducted analysis allowed us to identify the ideational and particular components of the organisational substrate of Buddhist non-governmental organisations. The ideational component of the organisational substrate of both funds is based on the Buddhist regulation of social action as aimed at gaining good merit and bringing benefit to living beings, purification of consciousness. The key vectors of civic activity of Russian lay Buddhists are determined by the particularism of the Buddhist model of dissemination of the teaching (prohibition of missionary work, the Teaching as the Gift of preaching), doctrinal regulation of social activity of lay people and religious professionals, and a civilian model of reproduction of traditional values through Buddhist education. The organisational substrate identified by the authors allowed them to study the main areas of civic initiatives of Russian Buddhists. These, in accordance with the substrate, were the creation of a media niche of traditional Buddhism in the public sphere of Russian society; mediation of relations between traditional Buddhism and the political-legal and scientific-educational subsystems of Russian society. An analysis of the stages of institutionalisation of Buddhist non-governmental organisations showed that the first stage included the formation of a public initiative from below, the second stage covered the construction of a long-term dialogue with the authorities on the problem of reproduction of Buddhist education, and the current, third stage – the consolidation of the Buddhist sangha in the socio-cultural and political-legal context of the Russian Federation.

Keywords: postsecularism, religious nongovernmental organizations, organizational substrate, Russian Buddhism, public sphere

Refereces

1. Nesterkin S. P. Socially engaged Buddhism in the West. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke*, 2017: 6(4A): 187–193 (in Russ.). EDN: YLJUGQ.
2. Ostrovskaya E. A. Russian Buddhism in the Framework of Civil Society. In *Twenty Years of Religious Freedom in Russia*. Ed. by A. V. Malashenko, S. B. Filatov. Moscow, ROSSPEN, 2009: 294–328 (in Russ.).
3. Ostrovskaya E. A., Badmatsyrenov T. B. Russian Digital Buddhism: Strategies of Buddhist Communities in New Media. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022: 7: 109–119 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250019277-7; EDN: GPPGQB.
4. Uzlaner D. A. Post-secular turn. How to think about religion in the 21st century. Moscow, In-t Gaidara, 2020: 416 (in Russ.).
5. Habermas J. *Zwischen Naturalismus und Religion*. Philosophische Aufsätze. Transl. from Germ. by M. B. Skuratova. Moscow, Ves' mir, 2011: 336 (in Russ.).
6. Berger J. Religious Nongovernmental Organizations: An Exploratory Analysis. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2003: 14: 1: 15–40. DOI: 10.1023/A:1022988804887.
7. Berger J. *Divine Polity: The Baha'i International Community and the United Nations*. PhD thesis. University of Kent, 2018.
8. Berger J. *Rethinking Religion and Politics in a Plural World*. The Bahá'í International Community and the United Nations. New York, Bloomsbury Publishing, 2021: 224.
9. Ostrovskaya E., Badmatsyrenov T. et al. Russian-Speaking Digital Buddhism: Neither Cyber, nor Sangha. *Religions*, 2021: 12: 449. DOI: 10.3390/rel12060449; EDN: HKQYDO.
10. Ostrovskaya E., Badmatsyrenov T. Monks, Blogs and Three Media Cases: Russian-Speaking Buddhist Communities in the Era of Social Media. *Religions*, 2024: 15: 1186. DOI: 10.3390/rel15101186; EDN: BKZGQV

The article was submitted on: September 02, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Ostrovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of Sociology

Timur B. Badmatsyrenov, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science and Sociology; Director of the Center for Socio-Political Research “Alternative”

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.17

EDN: RANCDА

Особенности восприятия общественных пространств маломобильными москвичами (на примере двух городских локаций)¹

Ссылка для цитирования: Наберушкина Э. К., Судоргин О. А., Сидоренко С. В., Радченко Е. А. Особенности восприятия общественных пространств маломобильными москвичами (на примере двух городских локаций) // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 4. С. 345–367. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.17; EDN: RANCDА.

For citation: Naberushkina E. K., Sudorgin O. A., Sidorenko S. V., Radchenko E. A. Peculiarities of Public Spaces Perception by Muscovites with Limited Mobility (Based on Two Urban Locations). *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 345–367. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.17; EDN: RANCDА.

SPIN-код: 532-427

Наберушкина Эльмира Кямаловна^{1,2}

¹Финансовый университет, Москва, Россия

²Государственный университет управления, Москва, Россия

ellana777@mail.ru

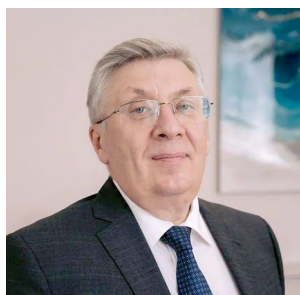

SPIN-код: 3107-2354

Судоргин Олег Анатольевич¹

¹Государственный университет управления,
Москва, Россия

sudorgin@guu.ru

SPIN-код: 5058-4938

Сидоренко Сергей Викторович¹

¹Государственный университет управления,
Москва, Россия

sidorenko@guu.ru

SPIN-код: 9972-1929

Радченко Елизавета Андреевна^{1,2}

¹Финансовый университет, Москва, Россия

²ООО «ИПСОС КОМКОН», Москва, Россия

elizabeth.1892@mail.ru

¹ Статья подготовлена в рамках гранта №1024030400060-6-5.4.1 «Синергия межпоколенческих связей как фактор укрепления семьи: разработка концепции повышения интегративного потенциала формирования традиционных семейных ценностей». Шифр научной темы FZNW-0224-0033.

Аннотация. Данная статья посвящена анализу доступности городской среды для различных групп маломобильных горожан. Город Москва рассматривается как сложное пространство, включающее в себя «старые», исторически сложившиеся и «новые», современные территории, которые при этом причем они не имеют четкой районированности и, в пределах московской кольцевой автодороги, расположены точечно либо рядом, а зачастую внутри «старых». Множество групп маломобильных москвичей сужено до инвалидов с проблемами опорно-двигательного аппарата, пожилых горожан, матерей с детьми. Основой для такого абстрагирования стали институциональные определения маломобильных граждан, содержащиеся в законах РФ. Эмпирическое исследование состоит из трех взаимодополняющих частей. Проведены стресс-тесты для пожилых горожан, позволившие выявить основные трудности с доступностью городской среды и отношение к ним. Также проанализирована доступность «старого» московского пространства на примере станции метро «Аэропорт» для пожилых людей и матерей с детьми старше пяти лет. Выявлены проблемы в запланированной и декларируемой инклюзивности нового пространства на примере парка «Зарядье». Показано, что городская среда Москвы может рассматриваться как обладающая субъектностью (в соответствии с определением Б. Латура), поскольку детерминирует жизнедеятельность маломобильных горожан. Выявлена различная приоритетность инклюзивности среды для временно и постоянно маломобильных людей, а также для разных возрастных групп.

Анализ новых пространств показал, что при современном проектировании, учитывающем требования инклюзивности, не удалось избежать препятствий для маломобильных горожан. Авторы делают вывод о необходимости широкого исследования множества различных групп постоянно и временно мобильных горожан, их интересов, приоритетов, ценностных установок и перспектив согласования этих интересов при проектировании современной городской среды, в особенности в таком сложном пространстве как московское. Как полагают авторы, полученные результаты можно будет применять как в развитии московского градостроительства, так и для разработки градостроительных принципов общего характера.

Ключевые слова: город, маломобильные горожане, инклюзивный дизайн, доступная среда, городское пространство

Введение

Пространство современного города, если только он не построен недавно «с нуля», формируется на фундаменте города «старого», развивавшегося иногда веками, и инкорпорирует наследие, созданное поколениями его жителей. В то же время это пространство включает в себя множество инноваций, среди которых: цифровизация жизнедеятельности города и горожан, высокие технологии, создающие «умную» и комфортную среду, новейшие архитектурные решения и креативный дизайн городских территорий. Современный город – это также несколько поколений горожан, и целый ряд социальных групп с весьма разными потребностями и возможностями. Среди них маломобильные (постоянно или временно) жители: пенсионеры, инвалиды, беременные женщины и многие другие. Необходимость их полноценного включения (инклюзии) в городскую жизнь и, соответственно, создание доступной, удобной для всех среды в настоя-

щее время общепризнана, а в связи с СВО – более, чем актуальна. Однако сложность и многомерность самого города, включая комбинацию «старого» и «нового» в сочетании с многообразием интересов, предпочтений, требований к городской среде со стороны населения создает целый ряд проблем, которые непросто решить. В статье представлены результаты анализа данных, полученных в ходе небольшого пилотного исследования, включающего анализ инклюзивных свойств общественных пространств условной «старой Москвы» (на примере метро «Аэропорт») и условной «новой»¹ (на примере парка Зарядье), а также стресс-тестов для пожилых горожан с целью выявления основных проблем в доступности среды и отношения к ним.

Методика исследования

Теоретико-методологический подход к исследованию инклюзивного дизайна содержится в более ранних статьях авторов, см. например [2]. Он основан на концепции социального [12] и инклюзивного дизайна [7; 8; 9], расширения инклюзивности за счет включения самых разных групп маломобильных людей [6]. Кроме того, релевантным для анализа инклюзивности городского дизайна представляется теория акторских сетей (ANT) Б. Латура [11], поскольку позволяет рассмотреть все элементы города, включая человека, как единое целое. Субъектность указанных элементов при этом равна, что важно для изучения зависимости маломобильного человека от устройства городской среды.

Круг исследуемых горожан был нами сужен до лиц с нарушением опорно-двигательного аппарата (НОДА), зрения и слуха; пожилых людей; родителей с детскими колясками. Подобный выбор обусловлен институционально, а именно нормой федерального законодательства, согласно которой к маломобильным группам населения относятся люди, испытывающие затруднения при самостоятельном передвижении, получении услуги, необходимой информации или при ориентировании в пространстве. Поэтому к данной категории могут быть отнесены и горожане с временным нарушением здоровья или иными вариантами ограничения мобильности (например, пожилые люди, беременные женщины или мамы с колясками).

Соответственно, нашими респондентами стали люди с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), матери с маленькими детьми (требующими передвижения в коляске), пенсионеры. Анализ источников, посвященных изучению и концептуализации проблем инклюзии, включая отечественные [4; 5; 1], позволил определить потребности, которые призвана удовлетворять городская среда. Они были использованы для разработки гайдов интервью в качестве критериев инклюзивности. К ним

¹ В данном случае «старый» и «новый» города – это не территориальные, а исторические, и еще в большей степени концептуальные понятия. Старый город – это построенный и обжитый до широкого распространения цифровых технологий, даже и в относительно недавнее время. Новый – комплексы городской среды, созданные с помощью цифровых решений и на основе градостроительных принципов XXI в. Поэтому участки «старого» города вполне оказаться на окраинах, а «нового» – в историческом центре, соседствуя со средневековыми постройками.

относятся: однородность инклюзии, реализация возможностей передвижения, возможность удовлетворить базовые потребности, реализация возможностей чувственного и когнитивного восприятия среды, ориентация на человека, соучаствующее проектирование.

Для сбора данных были применены следующие методы:

- глубинные интервью с лицами с ограниченными возможностями здоровья и матерями с маленькими детьми;
- стресс-тест (для выявления свойств городского пространства, в которых горожане испытывают повседневный дискомфорт);
- наблюдение (на объектах «парк Зарядье» и «станция метро «Аэропорт»);
- картографический метод (составлена карта инклюзивности зон парка «Зарядье»).

В ходе исследования было проведено 13 глубинных интервью с людьми, имеющими ограниченные возможности здоровья (ОВЗ), 10 глубинных интервью с матерями, имеющими как минимум одного ребенка, для передвижения с которым требуется коляска, а также 10 стресс-тестов с пожилыми гражданами. Отбор респондентов осуществлялся методом снежного кома.

При анализе транскриптов интервью, указанные выше критерии инклюзивности соотносились с полученными ответами, затем был проведен контент-анализ, все вместе в итоге позволило нам ранжировать критерии инклюзивности от более важного к менее важному.

Различия в восприятии критериев инклюзивности разными группами маломобильных горожан

Ранжирование позволило выявить разницу восприятия городского пространства лицами с ОВЗ и матерями с детьми. Так, первых больше волнуют вопросы социальной стигматизации, чувственного и когнитивного восприятия среды. Кроме того, инвалиды видят острую необходимость во включении их в процесс проектирования пространства (соучаствующее проектирование [3]), чего не скажешь о матерях с детьми. К соучастию в проектировании они не готовы вовсе.

Обнаруженные различия в интерпретации средовых проблем ожидаемы: респонденты с НОДА выбирали парковую аллею с «классическими лавочками», аргументируя это равенством физического положения с людьми без нарушения здоровья, матери с детьми аргументировали выбор того же варианта проекторочного решения уединенностью (вероятно, понимая, что так они смогут покормить ребенка «в приватной зоне»). Фактором, определяющим выбор респондентами тех или иных градостроительных решений, является и характер дорожного покрытия, на который обращают внимание инвалиды с НОДА.

Но особенно ярко видна разница в восприятии города у инвалидов и женщин с детьми. Определена она благодаря моделирующему вопросу, где интервьюируемому предлагалось утвердить макет инклюзивной улицы, определить главный принцип использования городской территории разными категориями маломобильных. Матери маленьких детей обращают внимание на привлекательность улицы, респонденты с ОВЗ – на возможность передвижения и безопасность.

Доступность территории напрямую предопределяет выбор инвалидами с НОДА повседневных маршрутов и посещаемых локаций, выбор места жительства. Более того, оборудованность улиц средствами, обеспечивающими их доступность, предопределяет маршруты и других категорий маломобильных горожан, но они не осознают этого. Матери с детьми и пожилые люди оказываются заложниками территорий пешей доступности из-за необорудованного транспорта или не приспособленных для них зданий, однако считают это естественным, привычным. Первые воспринимают это как закономерное «обременение» материнства, а вторые – как неизбежные последствия возраста.

Модели использования городского пространства пожилыми москвичами

Данные об опыте городской жизни пожилых людей собирались авторами методом стресс-теста, целью которого было выявить проблемы безопасности и определить характер передвижения респондентов. Так, безопасность пожилых людей рассматривалась с точки зрения нескольких параметров: отдаленность от дома; контингент окружающих их горожан; время суток (что позволяет в том числе определить роль в передвижении освещенности территории).

Нами было выделено семь поведенческих моделей, учитывающих средовой контекст и мировоззренческие установки пенсионеров:

– стратегия «мелочи жизни»: пожилые респонденты не замечают препятствий среды, считая их естественными или воспринимают любые повседневные трудности как несущественные, так как самое главное для них – жизнь и здоровье близких, они предпочитают не заикливаться на «мелочах» и радоваться жизни;

– стратегия доступного комфорта: пожилые безопасно и комфортно передвигаются по проверенным маршрутам, близким к дому (исключения составляют: поликлиника, МФЦ, которые могут находиться от него на значительном расстоянии, передвижения с детьми и внуками), там же находят себе компанию;

– стратегия «стокгольмского избегания» (по аналогии со «стокгольмским синдромом»): пожилые осознанно или неосознанно избегают локаций, доставляющих им дискомфорт, при этом не считая необходимым улучшать городскую среду, не видя в ее состоянии никакой проблемы;

- стратегия оппозиции: пожилые граждане агрессивно выступают против мер, принимаемых городом для их безопасности и организации досуга;
- стратегия самоигнорирования: пожилые считают, что есть куда более важные проблемы, чем их безопасность в городе, ведь «они уже свое пожилы»;
- стратегия настороженности к «чужим» (мигрантам или людям с девиантным поведением): пожилые чувствуют угрозу своей безопасности, если они оказываются среди пьяных или большого количества приезжих, или на темных улицах.

Перечисленные стратегии являются предметом для социологической рефлексии и обсуждения. Что стоит за оппозицией пожилых, которая в неявной форме присутствует и в других стратегиях? Действительно ли это вариант стокгольмского синдрома или возрастного консерватизма, или стремление сохранить «старое» пространство, которое может иметь для них культурную или экологическую ценность? Возможно, пожилые люди имеют право не только на доступность городской среды, но и на сохранение исторической памяти, с которой эта среда связана? Не воспринимают ли они заботу об их безопасности как ограничение своей свободы?

Инклюзивность «старого города» (на примере доступности метрополитена на станции «Аэропорт»)

Так как многие интервьюируемые указывали станцию метро «Аэропорт» как труднодоступную, мы решили замерить ее инклюзивность для пожилых людей и матерей с детьми, в данном случае в возрасте от 5-ти лет, поскольку передвижение с коляской на станции ограничено (установлены специальные знаки). Для помощи инвалидам с НОДА существуют служба мобильности, которая им помогает преодолевать барьеры, поэтому их мы не интервьюировали. Для удобства дальнейшего анализа выставлялась субъективная балльная оценка параметра: от 0 до 1, где 0 имеет наиболее негативный смысл. Далее были посчитаны средние значения по блокам (они же критерии) инклюзивности и расположены от наиболее реализованного к наименее. Полученные значения используются в качестве индексов инклюзивности.

Инклюзивность данной станции метро в целом оказалась невысокой, до максимального значения не дотянул ни один из показателей. Когнитивное восприятие среды оценивалось респондентами выше всего, но тоже не максимально (0,578). Стоит, однако, учитывать неоднозначные и достаточно противоречивые изменения дизайна информационной среды московского метро. Положительным можно считать появление отмеченного места, где потерявшийся ребенок может дожидаться родителей. Возможность удовлетворить базовые потребности оценена респондентами относительно высоко (0,525), чуть ниже – реализация возможности чув-

ственного восприятия среды (0,5). Сложнее с возможностью реализации передвижения (0,44). Нижнюю строчку занимает однородность инклюзии (0,32) и отсутствие стигматизирующих элементов (0,3).

Инклюзивность «новых» пространств (на примере парка «Зарядье»)

Еще одним объектом нашего наблюдения стал парк «Зарядье». В ходе интервью с горожанами, имеющими НОДА, задавался вопрос о построенном в 2017 г. парке «Зарядье», который должен был быть доступным для граждан всех категорий. Полученные ответы оказались неоднозначными – кому-то в парке удобно, а кто-то не рискует туда поехать, так как на деле он не такой доступный, каким заявлен.

Мы подробно изучили зоны парка и дорожки, которые к ним ведут. На основе полученных данных, используя метод картографирования, составили план инклюзивности парка «Зарядье», на котором отмечены не оборудованные пандусами ступеньки (или ступеньки с пандусом, обладающим большим углом подъема), а также крутые переходы, которые небезопасны для лиц, передвигающихся в инвалидном кресле. Также в парке есть зона, недоступная маломобильным гражданам в принципе – Стеклопанельная кора, к ней ведет множество ступенек, а внутри – крутые дорожки из гравия. Слабовидящим доступна лишь одна зона – Информационный центр «Купол».

Несмотря на кнопки вызова помощи, удобное дорожное покрытие, наличие лифтов и некоторые хорошо оборудованные для инвалидов зоны, парк «Зарядье» в принципе сложно назвать полноценно инклюзивным. К примеру, угол наклона пандусов неудобен и даже небезопасен для использования инвалидами. Есть несколько оборудованных для инвалидов точек продажи кофе, но некоторые уличные терминалы для покупки напитков и мороженого недоступны, так как слишком высоки. В гастрономический центр «Зарядье» маломобильному горожанину самостоятельно попасть возможно лишь с парковки на лифте, при этом в период наблюдения лифт находился в нерабочем состоянии. Кроме того, самостоятельно попасть в лифт представляется затруднительным: в нем тугие двойные двери и порожек. Да и в целом дорожки парка часто напоминают горки аттракционов из-за постоянной смены уровней территории и неровностей ландшафта, парк скорее холмистый, нежели равнинный. При этом стоит отметить чистоту парка (за исключением парящего моста – некоторые части стеклянного ограждения грязные и затрудняют видовые функции моста), уровень освещенности средний: чем ближе к зданиям (Купол, Концертный зал и др.), тем он выше, есть слабо освещенные зоны. Зеленые зоны, засаженные деревьями, кустами, цветами не оценивались по параметрам инклюзивности. В них в принципе не развита инфраструктура (да и не должна быть). В ресторан «Восход» и Подземный музей нам не удалось попасть вовсе. В Подземный музей можно спуститься на лифте или по некорректно оборудованной для маломобильных людей лестнице.

Таким образом, «новое» пространство не соответствует концепции инклюзивного дизайна, декларированной при его проектировании.

Выводы и перспективы

Результаты проведенного авторами пилотного исследования позволяют сделать предварительные выводы, требующие дальнейшего рассмотрения и осмысления. Как нам кажется, они могут послужить материалом для социологической дискуссии о возможностях формирования городского пространства, обеспечивающего средовое равенство маломобильных и здоровых горожан, а также равенство между поколениями.

Полученные результаты в ряде случаев противоречивы. Так, горожане с инвалидностью утверждают, что перемещаются свободно, на самом деле они заведомо составляют доступные маршруты, определяемые приспособленностью городского пространства к их потребностям. Иными словами, в полном соответствии с концепцией Б. Латура, город в данном случае является субъектом, определяющим действия горожан. Эта субъектность города ими признана. Очевидным образом такое признание касается прежде всего «старого» города, где она не просто субъектность препятствия, но и субъектность истории (по крайней мере для пожилых респондентов), субъектность городской культуры и индивидуальной памяти.

Отметим, что образ города, как мыслящего существа, и отнюдь не благожелательного по отношению к человеку, присутствует в русской классической литературе, в частности в произведениях Н. Гоголя, Ф. Достоевского, В. Маяковского, А. Блока, С. Есенина. Он, с нашей точки зрения, важен и для современной социологии, поскольку фиксирует именно восприятие города, сохраняя его в культурной традиции. Анализ этого художественного образа позволяет уловить субъектность городской среды, которая влияет на жизнь человека, в рассматриваемых здесь случаях, весьма серьезно. С нашей точки зрения, очевидно, что значимым фактором, определяющим позиции пожилых людей, являются их ценностные приоритеты. Применительно к «старому» городу они могут быть историческими и культурными.

Кроме того, проведенные авторами исследования показали, что горожане больше ощущают социальную эксклюзию, нежели пространственную. Пенсионеров больше заботит здоровье их родных и близких, чем доступность городских объектов. Мамы с детьми больше думают о потребностях ребенка, необходимости покормить его вовремя, о привлекательности города, а не о его доступности и т. п. Иными словами, для разных групп маломобильных людей более важными могут оказаться характеристики среды, связанные не с инклюзивностью, а с иными ее качествами. Или эти приоритеты и вовсе лежат в другой плоскости, а недоступность городских объектов воспринимается как досадная, но малозначительная мелочь. Более того, следует выяснить, не воспринимается ли забота о доступности и безопасности пожилых людей как ограничение их свободы, как дискриминация по возрасту и т. п.

Прослеживаются существенные различия в отношении к городской среде между горожанами с временными ограничениями мобильности и инвалидами. Люди с временными ограничениями (в данном случае,

матери с детьми и пожилые) воспринимают барьеры среды как естественное следствие своего положения и готовы соглашаться с ними. А для людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата доступность городской среды находится в числе приоритетов.

Они заинтересованы в соучаствующем проектировании, в отличие от тех, чьи затруднения временны. Представляется, что последняя группа требует дополнительных расширенных исследований. Поскольку проблемы инвалидов с НОДА актуализированы, они организованы и социально активны, для них уже найден целый ряд решений, облегчающих передвижение в городе. Тогда как временно маломобильные не столь заметны, они не формулируют требований к среде, не желают участвовать в ее проектировании. Но их проблемы не менее серьезны и точно также требуют решения.

Обеспечить доступность «старой» городской среды непростая задача. Казалось бы, проще выстроить город заново, по инклюзивному проекту, с использованием технологий «умного» города [1], однако анализ доступности парка «Зарядье» показал, что и в этом случае достичь инклюзивности не всегда удастся. Целый ряд зон и объектов парка не соответствует требованиям доступности. Подчеркнем, для инвалидов по зрению он практически недоступен, за исключением одного объекта.

В этой связи, встает вопрос о перспективах городского развития, основанного на современных, прогрессивных и инклюзивных подходах урбанистики. Действительно ли новый умный город обеспечивает комфортную жизнь всем группам горожан? В этой связи необходимо широкое исследование, во-первых, планирования городской среды, во-вторых, ее функционирования. Необходимо также выявить весь спектр социальных групп, нуждающихся в инклюзивности городского пространства, их требований к последнему, возможности сбалансировать потребности всех горожан при проектировании среды и факторы, ограничивающие инклюзию.

Не менее важной является и проблема доступности пространства старого города. В какой степени оно может стать инклюзивным? Что должно сохраняться в неизменном виде? И здесь актуализируется еще одно различие между горожанами: те, для кого пространство старого города со всей его спецификой является ценностью и те, для кого важен исключительно городской комфорт. Подчеркнем, речь в данном случае не о делении на старожилы и вновь прибывших. Различное отношение к значимости старых пространств возможно среди тех и других. По этой причине эти группы нельзя считать статистически, их анализ требует социологического исследования.

Таким образом, дизайн пространства Москвы содержит множество нерешенных проблем, которые препятствуют достижению средового равенства. Для социологов в этой связи актуальными являются задачи исследования в координатах «старый» и «новый» город, поскольку эти пространства по определению различны. «Новый» вроде бы не имеет исторического и культурного содержания, его можно строить в соответствии со всеми требованиями инклюзивности. Как отмечалось выше, исследование парка «Зарядье» наглядно продемонстрировало, что это не совсем так и дело не

только в недостаточном учете указанных требований. Помимо ошибок проекта и его реализации, есть эстетические концептуальные дизайнерские решения, которые существенно снижают доступность среды, но можно ли без них обойтись?

Соучастие в проектировании позволит предотвращать такого рода трудности, но есть и серьезный вызов самой идее соучастия. Существует множество подгрупп в обеих категориях (постоянной и временной) маломобильных горожан. У них разные требования к доступности среды, часть из них неизбежно будет противоречить друг другу. Например, требования к покрытию улиц может быть различным для инвалидов-опорников и для слабовидящих людей. Кроме того, существуют различные ценностные установки и основанные на них представления о состоянии среды не только у разных групп маломобильных граждан, но и у разных поколений. Есть еще и интересы мобильной части населения, составляющей большинство горожан. Важнейшими направлениями дальнейших исследований является анализ требований к доступности среды с точки зрения самых разных социальных групп, их интересов и ценностей, их совпадений и противоречий. Это даст возможность в итоге понять степень достижимой при нынешнем уровне технологического и цифрового развития инклюзивности сложнейшего пространства города Москвы, согласовать интересы и разработать оптимальную стратегию управления городом и проектирования его инклюзивного дизайна.

Библиографический список

1. Ильина И., Коно М. Трансформация подходов к развитию «умного города». М.: ВШЭ, 2023. 248 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2579-1; EDN: WCUQKP.

2. Наберушкина Э. К., Радченко Е. А., Мирзаева Е. Р. Инклюзивный дизайн (обзор зарубежных концепций) // Теория и практика общественного развития. 2023. № 2. С. 30–35. DOI: 10.24158/tipor.2023.2.3; EDN: CYMLVS.

3. Санофф Г. Соучаствующее проектирование. Практики общественного участия в формировании среды больших и малых городов / Пер. с англ., ред. Н. Снигирева, Д. Смирнов. Вологда: Проектная группа 8, 2015, 170 с.

4. Сети города: Люди. Технологии. Власти / Под ред. Е. Лапиной-Кратасюк, О. Запорожец, А. Возьянова; пер. с англ. К. Гусарова, А. Возьянов, О. Запорожец. М.: НЛО, 2021. 576 с. (Сер. STUDIA URBANICA). EDN: IJCYQK.

5. Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: НЛО, 2011. 520 с. EDN: UFEBBX.

6. Харви Д. Социальная справедливость и город / Пер. с англ. Е. Ю. Герасимовой. 2-е изд. М.: НЛО, 2019. 440 с. (Сер. STUDIA URBANICA). EDN: TJIFKX.

7. Clarkson J. P., Coleman R. History of Inclusive Design in the UK // *Applied Ergonomics*. 2015. Vol. 46. Iss. B. P. 235–247.
8. Clarkson P. J., Coleman R. et al. *Inclusive Design. Design for the whole population*. Springer, 2003. 624 p.
9. Imrie R., Hall P. *Inclusive design. Design and development of accessible environments*. Spon Press, 2001. 202 p.
10. Komninos N. *Smart cities and connected intelligence: platforms, ecosystems and network effects*. Routledge, 2020. 292 p. DOI: 10.4324/9780367823399.
11. Bruni A., Teli M. Reassembling the Social-An Introduction to Actor Network Theory // *Management Learning*. 2007. Vol. 38. No. 1. P. 121–125. DOI: 10.1177/1350507607073032.
12. Sommer R. *Social Design: Creating Buildings with People in Mind*. Prentice Hall Inc, 1983. 198 p.

Получено редакцией: 18.11.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Наберушкина Эльмира Кямаловна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии; директор Центра общественного здоровья и социальной инклюзии Научно-исследовательского института государственной политики и управления отраслевой экономикой

Судоргин Олег Анатольевич, доктор политических наук, доцент, директор Научно-исследовательского института государственной политики и управления отраслевой экономикой

Сидоренко Сергей Викторович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений

Радченко Елизавета Андреевна, магистрант кафедры социологии; младший исследователь

DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.17

Peculiarities of Public Spaces Perception by Muscovites with Limited Mobility (Based on Two Urban Locations)¹

Elmira K. Naberushkina

Financial University, Moscow, Russia;

State University of Management, Moscow, Russia

ellana777@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7495-231X

Oleg A. Sudorgin

State University of Management, Moscow, Russia

oa_sudorgin@guu.ru

ORCID: 0000-0001-7670-7238

¹ **Acknowledgements.** The article was prepared within the framework of Grant No. 1024030400060-6-5.4.1 “Synergy of intergenerational ties as a factor in strengthening the family: development of a concept for increasing the integrative potential of forming traditional family values. Scientific code FZNW-0224-0033.

Sergey V. Sidorenko

State University of Management, Moscow, Russia

sv_sidorenko@guu.ru

ORCID: 0009-0000-7275-6112

Elizaveta A. Radchenko

Financial University, Moscow, Russia;

IPSOS, Moscow, Russia

ORCID: 0009-0002-3455-4266

For citation: Naberushkina E. K., Sudorgin O. A., Sidorenko S. V., Radchenko E. A. Peculiarities of Public Spaces Perception by Muscovites with Limited Mobility (Based on Two Urban Locations). *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 345–367. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.17; EDN: RANCD A.

Abstract. This article analyses the accessibility of the urban environment for various groups of people with limited mobility. Moscow is considered a complex space that includes “old”, historically developed and “new”, modern territories, which, however, do not have clear zoning and, within the Moscow Ring Road, are located nearby, and often inside the “old”. Many groups of Muscovites with limited mobility are narrowed to people with disabilities with musculoskeletal problems, elderly citizens, and mothers with children. The basis for such abstraction was the institutional definitions of people with limited mobility contained in the laws of the Russian Federation. The empirical study consists of three complementary parts. Stress tests were conducted for elderly citizens, which made it possible to identify the main difficulties with the accessibility of the urban environment and attitudes towards them. The article also analyses the accessibility of the “old” Moscow space using the example of the Aeroport metro station for elderly people and mothers with children over five years old. Problems in the planned and declared inclusiveness of the new space are identified using the example of Zaryadye Park. It is shown that the urban environment of Moscow can be considered as possessing subjectivity (in accordance with the definition of B. Latour), since it determines the life of people with limited mobility. Different priorities of the inclusiveness of the environment for temporarily and permanently disabled people, as well as for different age groups, are revealed.

The analysis of new spaces showed that modern design, taking into account the requirements of inclusiveness, did not manage to avoid obstacles for people with limited mobility. The authors conclude that there is a need for a broad study of various groups of permanently and temporarily mobile citizens, of their interests, priorities, value systems and prospects for coordinating these interests in the design of a modern urban environment, especially in such a complex space as Moscow. The authors believe that the results obtained can be applied both in the development of Moscow urban planning and in the development of general urban planning principles.

Keywords: city, limited mobility, low mobility, mothers with kids, persons with disability, elderly people, inclusive design, smart city, comfort public spaces

References

1. Il'ina I., Kono M. Transformation of approaches to the development of a “smart city”. Moscow, VSHE, 2023: 248 (in Russ.). DOI: 10.17323/978-5-7598-2579-1; EDN: WCUQKP.
2. Naberushkina E. K., Radchenko E. A., Mirzaeva E. R. Inclusive design (review of foreign concepts). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2023: 2: 30–35 (in Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2023.2.3; EDN: CYMLVS.
3. Sanoff G. Participatory design. Practices of public participation in shaping the environment of large and small cities. Transl. from Engl., ed. by N. Snigirev, D. Smirnov. Vologda, Proeknaya gruppa 8, 2015: 170 (in Russ.).
4. City networks: People. Technologies. Authorities. Ed. by E. Lapina-Kratasyuk, O. Zaporozhets, A. Vozyanova; Transl. from Eng. by K. Gusarova, A. Vozyanova, O. Zaporozhets. Moscow, NLO, 2021: 576 (in Russ.). EDN: IJCYQK.
5. Trubina E. G. Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva [The City in Theory: Experiments in Understanding Space]. Moscow, NLO, 2011: 520 (in Russ.). EDN: UFEBBX.
6. Harvey D. Social Justice and the City. Transl. from Eng. by E. Yu. Gerasimova. 2nd ed. Moscow, NLO, 2019: 440 (In Russ.). EDN: TJJFKX.
7. Clarkson J. P., Coleman R. History of Inclusive Design in the UK. *Applied Ergonomics*, 2015: 46: B: 235–247.

8. Clarkson P. J., Coleman R. et al. Inclusive Design. Design for the whole population. Springer, 2003: 624.
9. Imrie R., Hall P. Inclusive design. Design and development of accessible environments. Spon Press, 2001: 202.
10. Komninou N. Smart cities and connected intelligence: platforms, ecosystems and network effects. Routledge, 2020: 292. DOI: 10.4324/9780367823399.
11. Bruni A. Teli M. Reassembling the Social-An Introduction to Actor Network Theory. *Management Learning*, 2007: 38: 1: 121–125. DOI: 10.1177/1350507607073032.
12. Sommer R. Social Design: Creating Buildings with People in Mind. Prentice Hall Inc, 1983: 198.

The article was submitted on: November 18, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elmira K. Naberushkina, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Sociology; Director of the Center for Public Health and Social Inclusion of the Research Institute for Public Policy and Management of the Sectoral Economy

Oleg A. Sudorin, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Director of the Research Institute of Public Policy and Management of Sectoral Economics

Sergey V. Sidorenko, Doctor of Economy Sciences, Professor, Professor of the Department of World Economy and International Economic Relations

Elizaveta A. Radchenko, Graduate student of the Department of Sociology; Junior researcher

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 73108 от 9 июня 2018 г.

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Ольга Владимировна Аксенова,
Полина Михайловна Козырева

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Заведующая редакцией: Анастасия Владимировна Роговая

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная верстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Журнал «Вестник Института социологии» включен
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория К1, индексируется WoS RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения
редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Вестник Института социологии» обязательна.

2024. Том. 15. № 4. Дата выхода в свет 27.12.2024.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Тел.: 8 499 125-00-79. E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <https://www.vestnik-isras.ru>